

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*Утверждено редакционно-издательским советом
университета в качестве сборника научных статей*

Самара
Издательство «Самарский университет»
2011

УДК 947
ББК 63.3(2)
П78

Научный редактор д-р пед. наук, профессор И. А. Носков

Р е д к о л л е г и я :

д-р ист. наук, проф. Э. Л. Дубман; д-р ист. наук, проф. Н. Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. В. В. Кондрашин; д-р ист. наук, проф. М. И. Роднов;
д-р ист. наук, проф. Ю. Н. Смирнов

П78 Проблемы российской и социальной истории : сборник научных статей / науч. ред. И. А. Носков. — Самара : Изд-во «Самарский университет», 2011. — 324 с.
ISBN 978-5-86465-503-0

Сборник научных статей посвящен 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Петра Серафимовича Кабытова. В нем опубликованы статьи учеников П. С. Кабытова, а также видных российских историков из академических и вузовских центров Москвы, Калининграда, Тамбова, Пензы, Уфы, Чебоксар, Саранска, Йошкар-Олы и других городов России. В сборнике освещаются проблемы, которые находятся в центре научных интересов П. С. Кабытова и историков, входящих в его научную школу.

Данное издание предназначено как для специалистов, занимающихся проблемами отечественной истории, так и для более широкого круга читателей.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-86465-503-0

© Авторы, 2011
© Самарский государственный университет, 2011
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2011

Содержание

Предисловие	5
-------------	---

Историк и время

<i>Кабытова Н.Н.</i> Петр Серафимович Кабытов: путь в науку – от студента до профессора	8
<i>Роднов М.И.</i> История российского крестьянства: взгляд Кабытова	15
<i>Сухова О.А.</i> Трагедия России: кризис политической идентичности, или Судьба последнего реформатора Империи	24
<i>Тагирова Н.Ф.</i> Историко-аграрная научная школа профессора П.С. Кабытова	30
<i>Завальный А.Н.</i> Профессор Кабытов в контексте самарской истории	44
<i>Кабытов П.С.</i> На Среднем Западе. Путевые записки	48

Историография и методология исторической науки

<i>Кознова И.Е.</i> Образы прошлого в крестьянской памяти (на материалах XX века)	58
<i>Карнишина Н.Г.</i> Пространственно-коммуникативный фактор государственности в переходные периоды истории России: методология исследования	66
<i>Леонтьева О.Б.</i> Становление классово-сословной парадигмы в отечественной мысли XIX века	72
<i>Шульгин В.Н.</i> Эпоха Столыпина: духовно-нравственная атмосфера России как фактор противодействия последнему реформатору Империи	82

История России: от позднего средневековья к новому времени

<i>Дубман Э.Л.</i> Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII–XVIII вв.	102
<i>Смирнов Ю.Н.</i> А.В. Суворов и его сослуживцы в гвардейском «сверхкомплексе» времен правления императрицы Елизаветы Петровны	116
<i>Иванов А.Г.</i> Запросы и предложения государственных крестьян Казанской губернии в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.	125
<i>Артамонова Л.М.</i> Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России)	131
<i>Белоусов С.В.</i> Пензенские дворяне в Отечественной войне 1812 года: Александр Николаевич Струйский	142

Проблемы аграрной истории

<i>Кондрашин В.В.</i> Восприятие и стратегии реагирования сельского населения России во время голода	154
--	-----

<i>Есиков С.А., Есикова М.М.</i> Крестьянский труд и аграрная культура	164
<i>Юрченков В.А.</i> Крестьянские восстания 1918 г. в уездах Мордовии	171
<i>Сенявский А.С.</i> Социальные процессы в советской деревне в контексте мобилизационной модели экономического развития	185
<i>Вербицкая О.М.</i> Коллективизация деревни в условиях становления советской мобилизационной экономики	201
<i>Сенявский А.С., Сенявская Е.С.</i> Социальная мобилизация советской деревни в период Великой Отечественной войны	208
<i>Сенявский А.С., Братченко Т.М.</i> Социальная мобилизация в восстановлении экономики села на освобожденных от оккупации территориях РСФСР: использование потенциала молодежи (1942–1950 гг.)	213
<i>Репинецкий А.И.</i> Население и власть в условиях голода 1946–1947 гг. (на материалах Куйбышевской / Самарской области)	224

Власть и общество в России: вторая половина XIX – XX вв.

<i>Любичанковский С.В.</i> Традиционные институты управления в обновленной вертикали власти империи: Оренбургский тюремный комитет в эпоху пореформенной модернизации	232
<i>Карнишин В.Ю.</i> Проекты реформ местного управления и самоуправления в позднеимперской России: восприятие провинциального общества	241
<i>Могилевский К.И.</i> Столыпин и общество: опыт взаимодействия в Совете по делам местного хозяйства	247
<i>Барина Е.П.</i> Повседневная жизнь дворянства	257
<i>Леонов М.И.</i> Конец первой Боевой организации эсеров. «Дело Богдановича»	264
<i>Кузьмин В.Ю.</i> Развитие медицинского образования в Самарском регионе (вторая половина XIX – начало XXI вв.)	274
<i>Сыпченко А.В.</i> Деятельность народных социалистов в составе Временного правительства	278
<i>Ягов О.В.</i> К вопросу о создании правовой основы для ликвидации лжекооперации в советской России в годы НЭПа (по материалам Поволжья)	283
<i>Минеева Е.К.</i> Особенности формирования и развития РСФСР как проявление национальной политики советской власти в 1920–1930-е гг.	292
<i>Матвеев М.Н.</i> Кризисы местного самоуправления России в XX веке как проявление политической включенности	304
<i>Кураятников В.Н.</i> Проблемы экономической безопасности СССР и создание «Восточной нефтяной области»	312

Предисловие

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается сборник научных статей, подготовленный к печати коллективом кафедры российской истории Самарского государственного университета. Данное издание посвящено 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Петра Серафимовича Кабытова.

Выпускник Казанского университета П.С. Кабытов более 30 лет заведует кафедрой российской истории Самарского государственного университета. Он является одним из наиболее авторитетных отечественных исследователей, занимающихся проблемами аграрной истории Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. П.С. Кабытов – автор ряда крупных работ, получивших высокую оценку научного сообщества и способствовавших формированию новых подходов к решению сложных вопросов исторической науки. По его инициативе и под его руководством были подготовлены и изданы 8-томная история Самарского Поволжья, 3-томная «Американская русистика», 5-томная «Классика самарского краеведения». Высочайший творческий потенциал, огромная работоспособность, педагогический талант и нравственная зрелость П.С. Кабытова способствовали созданию в Поволжье научной школы, получившей заслуженное признание.

В этом сборнике публикуются статьи учеников П.С. Кабытова, которые под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации, а также видных российских историков из академических и вузовских центров Москвы, Калининграда, Тамбова, Пензы, Уфы, Оренбурга, Чебоксар, Саранска, Йошкар-Олы и других городов России. В сборнике освещаются проблемы, которые находятся в центре научных интересов П.С. Кабытова и историков, входящих в его научную школу.

Книга состоит из 5 разделов: «Историк и время», «Историография и методология исторической науки», «История России: от позднего средневековья к новому времени», «Проблемы аграрной истории», «Власть и общество в России: вторая половина XIX–XX вв.»

В первом из них – «Историк и время» – опубликованы воспоминания и статьи, в которых освещен научный путь П.С. Кабытова, его вклад в изучение российской и региональной истории, активная общественная деятельность; показана стимулирующая научный поиск творческая атмосфера, созданию которой на протяжении многих десятилетий способствовал этот незаурядный человек.

Многие годы П.С. Кабытов разрабатывал вопросы аграрной истории. Его работа над этой проблематикой, неустанная деятельность по организации исследований позволили организовать научную школу и объединить творческие силы историков Самары и других городов Поволжья. Статьи, помещенные в разделе «Проблемы аграрной истории», в определенной степени отражают широкий круг интересов П.С. Кабытова.

С конца 1980-х гг. проблема «Власть и общество» заняла одно из важнейших мест в научной работе П.С. Кабытова и его учеников. Эта тематика начала активно разрабатываться аспирантами и преподавателями кафедры российской истории СамГУ. Именно поэтому в сборнике столь широко представлены статьи, посвященные этим вопросам.

Диапазон научных интересов П.С. Кабытова весьма широк. Он охватывает проблемы истории и более ранних периодов Российского государства, а также вопросы историографии и методологии истории, что и обусловило выделение в сборнике еще двух разделов «Историография и методология исторической науки» и «История России: от позднего средневековья к новому времени»,

Петр Серафимович Кабытов многое сделал для развития отечественной науки и образования. Редакционная коллегия сборника желает ему новых творческих свершений, крепкого здоровья и неустанной деятельности на историческом поприще.

Профессор И.А. Носков

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Петр Серафимович Кабытов: путь в науку – от студента до профессора

Жизненный путь человека определяется комплексом обстоятельств, сложившихся в результате внутренних потребностей личности и влияния окружающей действительности. В становлении ученого базовыми являются студенческие годы, когда простор для поиска кажется безграничным, а возможные трудности – вполне преодолимыми. В зрелые годы приходит понимание ограниченности человеческих возможностей и необходимости постоянного, упорного, кропотливого труда для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач.

П.С. Кабытов поступил в Казанский государственный университет на историко-филологический факультет по специальности «История» в 1965 г. К этому времени за его плечами был четырехлетний рабочий стаж и трехлетняя служба в армии¹. Данные обстоятельства, несомненно, выделяли его среди однокурсников (в большинстве своем вчерашних выпускников школ). Имея опыт социализации в сельской и городской, рабочей и армейской среде, потребность и склонность к получению не просто образования, а глубоких и разносторонних знаний, Петр Кабытов выбрал изучение истории как универсальной науки о человеческом обществе у всех народов во все времена. Ему было с чем сравнивать. В условиях, когда «физики – в почете, а лирики – в загоне», он три семестра проучился на вечернем отделении Альметьевского филиала Московского нефтяного института имени Губкина, но оставил его, предпочитая историческое образование в одном из старейших университетов страны.

Суть университетского образования заключается не только в приобретении базовых знаний по специальности или направлению обучения. Это, прежде всего, включение студентов в научно-исследовательский процесс. С первого курса – на лекциях и семинарах, на заседаниях научных кружков и индивидуальных консультациях – нас учили специфике работы с историческими источниками и исследованиями. Студент Кабытов всегда с энтузиазмом включался во все виды деятельности, охватывающие различные стороны университетской жизни: постоянно выступал на семинарах и научных конференциях, посещал кружки, выполнял большую общественную работу.

* © Кабытова Н.Н., 2011

Казалось бы, семинарские занятия по базовым дисциплинам – это рутинное закрепление учебного материала. Однако в университетской традиции проблемный семинар преобладает над семинаром-репети-ториумом. Это позволяет студентам не просто запоминать события и факты, а дает возможность их анализировать, синтезировать, формулировать самостоятельные выводы. На семинарских занятиях Петру Кабытову не было равных по активности. Даже если он не выступал докладчиком или рецензентом, то инициировал обсуждение дискуссионных вопросов по теме, всегда имея собственное аргументированное мнение. Все настолько к этому привыкли, что часто выбирали его в качестве третьей стороны при столкновении противоположных мнений. Иногда доходило до курьезов. Профессор Г.Н. Вульфсон был мастер по созданию неординарных ситуаций в ходе учебного процесса. Тогда он, еще будучи доцентом, читал лекционный курс по истории дореформенной России и вел семинарские занятия по общественному движению в это время. На одном из семинаров рассматривались революционные идеи и их проповедники. Одна из студенток сделала доклад под взглядами В.Г. Белинского, заученно повторяя положения советских исследователей о том, как он «неистово» боролся с крепостничеством. Доклад был правильный и скучный, обсуждать было нечего. Руководитель семинара Вульфсон (В) решил заинтриговать аудиторию, задав докладчице (Д) простой вопрос, предполагающий, однако, аргументированный ответ и различные точки зрения. Он спросил ее: «Был ли Белинский атеистом?» Докладчица недоуменно молчала – она же сказала все, что про него написано в книжках. Сокурсники ей кивали, шептали «да», но она совсем растерялась, а потом вдруг заявила: «Нет, Белинский не был атеистом». После этого между ними начался анекдотичный диалог:

– В: Попробуем выяснить этот вопрос по-другому. Скажите, а Кабытов – атеист?

– Д: Да, атеист.

– В: А я – атеист?

– Д: Нет, Вы – не атеист.

– В: Так почему же Белинский и я – не атеисты, а Кабытов – атеист?

– Д: Потому что он – хороший человек.

Вульфсон возмущенно пожимал плечами, студенты хохотали. Такая безыскусная аргументация, пожалуй, высветила главное качество П.С. Кабытова – коммуникабельность на основе уважительного отношения к людям.

Участие в научных кружках позволяло студентам конкретизировать спектр научных интересов, выбрать направление будущей специализации. Во второй половине 1960-х гг. самыми популярными кружками у историков Казанского университета были «Античный понедельник»

и «Клуб УИПД». Первый функционировал на кафедре всеобщей истории под руководством профессора А.С. Шофмана; второй, возглавляемый профессором Г.Н. Вульфсоном, знакомил с уникальными источниками, подлинными документами, приглашая к их расшифровке. Общественных объединений и форм самоорганизации студенческой молодежи в советское время было гораздо больше, чем сейчас. Некоторые из них канули в лету (партийная, комсомольская организации), другие дожили до наших дней (профсоюзы, студсоветы, студклубы, реанимированные стройотряды). Активная жизненная позиция П.С. Кабытова, естественно, привлекла внимание как студентов, так и преподавателей: его выбрали студенческим деканом истфилфака. Он стал помощником декана в организации учебно-воспитательной работы. Петр Кабытов был не просто полномочным представителем студентов на всех уровнях. Он умело защищал их интересы — это предоставление стипендии, мест в общежитии, оказание материальной помощи и моральной поддержки.

На третьем курсе у студентов-историков началась специализация, то есть подготовка по определенному профилю исторического знания: зарубежной истории, истории СССР, истории КПСС. П.С. Кабытов выбрал отечественную историю начала XX столетия, а научным руководителем — профессора И.М. Ионенко. С этого времени он стал углубленно заниматься изучением эпохи войн и революций в имперской России, стремясь к постижению феномена «русской смуты» и доказывая, что ее беспощадность была отнюдь не бессмысленной. Под руководством Ивана Михайловича Ионенко сложилась школа историков, исследовавших различные аспекты революционного процесса в Поволжье. Он был настоящим мастером, сумевший привить своим ученикам честность и принципиальность, добросовестность и ответственность в научной деятельности. Подготовив и блестяще защитив дипломную работу по теме «Советы крестьянских депутатов Поволжья в 1917 году», П.С. Кабытов выявил и обобщил новые интересные факты о специфике этих организаций и поставил ряд проблемных вопросов о стихийном и сознательном в крестьянском движении. Его выводы носили проблемно-прогностический характер. Таким образом уже на уровне выпускной квалификационной работы проявился творческий потенциал историка-исследователя.

По результатам научно-исследовательской работы П.С. Кабытов был рекомендован для поступления в аспирантуру; успешно сдав вступительные экзамены, он был зачислен в нее по кафедре истории СССР Казанского университета сразу после его окончания. Среди историков-исследователей распространено убеждение, что именно в аспирантские годы формируются теоретико-методологические принципы и источниковая база научной работы. Петр Кабытов под руководством профессора И.М. Ионенко использовал по максимуму это время для создания

оригинального, научно значимого труда. В его кандидатской диссертации по теме «Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции» рассматривались предпосылки, ход и итоги столыпинской аграрной реформы. Автору удалось не только выявить причины, способы и методы модернизации аграрных отношений в России между двумя революциями, но и показать суть конфликта между народом и властью. Как правило, корпус исторических источников, накопленных исследователем, лишь частично используется в диссертации. Над их интерпретацией, введением в научный оборот и выявлением новых, прежде всего архивных, материалов ученый-историк работает постоянно.

В 1972 г. П.С. Кабытов переезжает из Казани в воссозданный в 1969 г. Куйбышевский государственный университет, где он последовательно прошел путь ассистента, доцента, профессора, заведующего кафедрой дореволюционной отечественной истории (ныне российской истории). В конце 1972 г. он успешно защитил в Казанском университете диссертацию и был через 2 месяца утвержден в ученой степени кандидата исторических наук (такой короткий срок в те годы был исключительной редкостью). Неумная энергия молодого преподавателя была сразу же замечена. Сначала его назначили заместителем декана, а затем избрали секретарем партбюро факультета гуманитарных наук Куйбышевского университета. Было много разнообразной и ответственной работы — учебной, научной, воспитательной — не только со студентами, но и с преподавателями. Соединение на одном факультете историков, филологов и юристов постоянно вынуждало искать баланс интересов между рационалистами, романтиками и прагматиками. Поскольку в советское время КПСС действительно была «наш рулевой», секретарь ее первичной организации был в курсе всех больших и малых дел коллектива, а возникавшие в нем конфликты Петр Серафимович умел улаживать. Он находил и предлагал конструктивные решения по урегулированию межличностных отношений.

Много сил и времени занимала учебно-методическая работа. П.С. Кабытов читал курс лекций и вел семинарские занятия по русской истории с древнейших времен до конца XVIII в., отечественной историографии этого же периода, специализации, руководил курсовыми и дипломными работами студентов. Тем не менее научная работа для него всегда оставалась главной. Он расширяет круг своих научных интересов, формирует вокруг себя кружок студентов-единомышленников, погружается в изучение архивных документов по истории Самарского края. Кстати, уже тогда, постигая особенности заселения и непростую судьбу степного Заволжья, Кабытов-историк выдвинул парадигму об определяющей роли аграрных отношений в политических и социальных катаклизмах первой трети XX столетия. Попутно он обратил внима-

ние на историческую несправедливость, связанную с переименованием Самары в Куйбышев, с тем чтобы в будущем решать вопрос о возвращении городу исконного имени на научной основе. Много и плодотворно работая в центральных и местных библиотеках и архивах, выступая на научных конференциях, публикуя результаты своих исследований, П.С. Кабытов для завершения работы над докторской диссертацией в 1981 г. переводится на должность старшего научного сотрудника. После выхода в свет монографии² и ее апробации в ведущих научных центрах, в конце 1983 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Аграрные отношения в Поволжье периода империализма» в Московском педагогическом государственном университете. В ходе защиты неоднократно подчеркивался значительный вклад автора в разработку научно значимой проблемы, отмечалась оригинальность и новизна его основных положений и выводов. Уже через три месяца он был утвержден в докторской степени, а через год получил ученое звание профессора.

С 1983 г. по настоящее время П.С. Кабытов возглавляет кафедру российской истории. Сплоченный под его руководством коллектив достиг значительных успехов в учебно-методической и научно-исследовательской работе. Преподавателями кафедры было издано более пятидесяти программ, планов семинарских занятий, методических разработок. Он осуществлял научное руководство и редактирование всех этих изданий, являлся составителем программ курсов по истории России, историографии отечественной истории, методических рекомендаций по написанию дипломных работ.

П.С. Кабытов выдвинул и разработал совместно с кафедрой российской истории множество различных научно-исследовательских проектов. Во второй половине 1980-х гг. он организовал научный коллектив, исследовавший проблемы истории Самарского края с древности до наших дней. Результатом этой работы стала публикация подлинно научного, основанного на архивных источниках, трехтомного труда по истории Самарского Поволжья, выдержавшего четыре издания, переработанные и дополненные³. Материалы этих публикаций были адаптированы в учебных пособиях, предназначенных для студентов и школьников, всех интересующихся историей, географией, культурой родного края⁴. Он является соредактором и одним из авторов таких значимых изданий, как «Самарский краевед», «Краеведческие записки»⁵, «Историко-культурная энциклопедия Самарского края»⁶. По инициативе П.С. Кабытова с 1996 г. издается ежегодно общественно-политический и научный журнал «Самарский земский сборник»⁷, где он является главным редактором. Под его руководством также были созданы антологии: четырехтомная «Американская русистика»⁸ и «Классика Самарского краеведения»⁹ в пяти томах.

Исследуя закономерности и особенности исторического развития внутренних окраин Российской империи, П.С. Кабытов обратил внимание на необходимость выявления общего и особенного в системе административного управления и местного самоуправления в Поволжье. Для этого он организовал и возглавил коллектив авторов по изучению земских учреждений, администрации и городских дум в Самарской губернии. Результатом этой работы стало издание книг, посвященных деятельности Самарского земства и Самарской губернской думы¹⁰. В настоящее время под его руководством продолжается исследование губернского управления, городского и сельского самоуправления. Свой оригинальный вклад внес П.С. Кабытов в освещение личности последнего реформатора Российской империи П.А. Столыпина, опубликовав монографию о его государственной и повседневной жизни¹¹. Эта книга вызвала большой читательский интерес и была переиздана в Москве.

Особое внимание П.С. Кабытов уделяет подготовке научных кадров историков. Он умеет генерировать идеи, актуализировать проблемы, доказывать важность и необходимость исследования сложных лабиринтов исторического процесса. Кропотливо занимаясь со студентами, магистрантами, аспирантами, соискателями, Петр Серафимович вовлекает их в лабораторию историка-исследователя, учит методике и технике анализа исторических источников. Под его научным руководством защищено около 200 дипломных работ, 40 кандидатских диссертаций. Он выступил научным консультантом по докторским диссертациям П.И. Савельева, Ю.Н. Смирнова, Э.Л. Дубмана, Н.Ф. Тагировой, Л.М. Артамоновой, Е.П. Бариновой, О.Б. Леонтьевой, В.Ю. Кузьмина, А.В. Сыпченко, И.Е. Козновой, М.Н. Матвеева, С.В. Белоусова, О.А. Суховой, О.В. Ягова, В.Н. Курятникова. Доктора наук В.В. Кондрашин, М.И. Роднов, Е.К. Минеева считают П.С. Кабытова своим наставником. Среди его учеников, докторов и кандидатов наук — заведующие кафедрами, деканы, ректоры, депутат губернской думы.

П.С. Кабытов — в постоянном поиске новых тем в исторической науке, в курсе всех дискуссий по злободневным вопросам исторического процесса. Он является организатором и участником международных, всероссийских, региональных научных конференций, симпозиумов, семинаров; инициировал всероссийскую научную конференцию молодых ученых — аспирантов и студентов — «Платоновские чтения»¹². Научные труды ученого-историка отражают его вклад в изучение той или иной проблемы. Одновременно они свидетельствуют о гражданской позиции автора, так как оценка прошлого определяет отношение к настоящему и позволяет прогнозировать будущее. П.С. Кабытов опубликовал свыше 300 работ, из которых 12 монографий, 8 учебных пособий. Он подготовил

разделы и редактировал тексты 32 коллективных трудов, является автором более 250 научно-исследовательских, научно-методических и публицистических статей. Его наблюдения и аргументы интересны, познавательны, оригинальные выводы и оценки достоверны и убедительны.

Научная деятельность П.С. Кабытова, его активная и ответственная гражданская позиция отмечены многими почетными званиями, дипломами, грамотами, наградами. Он является заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным работником высшего профессионального образования России, академиком Петровской академии наук и искусств, Гуманитарной академии, лауреатом губернских премий и премии губернатора Самарской области «За выдающиеся результаты в области гуманитарных наук», почетным членом американского биографического общества, награжден медалями А.С. Пушкина и К.Д. Ушинского и множеством почетных грамот. В настоящее время П.С. Кабытов полон творческих планов. Он разрабатывает и организует научные исследования таких перспективных проблем, как: «Власть и общество в России: история взаимоотношений»; «Методология, историография, источниковедение отечественной истории»; «Историческое краеведение»; «Социокультурное пространство и история повседневности в российской провинции». Созданный им работоспособный коллектив успешно решает актуальные научные задачи, постоянно привлекая к исследовательской деятельности молодую генерацию ученых из числа студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов.

Примечания

¹ См.: Кабытов П.С. Судьба-эпоха. Самара, 2008. С. 37–78.

² Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1982.

³ История Самарского края с древнейших времен до 1917 г. Саратов, 1987; Земля Самарская. Куйбышев, 1990; Самарская летопись. Самара, 1997; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. М., 2000.

⁴ Самарская область. География и история, экономика и культура. Самара, 1996; 1998; 2001.

⁵ «Самарский краевед» и «Краеведческие записки» — неперіодические издания сборников статей по истории социокультурного пространства Самарского края.

⁶ Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Самара, 1993; 1994. Т. 1–4.

⁷ Самарский земский сборник. Общественно-политический и научный журнал. Самара, 1995–2010. № 1–19.

⁸ Американская русистика: антология. Самара, 2001–2003. Т. 1–3; М., 2005. Т. 4.

⁹ Классика Самарского краеведения. Самара, 2005–2009. Вып. 1–5.

¹⁰ Самарское земство. Опыт практической деятельности (1865–1918). Самара, 2009; Самарская губернская дума (1994–2009). Самара, 2009.

¹¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006; М., 2007.

¹² Платоновские чтения: материалы Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 1995–2010. Вып. 1–16.

*М.И. Роднов**

История российского крестьянства: взгляд Кабытова

Яркая, многогранная творческая личность обычно проявляет себя в самых разных областях деятельности, не ограничивается каким-то одним направлением. Если узкий специалист в науке «подобен флюсу», то одаренному ученому тесно в границах избранного исследовательского дискурса. В полной мере это относится к крупному российскому историку, лидеру самарской (шире – средневолжской) исторической школы Петру Серафимовичу Кабытову.

Во многом благодаря его неутомимой деятельности Самара на рубеже XX–XXI столетий превратилась в крупнейший (наряду с Екатеринбургом) центр изучения отечественной истории к востоку от Москвы. Взлет и падение научных центров зависят от многих факторов, среди которых важнейшее место принадлежит роли личности, наличию лидера, удачно сочетающего качества ученого, организатора и общественно-го деятеля. Если в 1970-е гг. гремела слава Саратова (университета), в 1980-е гг. непререкаемый авторитет был у Казани, то в 1990–2000-е гг. ни один из приволжских городов не сравнится с Самарой по количеству, масштабу, качеству и разнообразию исследований по отечественной истории (я рассматриваю только досоветский период). И значительную роль в этом, а можно сказать решающую – вспомним строчку Высоцкого: «нам вождя не доставало», сыграла исключительно плодотворная деятельность П.С. Кабытова.

Нельзя не поражаться его многообразной и продуктивной работе. Непрерывным потоком выходят различные научные труды¹, он в редколлегии великолепной антологии «Американская русистика»², возглавляет выпуск нескольких (!) обобщающих работ по истории Среднего

* © Роднов М.И., 2011

Поволжья и Самарского края³, с единомышленниками-краеведами возвращает из небытия замечательное наследие самарского краеведения XIX – начала XX вв.⁴, обращается к историко-биографической тематике⁵, в качестве главного редактора возглавляет выпуски журнала «Самарский земский сборник» и т. д. и т. п. Никогда не стоял в стороне Петр Серафимович и от реалий нашей бурной повседневности, во многом усилиями его и его сподвижников старинному русскому городу возвращено подлинное имя – Самара. А еще огромная каждодневная работа в должности первого проректора Самарского государственного университета, и отдельно необходимо отметить выдающуюся роль П.С. Кабытова в подготовке научных кадров не только для Самары, но и для всего Среднего Поволжья и Южного Урала. Целая когорта талантливых историков (Э.Л. Дубман, П.И. Савельев, Н.Ф. Тагирова, всех невозможно перечислить) начинала свой путь при отеческой поддержке Петра Серафимовича. Диссертационный совет, который он возглавляет, давно зарекомендовал себя как требовательный квалифицированный орган, выпускники которого гордо рекомендуются, что защищались в Самаре.

Но как в основе любого здания должен лежать крепкий фундамент, так и у любого историка есть своя, «особая» стезя, на которой он сформировался как личность и профессионал, любовь к которой он несет через тернии к звездам. Для Петра Серафимовича Кабытова таковой является история крестьянства.

Для потомка славного крестьянства Тамбовской губернии⁶ естественным и очевидным стал интерес к истории именно крестьянской среды, еще вчера составлявшей подавляющее большинство населения нашей Отчизны. П.С. Кабытов вошел в большую российскую историографию с циклом исследований о крестьянстве Среднего Поволжья⁷, венцом которых стала докторская диссертация (1983 г.) и уже ставшая библиографической редкостью монография «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма» (Издательство Саратовского университета, 1982).

Чтобы лучше понять особенности творческого пути П.С. Кабытова, необходимо вернуться в прошлое. Политическая «оттепель» второй половины 1950-х гг. вызвала бурный интерес к истории российского крестьянства предреволюционного периода. Здесь искали ответы на животрепещущие вопросы о причинах Октябрьской революции, особенностях социальной структуры Российской империи, из которых «проросла» вся последующая советская эпоха. Дискуссии аграрников вызывали всеобщее внимание, десятки диссертаций, монографии и конференции, возникновение профессионального сообщества (Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы) отражали острую актуальность тематики. В эту же пору в русскую литературу пришла целая плеяда писателей-«деревенщиков» (Распутин, Приставкин, Белов, Шукшин и др.),

а «хитами» кинематографа был «Председатель» с Михаилом Ульяновым и многие другие фильмы на сельскую тему. Вышедшее из деревни новое урбанизованное общество искало, спрашивало: почему мы такие, где истоки наших проблем, что унаследовали или потеряли?

Активное изучение крестьянства, сельского мира началось и в регионах, не исключая Среднее Поволжье и Южный Урал, которые веками оставались одной из житниц России, играли важнейшую роль в обеспечении продовольственной безопасности страны. Итогом стало появление в начале 1980-х гг. трех фундаментальных монографий, создавших целостную картину истории аграрного развития края: практически одновременно выходят из печати работы Ю.И. Смыкова (Казань, 1984)⁸, П.С. Кабытова (Куйбышев, 1982) и Х.Ф. Усманова (Уфа, 1981)⁹. Но путь к читателю оказался непрост.

В авторитарном советском государстве чисто научные дискуссии на политически значимую тему (предпосылки Великого Октября) не могли остаться в рамках академических споров. Исследования московского историка А.М. Анфимова¹⁰ доказывали незрелость этих самых таинственных предпосылок, убедительных фактов безоговорочного торжества капиталистических отношений в крестьянской России начала XX в. никак не находилось, что в итоге означало «подкоп» под краеугольные камни официальной теории, основанной на трудах В.И. Ленина, обозвавшего сирого российского мужичка мелким буржуем. А ежели капитализма не было в крестьянской стране, откуда же социализму взяться, и социализм ли вообще построили? Без последствий в СССР подобные взгляды остаться не могли.

Поводом для расправы над группой историков, придерживавшихся подобных взглядов (за ними утвердился наименование «новое направление»), стала конференция о многоукладности в Екатеринбурге в 1972 г.¹¹ Высшие партийные инстанции перешли к оргвыводам, удар обрушился на группу талантливых ученых (П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, М.Я. Гефтер и др.)¹². Ожесточенные споры о драматических событиях тех времен продолжают до сих пор¹³. Чтобы выжить как исследователю, остаться в исторической науке, А.М. Анфимову, на чьих трудах по аграрному строю России во многом базировались выводы «нового направления», пришлось публично покаяться, признать победу капитализма в сельском хозяйстве¹⁴. «Точка зрения о полной готовности России для перехода к социализму стала аксиоматичной и монополярной». Потом Андрей Матвеевич осудит отступничество, «прежде всего в собственных глазах»¹⁵.

Таким образом, в аграрно-исторической науке СССР 1970–1980-х гг. безоговорочно доминировала концепция академика И.Д. Ковальченко о торжестве капиталистических отношений в крестьянском и помещицком хозяйстве¹⁶, для обоснования которой широко использовались но-

вые математические методы¹⁷. Историки всей страны сели за изучение программирования, хотя большинство компьютеров тогда в глаза не видели, а математические методы стали общеобязательными как «отче наш»¹⁸.

Современному читателю нужно пояснить, что в те времена и в исторической науке существовала жесточайшая вертикаль власти. Слово московского авторитета было незыблемой истиной, в провинции только «брали под козырек». Победа школы И.Д. Ковальченко прямо повлияла на ситуацию в регионах. В 1970–1980-е гг. существенно сократились исследования по центральным русским губерниям, где до 1917 г. доминировала община и разыскать капитализм было весьма проблематично. Зато преимущество получили историки-аграрники с окраин, где действительно к началу XX в. реальностью был «американский», фермерский вариант развития. Их данные полностью согласовывались с господствующей концепцией, что привело к активным публикациям по югу России и Сибири.

В аналогичном положении оказались историки Среднего Поволжья и Южного Урала, которым, опираясь на подлинные факты существования предпринимательского (фермерско-кулацкого) хозяйства степной полосы, можно было легко подтвердить «прозорливость» столичных авторов. Но если открыть одновременно вышедшие монографии П.С. Кабытова и Х.Ф. Усманова по типологически сходным регионам, то картина будет совершенно другой. Да, оба автора признают наличие крупного крестьянского хозяйства, но одновременно они говорят об общине, о сложной, противоречивой структуре российской деревни, о неоднозначных прогрессивных и регрессивных процессах в крестьянской среде.

Здесь нужно отметить честность историков. Наши регионы (Самарская и Уфимская губернии) лежали на границе двух социально-экономических зон: традиционная община на севере и многоземельный кулацкий юг. И Кабытов, и Усманов не стали подгонять факты под доминирующую концепцию (для этого требовалось просто переставить местами материал, выдвинув в структуре монографии на первое место зажиточные южные уезды). Они оба следовали только за истиной, историческим источником, архивным и статистическим документом. А глубокое знание первоисточника — лучшее лекарство от «измов». Большую роль сыграла поддержка крупных московских историков: В.Г. Тюкавкина, А.М. Анфимова и др.

Увидевшая свет в такой непростой ситуации главная монография П.С. Кабытова (1982 г.) типологически заметно отличается от стандартов той эпохи и по своей структуре более близка к дореволюционной историографической традиции. В ней отсутствует четкий поиск доказательств зрелости капитализма (предпосылок Великого Октяб-

ря), в книге доминирует описательное повествование (за что автор подвергался критике «за фактологию»). Вообще для творчества П.С. Кабытова характерно дистанцирование от любимой и самой выигрышной тогда темы — крестьянского движения и классовой борьбы в деревне. В монографии 1982 г. вообще ни слова об этом, никаких параллелей с социальными конфликтами в Среднем Поволжье, ничего о деятельности революционного подполья. Если проанализировать язык книги, то заметно минимальное присутствие «идеологических» оборотов — эксплуатация, угнетение и прочих «правильных» терминов. Автор сознательно придерживается спокойного стиля изложения. Обращает внимание слабое цитирование автором трудов В.И. Ленина, хотя у «вождя мирового пролетариата» есть конкретное исследование по Самарской губернии!!!

В главе II («Разложение крестьянства») обязательного для каждого советского историка труда Ильича «Развитие капитализма в России» на втором месте (!) в аргументации Ленина после Таврической губернии идут «Земско-статистические данные по Самарской губернии»¹⁹. А в главе шестой «Классовое расслоение крестьянства» П.С. Кабытов, сделав в начале три дежурные сноски на Ленина, далее вообще не использует «классический» ленинский труд. Ленинские цитаты в главах монографии П.С. Кабытова использованы стандартно: в начале и конце каждого раздела.

При этом работа П.С. Кабытова достаточно современна (в понимании начала XXI в.). Она начинается с анализа демографического положения и природно-географической среды Поволжья. Автор еще не осмеливается говорить о ментальности крестьянства (это станет сюжетом следующих книг²⁰ и будет подробно раскрыто в монографии П.И. Савельева²¹), но в духе традиций В.О. Ключевского и других историков «старой школы» подводит читателя к пониманию, что природная среда и внутренние законы развития человеческой популяции (прирост, миграции и пр.) есть решающие предпосылки исторического развития, умолчав о классовой борьбе. Любопытно, что при районировании Среднего Поволжья автор опирается, кроме земских сборников, также на работу А.И. Скворцова, доселе забытого интереснейшего ученого, чьи труды вызвали жесткую критику пронароднической интеллигенции рубежа XIX—XX вв.²²

Все богатство источников раскрывается перед читателем во второй и третьей главах монографии П.С. Кабытова. Подробный анализ землеводства и землепользования, аренда, помещики, банки, землеустройство и т. д. и т. п. Итоговые статистические данные изящно дополняются конкретными фактами. Обратим внимание на принципиальный момент. Внутри главы нет подраздела о Столыпинской реформе, она показана внутри «фонарика» о землеводении и землепользовании. При всем

понимании значения Столыпинской реформы и роли личности Петра Аркадьевича²³ в работах П.С. Кабытова нет подразделов о политике государства / царизма по крестьянскому / аграрному вопросу. Кабытов-исследователь утверждает: есть объективное развитие событий, процессы порождены законами экономики (демографии, влиянием природных условий и пр.), жизнь все равно возьмет свое. Здесь также сказывалось доскональное знание автором источников — хутора в Среднем Поволжье возникли задолго до Столыпинской реформы, мудрость премьер-министра и заключалось в том, что он узаконил уже существовавшие формы собственности, облегчил, легализовал их оформление.

В третьей и четвертой главах монографии 1982 г. П.С. Кабытов погружился в основу самой крестьянской жизни — сельскохозяйственное производство (земледелие и животноводство). Наверняка автор страдал от ограниченности объема монографии, невозможности подробно рассказать о всем многообразии аграрного производства в Среднем Поволжье, максимально насыщая общегубернские данные конкретикой, живописно рисуя локальную специфику разных мест. Можно лишь догадываться, сколько собранного материала осталось «в столе».

Ключевая в книге третья глава («Зерновое производство»), с одной стороны, содержит богатейшую информацию, но, с другой стороны, выявила уязвимые стороны авторских построений, которые проистекают из масштабов исследования. Выбранные пять губерний (Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская) — это огромный край, сопоставимый с несколькими европейскими государствами. По сути, тут требуется многотомник. П.С. Кабытов в 1982 г. поднял до сих пор актуальную проблему — каковы границы, где пределы сопоставимости регионов? Общероссийские исследования во многом остаются «средней температурой по больнице», но и замыкаться в административных границах губерний / субъектов РФ, чьи рубежи часто складывались искусственно, тоже неверно. Нужны сравнительные работы, но есть ли смысл в сопоставлении Самарской и Смоленской губерний? Необходимо изучать соседние, однотипные регионы — и здесь чрезвычайно важными становятся исследования, так сказать, на среднем уровне, в пределах какой-либо естественной историко-географической общности. Заданный средневольтский масштаб в трудах П.С. Кабытова, Н.Л. Клейн и Ю.И. Смыкова в 1990-е гг. успешно продолжают П.И. Савельев и Н.Ф. Тагирова²⁴.

Однако столь обширный материал ставит проблему источников. Региональные, губернские земско-статистические данные часто несопоставимы по времени, методике, качеству. Историк вынужден искать обобщающие публикации и... сразу попадает в «среднетемпературную больницу». Автор использовал данные Центрального статистического комитета МВД, хотя и сомневался в них, поэтому привлек авторитет

И.Д. Ковальченко и А.М. Анфимова, последний однако подчеркивал, что они отражают лишь «основные тенденции» (стр. 75). И П.С. Кабытов тоже в основном оперирует тенденциями, удельным весом, соотношением. Сейчас можно сказать, что абсолютные цифры ЦСК МВД (например, о площадях посевов) необходимо уточнять по каждой губернии, но тогда подвергнуть критике этот источник, который использовал В.И. Ленин, было немислимо. Замечу, что в собственных изысканиях использовать иные источники (первичные материалы сельскохозяйственных переписей) я стал во многом под влиянием П.С. Кабытова, который сразу направил мое внимание именно на эти данные.

Для мировоззрения П.С. Кабытова, как историка-аграрника, характерна также четко выраженная «рыночность». В советской монографии 1982 г. автор при всякой возможности говорит о хлебной торговле, очень много об агрономической службе (инновациях), торговле скотом, наемном труде, сельскохозяйственных машинах. Когда читаешь эти разделы, за сухой статистикой чувствуется неподдельный интерес автора, он раскрывает перед читателем сочную палитру реальной поволжской деревни – с жатками и сеялками, шумными базарами, гомоном поволжских пристаней. В новых условиях, создавая обобщающие истории Среднего Поволжья, П.С. Кабытов уже открыто будет рисовать эти яркие образы бурного экономического подъема Самары – приволжского Нового Орлеана.

Итоговой и самой неординарной является последняя, шестая глава монографии («Классовое расслоение крестьянства»). Находясь в прокрустовом ложе методологий и небольшого объема, автор привлек интересные региональные источники, данные переписей по Симбирской и Самарской губерниям. Удельный вес сельских предпринимателей в Самарском уезде достигал в 1913 г. 25%, в пяти уездах Саратовской губернии в 1917 г. – 21% от общего числа крестьянских хозяйств (стр. 163, 167). А рядом бедная пензенская и симбирская деревня. Если примерить споры И.Д. Ковальченко и А.М. Анфимова на монографию П.С. Кабытова, то самарский (тогда куйбышевский) историк не принимает ничью сторону. Обширное Среднее Поволжье, не говоря о всей нашей бескрайней стране, настолько сложный, многогранный объект исследования, что применить какой-то единый шаблон просто невозможно. Автор в книге 1982 г. воссоздал противоречивый и яростный мир поволжской деревни, где было все: нищая патриархальная община и успешный кулак-фермер, мощная агрофирма купца-хлеботорговца и упадочная дворянская усадьба.

Монография П.С. Кабытова «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма» (Издательство Саратовского университета, 1982) по праву остается в собрании лучших отечественных трудов по аграрной

истории России рубежа XIX–XX вв. Вспоминая свои первые встречи с Петром Серафимовичем в 1987–1988 гг., всего через несколько лет после публикации монографии, я поражаюсь его новаторскому подходу, нестандартным идеям, призыву по-иному посмотреть на аграрную историю России, привлекать новые источники, только через работу с которыми можно добиться результатов. Этот завет Учителя навсегда остался за руководством к действию!

Примечания

¹ Самарская губерния: день за днем... 1901–1905 годы. Хроника событий / сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара, 2008; и др.

² Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000; и др.

³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000; Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. 2. Самара, 1993; и др.

⁴ Классика самарского краеведения: антология. Вып. 5; «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2008; и др.

⁵ Балашов Г.В., Дубман Э.Л., Кабытов П.С. Ефрем Игнатьевич Медведев – человек, ученый, педагог. Самара, 2005; А.И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П.С. Кабытова. Самара, 2008; и др.

⁶ См.: Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008.

⁷ Список научных трудов П.С. Кабытова там же: Приложение 1.

⁸ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. (Социально-экономическое исследование). М., 1984.

⁹ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981.

¹⁰ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961; Он же. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). М., 1962; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969; и др.

¹¹ Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.

¹² См.: Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. СПб., 2002.

¹³ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988; Гаврилов Д.В. «Новое направление» в исторической науке и его поклонники. Екатеринбург, 2005; Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008; др.

¹⁴ «Об аграрном строе, как известно, велась многолетняя дискуссия. Одним из ее результатов был отказ от тезиса о повсеместном преобладании полукрепостнических отношений в российской дореволюционной деревне» (Анфимов А.М., Осипова Т.В. Историографические итоги и задачи изучения истории российского крестьянства периода империализма // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978. С. 5–6).

¹⁵ Анфимов А.М. Неоконченные споры // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Вып. 2. Ч. 2: Аграрные проблемы (К 130-летию земства в России). М.; Волгоград, 1997. С. 147.

¹⁶ Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века. (По бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы исследования. М., 1988; др.

¹⁷ Под редакцией И.Д. Ковальченко вышел ряд сборников: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972; Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975; Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983; Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. «Блеск и нищета» советской клиометрии ярко видны из работы Л.И. Бородкина, аккуратно разложившего всю Россию на крестьянскую и помещичью согласно ленинским идеям, с которыми математика, естественно, выявила «одинаковые типы» (Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986. С. 94, 100).

¹⁸ Американская точка зрения: «хотя [российские] авторы верят, что они находятся на острие “современных” (modern) компьютеризованных методологий, фактически они сели на поезд, который покинул станцию “Запад” пару десятков лет назад и затем затерялся, чтобы возникнуть теперь в русских степях» (Бородкин Л.И. Квантитативная история на пороге XXI века: фазовый переход? // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании. М., 2000. С. 4.

¹⁹ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. М., 1986. С. 56–63.

²⁰ Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990.

²¹ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.

²² См.: Попова Е.В. Жизненный путь и взгляды экономиста-аграрника Александра Ивановича Скворцова (1848–1913) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2009.

²³ Кабытов П.С. П.А. Столыпин. Последний реформатор Российской империи. М., 2007.

²⁴ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999.

*О.А. Сухова**

Трагедия России: кризис политической идентичности, или Судьба последнего реформатора Империи

В 2006–2007 гг. из-под пера известного российского историка Петра Серафимовича Кабытова одна за другой выходят две монографии, посвященные анализу жизнедеятельности П.А. Столыпина¹. На первый взгляд личность «последнего реформатора Российской империи» столь же притягательна, сколько и известна, ведь при всей неоднозначности оценок первые биографии П.А. Столыпина были опубликованы в самом начале XX века². Историографический анализ работ маститого ученого позволит нам не только разобраться в мотивации авторских предпочтений, но и ответить на вопрос о существовании и недостатках «государственной культуры», о причинах кризиса политической идентичности, что нередко выступало основным фактором деструкции государственного начала в российской истории.

В свое время В.О. Ключевский так охарактеризовал одно из условий цивилизационного выбора нашей страны: «В России развилась особая привычка к новым эрам в своей жизни, склонность начинать новую жизнь с восходом солнца, забывая, что вчерашний день потонул под неизбежной тенью. Этот предрассудок – все от недостатка исторического мышления, от пренебрежения к исторической закономерности»³. И на страницах монографии П.С. Кабытова П.А. Столыпин предстает одним из тех немногих государственных мужей в нашей истории, чья деятельность является свидетельством политической воли и реформистского начала и одновременно доказательством наличия у российской бюрократии особого иммунитета к новациям и переменам. Трагедия Столыпина-реформатора в этом отношении заключалась в том, что реально именно этот политик воплощал собой уникальную возможность, последний шанс на сохранение империи, однако самодержавие им не только не воспользовалось, но и постаралось избавиться от не в меру ретивого реформатора.

* © Сухова О.А., 2011

Аргументы в пользу данной концепции мы находим и в работах М. Левина. По его мнению, воспроизводство архаичной политической культуры постепенно превратилось в проклятье российской истории, в которой правящий класс — главный оплот автократии — был паразитирующим классом, «и держать такой класс на верхушке социальной лестницы, рассчитывая получить от него достаточную социальную поддержку, было сумасшествием». В этом случае система была обречена, но самое парадоксальное, что царское прошлое продолжало оказывать влияние на современные события, причем, по словам Левина, вплоть до самого конца существования советской системы⁴. На этом фоне судьба Столыпина как Дон-Кихота самодержавия выглядит еще более трагично: его появление на политическом олимпе было закономерным явлением, обусловленным всем ходом российской модернизации, как естественная реакция политического процесса; его кончина связана с победой монархистов традиционного толка, бюрократической верхушки, погрязшей в коррупционной деятельности, главной задачей которой выступало исключительно сохранение своих привилегий и не более того.

В этом ключе необходимо признать весьма продуктивной интерпретацию деятельности премьера с позиций развития неустойчивых ситуаций и малых возмущений в историческом процессе, влияния субъективных факторов на развитие системы, представленную в трудах П.С. Кабытова⁵. Вывод уважаемого автора можно рассматривать двояко: индивидуальный опыт представителя царской администрации мог стать фактором сохранения равновесия системы, но, к сожалению, оказался невостребованным в своей среде, а с другой стороны, Столыпин предстает перед нами не просто как эффективный кризисный менеджер, но и политик, интуитивно ощущавший возможности управления деструктивными процессами. Соразмерность применения репрессивных мер, апелляция к системе патерналистских ценностей, политика лавирования, грамотно выстроенная программа поэтапного восстановления стремительно деградирующего механизма властно-политического регулирования — вот далеко не полный арсенал методов административного управления, реализуемых П.А. Столыпиным. Вызывающий негативизм оценок политика, представленный в работах В.И. Ленина («обер-вешатель», «уполномоченный или приказчик» русского благородного дворянства, «погромщик»), непроизвольно указывает на неординарность и эффективность применяемых методов, можно сказать, звучит как похвала⁶.

Одной из ключевых проблем исследования выступает вопрос о формировании мировоззрения будущего премьера. На первом плане у Столыпина, как отмечает П.С. Кабытов, «всегда стояла преданность монарху, подкрепляемая законопослушанием и прагматизмом», причем обремененная «в религиозно-мистическую оболочку»⁷. «Столыпин-естественник» пытался синтезировать новое знание, опираясь одновременно и на

теорию официальной народности, и на идеи славянофилов, в том числе и о земском государстве. На страницах монографии постепенно раскрываются причины личной драмы политика: как корневое противоречие в этом отношении следует выделить стремление соединить идею служения монархии и задачи модернизации. Романтические идеалы юности, представления о земском государстве не выдержали испытания политическими реалиями постреволюционной России: Столыпин был угоден монархическим кругам только в роли охранителя самодержавных устоев; неукротимой энергии преобразований, в том числе и на политическом поприще, ему не простили. Судьба премьера выступает блестящим аргументом в пользу одной из особенностей российской политической культуры: ревностное и искреннее служение монарху, равно как и реформаторская деятельность в среде этакратии, отвергались по причине их излишней крайности. Неблагодарное дело – проводить реформы в условиях молчаливого саботажа со стороны правящих кругов, почти кощунством в их глазах выглядел и стремление создать новую, недворянскую социальную опору власти. В разделе, посвященном ковенскому периоду жизни Столыпина, специально курсивом выделен один из выводов, присутствующих в современной американской историографии, «...В отличие от предшественников, *он активно интересовался сельским администрированием*»⁸. Таким образом, программа грядущих преобразований исподволь формировалась по мере становления мировоззрения Петра Аркадьевича. По сути дела, это интуитивно представленный в личной жизненной практике образ социальных потребностей России эпохи модернизации. Столыпин-помещик, сам того не замечая, слишком демонстративно нарушал этические приоритеты своей среды. К сожалению, ему не удалось стать тем малым возмущением, что могло привести к нарушению равновесия и трансформации системы.

Вместе с тем, как справедливо отмечает П.С. Кабытов, жизненный путь Столыпина есть свидетельство значительных подвижек в истории российской политической элиты. Просвещенный девятнадцатый век открыл широкие возможности для генерации нового поколения администраторов, позволив войти в высший свет «значительному числу образованных представителей провинциального поместного дворянства»⁹. Таким образом, университетское образование в дополнение к внутриполитическому кризису становилось условием, надеждой России на преодоление цикличности традиционализма, разрушение клановых оснований придворной среды.

Виртуозно отдельными штрихами рисует автор и портрет Столыпина-помещика, Столыпина-землевладельца. Страница за страницей перед нами предстает расчетливый, лишенный романтических иллюзий, рачительный хозяин. Возможно, это объясняется тем, что Петр Аркадь-

евич не входил в число крупных латифундистов: общая площадь его владений составляла 7450 десятин земли, часть имений была обременена долгами, и только капиталистическая организация хозяйства могла создать надежную материальную опору семье, претендующей на вхождение в высшую социальную прослойку. П.С. Кабытов справедливо отмечает, что Столыпин резко выделялся на общем фоне дворянского сообщества своей образованностью, эрудицией, глубиной подхода к организации хозяйства, знанием региональных особенностей¹⁰. Приобретенный им опыт административной работы в дополнение к вышеизложенному создавал новое качество — умение находить оптимальное и наиболее эффективное решение любых проблем в процессе управления имениями. Понятны и его интерес к хуторскому хозяйству, и попытки «привития» подобной формы организации сельскохозяйственного производства на своих землях и в стране в целом.

Анализ личной переписки П.А. Столыпина, представленный в монографии, позволяет констатировать полное отсутствие иллюзий относительно одного из компонентов системы патерналистских ценностей: мы не встречаем фиксации проявлений «отеческой» заботы (лицемерно представленной в качестве одной из традиций в эпистолярном наследии российского дворянства) по отношению к крестьянам, претендующим на его земли или выступающим их арендаторами («Мужички, кажется, большие лодыри [имение близ с. Акшино, Пензенская губ.]. К несчастью, мордва богаче и честнее. Эти последние пришли ко мне после обеда торговать Еникеевку, которую я и не думаю продавать. Это отдельный кусок в 262 десятины. Чтобы отделаться от них, я назначил 50 тысяч рублей. Они давали 30 тысяч, а потом 35. Их аппетит так разгорелся и они без этой земли до того сжаты, что я начинаю допускать возможности уплаты ими со временем 50 тысяч. Против этого я бы не устоял бы...»)¹¹ Подобные суждения убеждают нас в том, что Столыпин — действительно помещик новой формации, мотивация хозяйственной деятельности которого выстраивается исключительно на буржуазной основе, предполагающей получение максимально возможной прибыли. Перед нами энергичный, деятельный, успешный и прагматичный менеджер, а в дальнейшем — представитель новой когорты политиков — приверженцев либерально-технократической идеологии. Эволюция мировоззренческих установок Столыпина при этом очевидна. Стремление к гармонии и упорядоченности, к умиротворению революционизированного общества опиралось на весьма широкий спектр методов социальной инженерии: от убеждения и формирования нового экономического интереса до репрессий и манипуляции общественным сознанием. Вне морально-этических приоритетов оценок либерально настроенной общественности в монографии аргументированно доказана эф-

фективность подобной конвергенционной модели, совмещающей в себе, казалось бы, несовместимое: борьбу с «безвластием» и масштабные базисные реформы. Даже внесение раскола во внутриобщинные отношения в этом ключе можно рассматривать как снижение антигосударственного потенциала и переориентацию направленности крестьянского сопротивления.

К числу методологических новаций в работах П.С. Кабытова следует отнести анализ жизненных программ и сценариев индивидуального развития личности политика, осуществленного посредством применения биографического метода. Пожалуй, этот аспект следует рассматривать как становление нового направления в исторических исследованиях: политическая история в контексте истории повседневности, социальной психологии, а также гендерной истории. Описание внутрисемейного быта позволяет лучше понять многогранную мотивацию продвижения Столыпина к власти. Внешний антураж государственной службы был для него лишь «половинной жизнью», так как вел к разлуке с женой и детьми. Следует согласиться с предположением автора о тесной связи между осознанием смертельной угрозы для семейного благополучия и необходимостью скорейших преобразований российской действительности. Вслед за взрывом дачи на Аптекарском острове Столыпин-монархист, как точно и как всегда удивительно афористично отмечает П.С. Кабытов, «...прозрел еще глубже: само кровавое убийство царя-освободителя 25 лет назад — месть за его охлаждение к реформам, за его взявшее верх равнодушие к развитию России, пусть она даже непредсказуема и неблагодарна, косна и дремуча»¹².

Парадоксы российской политической системы созвучно общему строю работы переданы посредством анализа эпистолярного наследия политических деятелей рассматриваемой эпохи. Личное мужество, ясность ума и твердость характера, полная откровенность в выражении своего мнения — вот набор характеристик, что так импонировали императору при назначении П.А. Столыпина на должность министра внутренних дел, по словам В.Н. Коковцева. Спустя несколько лет все тот же Коковцев напишет, что «о Столыпине, погибшем на своем посту, через месяц после его кончины уже говорили тоном полного спокойствия, мало кто уже и вспоминал о нем, его глубокомысленно критиковали, редко кто молвил слова сострадания о его кончине»¹³. А император, по едкому замечанию С.И. Шидловского, выразит преемнику Столыпина пожелание не идти по стопам предшественника, который «постоянно хотел заслонить собой монарха». В этих словах и в приведенных в монографии сравнениях скрыта вся глубина трагедии российской истории, выраженная архаичностью политической культуры.

В заключение хотелось бы отметить целостность образа, созданного Петром Серафимовичем Кабытовым. Его Столыпин не просто ярчай-

ший пример традиционного беззаветного служения идее российской государственности, но и личное, индивидуальное выражение национального, русского восприятия и интерпретации вызовов эпохи, интуитивно-эмоциональное их переживание и выработка ответов на них посредством формирования личной жизненной программы. Остается только сожалеть, что в российской действительности силам медиации достаточно успешно противодействуют идеи традиционализации и цикличности развития.

Примечания

¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006; Второе издание монографии, исправленное и дополненное, увидело свет в столичном издательстве РОССПЭН в 2007 г.

² См., например: Изгоев А.П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912.

³ Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории: соч. в 9 томах. М., 1987. Т. 9. С. 427.

⁴ Левин М. Имеет ли прошлое значение? Какое и почему? // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития / под общ. ред. А.М. Никулина. М., 2007. С. 13–14.

⁵ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 42.

⁶ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. 2-е изд. М., 2007. С. 35.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ Там же. С. 63.

¹² Там же. С. 107.

¹³ Коковцев В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 7–8.

Историко-аграрная научная школа профессора П.С. Кабытова

Мне хочется поделиться с читателями своими воспоминаниями о работе с Учителем и размышлениями об основанной им в Самарском государственном университете историко-аграрной научной школе.

Учитель

Впервые зимой 1980–1981 гг. я переступила порог квартиры Петра Серафимовича Кабытова. Для меня, студентки-заочницы, приглашение прийти домой к преподавателю для обсуждения предполагаемой темы дипломной работы было очень большой честью. Протеже мне устроила моя подруга и староста нашей групп Алевтина Нагорнова (Суворова), которая помогла мне выйти из затруднительного положения: зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории профессор Е.И. Медведев рекомендовал мне заниматься совершенно другой темой «Солдаты Самарского гарнизона в годы первой мировой войны». Военная тема меня не интересовала, да и не любила я сюжеты истории, связанные с войнами. И тогда наша активистка-староста, удивительно легкий в общении человек, отправила меня к Петру Серафимовичу, которому рассказала о моих переживаниях по поводу неинтересной темы. При первой же встрече Петр Серафимович предложил мне заниматься историей помещичьего хозяйства. Темой, которая меня просто испугала, даже больше, чем про солдат. По его рекомендации я отправилась в областную библиотеку читать материалы всесоюзной дискуссии начала 1960-х гг. об уровне развития аграрного капитализма. Прочитала и испугалась еще больше: все казалось очень сложным, неясным и было таким далеким от событий начала 1980-х годов. Честно призналась П.С. Кабытову, на что он ответил: «Видишь, как интересно».

После этого и состоялся мой поход домой к Петру Серафимовичу, где был обстоятельный разговор, длившийся более часа. Петр Серафимович рассказывал мне об «аграрном вопросе», как я теперь понимаю, вводил в тему. Сам он в это время готовил к печати свою монографию «Аграрные отношения в Поволжье в период империализма», которая стала основой его докторской диссертации¹. Много хороших слов во время той встречи сказал о своем первом ученике Петре Ивановиче Савельеве, который к тому времени завершал работу над кандидатской диссертацией о помещичьем хозяйстве Самарской губернии порефор-

* © Тагирова Н.Ф., 2011

менного периода. Работоспособность, кропотливость в труде, стремление к овладению математическими методами исследования — качества, которые отметил учитель в своем ученике, мне запомнились. Так я стала заниматься аграрной историей. Постепенно, общаясь с П.С. Кабытовым, П.И. Савельевым, который читал у нас к тому времени лекции по истории России XIX века, я продвигалась в своем понимании аграрной проблематики и темы дипломной работы. В июне 1983 г. дипломная работа «Помещичье хозяйство Уфимской губернии в начале XX вв.» была защищена мной на оценку «отлично» в Самарском государственном университете. А применением в работе методов корреляционного анализа, не скрою, я тогда гордилась. Появился и интерес к аграрным вопросам.

Позже, в 1985 г., Петр Серафимович пригласил меня поступать в заочную аспирантуру, где я углубляла изучение темы, пытаюсь определить специфику помещичьего хозяйства юго-востока Европейской России. В 1989 г. на эту тему мной была защищена кандидатская диссертация в Куйбышевском государственном педагогическом университете. Мои контакты с учителем стали реже, но не прекратились совсем. П.С. Кабытов в это время очень активно занимался общественной деятельностью, о чем подробно написал в своих воспоминаниях².

Защита диссертации открыла мне дорогу для работы на кафедре экономической истории Куйбышевского планового института. Кафедрой тогда заведовала доктор исторических наук, профессор Нелла Львовна Клейн, известный экономический историк Поволжья, к тому же еще и замечательная женщина, общение с которой более 15 лет дало мне многое. Так случилось, что дипломная работа, кандидатская диссертация, обе по аграрным вопросам, легли в основу изучения экономической истории, которой занимаюсь уже несколько десятилетий.

В середине 1990-х, когда в стране кардинально изменилась социально-политическая и экономическая ситуация, когда заботы о семье, родных, работе в непростых условиях реформирования занимали все время и мысли без остатка, неожиданно прозвучал телефонный звонок учителя. Он говорил о необходимости писать докторскую диссертацию и предлагал новую тему «Хлебный рынок Поволжья во второй половине XIX — начале XX вв.» И опять было страшно и боязно, и опять интересно, оттого, что так много неизвестного и дискуссионного. В 1996 г. я уволилась из планового института, потупив в докторантуру к П.С. Кабытову. В феврале 2000 г. защитила в Московском независимом институте социальных и национальных проблем докторскую диссертацию на тему «Хлебный рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX вв.)». Учитель был рядом. Он приехал ко мне на защиту, хотя, будучи первым проректором Самарского госуниверситета, был чрезвычайно занят. После защиты докторской вернулась на свою родную кафедру экономической истории.

Будучи бесконечно благодарной своему Учителю, размышляю не только о его человеческих качествах, отношении к людям, но и о его свойствах организатора научной работы.

Я обозначила только канву своих взаимоотношений с Петром Серафимовичем. А за те годы, что я периодически навещала его в университете или дома, консультировалась или советовалась при возникавших трудностях, он, помимо общественной, преподавательской и административной работы, собственных научных изысканий, вырастил целую плеяду ученых, исследовательские интересы которых в разной степени связаны с аграрной проблематикой. В основе кандидатских диссертаций — идеи и сюжеты, обозначенные в монографиях основателя школы. По сути, в эти годы в Самарском (Куйбышевском) государственном университете формировалась историко-аграрная научная школа.

Аграрное направление в исторической науке

Аграрная история — удивительная, захватывающая и в то же время драматичная, иногда трагическая, часть истории нашей Родины. Кто-то из историков пошутил: российскому сельскому хозяйству не повезло в жизни, зато повезло в науке. Действительно, исторических работ на эту тему не счесть. И много дискуссионных вопросов. Их истоки уходят еще в XIX век, когда обозначились два противоположных направления в оценке судеб российского капитализма, выраженное легальными народниками (В. Воронцов, Н. Даниельсон), с одной стороны, и молодыми марксистами (В.И. Ленин, П.Б. Струве) — с другой. Главным спорным вопросом была степень развития капитализма, которая оценивалась на основе изучения ведущих способов производства в деревне.

В первые десятилетия XX в. талантливая плеяда экономистов создала новое направление в аграрной мысли — организационно-производственное, сочетавшее в себе экономико-математический подход, точное знание особенностей сельскохозяйственного производства и рынка, организации крестьянского хозяйства и крестьянской психологии (А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров)³. Естественный ход развития этого направления аграрной мысли был прерван в начале 1930-х гг. После разгрома знаменитой конференции аграрников-марксистов (1930 г.) имена ученых этого направления были преданы забвению, сами они репрессированы.

Новое поколение советских историков в середине XX в. вновь обратилось к спорным вопросам аграрного развития. Всесоюзная дискуссия «Об особенностях аграрного строя России в период империализма», материалы которой были опубликованы в 1962 г., разделила историков. Два главных оппозиционных мнения представляли Андрей Матвеевич Анфимов и Сергей Митрофанович Дубровский, позже Иван Дмитрие-

вич Ковальченко. Споры велись в контексте изучения объективных социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции⁴. Главные их аспекты были связаны с анализом форм и методов ведения хозяйства. Дискуссия предопределила долгий, не всегда мирный, но плодотворный и разноплановый научный интерес к изучению аграрного строя Российской империи. При всем ее позитивном значении, она все-таки велась вокруг той или иной трактовки положений работ В.И. Ленина.

Прорывом в теме стала книга известного историка Андрея Матвеевича Анфимова о помещичьем хозяйстве, где были намечены самые разные пути и направления в изучении этой темы. Работа оказала серьезное влияние на всех, кто занимался аграрной проблематикой⁵.

В следующее десятилетие, в 1970 — начале 1980-х гг. были опубликованы многочисленные работы, в которых рассматривалась общая ситуация в деревне (Н.М. Дружинин, А.С. Нифонтов)⁶, изучалось помещичье и крестьянское хозяйства (А.М. Анфимов, И.Д. Ковальченко, Б.М. Литваков, В.Н. Литув, Н.Б. Селунская, Т.Л. Моисеенко, Л.П. Минарик, А.С. Нифонтов, М.М. Островский, Х.Ф. Усманов, Л.М. Архипова, Д.И. Будаев, Л.М. Горюшкин, Н.В. Елисеева, П.С. Кабытов, Н.Л. Клейн, Ю.И. Смыков, П.И. Савельев, Н.И. Булатова, М.И. Роднов). Вехой было издание в 1969 г. монографии А.М. Анфимова по помещичьему хозяйству, где оно впервые было представлено как сложный и многообразный организм.

В 1972 г. в ходе всероссийской конференции (г. Свердловск) зародилась новая научная дискуссия о многоукладности экономики страны в начале XX в. В силу административных запретов концепция многоукладности хозяйства не получила дальнейшего развития, так как не вписывалась в общее русло обоснования закономерности социалистической революции в России. Вновь пострадали ее активные защитники (К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер). Они остались живы, но долгие годы были отлучены от науки.

Тем не менее размах тем в рамках аграрной проблематики в 1970-е гг. расширился: началось изучение сельскохозяйственного и ипотечного кредита и его роли в поддержке сельскохозяйственного производства (А.П. Корелин, Ю.Л. Райский, Н.А. Проскуракова). Отдельное направление составили работы, связанные с анализом процесса формирования и развития рынка и рыночных отношений, влияния на него государственной политики и хозяйственной конъюнктуры (И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, Т.М. Китанина, Б.Н. Миронов, Л.А. Авакова, Н.А. Егиазарова, Т.Ф. Измествьева, Н.С. Хамитбаева, В.Н. Ратушняк). В меньшей степени, хотя также плодотворно исследовались реформы, прежде всего по отмене крепостного права и П.А. Столыпина.

В связи с анализом помещичьего, а затем и крестьянского хозяйства были апробированы впервые математические методы и математические модели, определявшие степень их капитализации⁷. Сохранялся и главный подход в изучении деревни — организация производства, обеспеченность крестьянского и помещичьего хозяйств средствами труда, землепользование и землевладение. На этой основе исследовалась степень имущественной и социальной (классовой) дифференциации крестьянства.

Важной вехой в изучении темы стала монография И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова по проблемам формирования всероссийского аграрного рынка с использованием методов количественного анализа⁸. Иной ракурс аграрных проблем позже, уже в 1990-е гг., был представлен Л.В. Миловым, который, рассматривая эволюцию крестьянской жизни, сформулировал и особенности исторического процесса в России в целом⁹.

Советская аграрная историография дала мощный толчок развитию разнообразных методик исследования, среди которых прежде всего математическое моделирование, способствовала формированию новых научных школ и направлений, оформлению собственных научных институциональных форм — аграрных симпозиумов и конференций. В научный оборот были введены разнообразные источники — сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., в том числе первичные материалы, документы по оценке помещичьего и крестьянского хозяйств государственных Дворянского и Крестьянского земельных банков, статистка урожаев, движения землевладения, многочисленные земские источники.

Хотя сегодня, несмотря на значительное продвижение в изучении тенденций развития российской деревни, выявлении специфики и факторов функционирования помещичьего и крестьянского хозяйств, общая оценка уровня социально-экономического строя накануне 1917 г. остается разной. «Генералы этой войны» (выражение А.М. Анфимова) остались при своем мнении. А.М. Анфимов в последней работе «Неоконченные дискуссии» отмечал, что капиталистические отношения в российской деревне не имели преобладающего значения вплоть до 1917 г.¹⁰ И.Д. Ковальченко фиксировал наличие сложившихся капиталистических отношений на товарном рынке уже в 1880-е гг., тогда как рынки земли и рабочей силы находились в стадии формирования к 1917 г.¹¹

На противоречивость суждений немалое воздействие оказывало и многообразие сельской жизни в разных частях огромной Российской империи. Региональность как тип аграрного развития была признана характерной чертой России рубежа XIX–XX вв. (И.Д. Ковальченко, Л.И. Бородкин, П.И. Савельев).

В отдельных регионах изучение особенностей аграрного развития велось особенно активно. На основе региональных исследований иногда возникали научные направления. Самарская научная школа, возглавляемая профессором П.С. Кабытовым, — одна из них.

Самарская историко-аграрная школа

Размышляя о причинах зарождения именно аграрной школы в Самарском госуниверситете, обратилась с этим вопросом к Петру Серафимовичу. Он начал издавека, с детства: «17 лет жил в глухой деревне. Я видел эту жизнь, участвовал в ней с 6–7 лет». Затем университет. В библиотеке университета, рассматривая издания Вольного экономического общества, Казанского отделения ВЭО, студенту запомнились не только научные изыскания, но и изображения плужков, серпов, сох, других сельскохозяйственных орудий, которые он помнил из своего детства. «Поэтика крестьянской жизни» – так говорит он о деревне.

Очень многое дало общение с Иваном Михайловичем Ионенко, профессором Казанского университета. П.С. Кабытов вспоминает, что учитель мог часами рассказывать о крестьянской жизни, крестьянской общине, особенностях ее бытования в татарской, чувашской, марийской или мордовской деревне. Эти рассказы не могли не оставить следа в памяти внимательного студента.

Тогда же, в студенческие годы в библиотеке университета были прочитаны работы А.В. Чаянова, «ставшие открытием», как говорит сам Петр Серафимович. Работы запрещенных авторов (А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н.Челинцева) хранились в библиотеке! Конечно, ими мало кто интересовался тогда, да и фамилии-то были под запретом. После прочтения этих работ пытливого студента уже не могло удовлетворить упрощенное толкование аграрного вопроса в учебной литературе, где главные акценты были сделаны на социальных вопросах и классовой борьбе в деревне. Вот насколько лично П.С. Кабытовым воспринималась ситуация в исторической науке того времени: «Ленинская схема классового расслоения крестьянства – как зубная боль!»

Когда приехал в Куйбышев (Самару), существовала неудовлетворенность тем, как представлена в научной литературе 1950–1970-х гг. поволжская деревня дореволюционной России. Однобокие подходы, где господствовали идеи краткого курса истории ВКП(б), ленинская схема классового расслоения крестьянства. Стал готовить докторскую диссертацию.

Теперь по аграрным вопросам им написано множество научных статей, издано несколько монографий и учебных пособий. Изучение аграрной истории дало возможность выйти на изучение колонизации и хозяйственного освоения всего Поволжья на протяжении XVI – начала XX вв.

Научная школа стала складываться в 1980-е. Тогда для молодых историков, входивших в науку и сразу попадавших в дискуссионное поле аграрной проблематики, где велись настоящие баталии, изначально устанавливалась довольно высокая планка, задавался высокий уровень исследований: надо было обязательно иметь собственное мнение по

дискуссионным вопросам, а его можно было сформулировать лишь после основательного изучения массива разноплановых источников, желательно проанализированных с использованием современных методов обработки.

Главные проблемы, рассмотренные в рамках историко-аграрной темы, – история крестьянства, помещичье хозяйство, союзы и объединения крестьян, помещиков, политические воззрения дворянства, другие сюжеты.

История крестьянства рассматривается в работах самого П.С. Кабытова. Прежде всего, это диссертационные исследования. Кандидатская диссертация посвящена изучению крестьянского землепользования в условиях реализации реформы П.А. Столыпина. Ученого интересовала судьба участкового землепользования, реакция крестьянской общины на попытки ее разрушения.

В докторской диссертации, посвященной анализу аграрных отношений в Поволжье в начале XX в., автор рассмотрел широкий круг вопросов, связанных с землевладением, землепользованием в поволжской деревне, проанализировал агрономическую систему, зерновое и животноводческое производство, трудовые взаимоотношения. Это не легкое чтение. Была создана широкая картина разнообразных процессов, происходивших в деревне в начале XX в. Монография по этой теме (1982 г.), написанная на основе диссертации, полна многочисленных фактов, статистических сведений. Все они могут и активно используются последующими разработчиками разнообразных тем, связанных с аграрными вопросами. Особенность книги – возможность воспользоваться приведенными статистическими данными, сравнить со своими и пойти дальше в разработке своей темы. Так можно сказать далеко не о всех работах, часто бывает, что опубликованные данные или расчеты доказывают какую-либо мысль автора, но воспользоваться ими для дальнейшей разработки другим исследователям невозможно из-за того, что цифры даны в относительных величинах.

В последующих работах П.С. Кабытова проанализированы социальные отношения в деревне, социально-психологические особенности крестьянства, крестьянская ментальность¹². Отдельные фрагменты этой темы на материалах Мордовии рассмотрены в кандидатской диссертации С.Б. Летуновского¹³.

Первый аспирант, а затем и докторант П.И. Савельев в монографии рассмотрел пути формирования аграрного капитализма в более ранний период, начиная с XIX в.¹⁴ Он пришел к выводу о существовании в поволжской деревне особого пути аграрной эволюции (не прусского, не американского, а русского), проявлявшегося в укреплении крестьянского трудового хозяйства. Особенностью его исследования явилось описание трансформации крестьянского хозяйства на фоне перемен, про-

исходивших в помещичьих имениях, обустроивавших жизнь после реформы 1861 г. Исследование доведено до 1880-х гг., дальнейшая эволюция еще нуждается в изучении.

В монографии Петр Иванович Савельев представил подробный обзор историографии по аграрному вопросу, охарактеризовал истоки разных типологических научных концепций, впервые после долгого забвения ввел в науку идеи организационно-производственной аграрной школы А.В. Чаянова. Высокую оценку труду ученика дал учитель¹⁵. Различные аспекты существования крестьянского хозяйства, поведение крестьян в годы революционного и военного лихолетья 1917–1920 гг. рассматриваются в работах Н.Н. Кабытовой, Н.А. Курскова, В.В. Тулякова¹⁶, А.Г. Рамазанова¹⁷.

Помещичье хозяйство в советской историографии долгое время изучалось в контексте вызревания социально-экономических предпосылок в деревне для социалистической революции. В связи с этим историки бились над вопросом: развитым ли был капитализм в сельском хозяйстве России в начале XX в.? Самарские историки, изучавшие организацию помещичьего хозяйства в Среднем Поволжье и на Южном Урале, находились, безусловно, под влиянием этих главных трендов. П.И. Савельев в кандидатской диссертации рассмотрел эволюцию помещичьего хозяйства Среднего Поволжья в пореформенный период¹⁸, Н.Ф. Амирова – юго-востока Европейской России в начале XX в.¹⁹ В обеих работах были реализованы новые на тот момент подходы: для определения уровня социально-экономического развития помещичьего хозяйства применен метод корреляционного анализа, позволявший установить взаимосвязь между такими параметрами, как стоимость инвентаря, рабочего скота, расходы на рабочую силу, и размерами полеводческого и животноводческого хозяйства. В результате проведенных исследований были выявлены различия в организации хозяйства в степной зоне, где помещиков было мало, но уровень капиталистических отношений высок, и лесостепной зоне, где традиционные способы жизни были более укоренены. При этом показано разнообразие внутренней организации в помещичьих имениях, в целом ее приспособленность к природно-климатическим условиям местности, ориентация на рынок, хотя и на отдельных операциях (вспашка, сенокосные работы) сохранялись архаичные отношения между помещиками и крестьянами.

В исследованиях о помещичьем хозяйстве было намечено и начато изучение еще одной интересной темы – формирование рынка на земле, ипотечное кредитование, использование помещиками банковских кредитов. Все эти операции имели значительное распространение в регионе, особенно в степном крае. Активным участником этих процессов выступало купечество. Исследование этой стороны деревенской жизни было возможным, благодаря использованию массовых источников –

поверочных и оценочных описаний дворянских хозяйств, кредитовавшихся в Дворянском банке и его Самарском отделении. Эти документы сохранены в Государственном архиве Самарской области, благодаря определению их ценности и информативности П.С. Кабытовым.

Экономическая история деревни выводила исследователей и на новые пласты изучения темы. С одной стороны, это политические ориентиры земельных собственников, их социальная активность. С другой — это экономические связи и организация рынка в Поволжье²⁰.

Разнообразные вопросы темы, связанной с изучением политических организаций дворянства, их правосознания, были рассмотрены в диссертационных исследованиях учеников П.С. Кабытова — О.А. Курсевой²¹, Е.П. Бариновой²², З.М. Кобозевой²³, Г.А. Третьяковой²⁴, О.П. Пеньковой²⁵, Н.М. Селиверстовой²⁶. Особенность этого направления — выход за пределы Поволжского региона, всероссийский охват темы, большой исторический период времени — с середины XIX в. до 1917 г.

Общественная и хозяйственная деятельность поволжского земства также стала предметом рассмотрения в рамках историко-аграрной школы (Н.А. Арнольдов, Т.В. Каратаева)²⁷.

Аграрная проблематика явилась, думается, объединяющей основой многих исследователей Поволжья, напрямую не связанных с ней. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова в своих работах рассмотрели различные стороны заселения Заволжья, провинциальной жизни региона в XVI—XVIII вв. В докторской диссертации Э.Л. Дубмана²⁸ глубоко исследована начальная стадия хозяйственного освоения Понизового Поволжья, корни формирования аграрной экономики. Автор рассмотрел предпринимательскую деятельность частных лиц, монастырей в условиях феодальной экономики начиная со второй половины XVI в.

В другом временном направлении — в XX в. — социальные аспекты поведения сельского населения в революционные бури 1901—1922 гг. рассматриваются в работах пензенского историка О.А. Суховой²⁹.

Расширение проблематики и разветвление направлений исследований историков-аграрников постепенно привело к изучению социально-психологических, ментальных особенностей разных слоев населения. Тем самым историко-аграрная проблематика постепенно сочеталась с исследованиями в контексте другой научной проблемы «Власть и общество», которая стала развиваться уже в 1990—2000-е гг.

Итак, за прошедшие тридцать лет (1980—2010) в стенах Самарского государственного университета выполнена целая серия научных исследований, посвященных анализу аграрного развития Поволжского региона на протяжении XVI — начала XX вв. Наши современные знания об аграрной истории края существенно обогатились за это время. Мы имеем представление о том, как шло заселение и хозяйственное освоение края, какими были способы жизни и хозяйствования в поволжской де-

ревне, как регион был экономически связан с Российской империей, о чем думали и как пытались преобразовать, улучшить свою жизнь крестьяне, помещики, представители других сословий, живших на протяжении столетий на волжской земле. Исследователями установлено, что степень проникновения рыночных отношений в российскую деревню в начале XX в. была достаточно высокой, сельскохозяйственное производство основных зерновых культур (пшеница, рожь, овес, ячмень) подчинялось рынку. Поволжская деревня, благодаря созданной транспортной, торговой инфраструктуре, втягивалась в мировой рынок. При этом сохранялись значительные различия в уровне и формах капитализации крестьянских и помещичьих хозяйств в зависимости от региона, климата и плодородия почвы, плотности населения, исторических условий, определяемых еще положениями реформ по отмене крепостного права разных категорий крестьянства. Однако эта многогранная и многоаспектная эволюция в направлении рынка еще не изменила крестьянской психологии, «хозяйственного этоса» сельского населения. Уникальный регион Поволжья продолжает оставаться внутренней окраиной, несмотря на развитие железных дорог и рыночной инфраструктуры. Экономика изменялась быстрее, чем ментальность населения, остающаяся по сути провинциальной.

Таковы, на мой взгляд, главные научные результаты самарской историко-аграрной научной школы. Ее отличают широта исследуемых тем и ракурсов (производственно-экономические, социально-психологические, общественно-политические аспекты аграрного развития). Школа формировалась как поволжская, однако по мере изучения социально-политических тем вышла на общероссийский уровень изучения и обобщения. Исследования проведены на широком временном интервале, начиная с XVI в., что позволило выявить главные направления эволюции региона и поволжской деревни, особенности каждого этапа.

В каком случае возможно говорить о научной школе? Думаю, что научная школа — это группа исследователей, продолжительное время последовательно работающая над одной или несколькими научными проблемами. Эти люди могут лично и не знать друг друга. Объединяет их глава научной школы, главный модератор и координатор. Это учитель, умеющий увлечь и поставить перед учениками задачи, которые постепенно, по мере решения, шаг за шагом, выстраиваются в общую научную концепцию.

Как легко написать эти слова — увлечь, поставить задачи, решить, выстроить общую концепцию. И как сложно и долго они реализуются в действительности.

Слово Учителю: «Аграрная тематика не терпит суеты. Исследователю надо изучить законодательство, большое количество разнообразных источников, делопроизводственную документацию, часто содержащую

разрозненные цифровые данные. Надо учиться использовать математические методы для их обработки. Историк, освоивший математику, часто впадает в эйфорию. Сами по себе математические методы, превратившиеся одно время в модное поветрие, многое формализуют в историческом процессе. Хороши они в том случае, когда дают возможность увидеть связи между экономическими явлениями и процессами».

Как подбирать людей? П.С. Кабытов: «Надо посмотреть человеку в глаза. Узнать, что его интересует».

Надо найти людей и создать условия, чтобы они освоили исследовательский инструментарий. Самарская аграрная школа создавала такие условия. Для молодых исследователей важна сама возможность опубликовать первые научные опусы. Под научным руководством и редакторством П.С. Кабытова издавались и издаются межвузовские сборники научных трудов, «Самарский земский сборник», другие научные и научно-популярные журналы.

Еще одна сторона жизни научной школы – это общение с коллегами, приглашение их участвовать в работе диссертационных советов, в издаваемых журналах. Притяжение самарской земли, безусловно, испытали на себе аграрные историки других городов России. В 2006 г. в Самаре была организована по инициативе П.С. Кабытова IX межрегиональная, ставшая I Всероссийской, научно-практическая конференция историков-аграрников Среднего Поволжья «Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований»³⁰. Этот факт сам по себе показателен. Во-первых, конференция подхватывала эстафету аграрных симпозиумов 1970-х гг.; во-вторых, выводила аграрную проблематику на всесоюзный уровень, обозначая новый виток дискуссий, исследовательских тем. И это в период угасания научного интереса к аграрной теме в 1990–2000-е гг.; в-третьих, конференция не была «чистой наукой». Участники имели возможность ознакомиться с реальным положением дел в аграрно-промышленном комплексе Богатовского района Самарской области, где проходило одно из заседаний. В этом событии, тщательно организованном, с изданным сборником научных материалов конференции, как и во всем другом, проглядывает облик его руководителя – П.С. Кабытова.

Задумываясь о том, как рождалась и развивалась историко-аграрная научная школа П.С. Кабытова, прихожу к заключению, что в определенный момент времени на историческом факультете Самарского государственного университета «счастливи соединились» многие факторы и условия, определившие рождение школы. Фактор внешний – эпоха. Середина 1950–1960-е гг. определенный период развития исторической науки, с ее колоритной вузовской профессурой, академическими научными дискуссиями, вопросами, которые уже можно было задавать, хотя бы самому себе. Об этом поведал П.С. Кабытов в своих воспоминани-

ях³¹. В эту эпоху в стенах Казанского университета вырос профессиональный историк. В Самару он приехал сформировавшимся исследователем, имевшим четкие интересы в области аграрной истории (прежде всего). Его неугасаемый интерес к аграрной истории проявился в постоянном ее изучении, расширении тематики. Одна из недавних работ, посвященная П.А. Столыпину, последнему реформатору Российской империи, уже выдержала два издания³².

В 1970-е, когда на всесоюзном уровне научные дискуссии были фактически свернуты, в различных городах Поволжья с 1976 г. стали регулярно созываться симпозиумы историков-аграрников. «Гражданские историки», как они тогда себя называли, отделяясь от «партийных историков» (историков КПСС), изучали частные сюжеты хозяйственной эволюции, социально-экономические отношения. По существу, в Поволжье в 1970 – начале 1980-х сформировалась питательная среда для исследования аграрной истории, определилась группа ученых, занимавшихся близкой проблематикой, разбиравшихся в тонкостях хозяйствования крестьян и помещиков, экономической конъюнктуре, тенденциях промышленного развития и торговли, которые были совершенно немодны (незлободневны) в тот период развития исторической науки (П.С. Кабытов, Ю.И. Смыков, Н.С. Хамитбаева, Л.М. Свердлова, Н.Л. Клейн, П.И. Савельв и др.).

Фактор второй – личность. П.С. Кабытов, развиваясь сам, умеет увлечь за собой и других. На волжской «плодородной исследовательской ниве» и выросла историко-аграрная школа. Ее основателем и «главным садоводом» стал П.С. Кабытов, имеющий не только научно-исследовательский дар и трудолюбие, но и большой организаторский талант, умение притягивать к себе и увлекать за собой в трудном научном поиске молодых ученых.

В конце XX – начале XXI вв. интерес к аграрной проблематике в российской исторической науке снизился. Другие темы и сюжеты привлекают внимание историков. Это нормально. Новая волна интереса должна еще сформироваться. Важно то, что новое поколение историков-аграрников сможет опереться на мощную традицию, заложенную предыдущими поколениями, изучить сделанное и пойти дальше, развивая лучшие традиции российской аграрной истории, в том числе Самарской историко-аграрной научной школы.

Примечания

¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1982.

² Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008. С. 251–292.

³ Российские экономические школы / под ред. Ю.В. Яковца. М., 2003. С. 112.; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России XVIII–XX вв. М., 1995.

⁴ Тарновский К.Н. Проблемы социально-экономической истории России. Начало XX века. М., 1990

⁵ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство России в конце XIX–начале XX в. М., 1969.

⁶ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1981–1880- гг. М.: Наука, 1978; Нифонтов А.С. Зерновое производство в Европейской России (статистика урожая). М., 1974.

⁷ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.Н. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (источники и методы изучения). М., 1982.

⁸ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII–начало XX вв.: Опыт количественного анализа. М., 1974 .

⁹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

¹⁰ Анфимов А.М. Неоконченные споры // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России: сборник научных трудов. Вып. 2. Часть 2: Проблемы макрорегулирования (К 130-летию земства в России). М.; Волгоград, 1997. С. 152.

¹¹ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII–начало XX вв.: Опыт количественного анализа. М., 1974; Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX вв. М.: РОС-СПЭН, 2004.

¹² Кабытов П., Козлов В., Литвак Б. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Кабытов П.С. Социально-психологические аспекты классовой борьбы крестьянства в начале XX века: учебное пособие. Куйбышев, 1988.

¹³ Летуновский С.Б. Общественное сознание крестьянства Мордовии конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995.

¹⁴ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России XIX в. На материалах Поволжья. Самара, 1994.

¹⁵ Кабытов П.С. К 50-летию юбилею доктора исторических наук, профессора Савельева Петра Ивановича // Кабытов П.С. Записки историка. Часть 3. Самара, 2006. С. 57–61.

¹⁶ Туляков В.В. Организация, состав и деятельность комбедов Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986.

¹⁷ Рамазанова А.Г. Правосознание российского крестьянства в революционную эпоху: на материалах Самаро-Симбирского Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995

¹⁸ Савельев П.И. Помещичье хозяйство Самарской губернии 1861–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1983.

¹⁹ Амирова Н.Ф. (Тагилова Н.Ф.) Помещичье хозяйство юго-востока Европейской России в период империализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989.

- ²⁰ Тагирова Н.Ф. Хлебный рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- ²¹ Курсеева О.А. Поместное дворянство Среднего Поволжья в конце XIX–начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1985.
- ²² Баринаева Е.П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара, 2002; Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006.
- ²³ Кобозева З.М. Поместное дворянство Центрально-промышленного района в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1995.
- ²⁴ Третьякова Г.А. Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах Центрально-земледельческого района и Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990.
- ²⁵ Пенькова О.П. Дворянство Тамбовской губернии (1861–1906 гг.). Самара, 2003.
- ²⁶ Селиверстова Н.М. Дворянство Среднего Поволжья в 50–60-х гг. XIX в. Куйбышев, 1994.
- ²⁷ Арнольдов Н.А. Самарское земство в конце XIX – в начале XX века (80-е годы XIX в. – 1904 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990; Каратеева Т.В. Земства Среднего Поволжья в начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1994.
- ²⁸ Дубман Э.Л. Церковно-монастырские феодалы Симбирско-Самарского Поволжья в XVII – начале XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1986; Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2000.
- ²⁹ Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1901–1922. По материалам Среднего Поволжья: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007.
- ³⁰ Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: IX межрегиональная (I Всероссийская) научно-практическая конференция историков-аграрников Среднего Поволжья. 12–13 мая 2006 года. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007.
- ³¹ Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара, 2008. С. 97–150.
- ³² Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006; М., 2008. 2-е изд.

Профессор Кабытов в контексте самарской истории

Петр Алабин и Петр Кабытов

Долгие годы об Алабине знали немногие, хотя о его жизни и деятельности напоминают замечательные общественные сооружения периода, когда он был городским головой, фундаментальные труды и даже названия улиц. Стара-Загора стала побратимом Самары, ибо в бою под болгарским городом получило боевое крещение знаменитое Самарское знамя, инициатором которого был П.В. Алабин. Обо всем этом и многом другом Петр Серафимович Кабытов рассказал в своей книге «Легендарный самарец». Она была первой книгой, посвященной Алабину. Да и само ее название прочно вошло в оборот и уже много лет ассоциируется только с именем Алабина.

Книга появилась в 1990 году, а через два года П.С. Кабытов предложил начальнику областного управления культуры С.П. Хумарьян объявить в Самарской области Год Алабина. Светлана Петровна оценила возможность подобной акции, и 1993 год стал Годом Алабина. Это был действительно прорыв, когда практически все учреждения культуры и образования были задействованы в масштабных мероприятиях краеведческого характера. Затем последовали еще четыре тематических года, сделав «Самарскую культурную пятилетку» удивительным феноменом российского масштаба. Петр Серафимович, как член оргкомитета этих «годов», постоянно участвовал в обсуждении и разработке концепций, выступал на конференциях и торжественных мероприятиях, активно разъяснял в средствах массовой информации необходимость возвращения из небытия ярких страниц самарской истории.

Принципиальным считал П.С. Кабытов присвоение П.В. Алабину звания почетного гражданина города. В силу ряда причин легендарный самарец не получил звания при жизни, и Петр Серафимович смог убедить общественность и городскую администрацию в том, что это нужно сделать сейчас, отдав тем самым дань уважения выдающемуся земляку. В 2010 году Петр Владимирович Алабин стал почетным гражданином города, который он беззаветно любил.

А еще П.С. Кабытов смог осуществить и другую заветную мечту. Он добился, что в Самаре наконец появилась улица Алабина.

* © Завальный А.Н., 2011

Иначе не выживем

Это произошло в 1988 году на торжественном открытии областного отделения Советского фонда культуры. Выступавшие говорили приветственные слова, все шло, как и положено в таких случаях. И вдруг зал замер. После того, как П.С. Кабытов сказал: «И надо подумать, как вернуть городу его историческое имя – Самара».

Сейчас уже трудно представить, какое яростное сопротивление встретила эта инициатива у партийных и советских чиновников, да и значительной части жителей, подвергавшихся многолетней идеологической проработке. Петр Серафимович участвовал в различных дискуссиях, круглых столах, выступал в организациях, на радио, по телевидению, вместе с единомышленниками создал общественный комитет «Самара».

Разоблачая миф о стойком большевике Куйбышеве, Кабытов объяснял: «Разве можно так называть человека, дважды дезертировавшего из Самары во время наступления чехословацких легионеров! Да и дело не только в фигуре Куйбышева. Мы говорим о возвращении несправедливо отнятого у города имени!»

Однажды во время открытого эфира на телевидении Кабытова спросили: «А что? После переименования нам дадут колбасы?» Петр Серафимович еле сдержал себя: «А, кроме колбасы, вам в жизни больше ничего не нужно? Вам все равно, в каком обществе будут жить ваши дети? Станут они гордиться тысячелетней историей Отечества или будут только повторять имена двух десятков большевистских вождей, заливших полстраны кровью невинных людей?»

25 января 1991 года Самара вернулась на карту России. «Со Ставрополем-на-Волге так быстро не пройдет», – сокрушался П.С. Кабытов. И он не ошибся. Имя итальянского коммуниста, навязанное городу в 1964 году, до сих пор не отпускает от себя жителей Автограда. Петр Серафимович ездил в Тольятти, общался с гражданами, депутатами, журналистами. Он понял, что до тех пор, пока руководство города не займет четкую, патриотическую позицию, быть ставропольчанам тольяттинцами.

Петр Серафимович поставил свою подпись под обращением к жителям волжского города Энгельса с просьбой вернуть историческое имя Покровск...

Консерватизм российской глубинки, косность и безразличие населения только свидетельствуют о том, как нужны стране люди, подобные П.С. Кабытову. Он смог, преодолевая заостреннейшие взгляды, донести до тысяч людей понимание того, что без культуры и духовности мы не выживем, как великий народ.

Когда возвращается герб

В 1998 году губернатор создал комиссию по разработке региональной символики. В нее вошли историки, краеведы, чиновники разных

уровней. И почти сразу же развернулись шумные споры: каким быть губернскому гербу? Что только не предлагалось! И какие-то старинные молоточки с красной лентой, и атрибуты современного промышленного производства. И нужно было разъяснять и разъяснять членам комиссии, почему необходимо вернуться к старому самарскому гербу и возродить его со всеми атрибутами, каждый из которых нес свою символическую нагрузку.

Петр Серафимович не только получил поддержку почти всех историков, входивших в комиссию, но и смог найти понимание у многих представителей власти. Сложнее было, когда рассматривались (уже в городской комиссии) варианты городского герба.

– Вернуть козу?

– Да, козу, – настойчиво убеждал Кабытов. – Не мы ее дали городу, не нам ее и отвергать. Это более чем двухвековой символ города. Города, который вырос в привольных волжских степях. И коза на гербе вполне закономерна.

– И что же, и корону восстановить?

– Да, восстановить.

На корону у большинства членов городской комиссии духу тогда не хватило. Ее, после неоднократных напоминаний Кабытова, восстановили лишь через шесть лет.

В очередной раз Петру Серафимовичу удалось доказать необходимость возвращения к истокам, он никогда не сомневался, что, постигая многовековой исторический опыт нашего народа, мы научимся решать проблемы во всех сферах жизни.

– Обратите внимание на герб Тольятти, – говорил Кабытов. – Несколько вариантов перебрали, вместо того чтобы вернуться к старому гербу. И от этого ощущение какого-то неустройства и в городской геральдике, и в самой жизни. Вернут имя городу, тогда, возможно, вернется и герб.

Прав был Петр Серафимович

Городская топонимическая комиссия – особая комиссия. Здесь принимаются решения о наименовании новых улиц и площадей и возвращении исторических названий, утраченных в советскую эпоху, во время повального увековечивания в Самаре имен «борцов революции и героев гражданской войны».

Практически все важные решения комиссии последних лет были приняты при участии Петра Серафимовича. Причем во многих случаях приходилось довольно яростно спорить, доказывая необходимость того или иного выбора. Однажды, когда шла речь об увековечении памяти видных самарских и российских деятелей науки, Кабытов не выдержал. Не получив поддержки большинства, он резко встал:

– Я не понимаю, откуда такое неприятие имен тех, благодаря кому город стал научным центром, тех, кто является славой и гордостью отечественной науки, культуры.

И вышел. После некоторого замешательства вопрос снова поставили на голосование. Без Кабытова. Но он победил! Те, кто был против, стыдливо проголосовали «за».

Широкий кругозор историка-профессионала помогает Петру Серафимовичу принимать безошибочные решения, и он твердо отстаивает свою точку зрения, даже если она кардинально расходится с точкой зрения городского руководства. Несколько лет назад возникла идея переименовать Безымянку в Королев посад. Идея получила поддержку городских властей, и кое-кто из членов топонимической комиссии уже готовился проголосовать «за».

– Да вы что? – возмутился Кабытов. – Безымянка вошла в историю города! Важнейшие события тылового Куйбышева связаны с этим именем! Ни в коем случае! Категорически нельзя терять название Безымянки! Самарцы нам этого не простят.

В результате Безымянка осталась, а спустя некоторое время колебавшиеся члены комиссии покаянно покачивали головами: «Да, конечно, прав был Петр Серафимович».

«История у нас трагична»

– Я много лет занимаюсь изучением русского крестьянства. И могла Россия каждый раз подниматься после потрясений только благодаря нашему мужику. Не нужно говорить о кулацком восстании в губернии в 1919 году. Это была настоящая война, «Чапанная война» крестьян против большевистского террора и реквизиций, насилия и лжи. Пора поставить памятник ее жертвам и мученикам, павшим от рук карателей.

Эти слова П.С. Кабытова неоднозначно были восприняты на одной из конференций с участием высокопоставленных чиновников.

А через несколько дней Петр Серафимович встретился с приехавшим в наш город А.И. Солженицыным. В ходе двухчасовой прогулки они говорили обо всем – и о земской идее, и о трагедии крестьянства в гражданской войне, и о будущем России. Споров не было, был разговор двух единомышленников, двух людей, которые прекрасно понимали друг друга. Потом Петр Серафимович вместе с двумя членами Самарского земского движения написал Солженицыну большое письмо, и писатель обстоятельно ответил на вопросы, утвердив Петра Серафимовича в правильности предпринятых им шагов по восстановлению исторической правды и традиционных начал русской жизни.

П.С. Кабытов пишет многочисленные статьи о гражданской войне, выпускает вместе со своей супругой-соратником и другом книгу о крестьянских восстаниях, готовит сборники документов, редактирует пер-

вую бесстрастную и объективную трехтомную историю родного края – «Самарскую летопись», которая вскоре переиздается в Москве...

Как-то довелось услышать: «Кабытов слишком любит эсеров». Да, наверное, в этом есть доля истины. Он с симпатией относится к партии, которая отстаивала интересы крестьянства и до конца была верна русскому мужику. Но П.С. Кабытов с огромным уважением пишет о П.А. Столыпине, реформы которого тоже были направлены на поддержку русского земледельца. И это трагическое переплетение судеб, идей, поступков людей, желавших, каждый по-своему, блага для народа, неизменно привлекало и привлекает внимание Петра Серафимовича Кабытова – ученого и общественного деятеля. Человека, понимающего всю трагичность нашей истории и убежденного, что в Самаре должен быть памятник жертвам «Чапанной войны».

*П.С. Кабытов**

На Среднем Западе. Путевые записки

Мистический зачин

В феврале 2000 года мне опять представилась возможность поехать в США. На сей раз речь шла о работе по гранту «По социальной работе». Инициатором выступал Игорь Александрович Носков, тогда он был ректором СИПКРО и установил прочные связи с Южно-Иллинойским университетом. Предполагались обмен студентами и преподавателями, проведение совместных конференций и создание учебных пособий. В нашу делегацию входили Элеонора Александровна Куруленко, Игорь Александрович Носков и две сотрудницы СИПКРО. Одна из них, Наташа, окончила СамГУ, прекрасно знала английский и была нашим переводчиком. Именно с Наташей связана первая из мистических историй, которые буквально сопровождали нас всю эту поездку. По пути в аэропорт мы должны были «захватить» девушек, и вот эту самую Наташу мы просто не могли найти в условленном месте. Кружили по кольцу Мехзавода, останавливались, но ее не было. Оказалось, что она спокойно стояла возле церкви и ждала нас там. Поскольку самолет прилетел в Москву ночью, мы поселились в гостинице аэропорта Шереметьево. Все бы ничего, но начальник отдела международных отношений СамГУ Алексей Владимирович Нечаев придумал вручить копию флага Самары мэру Сент-Луиса или представителям городского сообщества. Утром я должен был встретить этот флаг, но, кто его привезет, не знал. И вот

* © Кабытов П.С., 2011

ранним утром я стоял в зале аэропорта и встречал рейс из Самары. По лицу, конечно, трудно было угадать, кто же привез с собой наш флаг, поэтому я просто положился на случай. И это было правильно: последний пассажир оказался тем самым загадочным незнакомцем. У него был сверток с флагом, и эта почти шпионская история закончилась благополучно.

Париж — всегда Париж!

Наконец, все члены делегации встретились, сели в самолет, и мы вылетели в Париж. Да, сначала нас ждала встреча с этим прекрасным городом. Огромный аэропорт Шарль де Голль. Чтобы попасть в терминал, нужно сесть на автобус «Шаттл», причем все делать очень быстро — на пересадку у нас оставалось всего сорок минут. И пока мы искали нужный терминал и напряженно всматривались в телевизионные таблоиды, вот счастье, мы узнали, что наш самолет улетает от терминала № 3. Преодолев все препятствия, спешим сесть на автобус и вот наконец подъезжаем к терминалу. Все-таки попав буквально чудом на регистрацию, мы узнали, что наш самолет уже улетает. И второго чуда сегодня не произошло — он улетел, а мы остались. Служащие заметили нашу растерянность, смятение и быстро разрешили проблему. Им, на наше счастье, абсолютно невыгодно держать таких вот потерянных пассажиров у себя, поэтому через переводчика Жан-Поля, быстро уловив суть, отправили нас другим рейсом в Вашингтон. И хотя мы опоздали по своей вине, никаких санкций, штрафов, даже упреков не было! Итак, счастливые, мы сели в самолет, наши дамы благоухали совсем по-парижски и были прямо на седьмом небе!

Видимо, эта наша поездка была запланирована самой судьбой: в Вашингтоне всего-то за полтора часа мы пересели на самолет в Чикаго. Это была удача, да еще какая! Сидим в самолете, усталые, но довольные. Час сидим, второй. Самолет наш уже почистили антифризом, а мы все не взлетаем. Что такое? Выяснилось, что в день инаугурации в небе не должно быть ни одного самолета. Естественно, сегодня был день инаугурации президента Буша. Но вот взлетели...

Аэропорт О'Хара в Чикаго — нечто грандиозное. Единственное сравнение, которое просится, — пирамида Хеопса, причем не в пользу пирамиды. И что самое удивительное — мы там ни разу не потерялись, не запутались, мы просто ходили по следам. Сейчас подобная практика распространена в любом самарском молле, а тогда мы увидели впервые, как это работает: следы с надписями указывают дорогу в нужном направлении, так что наша делегация благополучно не заблудилась.

Университетская демократия

Прилетели мы поздно, а все рейсы в Сент-Луис – утренние. Пришлось поселиться в гостинице, причем половину стоимости оплатила компания. Утром мы выехали в аэропорт и вылетели в Сент-Луис. А там почти сутки нас ждал Иван Николов. Он возглавлял департамент международных отношений и поддерживал связи в университетах. Типичный болгарин с живыми черными глазами, очень благожелательный, он помог нам в эту поездку познакомиться с университетской жизнью США, узнать порядки и традиции. В Сент-Луисе он посадил нас в восьмиместный микроавтобус, кажется, американский «форд», и наша дорога, как выяснилось, продолжилась. Целью долгого пути был город Карбондель. Здесь живут всего 70 тысяч человек, причем 30 тысяч из них – студенты. Южно-Иллинойский университет – достаточно старый вуз с интересной историей. В парке колледжа я обратил внимание на несколько казарм и удивился. Как оказалось, казармы в 1945 году выделила армия США: университет испытывал недостаток в помещениях и эти казармы решали проблему. В них до сих пор ведется учебный процесс, выглядят они очень презентабельно и не вызывают неприятных ассоциаций.

Нас поселили в местном общежитии. Его владельцы – очень интересная супружеская пара: он – типичный ирландец с выдающимся подбородком, она – уроженка Парагвая. Его явно тяготила излишняя опека жены, поэтому мы не раз ловили его заинтересованный взгляд на молодых студентках. Джефф был владельцем общежития, но при этом был еще и почти воспитателем студентов. Он возил их на каток, устраивал спортивные соревнования, всегда интересовался здоровьем, учебой. Вообще был очень отзывчивым и внимательным человеком.

Встреча с президентом университета прошла довольно официально, но, памятуя наше сидение в аэропорту «по вине» президента Буша, мы поинтересовались, каково его влияние, изменятся ли отношения с Россией? Игорь Александрович тогда активно занимался политическими проблемами, и мнение простых американцев было ему особенно интересно. Наши американские коллеги симпатизировали демократической партии, но, тем не менее, поддерживали политику Буша и одобряли ее.

Мы узнали, что у президента университета множество обязанностей, но самая главная – продвигать университет в обществе. Это действительно очень важно, ведь успешная работа университета напрямую зависит от тех связей, которые он устанавливает с различными общественными институтами. Сам же университет может не только исследовать проблемы общества, но и помогает их решать. У президента тесные связи с правительством, Конгрессом США, и среди сенаторов существует так называемое университетское лобби. Если говорить конкретнее, президент разрабатывает стратегию университета, а ректор, в свою

очередь, реализует эти программы по развитию вуза. Кроме того, в университете существует студенческое правительство, причем его позиции достаточно сильны. Так, например, нам рассказали, что в Южно-Иллинойском университете одно время читал лекции Михаил Горбачев, но уехал в Японию, не вычитав весь курс. А когда благополучно вернулся, именно студенческое правительство отказалось от его лекций. Еще один пример университетской демократии: стать профессором университета, приехав из другого вуза, здесь сложно, необходимо пройти своеобразные испытания. Мне даже кажется, что это напоминает инициацию: профессора «оценивают» все — департамент образования, ректор, кафедра и даже студенты. Им он должен провести пробную лекцию, при этом его оценивают и как профессионала, и как человека — его коммуникативность, умение находить общий язык, приветливость и т. д.

Знакомство с университетской жизнью, учебным процессом началось с факультета журналистики. Нам показали университетскую газету — черно-белую, отпечатанную на старенькой типографской машине где-то восьмидесятих годов. Меня восхитило, что ее можно найти в любом магазине, на любой заправочной станции городка. Причем из 24 полос новости занимают приблизительно треть объема, остальные полосы отданы под рекламу. Благодаря этому газета приносит неплохой доход, где-то миллион долларов в год. Выпускают ее, в основном, студенты-журналисты, но попробовать свои силы могут все желающие — вдруг получится! Рекламу тоже собирают и оформляют студенты. Поэтому собственно штат редакции небольшой — менеджер и 2-3 человека. На факультете журналистики имеется свой телеканал и радиостанция. Кстати, по американским образовательным стандартам бакалавр должен уметь моментально «вписываться» в работу любого СМИ. Такая практика позволяет студентам уже со второго курса начинать работать.

Сенатор Пол

Вообще факультет журналистики в Южно-Иллинойском университете почти всеми своими успехами и новациями обязан сенатору Полу Саймону. Там даже действует институт Пола Саймона. Когда-то он был известным журналистом, правда, образование он так и не завершил. Зато уже в 1950-х годах был в составе американской делегации во время визита Ричарда Никсона в Москву. Когда мы познакомились, я почему-то сразу подумал, что Пол выглядит как настоящий сенатор — каким я его представлял. Необычные очки в роговой оправе, галстук-бабочка и мощная энергетика — все это располагало к нему, он сразу нравился и вызывал доверие. Однако это не помогло ему в 1999 году пройти в кандидаты в президенты США. При этом Пол Саймон хорошо знает семью Бушей — и сына, и отца, симпатизирует им и, кажется, не

очень расстроился из-за этой политической неудачи. Он интересно рассказал о своем визите в Москву, и я удивился, каким внимательным и точным может быть взгляд со стороны. Делегацию поселили в гостинице «Метрополь», и вот Пол обратил внимание, что на обедах, банкетах и приемах среди официантов всегда встречается один и тот же человек. Сначала молодой журналист пытался себя успокоить, что, мол, «китайцы все на одно лицо», ну и русские, соответственно, тоже. Но этого же человека Пол узнал и в Ленинграде, куда их повезли. Подозрения переросли в уверенность, когда тот же официант обслуживал делегацию и в Киеве. Так что Пол Саймон уже тогда столкнулся с тягостной заботой спецслужб.

Вторая наша встреча произошла в университетской столовой. Мы разговорились, и оказалось, что журналистика, ее история, учебники по мастерству не единственное увлечение Пола. В те годы он уже начал заниматься проблемой воды: стратегические запасы, разумное расходование, очистка и переработка волновали его всерьез. Человечество испытывает колоссальную проблему нехватки воды в засушливых районах Африки и Латинской Америки, ее повсеместного загрязнения. Он говорил так увлеченно, приводил такие убедительные аргументы, что я не мог для себя решить: Пол в первую очередь политик или журналист? Но его профессия наверняка помогла добиться политических успехов.

Импровизация

Были у нас и поездки по окрестностям. Во время одной из них мы познакомились с хозяевами виноградника и даже побывали у них в гостях. Нас угостили домашним вином. Но здесь я, пожалуй, по достоинству оценил и американскую технику, и американский прагматизм. Во дворе чистенькой фермы, где все продумано до мелочей, мы увидели старый трактор, по-моему, годов пятидесятих. Удивились, почему же не новый? Хозяин пожал плечами и ответил, что трактор работает, зачем же его менять? Мы сидели в просторном зале, дегустировали вино, болтали о том, о сем... Вошла пара — мужчина лет 35 и молодая женщина. Почему-то я начал с ними разговаривать на слэнге своей юности, так вот неожиданно вспомнились слова «лабух», «чувак», «чувиха». И представляете, они меня поняли, подхватили этот стиль. Мои попутчики потрясенно слушали наш разговор. Это оказались канадцы, но при этом настолько свои, из нашего джазового прошлого, из воспоминаний о той великой музыке, о моей юности — на душе вдруг стало тепло и радостно.

Образование без границ

И все-таки мы добрались до Сент-Луиса! На факультете социальной работы нас встретила декан — потрясающая женщина, она и удивила

нас, и восхитила: в США нет слова «инвалид», там говорят «ограниченные возможности». Так вот у этой женщины, которая передвигалась на коляске, эти возможности безграничны – она буквально летала. Очень милая, общительная, приветливая, она рассказала нам, какую роль играет университет и ее факультет в жизни города. Взять, к примеру, карту Сент-Луиса – на ней выделены предпочтительные районы проживания людей с ограниченными возможностями, при составлении которой учитывалась любая мелочь: пандусы, больницы, грузовые лифты, магазины и специализированные библиотеки. Я вспомнил, что лет тридцать назад в Советском Союзе пытались проводить подобные исследования, но такой продуманной заботы и развитой инфраструктуры тогда, конечно, не было. Нет, к сожалению, пока и сейчас...

В школе бизнеса и предпринимательства мы обратили внимание на сам процесс обучения, вернее, на то, как он поддерживается, казалось бы, сугубо внешними факторами. Так, мебель в аудитории расставлена так, что преподаватель находится в центре, среди студентов, а не перед ними: он не изрекает истины, а вместе со слушателями ищет их. К тому же это позволяет установить более тесную коммуникационную связь и обстановку доверия и сотрудничества. Нам рассказали, что аудитория обновляется каждые два года. А по партам в некоторых наших кабинетах до сих пор можно изучать историю, иногда и древнюю: помните стихотворение Маршака – «...чтобы ребята во веки веков знали, что в классе сидел Пустяков»?

Компьютерное оснащение тогда показалось нам просто фантастичным. У нас в 2000 году компьютер был у каждого, но вот «Макинтоши» и ЛЭП-топы тогда были редкостью, а здесь ассортимент был буквально мечтой любого российского профессионала. Но и человеческий фактор в Сент-Луисе был на высоте: преподаватели всегда улыбаются, и это не бездушная гримаса – keep smile, – а искреннее желание подарить хорошее настроение, пойти на контакт, помочь. Высочайший уровень культуры, подкрепленный душевной теплотой, – неотъемлемая черта университетского сообщества.

«Ты не в Чикаго, моя дорогая!»

А мы поехали в Чикаго. Этот город – моя давняя мечта. Промышленный центр, популярный в России в 1990-е годы, – «Тольятти – Чикаго на Волге!», «Петербург – Чикаго тридцатых годов!» – какие только города не пытались «примерить» на себя его славу. Но Чикаго неповторим. Да, бывало в его истории всякое, но только здесь есть озеро Мичиган – одно из Великих американских озер. Действительно, великое! Когда-то оно было в катастрофическом состоянии – угольная зола от промышленных производств смывалась в его воды, гибло все живое.

Сегодня мы увидели у самого берега стайки рыб в воде, чистой и прозрачной.

По пути был завтрак в кафе. Мы остановились заправить машину и решили познакомиться с местной кухней. Иван Николов сказал, что в это время всегда много народа — рано утром люди идут в церковь, а потом завтракают. В Америке такой поздний завтрак называется *brunch*. Все удовольствие нам обошлось всего-то в девять долларов — цены радовали своей демократичностью.

Зато в гостинице «Шератон», где нас разместили, номер-люкс (две большие комнаты) стоил триста долларов! Мы сразу поняли, почему этот район называется Золотая Миля, а я подумал, что в палатке, наверное, было бы не удобнее, но комфортнее для нервной системы и кошелка.

Первая экскурсия в самом Чикаго была на знаменитую биржу. В тот день она не работала, но знакомое по книгам и фильмам эмоциональное напряжение — в один день создаются и теряются состояния, решается судьба и меняется жизнь — витало в огромном зале. Воображение рисовало игроков — «на повышение» и «на понижение», — их выразительную жестикуляцию, мы вздрагивали от прорезающих громкий гул телефонных звонков, паническое волнение и самая настоящая паника — «паника на бирже!» — вот что знали эти стены и теперь передавали свое знание нам. Мне вспомнился бродяга, который по пути к бирже попросил у нас денег. По доброте душевной мы хотели угостить его завтраком, захваченным из кафе, но Иван сказал, что ему нужны только деньги. На обратном пути мы снова встретили его — он пил пиво по-американски, в пакете. Играл ли он когда-то на этой бирже? Или это уже фантазии типично русские, в стиле Достоевского?

Я очень люблю музеи: они сохраняют историю, не дают забыть прошлое и часто просто рассказывают нам, кто мы и откуда. Про Соединенные Штаты иногда говорят — «молодая страна». В том смысле, что европеизированный этап ее истории действительно невелик. Борьба за независимость — нам ее очень подробно осветили еще в Бостоне — не точка отсчета истории США. В музее штата Иллинойс, традиционном и богатом экспонатами, представлена история племен: и доколумбовой Америки, и современников Фенимора Купера. Здесь принято помнить, что эту землю нынешние американцы унаследовали от индейцев. Взаимоотношения их не всегда были безоблачными, но историческая память должна быть, без нее невозможно строить что-то новое — и сегодня американцы это понимают.

Ну и совершенным сюрпризом для нас стала выставка кремлевских сокровищ. К тому моменту она уже лет десять путешествовала по Америке. Мы не раз видели и знали эти сокровища, поэтому больше наблюдали за американскими посетителями. С каким любопытством, порой

недоверчивостью, восхищением и даже восторгом они познакомились с русской культурой, лучшими образцами нашего искусства, обычаями и традициями.

Американские фильмы – это всегда happy-end. Есть даже такой кинематографический штамп – «поцелуй в диафрагму»: заключительный кадр, перед титрами, венчается поцелуем главных героев, после чего камера выключается, т.е. закрывается диафрагмой. Такой фильм – «Не спящие в Сиэтле» вспомнился мне на смотровой площадке самой высокой гостиницы Чикаго. Романтическая история любви никогда не встречавшихся Тома Хэнкса и Мэг Райан могла счастливо завершиться только здесь, на 101-м этаже, над огромным городом среди облаков.

Спрингфилд – тоже из американского кино, только анимационного. Именно там живет нелепая, но неунывающая семейка Симпсонов. Хотя Спрингфилдов в Америке много, и не факт, что живут они в этом. Итак, наш Спрингфилд – столица штата Иллинойс, основан в 1840 году, население 114 900 человек, имеется международный аэропорт имени Авраама Линкольна, город оживает во время сессий сената или конгресса штата.

В доме-музее 16-го президента США нам рассказывал о его жизни бывший десантник. Удивительно? Но для США это нормально: не застенчивая музейная барышня, а бравый ветеран поведал нам подробности жизни великого человека. Волонтерское движение среди пенсионеров развито в Америке чрезвычайно. Такой поход и экономически выгоден, и социально полезен – пенсионеры включены в общественную жизнь, работают с людьми, общаются. А деньги они на обеспеченную жизнь уже заработали. Я подарил ему сувенир – лапти, чем озадачил и обрадовал: получать подарки всегда приятно, а экзотичная обувь из России станет для него, быть может, неожиданным открытием. Так вот, Линкольн женился на самой красивой женщине Иллинойса и запер ее дома. Работал адвокатом, но через люк в полу своей комнаты подслушивал и подглядывал за ходом судебных разбирательств, благо жил над залом заседаний суда. В этом доме ни одну доску никогда не красили, они сохранились неизменными со времен Линкольна. И мне вспомнилось, что в музее Пушкина есть вещи его соседей, той эпохи, восстановленные по эскизам, но так мало личных вещей гения, хранящих его тепло. Могила 16-го президента находится там же. Когда-то его убили за отмену рабства. А нынешний президент США Барак Обама был сенатором от штата Иллинойс – так причудливо тасует колода, говаривал Воланд...

В прошлую поездку мы хорошо узнали новое научное направление «история повседневности». В Сент-Луисе нам довелось увидеть как работает промышленная археология. Пивоваренный завод Budwaiser был построен еще судетскими немцами в XIX веке. В старинном здании из красного кирпича, с любовью сохраненное, расположилось современ-

ное производство. В большом торговом зале и за 50–70 долларов можно купить сувениры, костюмы, посмотреть фильм об истории завода, совершить поездку в прошлое. Да, в старой конюшне стоят битюги, мохнатые, крепкие, — они когда-то возили повозки с пивом. Жуют сено, как и сто лет назад, да и сено, наверное, такое же... Далматины — яркие, пятнистые, которые раньше сопровождали эти повозки, бегают тут же, ластятся к гостям, прыгают... Чудятся воркование голубей, перезвон колокольчиков, рубленные немецкие фразы... А запах сена — он-то наяву. Мы были в прошлом...

На новом заводе все автоматизировано: производством занимаются 2–3 человека, а 100 человек — менеджеры по продажам, и никакой романтики. Хотя... в программу экскурсии были включены три стакана пива, а к нему совершенно домашняя закуска — настоящие крендельки!

Никогда не замечали, что из зоопарка выходишь с чувством вины? Решетки, замки, пингвин на солнце или гепард на привязи — самые яркие, вопиющие впечатления. «Кормить воспрещается!» — а что еще можно сделать, чтобы в глазах животного вспыхнула искорка, хоть как-то оживить его? Тут нас встретил Чарлз Дарвин — как живой. Его робот приветствует посетителей и открывает двери в царство зверей. Музей-зоопарк — настоящий просветительский и научный центр. Не выходя из зала, можно побывать в любом уголке земного шара — в Африке, Альпах, океанских глубинах. Реальных животных тоже можно посмотреть, но на расстоянии. Не разглядывать их как в витрине, а наблюдать. Они, дикие и свободные, а мы достойны только наблюдать за ними, восхищаться издали. Я должен заметить, что пивоваренный завод Budwaiser шефствует над музеем и зоопарком.

Дикий-дикий...

Путешествие по Америке — не первое и не последнее — уводило нас все дальше от восточного побережья. Мы не покоряли, а узнавали Дикий Запад. Дикий-то дикий, но узнали мы их систему образования — к подобной мы только приближаемся — и многое поняли. Почему США — при всех кризисах, войнах и природных катаклизмах — все-таки остается, как говорится, «на плаву»? Диплом там не самоцель. Жизнь неоднократно делает зигзаги, повороты, даже акробатические этюды. Приходится постоянно приспосабливаться, получать, вернее, зарабатывать новые знания. С 1960-х годов в Америке приняты короткие обучающие программы. А вот дополнительные знания, компетенции надо получать самостоятельно, отрабатывать их и работать, работать, работать... Условия для этого есть: в Южно-Иллинойском университете я увидел спящую на диване (в шикарном холле) девушку. Иван Николов сказал, что университет ее родной дом: хочет — спит, хочет — всю ночь в библиотеке работает. К слову, библиотека работает, пока есть читатели...

**ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Образы прошлого в крестьянской памяти (на материалах XX века)

Одним из проявлений социальных начал жизни выступает коммуникация, немаловажный вектор которой — коммуникация с прошлым. С точки зрения немецкого исследователя Я. Ассмана, «помнящая культура» является всеобщим феноменом: посредством обращения к прошлому выстраиваются смысловые и временные горизонты социума¹. В работах И.М. Савельевой и А.В. Полетаева обращается внимание, что современное историческое сознание построено на презумпции связи настоящего с прошлым².

Современное «ускорение истории» (П. Нора³), импульс которому был задан двумя-тремя столетиями ранее, обозначило ситуацию разрыва культурной традиции, «разрыва с прошлым» — как для отдельного человека, так и для различных социальных групп, включая национальные сообщества. В частности, в научной литературе постулируется своего рода правило: «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти»⁴, то есть актуализированного образа прошлого.

Отличительная черта современной историографической ситуации — значительный интерес к анализу образов прошлого в разных культурах и слоях общества в те или иные исторические периоды⁵.

Потребность осмысления способов конструирования образов прошлого и его мифологизации в крестьянской культуре определяется тем обстоятельством, что крестьянство представляет собой уникальный объект изучения, поскольку на нем прослеживаются многие базовые формы социальности. В современных исследованиях характер сельской культуры позиционируется как диалогический в противовес «монологизму» классического индустриального общества. Именно эта историческая функция (а не атрибутируемая аграрной сфере роль хранителя некоего набора культурных ценностей) сделала специфически сельскую культуру уникальным политическим актором развивающегося модерна⁶. Это позволяет предположить, что изучение крестьянских форм и способов презентации прошлого способствует пониманию универсального в культуре, хотя потребность в обращении к прошлому у крестьян имеет свою специфику.

Применительно к XX в. можно выделить несколько возможных направлений изучения крестьянского восприятия прошлого. Первое связано с анализом основных тенденций эволюции крестьянских представ-

* © Кознова И.Е., 2011

лений о прошлом в контексте социокультурной трансформации страны. Это предполагает анализ содержания и форм проявления крестьянского культурного наследия в повседневной практике деревни в процессе аграрной модернизации. Речь идет и о крестьянских способах реакции на проводимую властью политику. Второе — с изучением различий в отношении исторического прошлого разных групп крестьянства. Третье касается фиксации способов презентации прошлого в памяти. В целом это предполагает исследование представлений крестьян о национально-государственном, локальном, групповом прошлом, их образов исторических событий, личностей, власти, крестьянской семьи и сельской общности в поколенческом и гендерном аспектах. Имеется в виду связь образов прошлого с тем или иным актуальным историческим настоящим.

В универсальном смысле прошлое в крестьянской культуре и социальной практике представлено прежде всего как образ жизни, как традиция. Хозяйствование на земле — это те, по определению М. Хальбвакса, «социальные рамки», которые организуют профанно-сакральное единство народной жизни. Прошлое как коммуникативно-практический опыт, живая традиция выступало важным адаптивным инструментом, а потому воспринималось утилитарно. Социальные функции прошлого в крестьянской культуре — поддержание преемственности через сохранение образцов жизнедеятельности: память имеет нормативный, обрядово-ритуальный характер. Прошлое выступало в качестве воплощенного, нацеленного на будущее настоящего. Как память-традиция, оно имело нормативный, обрядово-ритуальный характер; его репродуктивная функция находила выражение в утопической формуле «наши деды и прадеды жили, и мы так будем». Символический образ прошлого был выражен понятиями «земля», «кровь» и «пот». Исторический аспект образов прошлого включал державно-государственные и военно-героические, где сильнее представлен гендерный мужской компонент, а также борьбу «за землю и волю».

Фольклор и этнографические наблюдения показывают, что крестьяне имели представление об истории страны, о тех или иных крупных исторических личностях. Но, как правило, жизнь сельского сообщества не выстраивалась в соответствии с ходом истории «большого» общества и государства (возможно, исключением были крестьянские войны, особенно под руководством Е. Пугачева). Во многом это была своя местная история (в случае крестьянского движения Пугачева переросшая границы локальности). И только хронологически близкое прошлое, реальные события хранилось на уровне коммуникативной памяти. Единицы крестьян, приобщившиеся к письменной культурной традиции, могли точно обозначить тот или иной хронологический рубеж, конкретную дату. До сих пор, если судить по документам, крестьяне достаточно вольно относятся к подобным формам выражения своей принадлежности к историческому времени.

Сознание русского человека переносило из природной среды в социальную свои идеальные модели отношения с миром. Русский массовый (народный) идеал находился в прошлом. Им определялась народная мифология. Прошлое рассматривалось в идеальной проекции; им как бы подтверждалась русская социальная утопия — «воля», «правда», «справедливость». Подобно образу прошлого формировались в народной среде настоящее и образ будущего. Будущее означало «возвращение в прошлое», реализацию архаических идеалов, отсутствующих в настоящем. В русском варианте идеальное прошлое было воплощением постоянства, повторения, единообразия, замкнутости (закрытости — от вторжения чуждого, враждебного). Оно ориентировало на известное, рутинное, закрепляло консервирующие, репродуктивные социальные практики⁷. Но и крестьянскую революцию начала XX в. также определяли такие образы прошлого, комплекс «возвращения к идеалу», в ней возрождались социальные практики, укорененные в прошлом⁸.

Если идея общего прошлого, «историзации» сознания была актуальна в России начала XX в. для образованных слоев (обладавших кроме всего прочего ярко выраженной генеалогической памятью), то для пребывающего в среде устной, вневременной, конфессионально окрашенной традиции крестьянства, составлявшего большинство населения России, и близких ему в ментальном отношении городских низов понятие «общность прошлого» имело скорее пространственные характеристики и было локальным по своей сути⁹. Исследователи обращают внимание на «чрезвычайную устойчивость, «вневременность», статичность бытового, народного пласта культуры, который обладал собственным ритмом, не совпадающим во времени ни с изменениями действительности, ни с формами существования «высокой» культуры»¹⁰. Безусловно, крестьянство не было совершенно закрыто от нового измерения времени — достаточно упомянуть о появлении в крестьянской среде воспоминаний и дневников, а также о влиянии неземледельческих промыслов и миграций в города, однако в отношении рубежа XIX—XX вв., как и середины XX в., исследователи подчеркивают общность менталитетов сельских и низовых городских слоев¹¹. Сама идея общенационального прошлого приходила в народную среду извне — с помощью популярной, наглядной (лубочной), учебной литературы, прессы.

Нормативный характер культуры и ритуальный тип поведения, направленный на сакрализацию прошлого и определявший жизнь русских крестьян на рубеже XIX—XX вв., подверглись значительным трансформациям в XX в.

Крестьянство активно использовало прошлое для сплочения и сохранения своей групповой идентичности, что нашло отражение в различных крестьянских документах первых десятилетий века — приговорах, петициях, воззваниях, листовках. По сути, это была манифестация крестьянского «МЫ» перед властью и обществом, потребность в сохра-

нении образа жизни. Будучи по своей сути памятью «холодного» типа (по терминологии К. Леви-Стросса и Я. Ассмана), крестьянская память о прошлом в первой трети XX в. приобрела ярко выраженный «горячий» оттенок, поскольку носила мобилизационный характер, активизируя борьбу крестьян за «землю и волю». Крестьянское сопротивление коллективизации может быть рассмотрено, хотя и с определенными оговорками, в этом ряду.

«Помнящее» начало крестьянской культуры ставило вопрос: «Чего нам нельзя забыть?» Работа прошлого выражалась в поддержании идентичности («господа земли»), легитимности социального статуса («кормильцы»), выражении крестьянских прав и притязаний. Два образа концентрировали в себе коллективный опыт: образ «труженика» («мозольки») и образ «страдальца», «жертвы». Эти составляющие культурного наследия воспроизводились потом на протяжении всего XX в. применительно к разным историческим обстоятельствам. Крестьянские документы оперировали такими понятиями, как «труд», «справедливость», «земля», «хлеб», наконец — «деньги».

Применительно к первой трети XX в. можно говорить о преобладании обусловленного прошлого памяти-поведения над памятью-воспоминанием о прошлом.

Войны и революции стимулировали формирование опыта вне привычного крестьянского порядка. В то же время новый опыт накладывался на тот, что существовал в деревенской повседневности с ее различными конфликтами. Формировался устойчивый пласт наследия, который впоследствии актуализировался в годы «великого перелома». Наконец, войны и революции стали идеальной почвой для аномии, для постепенного разрушения сельского уклада, для усиления конфликта поколений.

Советская модернизация неоднозначно повлияла на крестьянские представления о прошлом. В первые колхозные десятилетия прошлое как крестьянское культурное наследие поддерживало сельскую традиционность. На консервацию сельского традиционализма повлияла война. Активная роль женщин в поддержании образцов прошлого и трансляции памяти особенно заметна в условиях изменения половозрастной структуры деревни с середины века. С завершением коллективизации, становлением колхозной, а затем и укреплением колхозносовхозной системы во второй половине века обращение деревни к прошлому выполняло адаптивную, консервирующую и компенсаторную функции. Речь шла о способах и формах выживания крестьянского двора и семьи в советской аграрной структуре, сохранении ценностно-смыслового ядра деревенской культуры в целях поддержания коллективной идентичности и «социального договора» с властью.

Живя в мире народных верований и представлений, деревня постепенно включалась в орбиту советской традиции. В советский, и прежде

всего в сталинский, период крестьянский образ жизни подвергся значительной редукации. В коллективной памяти сохранился сам процесс раскрестьянивания: социальные конфликты, давление властей, а также то, что связано с деревенскими и городскими стандартами потребления, питания. Земля постепенно ушла на периферию крестьянской памяти, первый план прочно заняла тема «продовольственного снабжения» и денег.

Рассмотрение социальной истории крестьянства сквозь призму его представлений о прошлом помогает увидеть модернизационные и квазимодернизационные процессы в российской деревне. Можно вести речь и об использовании властью архаических настроений человека традиционного общества, склонного к упрощенному восприятию мира. Советская власть использовала различные каналы идеологического воздействия на деревенскую массу в целях формирования определенного образа прошлого. Крестьянство участвовало в конструировании коллективной памяти советского общества. Не случайно поэтому, хотя советского общества с его сельскими атрибутами нет, память о нем жива, принимает характер ностальгии, в которой сильнее звучит женский голос.

Появление в деревне в процессе модернизации различных слоев и групп оказало влияние на представление крестьянства о прошлом, на его неоднородность и выборочность. Перемены, обозначившиеся в крестьянском обществе, дали импульс формированию разных типов хозяйствующих субъектов. Один тип («традиционный крестьянин») ориентировался на общинные нормы и стратегию выживания. Для другого («интеллигентный крестьянин») было характерно критическое отношение к аграрной традиции. И того и другого отличало понимание социального долга («кормилец общества»), активное трудовое начало. Третий тип был готов порвать с крестьянством. Вместе с тем все три типа объединяли настроения ожидания земли или других социальных благ от власти, «сверху», независимо от того, была ли это старая царская власть или новая — большевистская. Все это закладывалось и находило отражение в ментальном облике крестьянства.

Советская власть, провозгласив «отказ от прошлого» и устремляясь в будущее, одновременно конструировала новый образ прошлого. Социальные ожидания крестьянства способствовали тому, что определенная часть деревни, прежде всего молодежь, активисты и беднота, создавала «новое прошлое» совместно с властью. Новые слои сельского населения — механизаторы, колхозная элита — несли двойственность в отношении прошлого. Их социальный статус ориентировал на преодоление прошлого. Но крестьянские корни, сама работа на земле, наконец, семейная память не позволяли отмежеваться от него.

Выделение индивидуального начала, историзация сознания, осознание прошлого именно прошлым, то есть Другим, ощущение себя в потоке исторического времени — все эти явления характерны для обще-

ства модерна. Для «низов» приобщение к истории заключалось прежде всего в непосредственном участии в крупнейших событиях XIX–XX в. европейского и мирового масштаба, в революционных событиях. Для них она становилась прежде всего «памятью тела», реальным действием и только во вторую очередь — памятью духа. И если такие события прошлого, как Отечественная война 1912 г. или русско-турецкая 1877–1878 гг., вызывали в памяти чувство «возвышенно-героического» и поддерживали народный монархический идеал, то русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война, напротив, оставили глубокий травмирующий след, ощущение «разрыва времен», пробивали в монархическом идеале значительные бреши (достаточно вспомнить «Николашку-дурачка»), устанавливали насилие в качестве поведенческой нормы.

Крестьянское движение эпохи аграрной революции и его кульминация — повстанческое движение периода гражданской войны показало, что крестьяне способны апеллировать не только к понятиям-символам своей традиции, но и к истории. Были актуализированы Отечественная война 1812 г., отмена крепостного права. В годы гражданской войны подвергались переосмыслению и вносились в соответствующие реестры памяти прежде всего недавние события, «современная история», а не далекие события прошлого — Первая мировая война, революции 1905 и 1917 гг. Кроме того, составным элементом представлений о прошлом была крепостная эпоха. Но в целом в XX в. крестьяне вспоминали, главным образом, события именно того столетия. В качестве позитивного момента крестьянской истории отмечалась аграрная революция, показавшая силу крестьянского сообщества и направленная на установление крестьянского порядка. Условно, это представление о прошлом «отцов». В качестве негативных переломных этапов жизни деревни в разных крестьянских свидетельствах отмечались: создание колхозов; наступление на личные подсобные хозяйства в 40–50-е годы, а также укрупнение колхозов; деколлективизация начала 90-х годов. Это — представление о прошлом «детей» и «внуков». В разные годы складывалась и своя мифология прошлой жизни.

Эпоха крестьянской революции — это не время воспоминаний, а время действий. Когда необходимо, крестьяне помнили, что «царь волю дал, даст и землю». После революции символический образ крепостничества использовался крестьянами для оценки своего настоящего положения. Так, в годы «военного коммунизма» крестьяне сравнивали власть большевиков с «новым крепостным правом». С новой силой эта тема обозначилась в годы «великого перелома». Известна и народная расшифровка аббревиатуры ВКП(б). Учитывая это, власть в 1920-е гг. пыталась внедрить в массовое сознание идеологически выверенный образ крепостной эпохи, опираясь и на крестьянские свидетельства, например, на воспоминания стариков о наказаниях крестьян помещиками. Но в крестьянской памяти находилось и другое видение крепостного

прошлого — с точки зрения социального договора между помещиками и крестьянами, хотя это был скорее маргинальный вариант представления прошлого. Власть удачно использовала сохранявшиеся в культурной памяти народа представления о крепостном праве. В сталинскую эпоху крепостное право стало универсальным символом прошлого, хотя многие регионы не знали крепостного состояния вовсе. В то же время отождествление сталинских колхозов с крепостным правом сохранилось в народном сознании вплоть до 1990-х гг.

Наиболее сильно компенсаторная функция прошлого проявилась в отношении памяти о коллективизации и Великой Отечественной войне. Оба события, несомненно, были рубежными в историческом плане, таковыми они запечатлелись и в памяти. Кроме того, именно в отношении этих центральных событий истории XX в. со стороны официальной идеологии было предпринято немало акций с целью активного вторжения в коллективную память и создания ее запретных зон. Память о коллективизации и сопровождавшем ее голоде не без официального влияния оказалась замещенной памятью о войне. Память о «великом переломе» оказалась табуированной, «вытесненной», неартикулируемой. Память о войне — это «память-триумф» (геройство и жертвенность), это другой (в отличие от «памяти-катастрофы») вектор «проработки прошлого», формируемой культурной памяти.

Свойственная советской эпохе система двойных стандартов проявила себя в памяти о коллективизации и войне довольно объемно. Правда, память и ее двойник — забывание могут действовать в целях поддержания социального равновесия в обществе (или внутри данной общности). Существовали события прошлого, которые попали в зону забывания крестьянского сообщества (стольпинская реформа, конфликтные эпизоды коллективизации и колхозной жизни).

Крестьянский образ прошлого основан также на отношениях с властью. С последней ассоциируются страх и насилие, ставшие нормами повседневности. Память об исторических личностях — это, во-первых, персонафицированный образ власти; во-вторых, образ народного героя. В этом плане крестьянство обладало развитой фольклорной традицией. Что касается фигур политического пантеона, то можно отметить два момента. С одной стороны, присутствовало уважение к власти и к ее конкретным носителям. С другой — в XX в. память фиксирует моменты, связанные с десакрализацией власти. Высшая власть и ее носители удостаивались и ироничного, и уничижительного, и панибратского отношения, что нашло отражение в наиболее массовых фольклорных формах XX в. — частушке и анекдоте.

Крестьянством конструировался такой образ прошлого, в котором основной пласт включал историю насильственного раскрестьянивания, импульс которому был задан политикой и практикой сталинизма. Подобного рода мемориализация прошлого одновременно является и ре-

акцией на раскрестьянивание: она удерживает значимые для сельской общности социокультурные деревенские образцы. С этой точки зрения, у крестьянства существует собственное прошлое: сориентированное на народный календарь время, хронология привычного хозяйственного, бытового и праздничного циклов.

Если рассматривать память о прошлом, о прожитом как «переживание драмы жизни» (выражение кн. Евг. Трубецкого), то, по сути, люди, которые «населяют» крестьянское прошлое — это они сами и их ближайшие предки. В этом смысле понятие «преодоление прошлого» для крестьянской культуры не срабатывает. Это сформировало такое понимание прошлого, в котором «культурным героем» является само крестьянство.

Примечания

¹ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М., 2004. С. 29–30.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 22.

³ Франция-память / П. Нора, М.Озуф [и др.]; пер. с франц. и послесл. Д. Хапаева. СПб., 1999. С. 3–18.

⁴ Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 8–9.

⁵ См. подробнее: Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М., 2007.

⁶ Мюрберг И.И. Аграрная сфера и политика трансформации. М., 2006.

⁷ Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006. С. 146–149.

⁸ См. подробнее: Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

⁹ Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб., 2006. С. 185–186.

¹⁰ Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. С. 179.

¹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 327–349; Т. 2. С. 304–335.

Пространственно-коммуникативный фактор государственности в переходные периоды истории России: методология исследования

При изучении русской истории периода подготовки и проведения системных реформ, на наш взгляд, помимо многообразия объективных факторов исторического процесса и особенностей российской модернизации необходим учет такого малоизученного аспекта, каким является наличие исторически сложившегося в России водораздела между столицей и провинцией и тех каналов взаимосвязи между ними, степень эффективности которых в конечном счете определяла успешность продвижения реформ на местах. При наличии множества конкретно-исторических причин и предпосылок той или иной реформы или революции в России фактор разделения страны на столицу и провинцию мы относим к постоянно действующему, влияющему на темпы и успешность модернизации.

Понятие «центр» понимается нами как место сосредоточения какой-либо деятельности, органов управления, имеющего административное, культурное и т.п. значение для страны. Применительно к истории российской государственности понятие «центр» трактуется прежде всего как бюрократическая столица государства.

В этой связи термин «периферия» понимается нами как местность, внешняя по отношению к центру. Понятие же «периферия политики» рассматривается нами как субъект воздействия со стороны центральных органов управления. При этом мы учитываем, что периферия далеко не всегда слепо подчиняется центру, в свою очередь, стремясь к самодостаточности. Данное стремление могло принимать организационные формы, а могло быть неосознанным, инстинктивным, особенно на уровне общественных настроений, что особенно выпукло просматривается в переходные периоды, такие как реформы 1860–1870-х гг. или период «думской монархии», когда растет поведенческая активность и повышается интерес к политике в целом у большинства населения.

Использование термина «переходный процесс» методологически оправдано применительно к этапам истории российской государственности при условии его расширительного толкования как критического состояния локализованных общественных систем, в котором происхо-

* © Карнишина Н.Г., 2011

дят существенные и устойчивые изменения, в том числе и их пространственно – временных характеристик.

Формы коммуникации между центром и периферией понимаются нами как исторически сложившиеся каналы взаимодействия столицы и провинции, которые оказывают определяющее воздействие на формирование общественного мнения, находящегося за пределами индивидуальных предпочтений и представлений социальных групп. Исследование взаимодействия власти и общества на уровне «центр – периферия» открывает, на наш взгляд, новые возможности именно в плане сравнительного анализа общественной среды, включая общественные настроения, политические предпочтения представителей разных сословий и устойчивых профессиональных групп.

В России условия для укрепления сплоченных профессиональных групп были созданы в период реформ второй половины XIX в. В первую очередь этот процесс наглядно проявился в среде бюрократии, особенно высшего и среднего звена. Важнейшими элементами самоопределения профессионалов стали: высшее образование, групповые интересы, профессиональные объединения, сотрудничество с периодическими изданиями. Выделение в чиновничьей среде группы «просвещенных бюрократов» явилось закономерным этапом в этом процессе. В результате реформы 1861 г. по отмене крепостного права возникли новые общественные отношения, произошло пробуждение общественного сознания, что явилось толчком в развитии страны. При этом необходимо учитывать, что экономическая и политическая незрелость общества перед лицом радикальных перемен порождала подчас кризисы развития, что характерно именно для российской провинции.

На наш взгляд, признание многофакторности российского общественно-политического процесса при установлении жесткой прямой взаимосвязи между содержанием и своеобразием реформ и волевыми усилиями государственной власти дает возможность исследовать пути продвижения реформ на места и те факторы, которые объективно и субъективно воздействовали на их успешность. Включение в исследование пространственно-коммуникативного аспекта предполагает анализ содержания и эффективности воздействия на общество информационных потоков по периметру «центр – периферия» и путей взаимосвязи столицы и провинции.

Пространственно-территориальный подход к исследованию власти и политики предполагает также изучение пространственных форм уже не просто как поля размещения социальных и политических процессов, а с более функциональной стороны, т.е. как нечто, формирующее эти процессы, в которых осуществляются политические процедуры, имеющие конкретное, чаще всего заданное, пространственное измерение. Сама структура политического пространства, не совпадающая с геометрией

географического пространства, так или иначе формирует центр политического влияния, варьирующегося не только периферийно, но во времени и в политической среде.

При анализе пространства политики пореформенной России мы исходим из понимания понятия «провинция» как многоуровневой целостности, подразумевая под «провинциальным» не оценочную характеристику (в сравнении со «столичным»), а то, что относится не к столицам. Многоуровневая природа «провинции» предполагает учет многообразия региональных особенностей как относительно устойчивых черт, присущих части территории страны, и локальных черт, т.е. свойственных данной местности, но не выходящих за ее пределы.

Неоднородность российской провинции строится и на степени территориальной приближенности к столицам (Петербургу и Москве) как источникам политических, социальных и культурных новаций. В этом плане различают «ближнюю провинцию» и «отдаленную», «провинцию третьей ступени». Как локальный вариант состояния «центра-периферии» в социокультурном плане выделяют «городскую», «негородскую» (полугородские формы пригородов) и «сельскую» (традиционную) провинцию [1].

На наш взгляд, на характер моделей провинции влияли: специфика колонизации той или иной территории, ее пограничное положение, конфессиональные, этнические особенности, степень удаленности от бюрократического центра, демографическая ситуация, сословные характеристики, личности губернаторов, архиепископов.

В свою очередь, признание многофакторности российского общественно-политического процесса (особенно при изучении таких исторически значимых вех, как отмена крепостного права, земская, судебная реформы, принятие Манифеста 17 октября 1905 г.), при установлении жесткой прямой взаимосвязи между содержанием и своеобразием реформ и волевыми усилиями государственной власти, дает возможность исследовать пути продвижения реформ на места и те факторы, которые объективно и субъективно воздействовали на их успешность. Включение в исследование историко-коммуникативного аспекта предполагает анализ содержания и эффективности воздействия на общество информационных потоков по периметру «центр – периферия» и путей взаимосвязи столицы и провинции.

Применительно к истории России XIX – начала XX вв. можно говорить о следующих коммуникационных путях взаимодействия центра и периферии: бюрократический (деловая переписка, ревизии Сената, официальные периодические издания, деловые и частные поездки сановников); конфессиональный (иерархическая структура Русской православной церкви и ее делопроизводство, проповедь, паломничество, духовная печать, поездки архиереев по обозрению епархии). Большую роль в

информационно-коммуникативном воздействии имела периодическая печать, которая на протяжении второй половины XIX в. наращивала свое влияние и в столице, и в провинции. В начале XX в. в городах нарастало значение телеграфа и телефона.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают устные формы передачи информации, доминирующее положение среди которых занимали социальные слухи. Слухи выполняли функции адаптации, осмысления обществом новаций, попыток установления контроля над угрожающими изменениями реальности, ориентирования и стандартизации коллективного поведения. Социальный слухи — это вневременной, всепроникающий механизм, оказывающий существенное воздействие на социальные взаимодействия. Будучи неотъемлемым элементом в структуре неформальной коммуникации, социальные слухи дополняли, а иногда и замещали официальные источники информации.

Мы рассматриваем социальные слухи и в информационном, и в коммуникативном плане, считая, что столь широкое распространение их в политическом пространстве России было связано не только с переходным состоянием развития общества, но и с устойчивыми характеристиками информационного поля страны в целом.

Анализируя степень интереса к тем или иным слухам в социальной среде, особенно на сельском (традиционном) уровне периферии политики, мы выделяем следующие факторы возникновения интереса к слуху: нехватка информации по какой-либо проблеме; степень значимости этой проблемы для индивида и социальной группы в целом; уровень тревожности общества; степень достоверности слуха; уровень подтверждения им ожиданий. Помимо показателей параметров социальной среды на уровень распространенности слухов влияли информационные и коммуникативные возможности прессы, в данном случае: характер влияния печати, уровень замалчивания тех или иных общественно значимых событий; распространенные способы политической борьбы, включающие подчас преднамеренность в распространении слухов, неискренность политики вплоть до сознательного искажения информации.

Устные формы передачи информации преобладали в крестьянской среде, что подтверждает вывод о зависимости средств коммуникации от характеристик и предпочтений социальных групп. Сословные характеристики в этой связи сохраняют свою значимость в силу их влияния на место человека в социальной структуре и влияют на открытость политической информации при учете наличия у представителя любого сословия собственных критериев отбора значимой для него информации. От социальных характеристик, в свою очередь, зависит степень доступа представителя той или иной группы населения к социальному потоку информации, связанной с политикой. Таким образом, политическая

информация находится на пересечении индивидуальных целей граждан и источника информации, обусловленного средой.

Применительно к изучению переходных периодов в истории России учет наличия разноразмерности политического пространства ставит на первый план анализ направленности и эффективности информационно-коммуникативного воздействия из центра на периферию.

Основу пространственно-территориального подхода, на наш взгляд, составляет понятие «политическая периферия» и, как следствие, отношения центра политического пространства и периферии. Термин «периферия» или близкое ему по смысловому содержанию, более распространенное в нашей историографии, понятие «провинция» понимается нами как вся территория государства, за исключением столиц. При этом, проблематика «центр-периферия» выходит за рамки исследования лишь феномена исторического пространства политики, включая в себя аспекты иерархических, ролевых, функциональных, информационных характеристик, неизбежных при анализе взаимодействующих объектов.

Англо-американская традиция при определении термина «периферия» исходит из противопоставления ей центра как носителя потребителю институтов власти (экономической, правительственной, политической, военной) и создателя культурных символов [2]. Провинция расценивается как «место действия» центральной власти, а не как равноправный участник общественно-политического процесса. При этом, периферия рассматривается как многообразное явление и различается по степени периферийности. В данном случае авторы придают гипертрофированное значение роли политического центра, иницирующего все новое, без учета эффекта обратной связи и ответного воздействия со стороны периферии, усиливая значение ее «вторичности». На наш взгляд, диалог со столицами, оживившийся под воздействием реформ 1860–1870-х гг., строился именно на информационно-культурном поле.

В противовес трактовке периферии как «застывшей» хранилище традиционной культуры, враждебно настроенной к столице и ее влиянию, мы рассматриваем русскую провинцию второй половины XIX в. как особое пространство, чутко реагирующее на «новые веяния эпохи». Учет наличия дихотомии «центр-периферия» позволяет изучать динамику массовых политических представлений и настроений, особенно в контексте модернизационного процесса, без отрыва проведения жесткой грани между традиционным и современным обществом, что всегда представляло определенную сложность при изучении реформ в России как переходного политического процесса.

Учет волевой сферы коммуникативного воздействия с признанием наличия дистанции между его субъектом и объектом позволяет значительно расширить методологически возможности исследования именно

пространственных и временных характеристик политического процесса. Основу в данном случае составляет традиционное мировоззрение, опирающееся на культурное оформление элементов архаического мышления, эмоциональное восприятие действительности. Эмоциональное восприятие обыденной жизни, будучи субъективным по своей природе, перерастает в осознание интересов и своего места в цепи происходящих событий. Генезис массового сознания от обыденных представлений до сложившегося общественного мнения является сложным процессом трансформации массового сознания, ускоряющегося в период системных реформ. Взаимосвязь обыденного и общественного уровней сознания просматривается в категориях «настроения», «симпатии», «слухи». Социальные слухи в России всегда являлись отражением интерпретации событий тем или иным сословием.

Анализ реакции провинции на «вызовы времени» позволяет, на наш взгляд, расширить исследовательские рамки изучения предпосылок, характера и последствий реформ и отойти от рассмотрения этой проблемы на уровне или только политической элиты, сконцентрированной в столицах (бывшей столице — Москве и бюрократической столице — Петербурге), или оперирования широкой парной категорией «власть — общество».

Примечания

¹ Афиани В.Ю. Мир русской провинциальной культуры // Русская провинциальная культура XVIII—XX вв. М., 1993. С. 15—22; Каган М.С. Проблемы провинциальной культуры // Мифы провинциальной культуры. Самара, 1992. С. 70—71.

² Social justice and theory. L., 1973. P.11; Olsen M. Political powerlessness as reality // Theories of alienation. Leiden, 1976.

Становление классово-сословной парадигмы в отечественной мысли XIX века

История понятий, или «Begriffsgeschichte» — относительно молодое, но быстро развивающееся направление исторической науки. Смысловое наполнение многих научных понятий и терминов — например, таких как «класс» или «сословие» — современному человеку может представляться самоочевидным. Тем не менее за каждым из этих понятий стоит история долгих теоретических исканий и столкновения мнений; изменение трактовок и даже семантических оттенков терминов научного языка, как правило, свидетельствует о смене парадигм познания. Общеизвестно, что без реконструкции точного значения терминов научного языка невозможно адекватное восприятие историографических источников; но, кроме того, изучение истории понятий стимулирует рефлексию научного сообщества и позволяет глубже понять логику развития науки.

Категории социальной мысли особенно интересны для изучения в силу того, что их история отражает не только становление научной мысли, но и развитие самосознания общества, коллективной идентичности: человеку свойственно ощущать свою принадлежность к большим сообществам, всех членов которых он никогда не будет знать лично¹.

Вопрос о том, в каких категориях описывали структуру своего общества российские мыслители XIX — начала XX вв., подняли американские русисты в 1980-е годы на волне академического интереса так называемого «поколения детей» к социальной истории России². Большинство участников дискуссии пришли к выводу, что на рубеже XIX–XX вв. в российском обществе, наряду с формирующейся «классовой идентичностью», оставались значимыми традиционные разграничения по «сословию», «состоянию» и «чину». При этом сферы влияния классово-сословной парадигм были разграничены: термин «сословие» использовался в официальном дискурсе, термин «класс» — в дискурсе либеральной интеллигенции, убежденной, «что сословная система скоро полностью отомрет ... и что на смену ей придет современное классовое общество, построенное по западному образцу»³. Но при этом зарубежные исследователи исходили из того, что между понятиями «класс» и «сословие» в российской мысли конца XIX в. существовало четкое смысловое разграничение; что понятие «класс» употреблялось в том же значении, в котором оно употребляется в марксистской традиции — «боль-

* © Леонтьева О.Б., 2011

шие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства»⁴.

Задача настоящей статьи — выяснить, как усваивалось в отечественной мысли XIX века новое для нее понятие «класс», как российские мыслители проводили разграничение между понятиями «класс» и «сословие». Это поможет понять, в каких категориях российские образованные люди XIX — начала XX вв. представляли структуру своего общества, с помощью каких интеллектуальных операций они анализировали эту структуру.

В России широкое употребление термина «класс» началось с Петра I, благодаря одному из самых знаменитых законодательных нововведений царя-реформатора — «Табели о рангах»⁵. Именно практика деления чиновничества, офицерства и придворных на «классные чины» впервые приучила российское общество к мысли, что люди (состоящие на службе) могут делиться на классы.

По данным историков, первые примеры употребления термина «класс» в России в значении «общественные группы», и при этом вне контекста государственной службы, можно обнаружить в материалах Уложенной комиссии 1767–1769 гг. (выступление кн. Николая Давыдова); в «Плане государственного образования» М.М. Сперанского (1809); в «Русской Правде» П.И. Пестеля (1821–1823)⁶.

Развернутое определение термина «класс» из них всех дает лишь Сперанский в «Плане государственного образования». Понятийный аппарат этого документа сам по себе интересен: термин «сословие» Сперанский использовал в значении «государственный орган», а термин «состояние» — в значении «социальная группа» (так, он предлагал «открытие всем свободным состояниям права собственности на землю»⁷). Термин «класс» в «Плане государственного образования» используется как синонимичный «состоянию», но при этом с совершенно особым оттенком значения: основанием для «разделения классов», по Сперанскому, является *степень политической и гражданской свободы* лиц⁸.

Однако в «Своде законов Российской империи», составленном в 1830-е гг. «повелением Государя Императора Николая Павловича», Сперанский оперировал лишь терминами «роды людей», «состояния» и «сословия» и уже ни словом не упоминал о «классах». (Возможно, чтобы лишний раз не затрагивать темы гражданских и политических прав?) На этот раз критерием для разделения «главных родов людей» для Сперанского становятся «различия прав состояния». В девятом томе «Свода законов» — «Законы о состояниях» — сказано: «Ст. 2. В составе городского и сельского населения, по различию прав состояния, различаются четыре главные *рода людей*: 1) дворянство; 2) духовенство; 3) городские обыватели; 4) сельские обыватели»⁹. В трудах ученика Сперанского, ведущего российского юриста 1850-х гг. К.А. Неволлина, также употребля-

ются термины «состояние», «звание», «сословие», «разряд» (причем «сословие» и «состояние» — как синонимичные), но нет термина «класс»¹⁰.

Итак, в официальном правовом дискурсе Российской империи вплоть до начала эпохи Великих реформ термин «класс» сохранял лишь то значение, которое имел в «Табели о рангах» Петра I. Это значение зафиксировано и в Словаре Академии Российской, составленном в 1789–1794 гг., и в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля (1863–1866)¹¹. Понятие «класс» в том и другом словаре прежде всего ассоциировалось с организацией прохождения государственной службы или процесса обучения, а также могло использоваться в абстрактном значении «разряд, категория».

Систематическое употребление термина «класс» в российской исторической науке, попытки описать структуру общества в классовых терминах были связаны с историками государственной школы. Так, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин в своих публицистических произведениях часто использовали либо двухчленную модель классового деления общества («высшие классы — низшие классы»), либо трехчленную («высшие», «средние» и «низшие» классы)¹². Однако в развернутом виде классовую модель общества ввел в научное употребление в России историк и правовед А.Д. Градовский, внимательно следивший за политической жизнью и развитием социальной мысли в Западной Европе.

Именно Градовский ввел в обиход отечественной мысли то разграничение понятий «класс» и «сословие», которое стало считаться классическим¹³. В работе «Начала русского государственного права», первый том которой вышел в свет в 1875 г., он противопоставлял друг другу «сословия» («отдельные группы подданных, между которыми сам закон установил наследственные преимущественно различия в правах и обязанностях») и «классы» (чьи различия «основываются на естественных условиях, не подлежащих действию государственного законодательства»): «Различие классов возникает, во 1-х, из различия занятий (класс военных, духовных, ученых, промышленников и т. д.), во 2-х, из условий величины имущества (богатые, бедные), в 3-х, из качества собственности (землевладельцы, капиталисты), в 4-х, из условий количественно-нравственных (образованные и необразованные), в 5-х, из роли, которую играют отдельные лица в экономическом производстве (предприниматели, рабочие). Различие классов стоит вне государственного законодательства и может на нем не отражаться... Напротив, сословия суть явление государственное»¹⁴.

Классы фигурируют в трудах Градовского как главные акторы европейского исторического процесса. В теоретических и публицистических очерках 1860-х годов он писал о формировании в недрах средневекового феодального общества «промышленного» и «торгового» классов; доказывал, что в результате Французской революции выиграли «просве-

шенные средние классы европейского общества»; подчеркивал, что в послереволюционном обществе Франции образовались «две разделенные силы: землевладельческий и капиталистический класс — с одной, и обезземеленное рабочее население — с другой стороны»; охотно пользовался терминами «буржуазия» и «рабочий класс»¹⁵.

При этом российскую историю — в отличие от европейской — Градовский описывал не в категориях «классов», а в категориях «сословий». Будучи последователем чичеринской концепции «закрепощения сословий», он отстаивал точку зрения, согласно которой классы создаются естественным путем, а сословия (по крайней мере, в России) формируются сверху, по воле государства, преследующего свои военно-фискальные интересы. Описывая домосковский период и начальный период централизации, он пользовался термином «классы»; описывая период Московского царства, говорил уже не о классах, а о сословиях. Первоначально «система сословий» в Московском государстве, как считал Градовский, «была основана на начале тягл»: у каждого сословия был определенный объем обязанностей перед государством, но не было привилегий. «История образования привилегированных сословий в собственном смысле слова, — считал Градовский, — начинается с Петра Великого»¹⁶.

Поэтому, обращаясь к анализу расстановки социальных сил в современную ему эпоху, Градовский приходил к парадоксальному на первый взгляд заключению: в России классов нет. «Россия не прошла еще того процесса, который пережила Западная Европа», — писал он; с его точки зрения, Россия еще только «пережила эпоху *сословий*, как государственных установлений». Следовательно, продолжает Градовский, «организация *классов* в русском обществе есть дело будущего, и организация эта зависит от того, какое направление примут русская промышленность, торговля и земледелие»¹⁷.

Приверженцы «государственной школы» сыграли решающую роль в истории понятия «класс» в русской мысли: они открыли возможности широкого применения термина в сфере правоведения, истории и политической мысли и, кроме того, положили начало дискуссии о том, насколько применима классовая модель для объяснения хода российской истории.

Дискуссию продолжил ведущий историк киевской школы М.Ф. Владимирский-Буданов. В 1886 году он опубликовал фундаментальный «Обзор истории русского права», на первых же страницах которого констатировалось: «Население известного государства может состоять или из различных этнографических групп, или из одной нации, и во всяком случае состоит из разных союзов общественных (классов, сословий)»¹⁸. Концепция этой работы была основана на том же разграничении классов и сословий, что и у Градовского: Владимирский-Буданов полагал, что «союз общественный» может считаться сословием лишь в том случае, если обладает корпоративной организацией, правами и привилеги-

ями. Классы же, по мнению историка, образуются там, где есть объективные различия между группами населения – независимо от того, носят ли эти различия экономический характер (отношение к собственности) или политический (близость к власти).

Поэтому, как полагал Владимирский-Буданов, ни в Киевской Руси, ни в Московском царстве XVI–XVII вв. сословий не существовало; там были лишь «классы», но ни один из них не имел «ни *сословной корпоративности*, ни *сословных привилегий*»¹⁹. В Московском царстве он выделял «два класса населения в государстве: служилый и тяглый»; различие классов «истекало не из прав, а обязанностей в отношении к государству»²⁰. Лишь при Петре I, как полагал историк, «начинается образование из прежних служилых и тяглых классов нескольких сословий или состояний»²¹. Однако, отмечал Владимирский-Буданов, законодателям XVIII в. все же «не вполне удалось» создать сословия «не только по форме, но и по духу западных европейских сословий»: это произошло «благодаря противоречию сословного строя древнему московскому строю и благодаря тому, что момент заимствования нами сословных порядков совпал с отменой их в самой Западной Европе»²².

Таким образом, если Градовский считал, что в современной ему России нет классов в европейском смысле этого слова, то Владимирский-Буданов склонялся к тому, что в России так и не упрочилась сословная структура. Точку зрения киевского ученого впоследствии развил крупнейший специалист по государственному праву конца XIX в. Н.М. Коркунов: он был убежден, что «в допетровской Руси сословий в собственном смысле слова не было», что в Петровскую эпоху сословное начало было привнесено в русскую жизнь искусственно, и добавлял к этому, что к концу XIX века сословный строй окончательно изжил себя: «Сословные начала, упорно сохраняемые законодательством, в действительности так чужды русской жизни, что у нас не редкость встретить человека, который и сам не знает, к какому сословию он принадлежит»²³.

Последовательным оппонентом по отношению как к историкам «государственной школы», так и к ученым-правоведам выступил В.О. Ключевский. В советской историографии было распространено убеждение, что Ключевский был сторонником и едва ли не основоположником классового подхода к изучению российской истории²⁴; труды историка, безусловно, давали основания для такой трактовки. Уже на первых страницах своей докторской диссертации «Боярская Дума Древней Руси» (1882) Ключевский обещал читателю обратить преимущественное внимание «на социальный состав думы, на происхождение и значение *классов*, представители которых находили в ней место»²⁵.

Однако далее начинались теоретические новшества. Проводя, вслед за историками государственной школы, разграничение между «экономическими классами», различающимися «родом капитала», и «политическими сословиями», Ключевский уточнял, что с ходом исторического

процесса одно может превратиться в другое. Согласно его логике, группы, образовавшиеся «согласно с разделением народного труда», впоследствии могут получить определенный объем привилегий и превратиться в сословия, равно как сословия с неодинаковым объемом прав могут занять различное положение в «хозяйственном механизме» и тем самым превратиться в классы²⁶. Применительно к истории России Ключевский делает вывод: «В истории нашего общества, по-видимому, господствовали смешанные процессы»²⁷.

Такой подход позволил Ключевскому снять вопрос о различиях между «классами» и «сословиями». В спецкурсе «Терминология русской истории» Ключевский специально уточнял, что «у деления на классы было два основания: политическое — по отношению к князю; и экономическое»²⁸. В другом курсе, «История сословий в России», Ключевский отчетливо сформулировал: «*сословиями мы называем классы*, на которые делится общество по правам и обязанностям»; На протяжении всего курса Ключевский использует понятия «классы» и «сословия» как синонимичные²⁹, настаивая, что «сословное неравенство» могло возникать различным путем: «по праву материальной силы», «по отношениям лиц к верховной власти», «по хозяйственным состояниям», «по роду государственных повинностей», «по правам»³⁰.

Таким образом, Ключевский предложил новую, классово-сословную парадигму в отечественной мысли, согласно которой границы классов и сословий в российском обществе совпадают. Классово-сословное деление общества было положено Ключевским и в основу его знаменитого «Курса русской истории»: воссоздавая историю того или иного исторического периода, ученый в первую очередь стремился выявить, из каких социальных групп слагалось общество на том этапе, каковы были материальное положение, права и обязанности, традиции и интересы каждой из этих групп; в каких отношениях находились они друг к другу и к государству. Вспомним его знаменитую характеристику Смутного времени начала XVII века: «Отличительной особенностью смуты, — писал он, — является то, что в ней последовательно выступают *все классы русского общества*, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов»³¹. В числе «классов», принявших участие в Смуте, Ключевский называет группы, отличавшиеся друг от друга и по правовому, и по экономическому статусу: боярство, столичное и провинциальное дворянство, а также посадских людей, казаков, крестьян и холопов (объединенных понятием «низшие классы»)³².

Таким образом, Ключевский, в отличие от Градовского и Владимирского-Буданова, не проводил четкой разграничительной черты между классами, которые образуются «сами собой», и между сословиями, которые «создаются государством». Отличительной чертой подхода Ключев-

чевского было убеждение, что объем прав/обязанностей и экономический статус социальной группы неразрывно связаны друг с другом, взаимно детерминированы. Можно констатировать, что утверждение в науке «школы Ключевского» подготовило основу для распространения в русской мысли марксистского подхода к вопросу о классовом делении общества.

Следующий шаг в этом направлении был сделан на рубеже XIX–XX вв., когда экономическая история превратилась в одно из самых перспективных и быстро развивающихся направлений отечественной исторической науки, а господствующим способом объяснения логики исторических событий стал поиск глубинных причин этих событий в экономической сфере, в порожденных экономикой социальных конфликтах. Даже далекие от марксизма историки того времени активно использовали схему классового деления общества.

Так, П.Н. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» (1-е изд. 1896–1903 гг.) опирался как на сословную, так и на классовую парадигмы. «Сословия» для Милюкова были прежде всего историко-правовым понятием. Вслед за историками «государственной школы» Милюков считал сословия в России созданием государства: он утверждал, что до конца XV в. сословия были аморфны; что лишь в XVI–XVII вв. государственная власть закрепила сословия «на государственную службу натурой или деньгами», установив тем самым «резкие грани между сословиями» и дав им «принудительную организацию»; что, наконец, в XVIII в. та же власть создала «сословные привилегии и автономную организацию»³³. Но при этом Милюков – вслед за Владимирским-Будановым и Ключевским – полагал, что государство, создавая сословия в своих собственных интересах, творило их отнюдь не «из ничего»: «неорганической массой, сырым материалом, который государство употребило для возведения своей собственной постройки», служили объективно существовавшие классы, различавшиеся по их роли в экономике страны³⁴.

Описывая современное ему российское общество, Милюков выделял различные классы по их роли в общественном разделении труда и по отношению к собственности: например, «класс земледельческий» и «класс земледельческий», «торгово-промышленный класс» (он же – «класс капиталистов и предпринимателей») и «фабричный класс» (рабочие)³⁵. Границы сословий, согласно Милюкову, могут не совпадать с границами классов: «Фабричный класс окончательно сложился в России – фактически, хотя номинально огромное большинство его членов продолжает числиться «крестьянами»»³⁶.

Другой крупный российский историк начала XX века, С.Ф. Платонов, в своих трудах активно использовал схему классового деления общества (восходящую к Ключевскому) и соответствующую терминологию. Так, в знаменитых «Очерках по истории Смуты» он воссоздавал политический кризис в московской жизни XVI – начала XVII веков как

противоборство нескольких «классов»: «правлящего землевладельческого класса» — боярства; быстро растущего «служилого класса», которому правительство в качестве платы за военную службу «систематически передавало землю и крепило трудовое население»; а также «тяглой массы» — «промышленного и земледельческого класса, труд которого служил основанием народного хозяйства»³⁷. Классы в данном случае выделялись как по их роли в системе разделения труда, так и по объему привилегий, прав и обязанностей (то есть их границы приблизительно совпадали с границами сословий).

Но в работах Платонова важно не только то, что он использовал классовую схему деления общества, а то, что теория социальных конфликтов, как и у Ключевского, стала основной интерпретативной стратегией при воссоздании хода отечественной истории. События Смутного времени на страницах трудов Платонова представляли как хроника полноценной социальной революции, результатом которой стала «смена господствующего класса». «В Смуте уничтожилось старое боярство и было поражено казачество», — писал он; с точки зрения Платонова, «верх и низ московского общества проиграли игру, а выиграли ее средние общественные слои»: «простой дворянин и “лучший” посадский человек»³⁸. Монархия Романовых, таким образом, представляла как революционная власть, вынесенная наверх победой «средних слоев». Политическим органом победивших социальных классов, с точки зрения Платонова, стал Земский собор; их манифестом — Соборное Уложение 1649 г., оформившее крепостной строй в России.

Осветив историю России XVI—XVII вв. как историю глубоких социальных реформ, бурных социальных конфликтов между различными «классами», революции, повлекшей за собой смену власти и ее социальной опоры, Платонов тем самым дополнительно закрепил в сознании образованного российского общества классовую парадигму. По существу, Ключевский, Милюков, Платонов и их коллеги приучили читателя в изучении истории российского общества за стремительным ходом политических событий видеть сложную игру социальных, классовых интересов.

Можно констатировать, что к началу XX века в российской мысли классовый дискурс завоевал достаточно прочные позиции. Достижения исторической науки и правовой мысли утвердили в сознании образованных современников убеждение, что общество делится на классы; что классы выделяются по экономическому признаку или по совокупности экономических и правовых признаков; что их взаимоотношения определяют характер общественного строя. Классовая терминология широко применялась для объяснения хода русской истории с эпохи раннего средневековья до периода «развития капитализма в России». При этом классовый и сословный дискурсы не были полярными противоположностями, они были тесно взаимосвязаны и плавно перетекали друг в

друга: ученые государственной школы и их последователи интерпретировали российскую историю как путь от естественно возникших классов к созданным «сверху» сословиям, а от сословий — снова к классам; последователи школы В.О. Ключевского, напротив, считали грань между классовым и сословным делением общества достаточно условной.

Примечания

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 28.

² Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000; Haimson L.H. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // *Slavic Review*. Vol. 47. № 1. Spring 1988; *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / ed. by Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1991; и др.

³ Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации [1993] // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология. С. 176–177.

⁴ Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. С.15.

⁵ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. С. 56–66.

⁶ Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России. С. 129, 142. Слова Н. Давыдова цит. по: Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 4: Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения, собранные и приведенные в порядок Д.В. Поленовым. Ответственный за выпуск: А.А. Половцов. СПб., 1869. Ч. 1. С.180.

⁷ Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.), с приложением «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и Пермского письма к Императору Александру. М., 1905. С. 24, 32–33, 45–49 и др. На особенности понятийного аппарата Сперанского обращал внимание Г. Фриз — см.: Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России. С. 132.

⁸ Фриз Г. Указ. соч. С. 52–53.

⁹ Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Законы о Состояниях: Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его И.В. Канцелярии, 1832. С. 5.

¹⁰ Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. I: Введение и книга первая о союзах семейственных. СПб.: Типогр. Импер. Академии Наук, 1851. С. 64–73; Неволин К.А. Полн. собр. соч. Т. I: Энциклопедия законоведения. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части. СПб., 1857. §79. Права и обязанности в гражданском обществе. § 82. Права и обязанности в Государстве. С. 61–62.

¹¹ Словарь Академии Российской 1789–1794. Т. 1–6. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2002. Т. 3: 3 – Л., 2002. Стб. 590–591; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 1978–1980. Т. 2: И – О. М.: «Русский язык», 1979. С. 113–114.

¹² Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 12, 564–569; Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 92–93; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 522–523.

¹³ См.: Энциклопедический словарь. Т. XV: Керосин – Коаие. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. С. 323–324.

¹⁴ Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 7. Начала русского государственного права. Ч. I: О государственном устройстве. 2-е изд. СПб., 1907. С. 186–187.

¹⁵ Там же. С. 382, 384–385, 354, 445.

¹⁶ Там же. С. 187–189, 200.

¹⁷ Там же. С. 449–451.

¹⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: ИД «Территория будущего», 2005. С. 42.

¹⁹ Там же. С. 48–50.

²⁰ Там же. С. 143.

²¹ Там же. С. 280.

²² Там же. С. 276–277.

²³ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I: Введение и общая часть. Изд. 2-е. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1893. С. 207–208.

²⁴ См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 454–457; Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 282.

²⁵ Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси: Репринт. изд. 1902, 1892 гг. М., 1994. С. 7, 14.

²⁶ Там же. С. 7–8.

²⁷ Там же. С. 12.

²⁸ Ключевский В.О. Терминология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VI: Специальные курсы. М., 1989. С. 132–142.

²⁹ Ключевский В.О. История сословий в России // Там же. С. 225.

³⁰ Там же. С. 237–238.

³¹ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 148. (Курсив мой. – О.Л.)

³² Там же. С. 148–166.

³³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.1. 7-е изд. М., 1918. С. 258.

³⁴ Там же. С. 222.

³⁵ Там же. С. 70, 252–253, 175–176, 83–85, 96.

³⁶ Там же. С. 96.

³⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1995. С. 84–92, 109, 121.

³⁸ Там же. С. 365–366.

*В.Н. Шульгин**

Эпоха Столыпина: духовно-нравственная атмосфера России как фактор противодействия последнему реформатору Империи

Эта статья – благодарное приношение профессору Петру Серафимовичу Кабытову от бывшего студента истфака СамГУ, выпускника 1975 года и соискателя докторской степени по отечественной истории, работавшего под его началом. Столыпиноведение – одна из главных тем его творчества. Уже в 1972 г., когда был положен почин научным публикациям юбиляра, вышла в свет его первая «столыпинская» работа¹. Далее, в 1970–2000-е годы, продолжают публиковаться статьи и книги ученого, связанные с изучением наследия Столыпина². Глубина проникновения в тему заставила исследователя обратиться к ряду важных источниковедческих проблем, подчас выпадающих из поля зрения историков³.

Столыпин, как это показывает историк, был убежден в способности Российской Империи развиваться в XX веке самобытным и альтернативным Западу путем. Реформатор опирался на русские духовные и политические традиции в сочетании с восприятием всего передового, что дал миру опыт европейской цивилизации. Историк указывает, что Столыпин «...стремился **защитить устои государственности** не заклинаниями, а делом: **осуществлением либеральных реформ**, призванных ускорить процесс модернизации страны»⁴. Автор этих строк, идя в русле данного исследовательского подхода, стремится в своих работах показать наличие в новой истории России интеллектуальной *свободно-консервативной* традиции, восходящей к Карамзину и Пушкину. Наши классики умели совокуплять или синтезировать русскую *старину* (церковную, монархическую, народную) с европейской *новизной*, давшей опыт развития «снизу» гражданской свободе народов⁵.

* © Шульгин В.Н., 2011

В данной статье ставится задача выяснить некоторые аспекты состояния церковности, главной «несущей конструкции» Империи, сквозь призму восприятия этой ключевой проблемы искренне религиозными клириками и мирянами. По сути, обращается внимание на обстоятельства духовно-нравственного плана, противодействовавшие дельности Столыпина. Обычно историки их не анализируют, что является проявлением укоренившейся в гуманитарном знании позитивистской методологии, ценящей исключительно «объективные» факторы исторического процесса, особенно экономические или социальные противоречия. Между тем жизнь свидетельствует, что исторические перемены обуславливаются волеизъявлением людей, которое определяется не столько самой социально-экономической средой, сколько ее восприятием сквозь призму той или иной религиозно-культурной традиции и народного характера (менталитета). Поведение русского православного купца будет мотивировано другим этосом, чем поступки его западного протестантского коллеги. Со времени С.Н. Булгакова и М. Вебера, доказавших справедливость этого заключения научно, подобный, христианский в основах, методологический подход стал известен, хотя он далеко не всегда применяется в исследовательской практике гуманитарных наук⁶. Волевой акт человека может быть детерминирован исключительно религиозными или культурными образами, если они считаются определяющими. Тогда появляются подлинники самородки, считающие себя проводниками Божественных предначертаний, например, Жанна д'Арк или Кузьма Минин. И никакие «объективные условия» не способны остановить героя, которого ведет за собой необоримая духовная сила.

Столыпин был из числа этих главных героев мировой истории. Он не боялся бросить вызов самой эпохе, казалось бы, предопределившей ниспадение России в революцию. Будучи подлинным носителем православно-христианской духовности, он знал что сможет остановить революцию, если верховная власть не прервет его служения России. Даже В.И. Ленин, наиболее способный революционер-разрушитель, имевший беспримерное политическое чутье, соглашался с такой постановкой вопроса, мысля в категориях марксизма о возможной победе буржуазной модернизации России под водительством Столыпина, что нарушило бы глобальные революционные планы интернационального марксизма.

П.С. Кабытов далеко не случайно пишет о «трагедии упущенных возможностей»⁷, имея в виду гибель реформатора от руки революционера-провокатора в 1911 г. Думается, что мысль Достоевского, сказавшего, что потомки будут разгадывать загадку, которую унес с собой убитый на дуэли Пушкин, можно применить и к Столыпину. Национальный поэт и национальный реформатор не сумели довершить дела своей жизни и привести Россию и русский народ к тому состоянию, о котором грезились: «Россия! встань и возвышайся!»⁸ Однако они сделали достаточно, чтобы судить о сути их эпохальной миссии, которая далеко еще

не завершена, являясь действенным сокровенным фактором современных процессов, по-прежнему несущих возродительский потенциал. И Россия до сих пор может приближать свой час и день только потому, что среди ее великих воплощений были такие герои, как поэт Пушкин и политик Столыпин. Заветы наших великих сегодня даже более современны, чем в годы их земной жизни. Тревожные явления, с которыми они боролись, до сих пор препятствуют решительному возвращению нашего Отечества к собственным началам и завершению большого петербургского периода, космополитизм которого удивительным образом перекочевал из XVIII в. в век XXI.

Методология работы предопределена убеждением в определяющем значении духовных начал бытия, как это выявила отечественная интеллектуальная традиция XIX – начала XX века. Святитель Филарет учил: «Душа, основание жизни, есть дыхание Бога Творца. Тело, жилище и орудие души, – дело рук Божиих...» Отсюда проистекает, что существующее «...над человеками человеческое правление... нимало не противоречит тому, что каждый из них имеет, по естеству, свободную волю»⁹. Подобный духовный подход был унаследован русской мыслью¹⁰. Он противостоит традиционным детерминистским «железным» схемам исторического процесса, отвергающим свободу человеческого действия, порабощающего его фетишем социально-политических и экономических *форм*.

Христианам известно о возможности личного спасения человека, несмотря на какие бы то ни было внешние обстоятельства, поскольку все главное зависит от свободного дерзновения личности, способной услышать глаголы вечности. Подобно тому и жизнь народа определяется укорененными в нем духовными настроениями, формирующими либо волю к действию во имя добродетели, либо скептическую пассивность и равнодушие ко злу¹¹. Уверенность в созидательных способностях человека, несмотря на любые **наличные обстоятельства**, предполагает возможность спасительного альтернативного действия¹². Русское консервативное просвещенное самобытничество, в том числе славянофильство и почвенничество, всегда было уверено в большом потенциале национальных начал жизни, противостоящих западному обмирщению (секуляризму).

Столыпин со знанием дела и с чувством принадлежности к православно-русской традиции попытался воплотить в жизнь думы и чаяния творцов *русской идеи*. Как и Пушкин, он был сторонником свободного исторического творчества, понимая, что нет никакой запрограммированной предопределенности в подражательном развитии России. Поэт учил демократа Н.И. Полевого самобытной «формуле» русской истории, у которой свой путь и динамика. Пушкин писал: «...Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой...» Необходимо сознание собственных цивилизующих начал, тогда явится понимание уникальных возможностей России, которой незачем подражать чужим землям. Пуш-

кин указывал: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра»¹³. К сожалению, на государственных верхах до 1917 г. сознание необходимости отечественной цивилизационной альтернативы так и не укоренилось. Однако непрерывное и мощное развитие этой духовной традиции среди главных деятелей русской культуры (вплоть до сего дня) позволяет надеяться на ее конечное торжество.

К концу XIX в. духовно-нравственное состояние России характеризовалось прогрессирующей деградацией, предопределившей остроту главного исторического вызова, которому решил дать свой полномочный ответ Столыпин. Масштаб его личности можно понять лишь при внимательном рассмотрении общественной обстановки эпохи. На рубеже XIX и XX вв. многим казалось, что крушение старой России предопределено. Так во многом и было. Взглянем и мы на Россию XIX века с главной, духовно-нравственной точки зрения, чтобы оценить, с чем столкнулся Столыпин и что до сих пор препятствует нашему возрождению.

Исследователи давно спорят о степени успешности преобразований Столыпина. Думается, что учет религиозно-нравственного состояния общества, с которым столкнулся реформатор, позволит уточнить сложность стоявших перед ним проблем. Происходил трагический распад русской Триады веры, царственности и народности. На этом поистине кризисном фоне снижения духовности обостреннее чувствуется трагизм положения преобразователя, оставшегося верным православному призванию своего народа. Не случайно П.С. Кабытов пишет, что «...биография П.А. Столыпина тесно переплетена и взаимосвязана со сложной и противоречивой эпохой второй половины XIX — начала XX вв.»¹⁴

Общеизвестно, что русская Триада была главным хранительным началом жизни России. Менее сознается, что в течение всего предреволюционного века ослаблялось единство в составе этого союза устоев национальной жизни вплоть до их краха в 1917 г. Наши исторические цивилизующие начала тогда «разбежались» в разные стороны. Церковь в ее преобладающем целом выступила против Царства¹⁵. Народ в значительной мере к 1917 г. также был настроен против «проклятого царизма», поддерживав революционные партии, о чем свидетельствуют выборы в Учредительное Собрание. Кризис протестантского по типу абсолютизма, который недопустимо смешивать с православным *самодержавием*, был следствием утвержденного Петром Великим разлада в составе Триады. Упорство официальной России XIX — начала XX века в отстаивании губительного в перспективе «новодела», скопированного с протестантской Европы, и предопределило нисходящий упадок христианской монархической государственности на Руси. Тем важнее для уразумения этой истины знание того, что ослепшей казенной России департаментов и консисторий духовно противостояла *другая Русь*, вождями

которой были Филарет Московский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев с товарищами и последователями. Национальной трагедией было бессознательное гонение представителей этой свободно-консервативной традиции со стороны официальной квазиохранительной бюрократии.

Без осознания проблемы «разрыва Триады» и неизбежного раскола внутри правящей и культурной элиты петербургской Империи наше понимание обстоятельств ниспадения России в революцию будет неполным. Историки, художники будут приводить бесспорные свидетельства величия нашего исторического пути, сообщать точнейшие данные о социальном и экономическом здравии народа, жившего самодостаточной жизнью, певшего свои песни, водившего тысячные хороводы по сельским праздникам, дававшего жизнь здоровым детям в беспрецедентном для цивилизованной Европы числе... и невольно чего-то важного не договаривать¹⁶. А именно, того главного, что имеет в виду пословица «рыба гниет с головы»

Истоки революционного кризиса уходили в XVII век и состояли в насильственном искажении Петром I православных принципов симфонии властей. Именно тогда был вбит клин между двумя главнейшими членами Триады, Церковью и Царством. Конечно, этому способствовала предшествовавшие события, связанные с однобокой решительностью патриарха Никона, приведшие к церковному расколу и конфликту патриарха с царем Алексеем Михайловичем. Позднее обстановка только осложнилась, и Петр I нанес удар по иерархии и церковным канонам. Царь приступил к травле церковных деятелей, опираясь на традиционную народную верность монарху, что стало еще одним соблазном, разъедающим страну. Царь издевался над православной соборностью, подверг клир осмеянию, учредив кощунственный «всепьянейший и всешутейший собор». Не случайно антиправославный настрой Петра встретил радостный прием у папского Рима. Так, иезуит Эмилиан доносил начальству (23.06.1699): «...настоящего патриарха (Адриана. — *В.Ш.*) нам нечего бояться <...> он уже с давнего времени не совершает никакого богослужения по причине постоянного нездоровья. Его деятельность, может быть, восполнили бы другие епископы и архимандриты, но не решаются показать своей... ярости, потому что царь очень смирил их. Он довольно часто называл их ослами»¹⁷.

Курс на унижение православия вызвал критику со стороны не только церковных деятелей, но и позднейших вождей общества, Карамзина и Пушкина, подлинных основоположников свободного консерватизма, став характерной особенностью русской мысли предреволюционной эпохи. Славянофилы и почвенники лишь детализировали выводы, к которым пришли их главные предшественники¹⁸. Пушкин стал связующим звеном между Карамзиным и славянофилами, усилив духовную сторону критики Петра I как «разрушителя»¹⁹, «гонителя духовенства», «странного монарха» и «протестанта царя»²⁰. Монарх разрушил отноше-

ния, сложившиеся в христианском государстве. Поэт писал: «Связи древнего порядка вещей были прерваны навеки <...> Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победой и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр»²¹. Пушкин осудил Петра и за злоупотребление другого рода, так как царь в 1722 г. «...уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца»²². Поэт скорбел, что в течение всего XVIII в. продолжался политический курс, наносивший урон органическому строению царства. Он заметил: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния... она нанесла сильный удар просвещению народному». Пушкин, подобно позднейшим славянофилам и почвенникам, считал православие воплощением высшей духовной истины, главным устоем России. Он указал: «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер». Основополагающее значение русской церковности очевидно: «В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римо-католических»²³.

Грех, который было необходимо изжить, заключался, по Пушкину, в казенно-формальном, потребительском отношении верхов к религии. Поэт понимал, что подыремное положение Церкви не может длиться бесконечно долго. В стихотворении 1836 г. «Мирская власть», прижизненно не опубликованном, поэт обратил внимание на эту проблему, нерешенность которой грозила бедами. Он, идя за Карамзиным, раскритиковал насильственное вмешательство гражданской власти в церковные дела, выступив против странного нового обыкновения в Страстную пятницу ставить часовых у плащаницы в Казанском соборе. Поэт, по сути, ратовал за возвращение к порушенной при Петре православной симфонии²⁴.

Склонность верховной власти к механическим регламентациям и насилию над священными устоями приводила, по верному чувству Пушкина, к постепенному отчуждению политической сферы Империи от духа *народности*. Неизбежной стала бюрократизация государственной жизни. Власть отвернулась от людей, стремившихся свободно исповедовать охранительные принципы православной Триады и, наоборот, сделали ставку на слепое послушание подданных самодержавию, искаженному на западный абсолютистский манер. В конце 1820-х годов в стихотворении «Друзьям» Пушкин предостерег знать, сказав о губительном для нее канцелярском формотворчестве, презирающем традиционные устои Руси. Поэт писал: «Беда стране, где раб и льстец / Одни приближены к престолу, / А небом избранный певец / Молчит, потупя очи долу»²⁵. Это говорилось в первые годы царствования Николая I в надежде побудить волевого монарха сотрудничать с искренними, свободными сторонниками православного царства, хотя, как это видно из стихотворения, поэт не вполне был уверен в успехе, предвидя и возмож-

ную фатальную деградацию петербургской государственности под действием вевшейся в нее подражательности.

Митрополит Филарет (Дроздов) (1782–1867) непрерывно обращал внимание на забвение Петербургом православных начал жизни, что в перспективе могло иметь лишь катастрофические последствия. Несмотря на монашеское смирение, ему пришлось противостоять и обер-прокурорам Синода, и лично Николаю I. Так, в частности, случилось при обер-прокурорах С.Д. Нечаеве (1833–1836) и Н.А. Протасове (1836–1855). Биограф святителя, покойный митрополит Иоанн (Снычев), отметил, что Нечаев сразу же по своем назначении учредил секретный жандармский надзор за епархиальным управлением Филарета и других владык. Резко повысилась бюрократизация церковного ведомства, епископов обязывали мелочной отчетностью, угнетали придирками. Словом, Нечаев «...пытался ограничить архиерейскую власть и дать больше силы консисториям». Его влияние сделалось столь значительным, что лишило Синод должной самостоятельности и свободы²⁶. Архиереи то протестовали, то уступали. Наконец, Нечаев был смещен после жалобы, поданной царю первоприсутствующим членом Священного Синода, митрополитом Серафимом. Но радость архиереев была недолгой.

Новый обер-прокурор Протасов находился под латинским влиянием, стремясь ввести в Русской Церкви порядки по римскому образцу, что оборачивалось дальнейшей бюрократизацией церковного управления²⁷. Митрополит Иоанн писал: «Тяжелую руку Протасова первым ощутил... Синод. Вместе со своим помощником К.С. Сербиновичем, воспитанником иезуитов, за короткий период времени он добился того, что уничтожил Комиссию духовных училищ, где заседали члены Синода, и создал духовно-учебное управление... наподобие министерского департамента; для финансовой части... учредил хозяйственное управление и в директоры к нему вызвал человека со стороны»²⁸. Обер-прокурор издевался над иерархами Церкви, а «архиереями командовал как эскадром на учении». Первоприсутствующий в Синоде Серафим в 40-е годы пенял себе и другим: «...выпросил его вам, и вот семь лет смотрю, как он всех задирает. Дух из всех повышиб...»²⁹ Сталкивался Протасов и с московским святителем. Так, Филарет резко выступил против планов обер-прокурора объединить по западному образцу духовные училища со светскими под ложным предлогом отсталости учебного дела в церковных школах. Затем Протасов поддержал странное предложение Министерства государственных имуществ ввести в преподавание семинарий курсы медицины и сельского хозяйства. Филарет заметил: «Священник, просвещенный в вере, благоговейный в богослужении, честный в жизни... не будет ниже их от того, что мало сведущ в сельском хозяйстве. Не имеющего вышеизложенных качеств не возвысит знание сельского хозяйства».³⁰ Царь Николай I согласился с доводами святителя, и план обмирщения духовного образования не прошел.

Недовольство Протасова привело к обвинению Филарета чуть ли не в государственной измене. Святитель был вынужден подать прошение об увольнении из Синода. Николай I поддержал Протасова, ставшего теперь полномочным хозяином в Церкви. О московском митрополите распухали ложные слухи, что он настроен против законного государя. Император клевете верил. В обществе были уверены, что «митрополит Московский попал в опалу и стал гонимым»³¹. Так в 1842 г. закончилась история личных отношений царя и Филарета, стоявшего за каноническую независимость Церкви. Сказанное свидетельствует о росте неблагополучия во взаимоотношениях государства и клира. Представители гражданской власти и общества были свидетелями недопустимых подозрений политических верхов в адрес священства, что было поистине разрушительным явлением, способствуя «отрыву» *народности* и от *православия*, и от *самодержавия*. **Так русская охранительная Триада разваливалась под давлением все более обмирщавшейся верховной власти.** Святитель Филарет понимал, куда все клонится, и не уставал предостерегать верхи о нарастании революционной волны, которая грозит затопить Россию из-за уклонения образованного общества от принципов христианской жизни. Его тревожил вал кощунственных публикаций в пореформенной либеральной печати, рост богоборчества в университетах.

В конце 1861 г. митрополит повелел диакону своей домово́й церкви на службах по окончании сугубой ектении добавлять особое прошение Богу «...отвратити всякий гнев на ны движимый, избавити нас от надлежащего и праведного Своего прещения, и помиловати нас недостойных...»³² Это молитвенное прошение он передал и священству епархии с разрешением употреблять всем желающим за богослужением. Поразительно, но иные представители государства и светских кругов сочли это молитвенное прибавление проявлением политической неблагонадежности Филарета. Министр внутренних дел П.А. Валуев даже сделал запрос московскому генерал-губернатору проверить подозрения, и святитель должен был оправдываться³³. Поразительно, что царская власть, попавшая в плен подражательности либеральному Западу, не чувствовала собственной поврежденности и недоброжелательно относилась к попыткам духовного оздоровления, исходившим от церковных людей³⁴.

Так в петербургских верхах быстрыми темпами шла, по сути, русофобская мобилизация правительственной и интеллигентской элиты, с неприятием относившейся к церковности. Филарет имел полное право писать в официальном отчете за 1864 г.: «Ложные учения продолжают свои нашествия на общество, нравственность народная продолжает упадать...»³⁵. Тютчев же прямо в письме к графине А.Д. Блудовой писал, что «власть в России на деле *безбожна*» и характеризуется «полным разрывом со страной и ее прошлым». Поэт-политик предвидел фатальный революционный кризис из-за отрыва «всей официальной России» от духа «святой Руси». Он предрекал, что страну из-за раскола элиты на

национальное меньшинство и космополитическое большинство ждут «столь ею заслуженные» испытания³⁶. Филарет также предвидел возможное революционное ниспадение из-за противоречий петербургского периода. Так, еще 1816 г. в проповеди на Страстную пятницу содержалось следующее пророчество, навеянное ослаблением православного духа в верхах страны: «Пусть, наконец, настанут и те лютые времена, когда человеки *здравиго учения не послушают...* и к басням уклонятся... вослед за лжеучением приведут богоотступление и самую любовь иссушат преумножением беззакония. По мере сил событий сила крестная <...> сотрясет всю землю, **разрушит в ней то, что возвышалось, затмит то, что блистало**, не столько в отмщение врагам Божиим, которые обыкновенно сами уготовляют себе гибель, сколько для того, чтобы ускорить и довершить привлечение всего к Вознесенному от земли»³⁷. Тревога святителя властвующих не волновала.

Как отмечает исследователь П.Г. Проценко, честные церковные служители, «...добровольно бравшие на себя заботу о духовных устоях общества, всегда вызывали... острую тревогу» у официальной России. Книги и поучения святителей Церкви «...сановные чиновники стремились... подчистить, пригладить, чтобы не кололи, не волновали умы и души подданных Его Императорского Величества». Исследователь прав, заключая, что смерть не внезапно настигла Российскую Империю. Революция началась при царях: «Обер-прокуроры, лучше всяческих безбожников разоряющие церковь, знакомы еще по дореволюционным... годам»³⁸. Простим автору публицистический перехлест ради основательной доли истины, содержащейся в его суждении.

Вот и святитель Филарет понимал, что на священстве и монашестве не может не отразиться то падение духовности, которому виной «образованные классы» общества, отошедшие от народных идеалов. Биограф Филарета отметил, что его героя возмущал дух времени с модой на «...идеи фатализма и деизма, отрицавшие промысел Божий и необходимость молитвы..., индифферентизма, гегелизма, материализма и нигилизма»³⁹. Священство не могло оставаться бесконечно долго несокрушимым оплотом разливавшемуся половодью обмирщения политических верхов страны и интеллигентского общества. В своих интимных записках позднего периода Филарет с горечью писал о духовной деградации все большего числа служителей церкви: «С горем и страхом смотрю я на избилие людей, заслуживающих лишения сана»⁴⁰. Реакция других православных деятелей на процессы, происходившие как в миру, так и внутри церковной ограды, свидетельствует, что мнения московского митрополита об опасном духовном состоянии государственной элиты и клира были глазом Церкви истинной.

Феофан Затворник (1815–1894) в письме-вразумлении одному родителю, обеспокоенному, что его сын, проживая в школьном общежитии, вынужден был прятать икону, писал: «У вас забота – сын... начинающий колебаться... Что делать! Сатана все полчища свои напустил на

Россию, потому что одна только она и есть держава, держащая истину... И вот видим, какие шибкие он имеет среди нас успехи!»⁴¹ Св. Феофан писал, что все русское образованное общество в период реформ охватило «прогрессистский бред», когда филантропические разговоры сочетались с подлинным духовным повреждением, а любовь «к человечеству» была лишь вредным пустословием, оборачиваясь интеллигентским презрением к ближнему⁴².

Святитель Игнатий Брянчанинов (1807–1867) в 1845 г. в письме к митрополиту Исидору отмечал падение духа подвижничества среди монахов⁴³. Позднее, в период реформ, в 1860 г. в письме к епископу Леониду св. Игнатий писал: «Московские журналы открыли войну против монашества. Они называют его анахронизмом. Надо бы говорить откровенно и сказать, что христианство становится анахронизмом. Смотри на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит христианству и вступает в отношения к нему враждебные <...> положение священников, особливо благонамеренных, становится самое трудное»⁴⁴. Аналогичные мысли владели и писателем Н.С. Лесковым⁴⁵.

Беда заключалась в прогрессирувавшем ментальном и нравственном отрыве верхов от народа. Св. Игнатий в другом письме епископу Леониду отметил, что «европейское учение» сильно «разрознило» «главные сословия отечества» и Церковь неизбежно «должна пострадать». Далее указывалось, что уже «трудно найти монастырь благоустроенный». Воздвигается много огромных церковных зданий, создается «вид как будто процветания». Но это лишь обман зрения: «Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! Во многих обителях совершенно потеряна нравственность». Отмечалось, что все большее число семинаристов стремится лишь к материальным выгодам, почему «у нас почти нет монашествующих из воспитанников семинарий». Отсюда «большой упадок» монастырей, становящихся «пристанищем для одной неграмотной ревности». Вывод был тревожный: «Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не изобиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время...» Повсюду распространяется «европейское просвещение с блудом своим», с приверженностью к одним деньгам⁴⁶.

Рост материального и людского могущества Империи не заслонял возможной революционной перспективы, поскольку духовно Россия падала. Святитель отмечал в конце 1861 г.: «Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль предвещает их...»⁴⁷ В 1863 г. святитель в письме к Антонию уже прямо говорил о «кончине монашества», приметой чего является прекращение монахами «внутреннего делания» и «удовлетворение себя наружностью напоказ». Часто этим актерством «маскируется страшная безнравственность», а «истинным монахам нет житья в монастырях от монахов актеров». Игнатий

Брянчанинов заключал, что монастыри «истлели нравственно и уже уничтожились сами в себе». Посему «должно ожидать окончательных ударов, а не восстановления». И позднее, в 1864 г., он писал об «отживающем монашестве»: «Восстановления не ожидаю. Восстановить некому»⁴⁸.

Святитель констатировал неизбежный результат повреждения русской Триады из-за нанесенного сверху удара по сцепке «церковь—народ—государство». Он писал в 1866 г. об «общем и быстром охлаждении народа к Церкви», прибавляя: «Религия вообще в народе падает. Нигилизм проникает... Во множестве крестьян явилось решительное равнодушие к Церкви, явилось страшное нравственное расстройство»⁴⁹. Святитель, по сути, высказывал мысль о неизбежности и даже полезности внешних революционных ударов по России, которые будут «справедливым попусшением Божиим», чтобы страна сбросила с себя накопившуюся ложь.

Становится понятно, почему полвека спустя подлинно церковные люди встретили богоборческую революцию 1917 года со смирением, понимая ее как необходимое воздаяние за страшный грех прошлого сытого отступничества от Христа⁵⁰. Святые и поэты почувствовали неизбежность грядущего воздаяния задолго до начала революционной Гражданской войны. Митрополит Арсений писал в 1862 г.: «Мы живем в век жестокого гонения на веру и Церковь под видом коварного об них попечения»⁵¹. Оптинский старец иеросхимонах Илларион (1805–1873) в письме к духовной дочери в июле 1869 г. писал, критикуя политику Синода: «О сокращении у вас в городе приходов и приписывании их к другим церквам очень жал! И у нас в городе тоже самое. *«Тайна антихристова, — гласило Писание — деется»* (Ср. 2 Фес., 2,7). А теперь, похоже, и явно действует»⁵².

Обер-прокурор Синода граф Д.А. Толстой, бывший проводником этой антицерковной политики, по свидетельству одного священника, донесенного нам В.В. Розановым, «...перед смертью приказал родным, чтобы к гробу его, к отпеванию не был допущен ни один архиерей; отсутствие их на похоронах удивило печать и общество и было сочтено за враждебность к умершему: между тем это было следствием его личного предсмертного распоряжения»⁵³. Удивительна последовательность системы, созданной Петром Великим: государь, называвший епископов «ослами», и его поздний продолжатель гр. Д.А. Толстой, по-вольтеровски отвращавшийся от всего народно-религиозного, продолжая тем самым петербургское унижение Церкви. При этом Толстой имел репутацию «консерватора». На деле его консерватизм был лишь слепым охранительством петровского статус-кво, разрушавшего русскую Триаду⁵⁴. Этот сановник охранял не Святую Русь (наоборот, та бессознательно разрушалась верхами), а петербургский новодел, порочность и соблазнительность которого была очевидной для мудрого русского меньшинства, начиная с конца XVIII в.⁵⁵

В 1865 г. Игнатий Брянчанинов в письме к Антонию прямо указал на революционную перспективу тех антицерковных процессов, которые распространились при Николае I: «Я переживал... ту эпоху, во время которой неверие и наглое насилие, назвавшись Православием, сокрушали нашу изветшавшую церковную иерархию, насмехались и издевались над всем священным. Результаты этих действий поныне ощущаются очень сильно». Отношение верхов страны к святительству святитель называл «действием врагов Церкви и Христа» и предвидел неизбежные гражданские и церковные потрясения⁵⁶. Поскольку «ключи разумения у книжников и фарисеев», что-либо сделать в существующих обстоятельствах невозможно. Люди «от силы благочестия отреклись», держась еще только за внешнее ее ложное подобие. Остается «плакать и молчать», ожидая воздаяния⁵⁷.

Тема грядущего революционного возмездия всецело владела святителем Иоанном Кронштадтским (1829–1908), обращавшим свое пастырское внимание на падение православной духовности в народе как главнейший фактор грядущей смуты. Он писал: «Люди впали в безверие оттого, что потеряли совершенно дух молитвы или вовсе не имели и не имеют его... Князю века сего (сатане. — *В.Ш.*) простор для действия в сердцах таких людей; он господин в них»⁵⁸. Временная победа «плотского человека» над духовным, когда люди во множестве начали уклоняться от хождения в храмы и приобщения Таинствам, неизбежно должна обернуться бедой. Святитель предостерегал: «...берет меня страх и жалость: страх потому, что ожидаю великого гнева Божия на невнимательных, неблагодарных и злонравных; жалость — потому что вижу многое множество христиан, добровольно лишаящих себя неопisanного блаженства будущей жизни и ввергающих себя в огонь вечный — на вечныя муки»⁵⁹.

Святитель чувствует наступление революционной, обучающей расплаты. Как-то лунной зимней ночью он особо остро предвидел это наказание и одновременно — очищение во имя грядущего возможного возрождения Руси. Иоанн, молитвенно обращаясь к Богу Вседержителю, рек, что люди забыли благодеяния, в том числе и священное значение христианской власти царя. Он молит Бога о ниспослании должной кары, без которой уже невозможно возрождение: «Так Господи <...> **Остается наказаниями, горечью, теснотою, огнем, нашими же злобами вразумлять нас — нас сластолюбивых...**» Далее следовало провозвестие о грядущем: «Мир находится в состоянии дремоты, греховного сна, спит. **Будит его Бог войнами, моровыми поветриями, пожарами, бурями сокрушительными**»⁶⁰.

Безымянный автор предисловия к одному из старых изданий дневника Иоанна Кронштадтского отметил пророческий пафос письма святителя, сказав: «В отношении к нашей Родине... о. Иоанн явил собою грозного пророка Божия... призывающего к покаянию и предрекающего близкую кару». Было обращено внимание на следующие провидчес-

кие слова святителя: «Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению»; «Бедное отечество, когда-то ты будешь благоденствовать?! Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству»⁶¹. Эти слова святителя показывают его понимание катастрофического значения распада русской Триады и то, что спасти Россию может только ее возрождением в правде и силе.

Митрополит Макарий (Невский) (1835–1926) в бытность архиепископом Томским в 1902 г. обратил внимание на религиозное отступничество правящей элиты, заменившей «чистоту нравов» ложным «лоском внешних приличий», а храм Божий – «театром и цирком», даже «разгулом». Он замечал, как нечто типичное для наступившего времени, что верующие люди уже начинают стыдиться того, что они соблюдают посты. Беда и в том, что распространялась практика «незаконных сожительств» вместо честного супружества и непослушание детей. На этом фоне духовного падения естественным стало появление теорий «...об изменении существующего порядка государственной жизни, порядка, покоящегося на исконных устоях православия, самодержавия и русской народности»⁶². Макарий указывал на разрушение русской Триады и виновственное разделение сословий. Он понимал, что гниение распространяется сверху. Как прежде Карамзин, Макарий обличал петербургские круги за их намеренное отдаление от русского народа в обычаях и одежде, что привело к нарушению органического единства страны: «Одетому в иностранную одежду показалось уже неприличным стоять там, где стоит крестьянин в русской одежде: он стыдится полагать на себя крестное знамение... перестал являться в церковь <...> не хранит постов, потому что за границей нет этого обычая ...»⁶³.

Владыка скорбел, что Русь теряет свою былую святость: «Ныне многие стали чуждаться Св. Церкви <...> Там только простой народ, да и тот далеко не весь... Все знатное и богатое отсутствует <...> Ныне разделен русский народ <...> Верхние сословия стали стыдиться веры своих отцов... сделались последователями новых лжеучителей <...> Средние сословия избрали себе новых богов: торговое стало поклоняться золотому тельцу <...> Только низшее сословие пока держится унаследованной от предков веры и обычаев, но и <...> значительная часть простого народа отпала от Церкви...». То есть в целом **русский народ «...как бы обратился от ног до головы в гнойный труп»**, придя в такое же состояние, как некогда Израиль, который отпал от Бога, предался нечестию, «...за что подвергался разным наказаниям, а потом 70-летнему плену. Чрез пророка сказано было об этом народе: *от подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны* (Ис. 1:6)». Макарий, что вполне естественно для религиозного человека, призывал русских к покаянию, предвидя законное наказание свыше, столь необходимое для исправления. Потому и молил Бога о воздаянии: «Восстань, Господи...!»⁶⁴

Из духовных людей старших поколений, ощутивших неотвратимое приближение революции, следует назвать преподобного Варсонофия Оптинского (1845–1913). Перед кончиной он предрек грядущее воздаяние за грех отступничества и сказал: «Поистине, **страшное время мы переживаем**: бегают от Христа и стыдятся Его. Но Спаситель сказал: *Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца своего со святыми Ангелами* (Мк. 8, 38)... А между тем особенно люди богатые стыдятся признаться, что они христиане». Св. Варсонофий говорил о массовом оставлении молитвы интеллигенцией. Если увидят верующего профессора, читающего молитву перед вкушением пищи, «то его назовут фарисеем», а менее образованного упрекнут в недоразвитости. Святитель вспоминал, что процесс дехристианизации шел в России поразительно быстро. Святитель, происходивший из богатейшей самарской купеческой семьи, знал, что говорил: «... не так давно, когда мне было лет шесть, Христа не стыдились. В домах... садясь за большие столы, читали сначала молитву, крестились, а прошло 60 лет – и все изменилось. Вследствие равнодушия к Православной Церкви и ее обрядам людей образованных, а часто и простых, многие соблазняются... и гибнут окончательно». Св. Варсонофий завещал, пророчествуя: «... все мои действия и делания сводились к одному – охранить святые заветы и установления древних отцов-подвижников и великих наших старцев во всей Божественной и чудной их красоте от разных тлетворных веяний века сего, начало которых – гордыня сатанинская, а **конец – огонь неугасимый и мука бесконечная!** <...> Мужайтесь о подвиге, не отступайте от него, хотя бы весь ад восстал на вас и весь мир кипел на вас злобой и прещением, и веруйте: *Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во истине* (1 Фес. 5, 19). Аминь»⁶⁵.

До глубоких пророческих обобщений поднялся епископ Михаил Грибановский (1856–1898). Варсонофий Оптинский сожалел о его ранней кончине, назвав «светильником» и «мужем, сильным словом и делом», продолжателем святителя Филарета Московского⁶⁶. Епископ Михаил в своем труде, опубликованном за два года до кончины, указал на общий духовный кризис христианских народов и его неизбежное революционное разрешение, когда Богом будет попущено то зло, на которое сами люди бессознательно сделали ставку. Он обратил внимание на модный отрыв нравственности от ее духовного основания. Люди стали «рабами внешних условий жизни, непрерывно усложняющихся ее форм» вместе со связанной с ними злобной «борьбой за существование». Произошел разрыв между идеалами и ходом жизни. Бога жизни люди заменили пустыми разговорами о Нем, увлеченные злобой дня, надеясь лишь на себя. Божественные идеалы предаются забвению. Люди модерна вновь должны понять, что «благодать возрождения» невозможна без нового соединения идеалов и жизни, то есть нового торжества жизни в

Боге. Нужно покончить с этой «грандиозной фальсификацией», сводящей Бога к пустому звуку⁶⁷.

Грех современности состоит в сосредоточении человека лишь на внешнем: «...наслаждения и зрелища поглощают всю жизнь <...> Нужно ли после этого удивляться, что мы нигде не видим и не слышим Бога?»⁶⁸ Отрыв «внешнего» от «внутреннего», совершаемый в человеке в пользу злобного и грешного, с неизбежностью приведет к страшным потрясениям и временному торжеству вершителей зла, чьи деяния будут погущены в наказание, — предвидит епископ Михаил. Он пишет: «...их постигнет гибель <...> И современный социализм и анархизм не есть ли предвестники исполнения этого предсказания? <...> злые силы, побивая и ниспровергая друг друга, а иногда карая и добрых... исполняют великий закон нравственного возмездия...». Будто видя будущую катастрофу 1917 года, епископ Михаил предрекал: «Придут дни, когда из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне: все будет разрушено». И будет это сделано в научение, чтобы люди ценили более всего духовное богатство, так как по смерти «...с одной лишь душой мы очутимся пред Богом»⁶⁹.

Итак, и Христианский мир, и отдельный человек потеряли целомудрие единения духа—души—тела. «Боги» типичного образованного человека конца XIX в. — это чрево, нажива, сила и власть. Бог истинный в лучшем случае признается лишь теоретически: «Но ведь вопрос не в том, что мы признаем, а в том, за чем идем». И бесы признают истинного Бога, но слушаются дьявола. Грядет вразумляющее наказание, особенно русскому народу, которому был дан свыше «особенный, свойственный только ему гений»⁷⁰. Подобно Иоанну Кронштадтскому, епископ Михаил взывал к Богу, ратуя за быстрее возмездие людям, сотворившим лживый модерн: «**Пусть скорее преходит этот роковой, изживающий мир!..** Не... будем трусливыми рабами существующего!» Земной мир, «темный, внебожный», обречен на гибель во имя торжества «светлого Божиего мира свободы»⁷¹.

По условиям цензуры епископ Михаил был вынужден говорить эзоповым языком. Тем не менее очевиден подлинный смысл его книги, обличавший господствующую в верхах России бездуховность, чреватую неизбежным революционным крахом старого строя, который препятствовал той «свободе христиан», без которой Христианская цивилизация неммыслима⁷².

Дальнейшее рассмотрение данной темы предполагается автором в последующих работах.

Примечания

¹ Кабытов П.С. Земская статистика как исторический источник по столыпинской аграрной реформе в Поволжье // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972.

² Вот лишь некоторые: Кабытов П.С. Итоги изучения столыпинской аграрной реформы в среднем Поволжье // *Историография и источниковедение по аграрной истории Среднего Поволжья*. Саранск, 1981; Он же. П.А. Столыпин: «Моим жиром можно еще пять лет продержаться» // *Панорама*. Казань, 1991; Он же. П.А. Столыпин и самарское крестьянство // *Черный перелом*. Самара, 1992; Он же. Государственная деятельность П.А. Столыпина в новейшей зарубежной историографии // *КЛИО и Победа*. Самара, 2005; Он же. Отношение императора Николая II к государственной деятельности П.А. Столыпина // *Самарский земский сборник*. Самара, 2006. № 1–2; Он же. П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. Изд-е 2-е, исправ. и доп. М., 2007.

³ См., например: Кабытов П.С. Письма П.А. Столыпина к жене // *Интерволга*. Тольятти, 1993. № 2; Он же. Государственная деятельность П.А. Столыпина: обзор документальных источников // *Известия Самарского научного центра РАН*. Самара, 2002. Т. 9. № 2.

⁴ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 6 (выделено мною. — *В.Ш.*).

⁵ См.: Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века. СПб., 2009; Он же. Хранитель: Традиция консервативного самобытничества в думских речах Петра Столыпина // *Родина*. 2009. № 1. С. 74–76.

⁶ См.: Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М., 1990; Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма*. Ивано-Франковск, 2002.

⁷ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. С. 207.

⁸ Пушкин А.С. *Бородинская годовщина* // *Полн. собр. соч.* в 10 томах. Т. 3. М., 1963. С. 226.

⁹ *Филарета Митрополита московского и коломенского творения*. М., 1994. С. 247, 249.

¹⁰ Так, С. Франк заметил: «...общество есть всегда нечто большее, чем комплекс фактических человеческих сил, именно система объективных идеально формирующих сверхчеловеческих идей <...> человек на всех стадиях своего бытия, во всех исторических формах своего существования, есть как бы медиум, проводник высших начал и ценностей... правда, медиум не пассивный...». — Франк С.Л. *Духовные основы общества: Введение в социальную философию* // *Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли*. Л., 1991. С. 330 (курсив автора. — *В.Ш.*).

¹¹ Проф. Е.А. Козловский, вице-президент РАЕН, бывший в прошлом министром геологии СССР, указывает на главную проблему глобалистской модернизации, носители которой стремятся для своих целей «...создать... новый массовый тип личности, характерными чертами которой является бездуховность, индивидуализм и эгоизм, конформизм и космополитизм, блокирующие формирование коллективных форм сознания и массовый организованный протест». — Козловский Е.А. *Геология. Уроки Великой войны* // *Экономические стратегии*. 2010. № 5 (79). С. 39.

¹² Шпенглер говорил о большом спектре человеческих возможностей в зависимости от «предрасположений» и «способов мышления» людей. Сво-

бота человека предполагает возможность вольного исторического творчества, давая притом верный метод реконструкции прошлого. Мыслитель писал: «...всякая попытка научно трактовать историю по самой сути дела содержит в себе долю противоречия, поэтому всякое прагматическое историческое описание, как бы высоко оно ни стояло, есть компромисс. Природу нужно трактовать научно, история требует поэтического творчества. Все остальное – ненастоящее решение вопроса...». – Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 160 (выделено мною. – *В.Ш.*).

¹³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1964. С. 144.

¹⁴ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. С. 207.

¹⁵ См., например: Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX века – конец 1917 г.). М., 2007; Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост. М.А. Бабкин. Изд. 2-е. М., 2008.

¹⁶ Художник-классик И.С. Глазунов, полюбив законное русское царство, не замечает западной по типу ментальности и абсолютистской практики Николая I, запершего Россию в казарму, не понявшего суть спасительной миссии Карамзина и Пушкина, соединявших дух веры, народности, традиции с передовым и свободным просвещением. Художник даже назвал монарха Николаем Великим, с чем бы никак не согласились ни Тютчев, ни полководец Ермолов, ни внимательный к системным порокам Империи позднейший мыслитель В. Розанов. См.: Глазунов И.С. Россия распятая. Кн. 1. М., 2004. С. 775.

¹⁷ Письма и донесения иезуитов в России конца XVII и начала XVIII века. Рязань, 2010. С. 52 (выделено мною. – *В.Ш.*). Впервые этот сборник был издан в Петербурге в 1904 г.

¹⁸ См.: «Записку о древней и новой России в ее гражданском и политическом отношениях», программное произведение Н.М. Карамзина, написанное к 1811 г.

¹⁹ Пушкин А.С. История Петра. Подготовительные тексты // Полное собрание сочинений: в 10. Т. 9. М., 1965. С. 459 (Далее ссылки на это издание даются в сокращении: ПСС).

²⁰ Там же. С. 386, 391.

²¹ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII века // ПСС. Т. 8. М., 1964. С. 125.

²² Пушкин А.С. История Петра... С. 415.

²³ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII века. С. 130.

²⁴ Возмущенный поэт, в частности, писал: «...Но у подножия теперь креста честного, / Как будто у крыльца правителя градского, / Мы зрим поставленных на место жен святых / В ружье и кивере двух грозных часовых / К чему, скажите мне, хранительная стража? Или распятие казенная поклажа...» // Пушкин А.С. ПСС. Т. 3. М., 1963. С. 366.

²⁵ Там же. С. 49.

²⁶ Иоанн (Снычев). Жизнь и деятельность Филарета митрополита Московского. Тула, 1994. С. 252.

²⁷ Церковь владыки Василия (Кривошеина). Нижний Новгород, 2004. С. 206.

²⁸ Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 254.

²⁹ Там же. С. 255.

³⁰ Там же. С. 283.

³¹ Там же. С. 303–305.

³² Цит. по: Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 345.

³³ Там же. С. 345–346.

³⁴ Сам П.А. Валуев был типичным представителем космополитических кругов, для которых не существовало никакой самобытной русской альтернативы. Свое счастье они видели в слиянии с «передовой» Европой, стремясь к конституционному ограничению самодержавия. — См., напр.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 111–152 и далее.

³⁵ Цит. по: Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 352.

³⁶ Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 183–184.

³⁷ Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994. С. 110–111 (курсив автора; выделено мною. — *В.Ш.*).

³⁸ Проценко П.Г. Один из последних // Епископ Варнава (Беляев). Тернистым путем к небу. О многоплачевной и зело поучительной подвижнической во Христе жизни старца Седмиезерной и Спасо-Елеазаровой пустыни схиархимандрита о. Гавриила. М., 1996. С. 13–14, 33.

³⁹ Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 217.

⁴⁰ Филарета Митрополита московского и коломенского творения. С. 348.

⁴¹ Святитель Феофан Затворник. Советы православному христианину. М., 1994. С. 179.

⁴² Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. М., 1999. С. 56–57.

⁴³ Святитель Игнатий Брянчанинов. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. М., 2001. С. 7.

⁴⁴ Там же. С. 16.

⁴⁵ См. роман Н.С. Лескова «Соборяне».

⁴⁶ Святитель Игнатий Брянчанинов. Указ соч. С. 20–21, 22–24.

⁴⁷ Там же. С. 57, 61.

⁴⁸ Там же. С. 66–69 (выделено мною. — *В.Ш.*).

⁴⁹ Там же. С. 73, 77.

⁵⁰ См., напр.: Фудель С.И. Собрание сочинений: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 39, 153.

⁵¹ Цит. по: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991 (репринт книги, опубликованной в 1937 г. в Париже). С. 344.

⁵² Письма преподобного Оптинского старца иеросхимонаха Илариона. Оптина Пустынь, 1998. С. 133 (курсив автора).

⁵³ Розанов В.В. Литературные изгнанники. Книга вторая. М., 2010. С. 760.

⁵⁴ В литературе указывалось на противоцерковный характер деятельности гр. Д.А. Толстого. Г. Флоровский писал, что при нем «молчаливо отверга-

лось самое существование независимой церковной юрисдикции». Граф Толстой «...действовал вполне в духе Петровских начал, подчиняя Церковь во всем государственным интересам...». Флоровский Г.В. Указ. соч. С. 342–343.

⁵⁵ Так, Розанов, характеризуя в 1907 г. ширившееся движение за ликвидацию синодального бюрократизма, писал: «...уже близко время, когда между священником и народом не будут стоять “занавескою” консистория, как и вообще между Богом и человеком не будет висеть никаких синодальных и консисторских занавесок. На небе облака, подымается ветер: а он рвет и прочные паруса, а не то что кисейные изделия петровско-екатерининской работы». — Розанов В.В. Литературные изгнанники. Книга вторая. С. 765 (выделено мною. — *В.Ш.*).

⁵⁶ Святитель Игнатий Брянчанинов. Указ. соч. С. 76.

⁵⁷ Там же. С. 238.

⁵⁸ Св. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М.; Ярославль, 2000 (репринт дореволюционного издания). С. 34–35.

⁵⁹ Там же. С. 204–205.

⁶⁰ Там же. С. 226–227 (выделено мною. — *В.Ш.*).

⁶¹ Цит. по: Св. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Т. 1. Минск, 1991 (репринт дореволюционного издания). С. XIV.

⁶² Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский). Избранные слова, речи, беседы, поучения (1884–1913). М., 1996. С. 40.

⁶³ Там же. С. 42. Нам сейчас довольно трудно представить себе того, что в пореформенное время православные люди встречали ядовитые насмешки и недоброжелательство, если они творили молитву перед едой или осеняли себя крестом «среди заведомых безбожников», повсюду господствовавших в городах. — См. об этом: Епископ Варнава (Беляев). Тернистым путем к небу. О многоплачевной и зело поучительной подвижнической во Христе жизни старца Седмиезерной и Спасо-Елеазаровой пустыни схиархимандрита о. Гавриила. М., 1996.

⁶⁴ Епископ Варнава (Беляев). Указ. соч. С. 49–52 (курсив автора; выделено мною. — *В.Ш.*).

⁶⁵ Преподобный Варсонофий Оптинский. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2005. С. 375, 377 (курсив автора; выделено мною. — *В.Ш.*).

⁶⁶ Там же. С. 371.

⁶⁷ Епископ Михаил (Грибановский). Над Евангелием. М., 1994. С. 6–10, 79, 82.

⁶⁸ Там же. С. 150.

⁶⁹ Епископ Михаил (Грибановский). Указ. соч. С. 21, 31–32.

⁷⁰ Там же. С. 170–173, 184.

⁷¹ Там же. С. 35, 46 (выделено мною. — *В.Ш.*).

⁷² Там же. С. 191.

**ИСТОРИЯ РОССИИ:
ОТ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ**

Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII–XVIII вв.

Одним из наиболее значимых и полифункциональных центральных учреждений Московского государства рубежа XVII–XVIII вв. являлся Генеральный двор в с. Преображенском. Знакомство с его делопроизводством позволяет существенно расширить наши представления о некоторых малоизученных вопросах социальной истории России¹. В частности, документы сбора даточных людей, проводившегося этим приказом, постоянно используются исследователями для рассмотрения особенностей формирования регулярной армии², обеспеченности дворянства крепостными крестьянами³ и т. д. Однако информационный потенциал сохранившихся материалов Генерального двора раскрыт далеко не полностью. В частности, это хорошо показала Е.Н. Кушева, изучившая состав и происхождение той части населения Саратова, которая формировалась из пришедших на сезонные волжские промыслы и постепенно оседавших в городе «верховых» людей⁴.

К сожалению, материалы сбора даточных людей не сложились в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) в отдельную коллекцию. В основном, они хранятся в фонде Поместного приказа, что вполне понятно, т.к. набор даточных людей по отдельным территориям основывался, прежде всего, на переписных и других книгах данного учреждения. Найти среди огромного массива приказного делопроизводства сравнительно небольшое количество дел и книг Генерального двора весьма затруднительно. Между тем среди них есть документы, содержащие совершенно неожиданную новую историческую информацию. Создание аннотированной описи делопроизводства этого приказа, отражающего начальный этап формирования петровской регулярной армии и хранящегося в различных фондах и коллекциях, было бы весьма своевременным и полезным.

В пользу этого мнения свидетельствуют выявленные нами материалы Генерального двора по Самаре. В находящейся в фонде Поместного приказа «Книге низового набору 702-го году за крепкою дьяков Никифора Румянцева, Нестерова ...»⁵ на листах 608–679 содержатся уникальные данные о численности различных групп населения города, прежде всего служилых людей. В описи фонда эта книга указана как «Переписная книга служилым людям ...Карсуни, Самары, Симбирска...». Материалы по Самаре, как и по другим понизовым городам, были собраны в единое

* © Дубман Э.Л., 2011

дело под контролем думного дьяка Поместного приказа А.И. Иванова, игравшего одну из ключевых ролей в наборе даточных людей. Название по описи — «Переписная книга...» — не совсем соответствует традиционному подходу к такого рода документам. Обычно переписными называют книги, в которые вносились результаты переписи тяглого сельского и городского населения в XVII—XVIII вв. В то же время в XVIII в. нередко были случаи, когда в такого рода книгах описывались и другие категории жителей. Поэтому, на наш взгляд, это название вполне можно использовать при обозначении данного документа.

Как известно, набор даточных людей в «понизовых городах» поручили князю Н.И. Репнину. По наказу от 17 ноября 1699 г. он должен был: «Прибирать в салдацкую службу в указные числа детей боярских и из недорослей и казачьих и стрелецких детей же и братьев и племянников и захребетников и из бных всяких чинов и из наемных работных людей...»⁶ В соответствии с этими указаниями и была составлена переписная книга. Характерно, что появилась она довольно поздно, 4 марта (по старому стилю) 1702 г., когда комиссия по сбору даточных людей Генерального двора была уже распущена указом от 13 февраля того же года⁷ (табл. 1).

Переписчики, прибывшие в Самару, составили поименный перечень тех категорий населения, которые раньше не попадали в переписные книги середины — второй половины XVII в. (1646, 1678 гг.), а именно дворян и детей боярских, стрельцов, иноземцев, пушкарей и юртовых казаков, бобылей, работных людей и других менее крупных групп горожан. По каждой группе приводились исчерпывающие сведения не только по самим служилым людям (женатым и холостым), тем, кто должен был служить (недоросли) или уже отслужил (отставным); бобылям, работным людям и т. д., но и по членам их семей, в том числе и женского пола (табл. 1). При указании сыновей были выделены группы малолетних и «двдцети лет и ниже и в 15 лет». В ряде случаев применялся расширенный вариант возрастных границ второй группы «20 лет и выше и ниже до 15 лет». Не совсем ясно, почему вопреки обычной практике были переписаны жены и «девки»? В делопроизводственном сопровождении сбора даточных людей указаний на необходимость проведения таких действий обнаружить не удалось. От XVII в. известен только один случай, относящийся к Тамбовскому уезду, когда по указу от 14 февраля (ст. стиль) 1671 г. было велено переписать «служилых и жилецких всяких чинов людей... и их жен и детей»⁸. Видимо, это была первая попытка Петра I перейти к учету всего населения России, как мужского, так и женского (и росписи его по возрастным группам), впоследствии последовательно проведенному в переписях 1710 и 1715 гг. (ландратской)⁹.

Совокупность поименных перечней по отдельным группам городских жителей в переписной книге завершается итоговой их характеристикой и подведением конечного результата. Эти итоговые записи весьма интересны по содержанию. Например, по группе дворян и детей

Таблица 1

Население Самары по переписной книге 1702 г.

№	Группы населения	Численность по группам и среднее кол-во, принадлежащее на 1 служилого чел., недоросля, отставного или главу семьи других категорий жителей				
		Служ. люди, недоросли, отставные, бобыли, др.	Всего населения данной группы	Из них мужчин	Из них женщин	
А). Служилые люди и члены их семей						
1	Дворяне и дети боярские	Общее кол-во	52	272	126	146
		В среднем на 1 служилого чел.		5,2	2,4	2,8
2	Иноземцы	Общее кол-во	72	279	154	125
		В среднем на 1 иноземца		3,9	2,1	1,8
3	Конные стрельцы	Общее кол-во	102	472	273	199
		В среднем на 1 стрельца		4,7	2,7	2,0
4	Пешие стрельцы	Общее кол-во	202	886	440	446
		В среднем на 1 стрельца		4,4	2,2	2,2
5	Юртовые казаки	Общее кол-во	25	107	56	51
		В среднем на 1 юртов. казака		4,3	2,2»	2,1
6	Пушкари	Общее кол-во	14	70	41	29
		В среднем на 1 пушкаря		5,0	2,9	2,1
Всего служилых людей*		Общее кол-во	467	2086	1090	996
		В среднем на 1 служилого чел.		4,5	2,3	2,2
Б). Недоросли и отставные служилые люди, члены их семей						
7	Недоросли	Общее кол-во	81	264	141	123
		В среднем на 1 недоросля		3,3	1,7	1,6
8	Отставные	Общее кол-во	53	158	72	86
		В среднем на 1 отставного		3,3	1,7	1,6
Всего по группам, связанным со службой		Общее кол-во	601	2526	1321	1205
9	Пешие стрельцы «в свейском походе»	Общее кол-во**	199	750**	376**	374**
		В среднем на 1 стрельца		3,8	1,9	1,9
Всего, вместе с отправленными в «свейский поход» стрельцами		Общее кол-во	800	3276	1697	1579
		В среднем на 1 служилого		4,1	2,1	2,0
В). Бобыли, работные люди, «купленные» и члены их семей						
10	Бобыли, судов. сторож, садовники	Общее кол-во	23	105	55	50
		В среднем на 1 бобыля и т.д.		4,6	2,4	2,2
11	Работные люди	Общее кол-во	10	12	11	1
		В среднем на 1 работного чел.		1,2	1,1	0,1
12	«Купленные люди»	Общее кол-во	7	23	10	13
		В среднем на 1 «куплен.» чел.		3,3	1,4	1,9
ИТОГО, без отправленных в «свейский поход»		Общее кол-во	641	2666	1397	1269
		В среднем на 1 чел. «в службе» или работе		4,2	2,2	2,0
ИТОГО, с отправленными в «свейский поход»		Общее кол-во	840	3416	1773	1643
		В среднем на 1 чел. «в службе» или работе		4,1	2,1	2,0

* Без отправленных в «свейский поход».

** Вместе с ними были учтены отставные стрельцы – 2 с женами и 1 холостой, всего – 5 человек.

боярских сообщается: «Самарян дворян и детей боярских, которые живут на Самаре, 25 человек с женами, один человек холост. Матерей их и сестр, вдов 6 человек. Детей их, сыновей и братьев и племянников женатых 2 человека; холостых дватцети лет и ниже и в 15 лет четыре человека; малолетних 31 человек. Дочерей их девак сорок человек. Отставной один человек.

Недорослей дворянских детей женатых три человека, холостых два человека.

Дворянских дворовых людей и работников женатых три человека, детей их малолетних 3 человека, дочерей девак шесть человек. Две женки без мужей.

Всего их самарян дворян и жен их и детей холостых, которые дватцети лет и ниже и малолетних, и братьев, и племянников, и дочерей девак и дворовых их, и работных людей 162 человека»¹⁰. Несмотря на то что «жены» не указаны в этом итоговом фрагменте, подсчитать их число весьма просто, как по самой переписи, так и по указанному итоговому количеству женатых служилых людей и недорослей.

Работа с «Переписной книгой...» позволяет рассмотреть ряд весьма важных вопросов, а именно: определить реальное население города, в состав которого, несомненно, входили все категории его жителей; подсчитать состав не только служилых людей гарнизона, но и численность их семей; выявить и проанализировать данные о женской составляющей большинства категорий городского населения.

Всего переписчики насчитали в Самаре по всем учтенным ими категориям жителей 2514 человек. Различие с итогами, приведенными в табл. 1, объясняется тем, что в переписной книге не были указаны самарские стрельцы, отправленные в «свейский поход», а также члены семей служилых дворян и детей боярских, владевших населенными имениями. Без учета этих групп расхождение в наших подсчетах и данных переписчиков оказывается сравнительно небольшим и практически не оказывает влияния на конечные выводы. Тем самым с относительно небольшой погрешностью мы узнаем реальную численность жителей города (помимо посада и сравнительно небольшой группы духовенства). Переписчики формально отнесли только к группе наиболее высоко стоявших в городской иерархии дворян и детей боярских — по выбору, дворовых и городских поместных. Среди них учтены лишь состоявшие на службе, т. е., прежде всего, главы семей. Такой подход вполне понятен, т. к. эти представители «служилого города» с их земельными владениями и крепостными крестьянами находились в поле зрения другой группы переписчиков, занимавшихся подсчетом крепостного населения вотчин и поместий на территориях «низовских» уездов¹¹.

Данные переписи 1702 г. позволяют увидеть в пограничной Самаре и те категории жителей, которые никогда как единое статистическое целое не попадали в поле зрения составителей переписных и писцо-

вых книг – бобылей и работных людей, т. е. зыбкие, временные слои, не вошедшее твердо в какие-либо группы постоянного городского населения.

Проведенная сверка итогов, подведенных составителями книги, и наших подсчетов по группе городских беспоместных дворян и детей боярских (а также недорослей) показала, что они фактически идентичны (145 против 146). Следовательно, и по остальным категориям населения, указанным в переписи, вполне можно пользоваться сводными данными переписчиков.

Не совсем ясно, как считать недорослей. Если судить по указанным вместе с ними женам, детям и т. д. (в случае, если они не были холостыми), можно сделать вывод, что представители этой группы уже выделились из родительского дома.

Привычные исследователям дворы как базовая единица исчисления тяглого населения в середине – второй половине XVII в. в переписной книге отсутствуют. Для переписчиков главной, «основной единицей» исчисления является сам человек на государевой службе или потенциально обязанный служить – недоросль, или уже завершивший службу – отставной. В подавляющем большинстве случаев все остальные люди, указанные вместе с этой «основной единицей» – жена, дети, племянники и т. д., были членами одной отдельной семьи. Можно говорить о том, что переписная книга является важнейшим источником информации по составу семей всех указанных в ней категорий населения Самары (за исключением дворян и детей боярских, владевших землей с крестьянами). Но как тогда быть с холостыми служилыми людьми, вдовцами и т. д.? Например, холостой записанный в службу горожанин мог жить в семье служилого отца или с женатым братом. Возможны были и другие варианты. В любом случае точный учет количества семей и их состава весьма затруднителен. Поэтому не всегда корректно использовать понятие «семья служилого человека» как статистическую единицу. Однако для удобства исчисления указанных выше групп населения города мы вынуждены использовать это понятие, да оно в большинстве случаев и работает.

Рассмотрим отдельные группы населения, указанные в переписной книге.

Дворяне и дети боярские являлись традиционной для Самары категорией населения (табл. 2). Самарский служилый город сложился примерно к началу 1620-х гг. На протяжении всего XVII в. это была стабильная, сравнительно немногочисленная группа местного гарнизона. Источники свидетельствуют о слабой ротации детей боярских между городами приказа Казанского дворца. По сводным данным второй половины 1620-х – начала 1680-х гг. (за более ранний период сведения отсутствуют), груп-

па дворян и детей боярских оставалась практически неизменной по численности и составляла 18 чел.¹² Несколько выбиваются из этого ряда данные сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг., указывающие 25 человек. Однако из них на службе по городу числилось только 13. Остальные 12 состояли «на государеве службе в полку думного дворянина и воеводы Замятни Федоровича Леонтьева»¹³. В последние два десятилетия XVII в. численность служилого города резко увеличилась, но объяснить причины этого явления затруднительно. Всего по Самаре дворян и детей боярских на начало 1702 г. насчитывалось:

– «по выбору» – 9 человек (земельные владения в Самарском, Симбирском, Алатырском и других уездах);

– «по дворовому» списку – 3 (земельные владения в Самарском и Алатырском уездах);

– «городовые поместные» – 14 чел. (земельные владения в Самарском, Алатырском, Симбирском и др. уездах).

Переписчиков Генерального двора представители этих 3 подгрупп интересовали лишь постольку, поскольку все они были приписаны к Самаре. Даточных людей с крепостных, принадлежащих этим помещикам, выискивали и высчитывали другие приказные. Поэтому в переписной книге эта наиболее привилегированная группировка служилых людей по отчеству указана в самом общем виде, без сведений о составе семьи и т. д.;

– «городовые беспоместные» с земельным окладом от 500 четвертей и денежным жалованьем от 27 руб. и до 7 руб. – всего 26 человек. Именно эти дворяне и дети боярские (и «недоросли дворянские дети») интересовали переписчиков. По каждому из них был подробно расписан состав семьи и указаны все ее представители по половозрастному принципу¹⁴. Среди служилых людей этой группы насчитывалось 25 женатых и всего 1 холостой. Но и последний указан с семьей – матерью и братом¹⁵. В среднем на семью каждого из них приходилось 5,2 человека (округляем до десятых), из них мужчин – 2,4, женщин – 2,8.

По 3 семьям недорослей эти показатели составляли: всего на семью – 3,3; из них мужчин – 2, женщин – 1,3.

Очевидно, что у находящихся выше в служебной иерархии дворян и детей боярских по выбору, дворовых и городовых поместных (всего 26 семей) показатели средней численности семей должны были быть несколько выше. Но насколько, сказать сложно¹⁶. Нет данных и о количестве недорослей среди них. С определенной погрешностью для определения численности этой группы вместе с членами их семей можно использовать показатели, полученные нами для детей боярских беспоместных. В таком случае по Самаре без недорослей было учтено 52 семьи, насчитывавшие 272 человека, из них мужчин – 126, женщин – 146. Вместе с указанными в переписной книге недорослями и отставным сыном боярским общая численность составила 282 чел. Вполне очевидно, что подобная экстраполяция должна распространяться и на группы дворянских недорослей и отставных. В таком случае общее количество

городовых служилых людей по отечеству составит 293. Отметим, что это подсчеты дворян и детей боярских, входивших в «служилый город»¹⁷ или служивших и тех, кто будет служить. Однако количество всех служилых людей «по отечеству» в Самаре (тех, как здесь жил постоянно и имел дворы) было более значительным, так как отставные сотники, сотники конных и пеших стрельцов, стрелецкий голова (из самарских Могутовых) относились к этой же группе.

Таблица 2

№	Группы		Численность по группам и среднее кол-во, приходящееся на 1 служил. чел. или недоросля				Примечания
			Служилые люди или недоросли	Общее кол-во людей	Из них мужчин	Из них женщин	
1	Дворяне и дети боярские	Общее кол-во	52	272	126	146	Дворовые люди – 17, из них м.п. – 6
		В среднем на 1 служилого	5,2	5,2	2,4	2,8	
2	Недоросли	Общее кол-во	10	20	12	8	
		В среднем на 1 недоросля	3,3	3,3	2,0	1,3	
3	Отставные	Общее кол-во	2	2	2	–	
		В среднем на 1 отставного	1,0		–	–	

К иноземцам, как правило, относились перешедшие на русскую службу незнатные шляхтичи, мещане и представители других категорий населения Польши или территорий, ранее входивших в это государство (табл. 3). Этнически «иноземцы» могли быть русскими, например, «смолянами» или украинцами и белорусами. Первые иноземцы в Самаре, как часть ее гарнизона, появились в год основания крепости (1586)¹⁸. Позднее сведения о служилых иноземцах в городе надолго пропадают. Вновь эта группа людей упоминается в крепости только в 1675 г.¹⁹ По окладной росписи 1681 г. их насчитывалось 70 человек. По размерам жалованья иноземцы делились на 3 неравные группы: 46 чел. – по 6 рублей в год, ржи по 6 четвертей, овса также; 20 – по 8 рублей в год, ржи по 8 четвертей, овса также; 4 – видимо начальствующие лица – по 10 рублей, ржи и овса по 10 четвертей.

К началу XVIII в. численность иноземцев в Самаре практически не изменилась. Командовал ими ротмистр М.И. Дашкеев. В итоговом разделе переписной книги дана следующая обобщенная характеристика этой группы: «Иноземцов по списку женатых 55 человек, холостых 17 человек, иноземских детей 20 лет и выше и ниже до 15 лет 28 человек, малолетних 14 лет и ниже 10 – 54 человека, дочерей их девак 53 человека. Матерей их вдов 17 человек. Иноземских недорослей женатых 7 человек, у них 4 девки. Холостых недорослей 5 человек, малолетних 6 человек²⁰. У недорослей 3 девки, иноземская сестра 1 человек. Отставной иноземец 1 человек, женат. У недорослей вдов 5 человек, иноземской зять 1 человек.

Всего по списку и сверх списку жен их и детей холостых и малолетних и матерей их и сестр девак и братьев и племянников и недорослей же на тех них детей их и братьев и дочерей девак и вдов 321 человек»²¹.

Таблица 3

№	Группы		Численность по группам и среднее количество, приходящееся на 1 служилого чел. или недоросля			
			Служилые люди, недоросли или отставные	Общее кол-во людей	Из них мужчин	Из них женщин
1	Иноземцы	Общее кол-во	72	279	154	125
		В среднем на 1 служилого	3,9		2,1	1,8
2	Недоросли	Общее кол-во	12	39	19	20
		В среднем на 1 недоросля	3,3		1,6	1,7
3	Отставной	Общее кол-во	1	2	1	1
		В среднем на 1 отставного	2		1	1

В данной весьма значительной категории самарского гарнизона, смущает сравнительно малый размер семьи. Это связано, прежде всего, с очень большим количеством холостых, записанных в службу (из 72 – 17 человек или почти четверть всех иноземцев). К примеру, из 26 беспоместных дворян и детей боярских городовых только 1 был холостым. При этом 11 холостых иноземцев переписчики записали отдельными семьями с матерями, братьями, сестрами и т.д., т. е. каждый был главой самостоятельной семьи²².

Конные и пешие стрельцы составляли основную часть самарского гарнизона вплоть до начала XVIII в. (табл. 4). По данным 1612–1613 гг., конных стрельцов насчитывалось около 50²³, затем их численность к 1620-м гг. выросла до сотни и оставалась стабильной на протяжении всего XVII в.²⁴ Сотня конных стрельцов указана и в переписной книге 1702 г.

Большинство стрельцов были пешими. В первой трети XVII в. их насчитывалось около 250 человек, а в 30–40-е гг. количество пеших стрельцов выросло до 300²⁵, каковым и осталось впоследствии. Однако данные за отдельные годы второй половины XVII в. (1651, 1686, 1687, 1698 гг.)²⁶ свидетельствуют о том, что в городе находились четыре стрельцкие пешие сотни. В конце 1640-х – начале 1650-х гг. из местных стрельцов был создан приказ во главе с головой (приказ – войсковое соединение, объединяющее 500 стрельцов)²⁷. К началу XVIII в. из четырех сотен пеших стрельцов в Самаре осталось только две. Еще две ко времени проведения переписи были отправлены в «свейский поход»²⁸.

В начале 1702 г. тремя сотнями самарских стрельцов командовали голова В.П. Могутов, пятисотный подъячий – Г.А. Чернов, сотник конных – М.А. Дураков, сотники пеших – А.М. Кононов и И.И. Поддубский²⁹. Помимо них в Самаре жили своими дворами отставные сотники:

М.Н. Путилов, Д.И. Пастухов, Д.Л. Щекотов, Ф.Ф. Лутошкин, В.И. Чернов. Еще один — И. Веденясов — незадолго до переписи умер³⁰.

Таблица 4

№	Группы		Численность по группам и среднее кол-во, приходящееся на 1 стрельца, недоросля, отставного				Примечания
			Стрельцы, недоросли, отставные	Общее кол-во людей	Из них мужчин	Из них женщин	
1	Конные стрельцы	Общее кол-во	102	472	273	199	
		В среднем на 1 служил.	4,7		2,7	2,0	
2	Пешие стрельцы	Общее кол-во	202	886	440	446	Работн. чел. – 1
		В среднем на 1 служил.	4,4		2,2	2,2	
3	Нedorосл и	Общее кол-во	59	205	110	95	
		В среднем на 1	3,5		1,9	1,6	
4	Отставн. стрельцы	Общее кол-во	43	133	71	62	
		В среднем на 1	3,1		1,7	1,4	
5	Отставн. сотники	Общее кол-во	5	25	13	12	
		В среднем на 1	5		2,6	2,40	

В отличие от иноземцев, при расчете численности пеших и отчасти конных стрельцов (верстанных) и их домоладцев можно говорить именно о семьях. У пеших только один стрелец был указан живущим в семье родителей, у конных — 5. Намного выше у стрельцов и размер семьи (именно семьи). Причем у конных, несмотря на сравнительно большее относительное количество среди них верстанных холостых (в 2 раза по отношению к числу женатых, чем у пеших), он близок к аналогичному показателю у служилых людей по отечеству (4,7 против 5,2). Большое количество выделенных отдельно в переписных книгах недорослей — 59 чел. (205 с домоладцами) — свидетельствует о наличии значительных резервов для верстания. Я.Е. Водарский считал, что при подсчете численности (мужской) стрелецких дворов, исходя из количества указанных на службе стрельцов, следует использовать коэффициент 2,1³¹. У нас нет данных, подтверждающих этот вывод. Но вполне очевидно, что вследствие преобладания поколений количество дворов, принадлежащих стрельцам, должно быть значительно меньшим, чем число семей.

Две сотни стрельцов, отправленные в «свейский поход» с их домоладцами, переписчиками не были внесены в общий состав населения Самары. Однако для составителей книги они представляли определенный интерес, и поэтому их полный состав, описанный по предшествующим образцам, поместили сразу же после подведения общих результатов переписи по Самаре (табл. 5).

Для нас эти стрельцы значимы как часть гарнизона города, состоявшая в нем до начала XVIII в. По всей видимости, они с семьями были направлены из Самары для поселения в один из завоеванных в шведской Прибалтике городов. При таком переселении, естественно, проис-

ходили определенные изменения внутри семей приборных людей. Этим обстоятельством можно объяснить отсутствие недорослей, значительно меньший, по сравнению с оставшимися в Самаре, размер семей и другие показатели.

Таблица 5

№	Группы		Численность по группам и среднее количество, приходящееся на 1 стрельца, недоросля, отставного			
			Стрельцы и отставные	Общее кол-во людей	Из них мужчин	Из них женщин
1	Пешие стрельцы	Общее кол-во	199	750	376	374
		В среднем на 1 стрельца	3,8		1,9	1,9
2	Отставные стрельцы	Общее кол-во	3	5	3	2
		В среднем на 1 отставного	1,7		1	0,7

Первый случай поселения **юртовых казаков** в Самаре отмечен в 1626 г. (табл. 6). Они стали весьма своеобразной частью самарского гарнизона; не были положены в оклад и не считались обычным служилым населением, сохраняя за собой право свободного ухода. Большинство сведений об этой группе относится ко второй половине XVII в. Численность юртовых казаков вряд ли превышала 25–40 человек³³. По подсчетам 1702 г., их в городе насчитывалось 28 чел. (24 женатых, 1 вдовый и 3 холостых). Юртовые казаки не являлись замкнутой сословно-служилой группой. По Самаре имеются случаи, когда местные посадские жители получали разрешение «быть в юртовых казаках», и вместе с тем, как это произошло в 1681 г., по челобитью юртовых казаков В. Большого и В. Меньшого Лоскутьевых «велено служить им по Самаре с городом»³⁴.

Таблица 6

№	Группы		Численность по группам и среднее количество, приходящееся на 1 юртового казака				Примечания
			Юрт. казаки и те, кто с ними служит	Общее кол-во людей	Из них мужчин	Из них женщин	
1	Юртовые казаки	Общее кол-во	28	107	56	51	Купленные люди – 4 чел.
		В среднем на 1	3,8		2,0	1,8	
2	«Служит с юртовыми казаками»	Общее кол-во	1	4	3	1	Отставного пешего стрельца «отпущенник»
		В среднем на 1	4		3	1	

Несмотря на то что эта группа являлась устойчивой и постоянной для Самары, удивляет небольшой средний размер семей юртовых казаков.

В XVII в. стабильной группой в самарском гарнизоне являлись **пушкари** (табл. 7). В 1620–1630-х гг. их насчитывалось 8 чел.³⁵ В 1650–1660 гг. произошло резкое увеличение пушкарей до 11 и даже 14³⁶, а затем (по данным 1681 г.) происходит новое сокращение до 8 чел.³⁷ Перепись 1702 г. вновь указывает на 14 пушкарей (из них 13 женатых и 1 холостой).

Таблица 7

№	Группы		Численность по группам и среднее кол-во, приходящ. на 1 служил. и отставн. пушкаря				Примечания
			Пушкари служилые и отставные	Общее кол-во людей	Из них мужчин	Из них женщин	
1	Пушкари	Общее кол-во	14	70	41	29	Дворовых – 3
		В среднем на 1 служил.	5,0		2,9	2,1	
2	Отставные пушкари	Общее кол-во	2	6	3	3	
		В среднем на 1	3,0		1,5	1,5	

Средний размер семьи у этой категории служилых людей Самары достаточно внушителен, и в ней преобладают мужчины.

«Арбузного огорода садовники», бобыли и работные люди как отдельные группы впервые встречаются в документах в сводном статистическом виде (табл. 8). О государевом арбузном огороде в Самаре имеются сведения и в других источниках конца XVII в. По всей видимости, это было достаточно значительное предприятие, о чем свидетельствуют данные о количестве «садовников». Что это были за люди? Присланные в город для заведения «арбузного огорода» специалисты из Астрахани или местные жители, неизвестно?

Представители достаточно многочисленной группы бобылей должны были со временем постепенно войти в состав посадских жителей. Работные люди, состоявшие практически из одних мужчин без семей, являлись действительно временным населением города. С наступлением весны они подражались на рыбные промыслы, «судовой ход» и, как правило, покидали Самару.

Таблица 8

№	Группы		Численность по группам и среднее количество, приходящееся на 1 садовника, бобыля, работного человека и т.д.			
			Садовники, бобыли, работн. люди, струговые сторожа	Общее кол-во людей	Из них мужчин	Из них женщин
1	Арб. огорода садовники	Общее кол-во	6	35	19	16
		В среднем на 1	5,8		3,2	2,6
2	Бобыли	Общее кол-во	16	65	34	31
		В среднем на 1	4,1		2,1	2,0
3	Работные люди	Общее кол-во	10	12	11	1
		В среднем на 1	1,2		1,1	0,1
4	Струг. сторож	Общее кол-во	1	5	2	3
		В среднем на 1	5,0		2,0	3,0

Можно сделать вывод, что анализ содержания переписной книги по Самаре позволяет впервые установить численность жителей для всех категорий служилых людей, то есть для основного населения города. Впервые появляется возможность говорить о работных людях, остаю-

щихся зимовать в городе, как об определенной статистической целостности. На наш взгляд, это достаточно важные и значимые результаты проделанной работы.

Вместе с тем полученные результаты представляют интерес и значение не только для небольшой пограничной крепости, каковой была Самара на рубеже XVII–XVIII вв. или другие города южного и юго-восточного фронта России. Их вполне можно использовать и для решения ряда важных демографических вопросов средневековой России. Н.А. Горская в своей монографии, посвященной истории изучения исторической демографии в России, приходит к выводу, что: «К сожалению, существующие источники не дают возможности представить семью феодалов, живущих в городе»³⁸. Эти слова, на наш взгляд, верны и для городских приборных людей. Как правило, ведущие отечественные историки при попытках решить данный вопрос исходят из априорно взятого коэффициента 3 чел. м.п. на семью³⁹ или 2,1 на двор⁴⁰. Судя по нашим расчетам, для пограничных городов России, по крайней мере, первый показатель является несколько завышенным. Другие исследователи, наоборот, слишком занижают планку. Например, М.Ю. Романов пишет: «С учетом членов их (стрельцов. — Э.Д.) семей, отставных стрельцов, стрелецких вдов и сирот эту цифру (в 20000 московских стрельцов. — Э.Д.) смело можно увеличить в 2–3 раза»⁴¹.

На наш взгляд, приведенные выше расчеты позволяют не столько определить среднюю численность семьи городского служилого человека по отчеству и прибору (при этом возможны определенные неточности, погрешности и т. д.), сколько дают возможность, исходя из численности отдельных категорий гарнизона, выявить общее количество городского населения по данной группе воинских людей.

Например, исходя из приведенных в таблицах коэффициентов по количеству указанных, к примеру, в сметных списках дворян и детей боярских, можно достаточно точно рассчитать общее число людей мужского и женского пола этой группы. То же самое можно сказать и о приборных людях. При этом, разумеется, необходимо включать недорослей и членов их семей в общий состав служилых людей рассматриваемой группы. Использовать для таких расчетов данные переписей 1710 и 1715 гг., при проведении которых учитывался весь половозрастной состав мужского и женского населения (в том числе в отдельных случаях и низших сословий служилого населения), вряд ли будет правильно. Прежние категории служилых людей к этому времени существенно изменились. Сопоставлять их с военизированным населением русских городов XVII в., на наш взгляд, некорректно.

Таким образом, мы получаем инструментарий, способный помочь в решении ряда важных демографических вопросов для позднесредневековых городов Московского государства.

Примечания

¹ Наиболее полное описание его деятельности и характеристику сохранившегося делопроизводства смотри: Востоков А.А. О делах Генерального двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства юстиции. М., 1888. Кн. 5. Отд. 3.

² Рабинович М.Д. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т. 58. М., 1956; Его же. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969.

³ Водарский Я.Е. Служилое дворянство в России в конце XVII – начале XVIII в. // Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 233–238.

⁴ Кушева Е.Н. Сказки Генерального двора как источник по истории городов Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Никифор Федорович Румянцев в это время был подьячим, а затем дьяком Поместного приказа. См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 453. По поводу Нестерова, имя которого не указано, сказать сложно.

⁶ Востоков А.А. О делах Генерального двора. С. 39–41.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Первое издание. Т. 1. С. 854. №488. О нем упоминает и М.В. Ключков. См.: Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Том первый. Переписи дворов и населения (1678–1721). СПб., 1911. С. 37.

⁹ См., например: Ключков М. Указ. соч. С. 28–30, 37, 310, 317, 355, 358 и др.; Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Издание второе. СПб., 1905. С. 200–206.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 675.

¹¹ Водарский Я.Е. Служилое дворянство в России в конце XVII – начале XVIII в. С. 233–238.

¹² Книги разрядные. Т. 1–2. СПб., 1853–1855; Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. С. 118; Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989. С. 25; Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.) / с предисловием А.Н. Зерцалова // ЧОИДР. 1893. Кн. 4. С. 64.

¹³ Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. Сообщил действительный член С.Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 44

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 608–609об.

¹⁵ Там же. Л. 611об.

¹⁶ Я.Е. Водарский считает, что в среднем на дворянскую семью приходится 3 ч.м.п. См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 64.

¹⁷ Отметим, что каких-либо данных о признаках наличия и деятельности в Самаре единой корпорации служивых людей по отечеству — служилого города в известных нам источниках не выявлено.

¹⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. 1586 г. Л. 82–84.

¹⁹ А СПб ИИ РАН. Ф.38. Оп.1. Д. 67. Л. 505, 513.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 621 об. Поименный список «недорослей иноземских» и их близких дает только 1 женатого и 8 холостых. Возможно, произошла ошибка на какой-то стадии копирования этой переписной книги. Мы больше склонны доверять итоговым результатам, подведенным самими переписчиками. Возможно, все объясняют слова «Всего по списку и сверх списка...».

²¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 676.

²² Там же. Л. 616–621 об.

²³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. СПб., 1890. С. 220.

²⁴ Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1141–1358; Т. 2. СПб., 1855. Стб. 287–922.

²⁵ Там же.

²⁶ Сметный список военных сил России 1651 г. С. 25; А СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 66. Л. 105, 108, 130.

²⁷ А СПб ИИ РАН. Ф.38. Оп.1. Д. 67. Л. 161, 328, 362 и др.

²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 697.

²⁹ Там же. Л. 621, 630, 645.

³⁰ Там же. Л. 622, 630, 645.

³¹ Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 276.

³² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 680–697 об.

³³ А СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 67. Л. 214, 311, 371, 479 и др.; Д. 66. Л. 160, 165 и др.

³⁴ Там же. Д. 66. Л. 165.

³⁵ Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1141–1358; Т. 2. СПб., 1855. Стб. 287–922.

³⁶ Сметный список военных сил России 1651 г. С. 25; Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг.; А СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 66. Л. 105, 108, 130 и др.

³⁷ Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. С. 51–65.

³⁸ Горская Н.Я. Историческая демография в России эпохи феодализма. М., 1994. С. 124.

³⁹ См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. С. 64.

⁴⁰ Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. С. 276.

⁴¹ Романов М.Ю. Стрельцы московские. М., 2004. С. 4.

А.В. Суворов и его сослуживцы в гвардейском «сверхкомплекте» времен правления императрицы Елизаветы Петровны

Нередко обращаясь в своих трудах к биографическому жанру, П.С. Кабытов не обходит стороной молодые годы изучаемого персонажа, пусть небогатые источниками и яркими событиями биографии. Во-первых, их изучение важно для понимания процесса становления выдающейся личности. Во-вторых, опытный историк поднимается на высокий уровень обобщения, всматриваясь уже в начальные страницы жизненного пути исторического деятеля. Так, П.С. Кабытов характеризует формирование целой генерации российских чиновников «просвещенного XIX века» на примере студенческих лет П.А. Столыпина¹. Методологические традиции российской исторической науки, хранителем и продолжателем которых является наш юбиляр, вполне применимы в работах по иным эпохам, темам, персонажам, в т.ч. о гвардейской службе молодого А.В. Суворова и его современников.

Начало воинской карьеры А.В. Суворова в нижних чинах лейб-гвардии Семеновского полка не вызывало пристального интереса у его биографов² и военных историков³, да и сам он не очень подробно останавливался на этих годах⁴. Однако в данном периоде жизни будущего великого полководца отразились как значимые вехи его биографии, так и интересные особенности истории самой русской гвардии.

Первым, кто с должным вниманием обратился к этим страницам прошлого, был А. Геруа. В небольшой, но весьма информативной работе он привел достоверные сведения о юности самого Суворова и службе молодых гвардейцев-дворян, почерпнутые в основном из архива Семеновского полка⁵. Эти документы, в частности, показали, что «все свои чины и звания нижним чином» Суворов «получил сверх комплекта»⁶. В последующей литературе, включая последние по времени издания⁷, если и говорилось о гвардейской службе Суворова, то в основном использовались и повторялись наблюдения А. Геруа.

Новые изыскания по данной теме были проведены автором данной статьи в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в архивных фондах Семеновского и других гвардейских полков⁸, а их результаты изложены в публикациях о принципах комплектования русской гвардии, социальном происхождении ее чинов и особен-

* © Смирнов Ю.Н., 2011

ностях прохождения в ней службы⁹. Продолжая эти публикации, настоящая статья предлагает обобщенную и количественно просчитанную характеристику гвардейского «сверхкомплекта» времени правления императрицы Елизаветы Петровны. В качестве иллюстраций избраны страницы биографии самого знаменитого солдата-семеновца XVIII века, в т.ч. уже приведенные у А. Геруа и в другой литературе о А.В. Суворове.

Зачисление в гвардию дворян в юном возрасте начало практиковаться еще в петровское время. Речь идет о записи в ее полки недорослей, как правило, 12–13 лет, (а не «с пеленок», как до сих пор иногда пишут¹⁰), которым предоставлялся официальный отпуск на 3–4 года для обучения дома «указным наукам». Прибывая в полк на действительную службу, молодые дворяне держали экзамен по этим наукам, хорошее знание которых могло способствовать их карьере.

25 октября 1742 г. подал прошение о приеме в Семеновский полк 12-летний дворянский недоросль А.В. Суворов. 26 октября его отец представил в полковую канцелярию обязательство обучать сына «арифметике, геометрии, план геометрии, тригонометрии, фортификации, часть артиллерии и инженерства, также иностранных языков, военной экзерциции», подавая каждые полгода рапорты, «сколько каких наук обучит»¹¹.

Позднее указ от 1 октября 1747 г. запретил принимать в гвардейские полки солдат моложе 15 лет¹², однако он не был полностью проведен в жизнь. Поступление малолетних в гвардию продолжало практиковаться. Так, в архиве сохранились прошение о приеме в полк и сказка со собственноручными подписями 12-летнего Д.И. Фонвизина (будущего драматурга) и его 11-летнего брата П.И. Фонвизина (будущего директора Московского университета)¹³. В 1754 г. по этому прошению оба были приняты в солдаты того же Семеновского полка.

Преувеличивать количество поступавших в гвардию малолетних все же не следует. Не правы те историки, которые отождествляли с малолетними гвардейцами весь полковой «сверхкомплект» в правление Елизаветы Петровны. Например, П.П. Карцов считал, что к 1750 г. в Семеновском полку набралось 500 сверхкомплектных, и рассматривал их всех как малолетних¹⁴. За ним эту цифру повторяли другие авторы книг по истории гвардии¹⁵. Однако данное число было явно завышено.

По наблюдениям, основанным на изучении полковых списков, где регистрировалось поступление в полк гвардейцев, за 1742–1761 гг. в Семеновский полк зачислено 455 дворянских недорослей в возрасте до 16 лет (см. табл. 1) и переведено из армии или зачислено по другим способам комплектования 8 дворян того же возраста. Всего получаем 463 чел. малолетних, поступивших в полк за все царствование Елизаветы (следует, правда, учесть отсутствие данных за 1746 и 1748 гг.). В первую половину этого срока (1742–1751 гг., также без учета двух лет) было принято в полк только 183 дворянина моложе 16 лет. Обратим

внимание на то, что в Семеновском полку были гвардейцы такого же возраста из других сословий, прежде всего солдатских и унтер-офицерских детей.

Таблица 1

**Возраст поступающих в Семеновский полк выходцев
из основных сословных групп (1742-1761 гг.)¹⁶**

Возраст	Происхождение		
	Дворянские недоросли чел. %	Дети нижних чинов армии и людей «старых служб», чел. %	Рекруты из крестьян и прочих податных сословий, чел. %
Всего указали возраст	1193 100	236 100	224 100
До 16 лет	455 38,1	175 74,2	5 2,2
16 – 20 лет	683 57,3	61 25,8	37 16,5
21 – 30 лет	53 4,4	—	155 69,2
Свыше 30 лет	2 0,2	—	27 12,1

В семеновском полковом архиве не удалось обнаружить списков, которые показывали бы точное число малолетних гвардейцев, находящихся «в отпуску», и позволили бы точно определить величину ошибки П.П. Карцова при подсчете отсутствующих от полка дворянских недорослей. Обратимся к сведениям по другому гвардейскому полку – Преображенскому, где сохранились таблицы личного состава со специальной графой о числе малолетних, находящихся «в отпуску». Количество последних оказалось в резком противоречии с ожидаемыми данными, если бы был прав П.П. Карцов. В 1749 г. в Преображенском полку показано всего-навсего 60 малолетних чинов, находившихся в отпуске, а к 1751 г. их число вообще снизилось до 23 чел.¹⁷ Исходя из принципиальной схожести комплектования двух гвардейских частей, данные по находившимся дома малолетним семеновцам не могли сильно отличаться от количества таких же преображенцев, особенно в сторону увеличения, т.к. общая численность Семеновского полка была меньше Преображенского примерно на четверть.

Ошибка П.П. Карцова заключалась в отождествлении всех сверхкомплектных гвардейцев с теми малолетними дворянами, которые числились в полку. Чтобы объяснить эту ошибку и расхождение между архивными данными и высказанными в литературе неточными представлениями о числе малолетних гвардейцев, надо подробнее остановиться на сути «сверхкомплекта» – своеобразного явления в комплектовании гвардейских полков середины XVIII в.

Удовлетворяя просьбы дворян о зачислении в гвардейский полк, командование внимательно рассматривало имущественное положение зачисляемых. Обладавшие достаточными средствами дворяне проходили

чаще всего службу в полку без жалованья, то есть сверх комплекта. Тем самым сохранялись средства на содержание в полку выходцев из менее обеспеченного дворянства и из прочих сословий, которые и числились в комплекте, получая жалованье. В некоторых случаях в «сверхкомплекте» формально числились мелкие помещики и лица недворянского происхождения, получавшие, тем не менее, оклад вместо какого-нибудь состоятельного гвардейца, записанного в комплект. В сверхкомплектные чины также переводились гвардейцы, реально не служившие по причине длительного отпуска или в ожидании подтверждения об окончательной отставке от службы в полку.

Наконец, в «сверхкомплекте» состояли и даже могли иногда производиться в следующие чины малолетние дворяне, которые были записаны в гвардейские полки, но не прибыли в полк на действительную службу. До достижения 16 или даже 18 лет, как уже говорилось, они считались находящимися в отпуску для учебы, но по истечении срока этого отпуска были обязаны явиться в полк для прохождения действительной службы. При этом они могли при явке в полк быть как зачисленными в комплект, так и оставаться сверх комплекта.

К сожалению, в годовых общих списках Семеновского полка практически отсутствуют пометы о том, находится ли конкретный сверхкомплектный гвардеец в отпуске или уже прибыл в полк. Например, в них никак не отражено ни то, что сверхкомплектный рядовой А.В. Суворов находился дома «для науки», ни то, что он в чине капрала «сверх комплекта» был на действительной службе.

Приходится делать определенные обоснованные допущения. Условно можно объединить сверхкомплектных (безжалованных) капралов, унтер-офицеров, офицеров с комплектными гвардейцами в общую группу чинов действительной полковой службы. Как правило, дворяне — обладатели младших и старших командирских чинов — чаще всего находились в полку. Наоборот, случаи действительной службы в полку сверхкомплектных солдат-дворян редки, а потому их следует учитывать отдельно.

Лишь 217 дворян из 1377 зачисленных в Семеновский полк в 1742—1761 гг., т. е. 16 %, сразу попали в комплектные рядовые полка. Следовательно, говоря о зачислении в полк дворян, надо иметь в виду, что в большинстве случаев ими наполнялся прежде всего «сверхкомплект», а уж через его посредство шло пополнение действительных полковых служб. Основной функцией «сверхкомплекта» и было создание постоянного резерва для пополнения личного состава гвардии выходцами, как тогда писали и говорили, «из шляхетства» и облегчения прохождения ими службы.

За 1742—1761 гг. из 1377 дворян, зачисленных в рядовые Семеновского полка, с поступления в «сверхкомплект» начали службу 1160 чел. (84 %). Из них 515 чел. были переведены рядовыми в комплект, т. е. на

действительную службу, в течение года после этой записи. Еще 215 чел. оставались сверх комплекта более долгий срок (в основном от 1 до 5 лет), вполне вероятно, оставаясь в отпусках, а затем тоже были зачислены в комплектные солдаты. Остальные 430 чел. были произведены в сверхкомплектные капралы и унтер-офицеры, которые со временем также прибывали в полк для прохождения службы или по разным причинам выбывали из полка.

Необходимо уточнить, что несколько дворян (11 человек) из учтенных нами как сверхкомплектные на самом деле были зачислены в извозчики. Однако такое начало гвардейской карьеры для дворян было редкостью. Извозчицья служба в пехотных гвардейских полках играла примерно ту же роль полкового резерва комплектования, что и система «сверхкомплекта», но уже для лиц недворянского происхождения. Основное отличие состояло в том, что извозчики, как правило, находились при полку и получали жалованье за исполнение подсобных работ при полку и полковом обозе.

Существование практики «сверхкомплектного» прохождения службы привело к тому, что дворян, служивших в комплектных рядовых, было заметно меньше, чем всех дворян, принятых в полк. За 1742–1761 гг. в Семеновский полк было зачислено, как сказано выше, 1377 дворян, а в рядовые чины в комплект за то же время – только 947 дворян, то есть менее 70 % от первого числа.

Преимущественно миновали этап действительной службы рядовыми солдатами недоросли из более знатных и богатых семей. Об этом свидетельствуют подсчеты в приведенных ниже таблицах.

Таблицы 2 и 3 показывают долю выходцев из различных по имущественному положению групп помещиков среди дворян, поступивших в 1742–1761 гг. в Семеновский полк¹⁸. При этом таблица 2 учитывает всех зачисленных в рядовые полка, в комплект и сверх комплекта (из 1377 зачисленных дворян имущественное положение показано у 1239 чел.), а в таблице 3 подсчитаны поступившие на службу только в комплектные рядовые, как сразу оказавшиеся в комплекте, так и переведенные из сверхкомплекта (имущественное положение указано в 883 случаях из 947 таких поступлений).

В таблице 3 заметен более высокий процент дворян, не имевших крепостных, и мелких помещиков. В сумме они составляли 67 % среди всех поступивших в полк выходцев «из шляхетства». Среди зачисленных в комплектные рядовые выходцев из того же сословия беспоместных и мелкопоместных дворян было уже 82,5 %. Доля более состоятельных помещиков средней руки среди дворян, которым пришлось служить в комплектных рядовых, в 1,5 раза меньше доли таковых среди всех дворян, поступивших в полк. Доля крупных помещиков среди принятых в Семеновский полк комплектными рядовыми в 4 раза меньше их доли среди всех дворян, поступивших в эту гвардейскую часть.

Таблица 2

Имущественное положение и возраст дворян, поступивших в рядовые Семеновского полка в комплект и сверх комплекта (1742–1761 гг.)

	Возраст при поступлении на службу				
	до 16 лет чел. %	16-20 лет чел. %	более 20 лет чел. %	неизвестен. чел.	ВСЕГО чел. %
Указано имущественное положение	421 100	694 100	107 100	17	1239 100
Нет крепостных	1 0,3	17 2,4	10 9,4	2	30 2,4
Мелкопоместные:					
1) 1-20 душ	70 16,6	353 50,9	65 60,8	3	491 39,6
2) 21-100 душ	89 21,1	191 27,5	24 22,4	5	309 25,0
Среднепоместные (101-500 душ)	158 37,5	100 14,4	7 6,5	4	269 21,7
Крупнопоместные (501 и более душ)	103 24,5	33 4,8	1 0,9	3	140 11,3

Таблица 3

Имущественное положение и возраст дворян, зачисленных в комплектные рядовые Семеновского полка (1742–1761 гг.)

	Возраст при поступлении на службу				
	до 16 лет чел. %	16-20 лет чел. %	более 20 лет чел. %	неизвестен чел.	ВСЕГО чел. %
Указано имущественное положение	57 100	670 100	247 100	9	883 100
Нет крепостных	1 1,8	18 2,7	10 4,0	2	31 3,5
Мелкопоместные:					
1) 1-20 душ	29 50,8	327 48,8	81 32,8	3	440 49,8
2) 21-100 душ	17 29,8	198 29,6	139 56,3	4	258 29,2
Среднепоместные (101-500 душ)	9 15,8	108 16,1	14 5,7	—	131 14,9
Крупнопоместные (501 и более душ)	1 1,8	19 2,8	3 1,2	—	23 2,6

Взаимосвязана с имущественным положением дворян такая характеристика, как возраст поступающих в гвардию. Самую большую долю средние и крупные помещики (в сумме 62 %) составляли среди тех комплектных и сверхкомплектных солдат-дворян, кому на момент зачисления в Семеновский полк не исполнилось 16 лет (см. табл. 2). Из дворян, зачисленных в полк в возрасте 16–20 лет, подавляющее большинство (78 %) приходилось на небогатых помещиков, имевших от 1 до 100 душ. В возрасте старше 20 лет, наименее перспективном для будущей военной карьеры, в гвардию попадали в основном самые мелкие помещики —

владельцы до 20 душ и те дворяне, кто не имел крепостных вообще (в сумме 69 % всех поступивших рядовыми).

Если же брать только тех, кто был зачислен рядовыми в комплект (см. табл. 3), то среди дворян всех возрастных групп мелкопоместные составляли подавляющее большинство (свыше 80%). В основном же выходцы из всех имущественных групп дворянства поступали солдатом на действительную службу в возрасте от 16 до 20 лет.

Заметим, что условия жизни состоятельных дворян даже в нижних чинах гвардии были более комфортными, чем у их менее богатых и знатных однополчан. Известно, что в прислуге у молодого Суворова, как и у других его сослуживцев, состояли дворовые люди.

Распространенной льготой для солдат-дворян была возможность проживать вне расположения своего полка в собственных домах или у родственников. Суворов ею пользовался, живя в доме дяди, офицера Преображенского полка¹⁹.

Сверхкомплектное прохождение службы облегчало получение первого командирского (капральского) чина и последующих чинов. Для претендующего на производство в «сверхкомплекте» не нужно было дожидаться открытия штатной вакансии на следующий чин, поскольку он не претендовал на получение жалования, положенного по штату. Такое, конечно, могли себе позволить выходцы только из состоятельных семей.

Не случайно, что, по нашим подсчетам, срок выслуги для получения капральского или унтер-офицерского, а в дальнейшем офицерского чина находился в определенной зависимости от материального положения гвардейца. Если большинство дворян — мелких помещиков производилось в первый капральский или унтер-офицерский чин, прослужив в Семеновском полку 6 лет и более, то средние и крупные помещики получали это производство в основном в течение 1–5 лет службы (при этом часто несколько лет находясь дома в отпуску). Более того, почти 1/5 средних и 1/3 крупных помещиков удостаивались первого производства, не числясь в рядовых и одного года. Конечно, здесь сказывались и такие конкурентные преимущества, как более высокий социальный статус или личные связи богатых дворян. Однако главными все же представляются вытекающие от этого статуса причины: 1) достаточно высокий, как правило, уровень образования полученный за время отпуска «для науки»; 2) возможность получения чина по способностям и заслугам вне зависимости от вакансий, очередности, срока выслуги.

Гвардейская карьера А.В. Суворова является наглядным примером достаточно успешного прохождения всей службы в нижних чинах «сверхкомплекта». После зачисления мушкетером Семеновского полка в 1742 г. и предоставления отпуска «для науки» ему трижды продляли этот отпуск, и, находясь еще в отпуске, Суворов в 1747 г. получает свое первое

производство в капралы гвардии. В этом чине с начала 1748 г. Суворов приступает к несению действительной военной службы в Семеновском полку, по-прежнему числясь «сверх комплекта». В 1749 г. он пожалован в подпрапорщики, а в 1751 г. — в сержанты. 25 апреля 1754 г. сержант гвардии А.В. Суворов был выпущен в армейские поручики, чем закончил свою службу в Семеновском полку, так ни разу и не получив гвардейского жалованья, поскольку ни дня не состоял в штатном комплекте своей части. Из 11,5 лет службы в нижних чинах «сверх комплекта» он провел первые 5 лет и 2 мес. в отпуске, а 6 лет и 4 мес. — на действительной службе.

Карьера Суворова при всей типичности была несколько более удачной, чем у большинства сослуживцев. Как установил и подсчитал А. Геруа, одновременно с ним 22 октября 1742 г. подали прошение и были зачислены в Семеновский полк еще 19 недорослей, практически сверстников. Из них в 1748 г. имели производства в чин выше рядового только 6 чел., включая Суворова. В 1751 г., кроме него, получили гвардейский сержантский чин лишь 2 чел. из 19 начавших службу в гвардии одновременно с ним. Наконец, в 1754 г. были выпущены в офицеры армии из этой группы в 20 чел. пятеро, включая Суворова. Лишь один из этих сослуживцев получил более высокий, чем у поручика Суворова, чин капитана, остальные трое вышли из гвардии армейскими подпоручиками.

В качестве итога подчеркнем, что всю лестницу нижних чинов А.В. Суворов, как и многие молодые дворяне, прошел в гвардейском полку сверх комплекта, и данное обстоятельство отнюдь не помешало ему получить хорошую военную подготовку. Данный пример, как и ему подобные, позволяет сделать вывод о том, что в целом система сверхкомплектного прохождения гвардейской службы была для своего времени достаточно эффективной. Она позволяла учитывать социальные интересы дворянства, особенно его более состоятельной части. Однако она же компенсировала возможные негативные последствия соблюдения этих сословных интересов, которые могли последовать для финансов и боевой подготовки гвардии. Карьера богатых и просто обеспеченных дворян, которые могли пренебречь жалованьем и иным довольствием, не сдерживалась на своем начальном этапе ожиданием открытия штатных вакансий, а сам полк получал дополнительный контингент, содержание которого почти не требовало казенных расходов.

Домашняя общеобразовательная и начальная военная подготовка «сверхкомплектных» без затрат казны и времени полковых служителей помогала готовить кадры для замещения должностей младших командиров в гвардии. Быстрая ротация дворян в сверхкомплектных гвардейских капральских и унтер-офицерских чинах, не ослабляя боевую подготовку основного состава полка и не вызывая дополнительных денежных

или материальных расходов, помогала подготовке офицерского пополнения для полевой армии. Насколько успешно гвардия в целом и гвардейский «сверхкомплект» в частности справлялся с этой последней задачей, можно судить на примере А.В. Суворова и его сослуживцев.

Примечания

¹ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 56.

² Цветков С.Э. Александр Суворов: 1730–1800. М., 2005. С. 20, 21, 24, 26–28.

³ Ростунов И.И. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов: жизнь и полководческая деятельность. М., 1989. С. 45–48, 51–54.

⁴ Александр Васильевич Суворов. Слово Суворова. Слово современников: материалы для биографии. М., 2000. С. 21.

⁵ РГВИА. Ф. 2584 «Лейб-гвардии Семеновский полк».

⁶ Геруа А. Суворов-солдат. СПб., 1900. С. 9–10.

⁷ Шишов А.В. Суворов: генералиссимус Великой империи: новое прочтение биографии. М., 2005. С. 26.

⁸ РГВИА. Ф. 2583 «Лейб-гвардии Преображенский полк».

⁹ Смирнов Ю.Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII века // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С. 88, 94, 96; Его же. Русская гвардия в XVIII веке. Куйбышев, 1989. С. 19, 21, 25–28; Его же. Русские гвардейцы в царствование Петра I и «эпоху дворцовых переворотов»: воины, «царедворцы», «преторианцы»... // Родина. 2009. № 7. С. 38.

¹⁰ Экштут С. «Внутреннее человечество мое сокрыто...»: полководец Александр Суворов // Родина. 2010. № 2. С. 74.

¹¹ Из прошлого: исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1911. С. 154–155.

¹² ПСЗ. Собр. I-е. Т. XII. № 9445.

¹³ РГВИА. Ф. 2584. Оп. I. Д. 436. Л. 88.

¹⁴ Карцов П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 5.

¹⁵ Дирин П.И. Указ. соч. Т. 1. С. 244.

¹⁶ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2584. Оп. I. Д. 293, 304, 322, 338, 363, 394, 409, 440, 456, 490, 509, 526, 547, 571, 590, 607, 624.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2583. Оп. I. Д. 304. Л. 113–114, 239–240.

¹⁸ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2584. Оп. I. Д. 293, 304, 322, 338, 363, 394, 409, 440, 456, 490, 509, 526, 547, 571, 590, 607, 624.

¹⁹ Геруа А. Указ соч. С. 14–15.

Запросы и предложения государственных крестьян Казанской губернии в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.

Известно, что в Казанской губернии в середине XVIII века абсолютное большинство населения было представлено государственными крестьянами. Юридически эта категория крестьянского населения была оформлена петровским указом в 1724 г., согласно которому в ее состав были включены и «ясашные люди и служилые мурзы» Среднего Поволжья из числа ясачных марийских, мордовских, татарских, чувашских, удмуртских, русских крестьян и немногочисленных служилых мурз, тарханов, однодворцев, содержащих ландмилицию и пахотных солдат. Эта социальная категория крестьянского населения Среднего Поволжья с разнообразным этноконфессиональным составом (христиане, мусульмане, язычники) проживала на исторически сложившейся территории «Казанской земли» предшествующего времени в бассейне реки Волги, начиная от Васильурска в верхнем ее течении и до Самары – в нижнем. Согласно административным реформам 1708, 1727–1728, 1763–1764 годов, это Казанская провинция с Казанским и Уржумским уездами; Свияжская провинция с Свияжским, Кокшайским, Цивильским, Царевококшайским, Чебоксарским, Козьмодемьянским, Яранским, Царевосанчурским уездами и «безуездным» Васильурском; Симбирская провинция с Симбирским, Самарским, Саратовским, Сызранским, Петровским, Корсунским уездами и с городами Алексеевск и Дмитриевск; Пензенской провинции с Пензенским, Саранским и Мокшанским уездами Казанской губернии¹.

Вышесказанная специфика, несомненно, сказывалась на жизнедеятельности и мировосприятии государственных крестьян рассматриваемого региона в период господства «просвещенного абсолютизма» в России. Об этом наглядно свидетельствуют и депутатские наказы в Уложенную комиссию 1767–1768 годов², в которых был представлен широкий спектр межсословных отношений, отразившихся в запросах и предложениях государственных крестьян, испытывавших большие тяготы и лишения от непосильных казенных податей и повинностей, а также произвола чиновников, духовенства и других притеснителей.

Конкретно в своем наказе прослойка бывших служилых мурз и тарханов из числа нерусских народов настаивала на исключении их из податного сословия и предоставлении старинных прав владения землей и крепостными людьми. Так, депутат от служилых мурз и татар Пензенс-

* © Иванов А.Г., 2011

кой провинции мурза Аюп Еникеев ходатайствовал, чтобы их, служилых мурз и татар, не смешивали с ясачными татарами, и претендовал на то, чтобы за ними закрепили права служилого дворянства, так как их предки были «природными князьями, мурзами», а не ясачными, и переселились они в Россию из Золотой Орды. По его словам, за службу государям князья и мурзы были награждены жалованными грамотами и поместьями землями. После принятия крещения многие мурзы были признаны по российским законам князьями, а некоторые — дворянами. Это же предложение было поддержано депутатом от служилых мурз и татар Симбирской провинции А.Г. Идебердеевым, который считал, что мурзы, служилые татары и их потомки должны пользоваться правом дворян в деле покупки и продажи имений и быть исключенными из подушного оклада³.

В известной степени к этим предложениям примыкали предложения русских однодворцев, содержащих ландмилицию, и, в известной степени, пахотных солдат, обративших особое внимание на тяжесть подушных платежей, рекрутской и других многочисленных податей и повинностей⁴.

Абсолютное большинство государственных крестьян губернии в лице бывших ясачных людей (татары, русские, марийцы, мордва, чуваша, удмурты и другие немногочисленные прослойки) настаивало на сохранении неизменности своей социальной принадлежности и запрете их передачи в частное владение русских дворян и заводовладельцев. В наказе новокрещеных марийцев Казанской провинции подчеркивалось: «Нас, ясачных черемис, дворянам и под заводы из наших братьев по случаю ея императорского величества их в услугах награждение рангами, в крестьянство не отдавать»⁵. Об этом же, в сущности, утверждали новокрещеные из мордвы и чувашей Пензенской и Симбирской провинций, настаивая перед верховной абсолютистской властью на том, чтобы «нам всем новокрещеным и ясачным быть вечно государственными ясачными крестьянами»⁶. Статус лично-свободного человека позволял государственным крестьянам, при всей тяжести казенных податей и повинностей, лихоимства и произвола чиновников и приказных людей, гонений православных миссионеров и приходских священников и других «мирских кровопивцев», в большей степени, чем крепостным крестьянам, реализовывать свои хозяйственные возможности.

Всеобщее недовольство государственных крестьян губернии вызывала существовавшая практика воеводского управления и судебные решения «по форме». В этом отношении наиболее радикальным явилось требование всего крестьянского населения из числа новокрещеных марийцев и чувашей Козьмодемьянского уезда 1761 г., предложивших Сенату в целях пресечения произвола приказных людей и воевод, вывести их из-под воеводского правления и передать в управление Главной команды по защищению новокрещеных⁷. Чувашские и мордовские крестьяне

Пензенской провинции настаивали на том, чтобы разбирательство уголовных и гражданских дел производить не воеводским судом, а созданным для защиты их интересов «государственно-ясажным судом». При этом судьи должны выбираться из среды самих «государевых ясажных крестьян, а не помещику или дворянину нас судить»⁸. Отмечая разорительные последствия воеводского суда «по форме», чувашские крестьяне Цивильского, Чебоксарского и Казанского уездов, а также русские ясажные крестьяне Свяжской провинции предлагали судебные разбирательства производить «третейским судом» из числа выборных авторитетных и добропорядочных лиц со стороны истца и ответчика⁹. Новокрещенные из чувашей и других народностей Симбирского уезда в этой связи настаивали на том, чтобы судные дела между ними «с посторонними повелено было производить следствиями», так как «суд по форме» производится «долговременно» и разорительно как истцу, так и ответчику. Они же при рассмотрении малых дел на незначительную сумму среди самих ясажных и новокрещенных крестьян предлагали рассмотреть «словесными судами»¹⁰.

Чрезмерно усилившееся стремление абсолютистской власти к регламентации всех сторон жизни и безудержные лихоимства чиновничества, жестокие преследования некрещенных и новокрещенных духовенством за выполнение традиционных народных языческих обрядов и молений, разорительный обман купечества и другие негативные факторы вынудили марийских крестьян Казанского уезда выдвинуть ряд мер, призванных, по их мнению, укрепить позиции общины и выборных «мирских властей». На основе норм обычного права в каждой сотне по выбору крестьян предлагалось избрать «по одному достойному и закона знающему сотнику». После приведения к присяге должно его наделить судебными полномочиями. «По своему закону словесным судом» дать ему право рассматривать небольшие крестьянские дела: исковые заявления на сумму не свыше 30 рублей, спорные и другие вопросы, кроме «татебных». При этом сотник обязан «судить самую истинною справедливостию». В тех условиях передача этих судебных функций в руки выборного крестьянской общины означала бы, что из-под контроля чиновников «присутственных мест» была бы изъята важнейшая часть системы незаконных денежных поборов. Ведь не секрет, что любое мало-мальское крестьянское прошение по существовавшим нормам рассматривал суд, производимый «по форме», что весьма было разорительно для крестьян. Особо оговаривалось, что нахождение сотника-судьи на своей должности целиком зависит от воли «все тех мирских людей». Неудобный «народу» сотник смещался, на его место выбирался более компетентный и порядочный человек. «Вторичным выбором» на своей должности предлагалось оставить лишь такого сотника, за которого высказалась вся община или больше ее половины. Нарушение сотником своих должностных функций карается на основе норм обычного права. Эти же нормы

обычного права должны регулировать отношения между сотниками различных сельских общин.

Вышеизложенное позволяло крестьянам ставить вопрос о том, чтобы выборному мирскому сотнику дать право принимать явочные прошения и изветы, являвшиеся прерогативой чиновников. Предлагалось Казанской губернской канцелярии снабдить всех сотников печатями для проставления штампов при выдаче ими 4-месячных временных паспортов крестьянам, уходившим на отхожие промыслы на заработки. Каждому сотнику следовало дать по специальной зашнурованной книге для записи денежных поступлений с мелких крестьянских дел и прошений. Собранные деньги в конце года направлялись в губернскую канцелярию.

Марийские крестьяне настолько желали реализации предлагаемых мер, что еще раз подчеркнули: «за дальностью, а особливо в летнее страдное время» многие крестьянские прошения не подаются в губернскую канцелярию, из-за чего «приключается интересу ея императорского величества ущерб».

Кроме сотника в наказе предлагались еще две выборные крестьянские должности. Один из них, лесной смотритель, выбирался «для смотра и бережения всякого звания заповедных лесов». Его следовало наделить правами вальтмейстера адмиралтейской конторы. Тем самым бы общины избавились от систематических поборов чиновников лесного ведомства, и вопросы лесопользования в значительной мере оказались под контролем выборного «мирских людей». Другой выборный крестьянин должен был следить за тем, чтобы проезжавшие воинские и гражданские чины не смели брать подводы и лошадей без уплаты прогонных денег, нагружать крестьянские подводы почтовым и другим грузом не свыше 15–20 пудов со «всеми вещами, людьми и телегою». Важным было требование о переносе подводных повинностей, выполняемых летом, на один зимний срок, как и повышение платы за несение этой повинности.

В целях уменьшения размеров подушной суммы, падавшей на общину, крестьяне требовали исключить из числа плательщиков всех нетрудоспособных и «умершие души». Вместо них следовало записать мальчиков, достигших 10-летнего возраста. Отданных в рекруты предлагалось исключить из ревизских сказок и из подушного оклада, не накладывая их платежи ни на кого-либо. Бездействовавшие «пустовые» мельницы следовало «выключить» из оброчных платежей.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношениях общины и чиновников царской администрации, крестьяне в своем наказе оговаривали, что «та-тебные», «тайные» и ряд других дел являются компетенцией присутственных мест. В случае пропажи крестьянского имущества и скота хотя бы на сумму до 4 рублей виновного предлагалось сослать на каторжную работу в зачет рекрута. При рассмотрении «больших исковых дел» в

присутственных местах между самими общинниками или марийцами с русскими людьми «разных чинов» и крестьянами следовало бы, отмечалось в наказе, не проводить суда «по форме», так как от этого «разоряемся накрепко». Лучше провести краткое следствие по доношениям «со взятьем указных пошлин, что с челобитен взяты указано». Предусмотреть, чтобы в ходе судебного разбирательства «в силу указа 194 (1685/86) года» расходы и убытки с марийских крестьян не брать.

Наконец, марийскими крестьянами Казанского уезда выдвигалось требование о расширении прав свободы движения. Разрешить «беззапретно» переселяться «в разные губернии и в башкирские жительство». Это объяснялось тем, что «онье башкирцы ныне состоят в верноподданстве ея императорского величества»¹¹.

Государственные крестьяне вне зависимости от этно-конфессиональной принадлежности никак не могли мириться с тем, что их «ясачные дачи» подвергаются насильственному расхищению со стороны русских помещиков, приказных людей, купцов и других лиц. По свидетельству новокрещен из мордвы Пензенской провинции, их старинные земли «многие помещики, не боясь господ бога и не страшась прав е.и.в. указов, насильством своим, у нас, у новокрещен, завладели без всяких крепостей». В полосе активной помещичьей колонизации оказались и ясачные земли чувашских крестьян Симбирской провинции. В захвате общинных земель в Чебоксарском, Горной стороне Кокшайского и других уездов принимали участие и приказные люди. В своих требованиях ясачные крестьяне и новокрещены настаивали на возврате их захваченных земельных угодий — пашен, сенокосов, лесных и иных угодий¹².

Обремененные возросшей подушной податью, рекрутской и многочисленными казенными повинностями государственные крестьяне в поисках денег все более вступали в товарно-денежные отношения. Крестьянская торговля вопреки некоторым запретительным указам и противодействию купечества получала все большее распространение. В этой сфере особо весомой и значимой была городская, уездная, губернская и отъезжая торговля служилых мурз и ясачных татар, в том числе за пределами российского государства. Как отмечал в своем выступлении депутат Рахманкул Алкин от служилых мурз и татар, приписных к Казанскому адмиралтейству, «торги мы производили беспрепятственно», до принятия Торгового устава 1755 г. и вопреки противодействию русских купцов считаем необходимым дальнейшее ведение наших «торгов»¹³. С его мнением были согласны депутаты не только от служилых мурз и татар, но и от новокрещенных чувашей, марийцев, мордвы, настаивавших на свободной торговле для всех государственных крестьян¹⁴.

Заметное место среди нерусских крестьян занимал конфессиональный вопрос. С завершением полосы массовой христианизации народов Поволжья 1740–1764 гг. все более стали раздаваться голоса о веротерпимости, равенстве православных и неправославных, ликвидации пре-

град на конфессиональной почве, препятствовавших развитию торговли, найма и договорных отношений. Так, состоятельные крестьяне-язычники настаивали на возможности использования в своем хозяйстве наемного труда русских крестьян и православных сородичей. Служилые мурзы и татары требовали снять бюрократические преграды при строительстве новых мечетей. Ясачные татары Казанского уезда просили чтобы «в случае ссор, драк, займа денег до 10 рублей, разбирать муллами по Корану». Тем самым различные правовые вопросы внутри татар-мусульман предлагалось решать исходя из традиционных норм шариата. Предоставление льгот новокрещеным татарам, как и неравенство в свидетельских показаниях мусульман и православных, различные запрительные указы и гонения, в том числе запрет совершить хадж и посетить святые места в Мекке и Медине, не способствовали, по мнению татарских депутатов, сближению народов¹⁵.

В целом в рассматриваемом регионе каждая из сословных прослоек государственных крестьян отстаивала свои собственные интересы, нередко приводящие к столкновению с интересами других. Тяготы казенных податей и повинностей, ограничения и запреты, неравенство перед законом, противоправные действия чиновников разных уровней вызывали недовольство и предложения по отмене воеводской формы управления и изжившего себя проведения «суда по форме». Обращенные к верховной власти предложения и запросы государственных крестьян, как и сословных групп и социальных прослоек, в дальнейшем получили известное отражение в законодательных актах абсолютистской власти.

Примечания

¹ См.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963. С. 64–65, 126–129, 189–190.

² См.: Ташкин С.Ф. Иногородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам екатерининской законодательной комиссии. Казань, 1922; Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965; Артамонова Л.М. Наказы государственных крестьян Поволжья как источник по истории взаимоотношений разных национальностей // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981. С. 83–84; Она же. Отражение социальных конфликтов в наказах государственных крестьян Поволжья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Социальные конфликты в России XVII–XVIII веков: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2005. С. 150–155; Иванов А.Г. Марийцы Поволжья и Приуралья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). Йошкар-Ола, 1993; Волков С.С. «Дополнения» к наказам нерусского крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1999. Вып. 9. С. 42–53; Исла-

ев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к веротерпимости. Казань, 2001; Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа: Китап, 2005; и др.

³ Сб. РИО. Т. 32. СПб., 1881. С. 543–544; Т. 107. СПб., 1900. С. 224.

⁴ Сб. РИО. Т. 107. С. 604–605; Т. 115. СПб., 1903. С. 201–203.

⁵ Сб. РИО. Т. 115. С. 390.

⁶ Там же. С. 421.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 185. Л. 359–370.

⁸ Сб. РИО. Т. 115. С. 421.

⁹ Сб. РИО. Т. 115. С. 379–381, 411–415, 424–426, 427–428.

¹⁰ Там же. С. 353–356.

¹¹ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 98. Ч. 2. Л. 153–154 об.; Сб. РИО. Т. 115. С. 388–392.

¹² Сб. РИО. Т. 115. С. 353–354, 422, 439–440.

¹³ Сб. РИО. Т. 8. СПб., 1871. С. 141–142.

¹⁴ Там же. С. 82–83, 169–170, 141–143, 182–185, 223–224.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 32. С. 544; Т. 115. С. 227, 311, 320, 336, 392, 395, 402; Т. 134. СПб., 1911. С. 182.

*Л.М. Артамонова**

Первые шаги женского образования в русской провинции с конца XVIII в. до 1861 г. (на примере юго-востока Европейской России)

Интерес к прошлому и культуре страны и родного края прививается трудами людей разных поколений. Во второй половине XIX в. этот интерес пробуждали у современников труды П.В. Алабина, о заслугах которого как общественного деятеля и исследователя век спустя уже своим соотечественникам напомнил П.С. Кабытов¹. Под редакцией П.С. Кабытова были переизданы или впервые опубликованы важные страницы алабинского наследия, других записок и сочинений о Самарском крае, архивных документов, позволившие по-новому рассмотреть многие малоизученные вопросы истории отечественной и региональной культуры². К их числу относится и история женского образования в Самаре и других местах юго-востока Европейской России до эпохи Великих реформ. Она рассматривается в данной статье с учетом как упо-

* © Артамонова Л.М., 2011

мянутой источниковой базы, опубликованной литературы, так и новых материалов, обнаруженных в Санкт-Петербурге и Казани в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ).

Вплоть до самого конца XVIII в. мы не имеем достоверных сведений о правильном и регулярном обучении в Самаре и других местах юго-востока Европейской России девочек, если не брать упоминаний о традиционных домашних формах образования. В этом отношении отдаленная провинция Империи отставала от общероссийских тенденций, проявившихся в царствование Екатерины II. Безусловным достижением в деле народного просвещения, достигнутым при ее правлении, следует признать создание условий для получения девочками общего образования, адекватного новому времени.

Были намечены два пути достижения этой цели. Во-первых, открывались специальные женские учебные заведения, самым известным из которых стал Смольный институт в Петербурге, основанный в 1764 г. Во-вторых, школьная реформа, осуществленная в 1780-х гг., предусматривала создание государственной системы общеобразовательных школ («народных училищ») на принципе совместного обучения детей обоего пола. Официальное и обязательное для преподавателей Руководство 1783 г. предостерегало от телесных наказаний, оскорблений и дискриминации учащихся, независимо от социального положения родителей и пола детей: «В рассуждении пола... учитель обязан как учеников, так и учениц наставлять с равным усердием; то же чему в нижних школах учат, и без того равно обоему полу нужно»³.

Негативно-пренебрежительное отношение к школьной реформе Екатерины II, еще понятное в свете прежней идейной критики всего, что связано с самодержавием, вызывает недоумение в современной историографической ситуации. Продолжают встречаться, к сожалению, одно-сторонние утверждения, что «замысел императрицы о проведении широкой образовательной реформы» потерпел полную неудачу, что эта реформа «не инициировала развитие женского образования», что открытие всесословных бесплатных общеобразовательных школ с совместным обучением обоих полов лишь «предполагалось», то есть не было осуществлено⁴. Свое несогласие с подобными утверждениями и аргументацию, позволяющую оценить екатерининскую образовательную реформу как последовательно просветительскую и намного опередившую свое время, автор настоящей статьи уже не раз высказывала⁵. Действительно, если раздельное обучение разных полов в общеобразовательной школе не предусматривалось, то, разумеется, и женское образование не выделялось как отдельная сфера народного просвещения. Однако это обстоятельство характеризует реформу Екатерины II не отрицательно, а как в высшей степени прогрессивную.

Развитие народного образования на принципах совместного обучения детей обоего пола представляется с современной точки зрения наиболее перспективным путем, но, к сожалению, в конкретной социально-политической ситуации в России конца XVIII – первой половины XIX вв. этот путь не получил возможности для реализации. Так, в народных училищах Симбирской губернии, включавшей тогда в свой состав значительную часть Самарского Заволжья, в течение 1789–1799 гг. обучалось до тысячи учащихся, среди которых упоминаются всего 8 девочек в школах трех городов. В малых народных училищах Карсуна (4 чел.) и Тагая (1 чел.) это были дочери офицеров, чиновников и канцеляристов, в главном народном училище Симбирска (3 чел.) – дочери служанок и дворовых. Ни одной девочки не отмечено в малых народных училищах Алатыря, Самары, Сызрани, Ставрополя⁶.

По школьному Уставу 1804 г., принятому в царствование Александра I, в городах на смену главным народным училищам екатерининского времени пришли гимназии, а малые народные училища были заменены уездными и приходскими училищами. Прямого запрета обучения лиц женского пола в гимназиях и уездных училищах Устав не содержал, поэтому первоначально среди их учащихся встречались в небольшом количестве девочки. По данным 1804–1808 гг., в гимназиях Новгорода, Пскова, Новгород-Северского, Могилева, Витебска их числилось от 3 до 20 чел.⁷ На практике же гимназии вскоре стали сугубо мужскими учебными заведениями.

В уездные училища девочек было запрещено принимать после издания при Николае I нового школьного Устава 1828 г., в котором прямо указывалось, что в этих школах «обучаются только дети мужского пола». Правда, местное начальство обязывалось «содействовать всеми зависящими от него средствами» учреждению «для девиц» отдельных учебных заведений, «равных по степени преподавания» уездным училищам⁸, однако специальных женских училищ, подобных уездным для мальчиков, создано тогда не было.

Уставы 1804 и 1828 гг. безусловно говорили о возможности совместного обучения детей обоих полов только в приходских училищах. В них могли бесплатно учиться дети не моложе 8 лет всех сословий, верхняя возрастная планка для мальчиков не устанавливалась, а девочек принимали «не старше 11 лет»⁹.

Все же дворяне, чиновники, горожане, в т.ч. в провинции, и в XVIII веке, и в первой половине XIX века предпочитали давать своим дочерям домашнее образование или отдавать их в частные пансионы. По воспоминаниям современников, попытки заведения таких пансионов, в т.ч. для девочек, в уездной Самаре были не совсем удачными и не привели к созданию постоянно действующих женских учебных заведений¹⁰. Один из более или менее успешно работавших в этом городе пансионов был организован принявшим русское подданство и сдавшим экзамен в Мос-

ковской губернской гимназии на право преподавания французского языка Ж.-Б. де Маке. Кроме французского языка и рисования, воспитанники изучали общеобразовательные предметы (Закон Божий, грамматика, арифметика, география, история), которые им преподавали учителя уездного училища¹¹. В пансион принимали как мальчиков, так и девочек. По школьному Уставу 1828 г. совместное обучение дозволялось лишь в тех пансионах, которые устраивались «только для преподавания учения», где воспитанники не жили и не содержались постоянно, а расходились после занятий по домам. В такие пансионы запрещалось принимать девочек старше 11 лет¹².

Младшая сестра Н.И. Второва, который сам посещал пансион де Маке, обучалась дома. Девочку учили старшая сестра Анна, а во время отъездов той и своих каникул – 11-летний брат Николай, который относился к такой обязанности со всей серьезностью и вел дневник, который позволяет заглянуть в процесс обучения провинциальной барышни из незнатной и небогатой, но просвещенной семьи: «Среда 16 июля [1830 г.]... Сегодня я учил Юлиньку, ибо мне Аннушка препоручила: поутру по-французски, а после обеда по-русски. Вот как она училась: довольно хорошо, и вела себя также..., два урока выучила, – один из вокаблов [слов с переводом для заучивания наизусть. – Л.А.], а другой из катехизиса [основ христианского вероучения. – Л.А.], писала и повторяла все старое». На другой день сестрица также «училась порядочно: урок из вокаблов знала не худо, арифметику хорошо, писала так же; урок из катехизиса знала хорошо». По сравнению с будними днями субботние занятия 19 июля сокращены: «Сегодня я учил Юлиньку, но мало. Поутру она ходила в баню, а выучила урок из вокаблов. После обеда она вязала чулок, а я читал и рисовал». В воскресенье в занятиях был перерыв, а в понедельник вновь брат «учил целый день Юлиньку». Так продолжалось до возвращения домой старшей сестры, которая вновь приняла обязанности домашней учительницы на себя¹³.

Несколько иначе решались подобные проблемы в состоятельных семьях. Богатый помещик Казанской, Пензенской, Саратовской губерний С.Ф. Желтухин, оказался опекуном своей родственницы, сироты Маши Желтухиной, и озаботился тем, «дабы не оставалась она без воспитания». Через хозяйку дома в Пензе, куда он определил на проживание девочку, он договорился о более полном и дорогом наборе «образовательных услуг» домашних учителей: «Один живущий француз в Пензе г-н Витоне обязался учить по-французски и другие науки и получать за сие плату в месяц 25 руб. ассигнациями. Русской учитель... порядился за учение получать в месяц 10 руб. ассигнациями. Фортопьянист за свое обучение в месяц 12 руб. А танцмейстер... обязуется дать 50 уроков танцевания, получа за каждый урок по 2 руб. ассигнациями же. Выходит всего сие за все учение всем поясненным учителям составит 664 руб. ассигнациями. Но когда танцмейстер кончит уже преподавать учение, то тогда

придется платить 564 руб. в год». Довольно крупная сумма не смущала опекуна, поскольку соответствовала положению и статусу семьи, а соответственно, и затратам на обучение девочек этого круга. Однако помещик не исключал возможных проблем с самими «учительскими кадрами», а потому приказал своему управляющему поехать в Пензу, самому встретиться с учителями и договориться с ними, «как им платить деньги, в какие сроки». С.Ф. Желтухин настаивал на оплате занятий после их проведения, а не вперед: «Ибо я знаю таковых молодцов, деньги они вперед взять любят, а обязанности своей не исполняют, а тогда с ними имей процесс». На случай, не дай Бог, будущей тяжбы с учителями, которым, судя по всему, С.Ф. Желтухин не очень-то доверял (от фонвизинского «Недоросля» прошло не так уж много времени), он требовал «платить им деньги, брав по отдаче денег с каждого аккуратную расписку в получении от вас за даваемые уроки такой-то Желтухиной за такие-то месяцы столько-то заплачено». На оплату обучения воспитанницы, которую было приказано начать с 1 апреля 1832 г., предназначались доходы опекуна, получаемые с его саратовского имения Немчиновки¹⁴.

Однако ни домашнее или семейное обучение, ни частная школа не могли обеспечить массовую и эффективную учебу девочек. Попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин в 1829 г. высказывал тревогу по поводу уровня просвещения женщин, особенно в провинции: «В России много сделано для образования молодых людей, для девиц, исключая столиц, почти ничего». Такое положение он считал, высказывая мнение прогрессивной части русского общества, неприемлемым: «Нельзя достигнуть высшей степени просвещения, если целая половина человеческого рода, которая необходимо должна быть первой наставницей детства нашего, останется в глубоком невежестве»¹⁵.

Казанский попечитель вообще полагал, что частные пансионы не только недоступны для небогатых дворян и подавляющего большинства горожан, так как слишком дороги, но и могут быть вредны из-за своей бесконтрольности. Однако его предложения противопоставить им систему общеобразовательных школ для девочек из дворянских и разночинских семей¹⁶ пока не были поддержаны ни верховной властью, ни обществом. В 1840-х гг. на весь Казанский учебный округ, охватывающий Поволжье, Урал, Сибирь, приходилось 2 института благородных девиц и 7 частных женских пансионов.

Запрет на совместное обучение мальчиков и девочек в общеобразовательных учебных заведениях, напомним, не распространялся на приходские училища, но там девочки из привилегированных сословий не учились, а их сверстницы из низших сословий составляли подавляющее меньшинство. В 1855 г. в Самарской губернии среди 1012 учеников городских начальных школ (уездного и приходских училищ) на 991 мальчика приходилась 21 девочка¹⁷, что составляло 2 % от общего числа учащихся.

Благоприятные условия для обучения девочек постарались создать в Бузулукском приходском училище, где была предусмотрена специальная должность «надзирательницы за обучающимися девицами»¹⁸. Ее жалованье в 1855 г. выплачивалось за счет личных пожертвований помещика Н.Я. Стобеуса, являвшегося с 1837 г. почетным смотрителем Бузулукского уездного училища¹⁹.

Наличие девочек среди учащихся 2-го Самарского приходского училища побудило заведующего дирекцией Самарских народных училищ искать пожертвований на оплату работы и в этом училище «надзирательницы за обучающимися девицами». На просьбу в 1851 г. откликнулся Б.П. Обухов, богатый самарский и оренбургский помещик, почетный смотритель Самарского уездного училища, выпускник знаменитого Царскосельского лицея²⁰. Занять эту должность изъявила желание Елизавета Потанина, жена учителя уездного училища.

Впрочем, наличие в одной городской школе детей обоего пола не всегда делало их обучение действительно совместным. Известно, что при достаточно большом количестве учениц в приходских училищах организовывались женские отделения, которые занимались в одном помещении с мальчиками, но в разное время. Например, мальчики учились до обеда, девочки — после²¹.

Совместное обучение детей обоего пола было более распространенным явлением в сельских школах, массовое возникновение которых приходится на царствование Николая I. В селениях государственных крестьян, переданных под управление Министерства государственных имуществ, которое возглавил выдающийся государственный деятель П.Д. Киселев, в ходе проводившейся с 1837 г. по его инициативе и под его руководством реформы управления казенной деревней важное место отводилось просвещению крестьянских детей, независимо от их пола. Так, циркуляр этого министерства от 8 февраля 1857 г. устанавливал норму поощрения добросовестных сельских учителей вознаграждением в размере до 2 руб. «на каждого действительно обучающегося мальчика или девочку»²². Кроме обычных школьных предметов, одинаковых для обоего пола (молитвы, чтение, письмо, счет), девочкам преподавалось обучать «свойственным в крестьянскому быту рукоделиям», а к их обучению привлекать жен священников, дьяконов и причетников²³.

В сельских училищах Самарской губернии ведения Министерства государственных имуществ в 1855 г. было всего 16585 учащихся (100%), в т.ч. 8970 чел. мужского пола (54%) и 7615 чел. — женского (46%)²⁴. Следовательно, в этих учебных заведениях обучалось не просто значительное число девочек, но их доля приближалась к естественному демографическому соотношению полов.

Однако в качестве основного направления развития женского образования утверждалось именно устройство отдельных школ для девочек, к тому же с учетом сословного происхождения последних. В 1852 г.

вышеупомянутый Б.П. Обухов открыл отдельную школу для девочек в Самаре на собственные средства. Однако она просуществовала только два года, не получив общественного признания из-за недостаточного образования, которое в ней можно было получить. В первый год в ней училось 25, во второй — 35 девочек²⁵.

Первые женские школы для крестьянских дочерей были созданы в первой половине XIX в. даже раньше, чем для горожанок. В этом факте проявились старания отдельных богатых просвещенных помещиков, а также императорской фамилии, которой принадлежали обширные земельные владения и селения на юго-востоке Европейской России, состоявшие в ведении Департамента уделов Министерства императорского двора. В каждом удельном имении при их управлениях-«приказах» с 1830-х гг. начали постепенно устраиваться сельские училища, в которых первоначально обучались только мальчики.

В 1850 г. в Самарском удельном имении появились первые школы для девочек. В них в 1851 г. обучалось 470 чел., что составляло 44% от всех 1066 учениц женских школ, существовавших тогда в имениях удельного ведомства по России. Из-за большего прилежания к учебе и облегченной программы, сокращенной за счет чистописания и арифметики, девочки быстрее оканчивали курс обучения: «Понятливость и способность девочек далеко превосходят мальчиков; они в год и много в полтора оканчивают учение, тогда как мальчики учатся три и четыре года». В 1851 г. из учениц школ Самарского имения «третья часть с успехом окончили учение». В этих школах «обязанность учителей приняли на себя грамотные крестьянки, а изъяснение Закона Божьего и надзор за наставницами — местные священники без всякой платы». Учебные пособия должны были приобретать родители, но это не уменьшало числа желающих «поместить свою дочь в школу». Дело «дошло до того, что, по тесноте помещения школ, начальство принуждено было отказывать» некоторым в приеме²⁶.

В 1857 г. руководитель Департамента уделов М.Н. Муравьев (прозванный в радикальных и либеральных кругах за свои охранительные взгляды и решительные действия по подавлению антиправительственных выступлений «Муравьевым-Вешателем») предписал не допускать потери в родительских хозяйствах работниц из-за учения девочек в школах, не проводить с ними занятия в период полевых работ с мая по октябрь, ограничить возраст учениц 8–12 годами, не отдавать в учение одному священнику более 10 учениц, обучать их только молитвам и грамоте для знакомства с церковными книгами. При всех недостатках упрощенного подхода к женской школе эти предложения позволили сделать шаг вперед в элементарном образовании сельских жительниц, способствуя если не качеству образования, то количественному притоку учениц²⁷.

Заинтересованность же учителей была стимулирована отказом от практики безвозмездной учебы девочек. Однако платили учителю за «конечный результат» — отдельно за каждую девочку и только за ту, которая научилась читать²⁸. Известны случаи и совместного обучения мальчиков и девочек в школах удельного ведомства, но они были редкими и не стали правилом²⁹.

В Усолье и соседних селениях Самарской Луки об обучении грамоте девочек особенно хлопотала жена тамошнего помещика Ольга Ивановна Орлова-Давыдова (урожденная княжна Барятинская). По ведомости 1842 г., в селах и деревнях Усольской вотчины Орловых-Давыдовых для мальчиков было устроено 10 школ и в них насчитывалось 397 учащихся, а 118 девочек, или почти четверть от всех 515 детей, получавших в вотчине начальное образование, обучались в семи отдельных школах³⁰.

№ п/п	Селения и школы	число учениц
1.	Усолье (в доме Безщастнова)	15
2.	Усолье (в доме Ягодкина)	20
3.	Усолье (в доме Панкина)	12
4.	Усолье (в доме Данилова)	15
5.	Березовка	19
6.	Актуши	18
7.	Тайдаково	19
8.	ИТОГО	118

Придание в 1851 г. Самаре статуса губернского центра ускорило развитие народного просвещения в Заволжье. Успехи по развитию здесь за 1850-е гг. учебных заведений в городах и сельских школ были достигнуты во многом при поддержке К.К. Грота, являвшегося начальником новой губернии с мая 1853 по апрель 1860 гг. Впрочем, его деятельность на nive женского образования заслуживает более подробного освещения в специальной работе³¹. Назовем лишь основные достижения.

Первым из них стало появление в 1858–1859 гг. в Самаре двух приходских училищ для начального обучения девочек и подобных школ в уездных городах губернии. Как это мы уже видели на примере сельских школ, сравнивая между собой «по успехам мужские и женские приходские училища» в городах, современники находили, что дела в женских шли лучше: «Девочки большею частью поступают в начале академического года, аккуратнее посещают уроки и добросовестнее относятся к своим классным обязанностям»³².

Другим успехом взаимодействия губернских властей с самарской общественностью явилось открытие 7 августа 1859 г. первой средней школы для девочек — женского училища 1-го разряда (будущей женской гимназии). Этому событию предшествовало принятие 30 мая 1858 г.

«Положения о женских училищах ведомства Министерства Народного просвещения», по которому предусматривалось создание учебных заведений, удовлетворявших запросам тех родителей, что стремились дать дочерям качественное образование. От прежних институтов и пансионов эти школы отличались вссословным составом учениц и тем, что последние приходили сюда только на классные занятия.

Полный курс обучения в женском училище 1-го разряда был рассчитан на 6 лет. К обязательным предметам принадлежали закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткие сведения из естественной истории, чистописание и рукоделие. Плата за обучение этим предметам в Самарском женском училище составляла 25 руб. в год. От нее могли освободить бедных девушек из тех сословий, представители которых вносили постоянные взносы на содержание училища, т. е. из дворян и горожан, более того, такие ученицы снабжались бесплатно учебными пособиями. К необязательным предметам относились французский и немецкий язык, рисование, музыка, пение, танцы. Необязательные предметы преподавались за особую плату, которая устанавливалась по соглашению родителей учениц с начальницею училища³³.

В концепции реформы женского образования четко проявились взгляды уже упомянутого М.Н. Мусина-Пушкина, который в 1850-е гг. был попечителем столичного Петербургского учебного округа и активно участвовал в разработке «Положения о женских училищах». В отличие от частных пансионов, в которых, прежде всего, преследуются коммерческие цели их устроителей, полагал он, посещение общественных школ более способствует умственному и нравственному развитию девочек, снижает затраты родителей на обучение детей, а последних не отрывает от семьи и не лишает семейного воспитания³⁴.

Конкурентные преимущества новых женских училищ сказались очень быстро. В литературе уже отмечено, что с их появлением частные пансионы для девочек или закрывались, или старались преобразоваться в такие училища³⁵. Конкретные факты по отдельным городам, в т.ч. Самаре, подтверждают, что общеобразовательная женская школа выигрывала у частной.

В числе первых учениц в Самарское женское училище поступили пансионеры г-жи Фланден, ставшей первой начальницею этого училища. Покинув училище из-за недовольства общества ее деятельностью, она не смогла возобновить пансион в Самаре, переведя его в другой город. Попытки занять освободившуюся нишу частного женского образования в Самаре не дали результата. Пансион Ю. Загоровской и частное училище 2-го разряда для девочек на средства купчихи А.В. Буревой, открытые в 1860 г., оказались недолговечными³⁶.

В 1860–1861 учебном году в Самарском женском училище 1-го разряда обучались 45 учениц, в т.ч. 27 дочерей дворян и чиновников, 15 — купцов и мещан, 3 — лиц духовного звания³⁷. Эти цифры, скромные для совре-

менной школы, были в то время недостижимы для частных пансионатов в провинции.

С начала 1860-х гг. народное просвещение России в целом и женское образование в частности вместе со всей страной вступили в новую эпоху. Наследие дореформенной школы, опыт предшествующих поколений тружеников на ниве просвещения не пропали втуне. Этот организационный, методический и кадровый потенциал, особенно заметно выросший, как показано выше, в 50-е гг. XIX в., явился надежной базой для дальнейшего успешного развития школ и привлечения в них учащихся, в т.ч. все большего числа девочек.

Примечания

¹ Кабытов П.С. Легендарный самарец Петр Владимирович Алабин. Куйбышев, 1990; Его же. П.В. Алабин – историк Самарского края // Славянский альманах: 2004. М., 2005.

² Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. / сост. П.С. Кабытов. Самара, 1992; Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. документов и материалов / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2000.

³ Руководство учителям первого и второго класса народных училищ Российской империи. СПб., 1783. С.88,106.

⁴ Шилина Т.А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. С. 18–19.

⁵ См.: Артамонова Л.М. Исторический опыт и значение школьной реформы Екатерины II // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 7 (73); Ее же. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2.

⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1187–1208.

⁷ Материалы для истории и статистики наших гимназий. СПб., 1864. С.20; Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912. С. 47.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 3. № 2501. С. 1104.

⁹ Там же. С. 1100.

¹⁰ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 60.

¹¹ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века: сб. документов и материалов. Самара, 2000. С. 307–308.

¹² ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 3. № 2501. С. 1125.

¹³ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 80. 53об.–54.

¹⁴ Там же. Ф. 608. Оп. 2. Д.71. Л. 69–70, 99.

¹⁵ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2918. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 2 и об.

¹⁷ Там же. Д. 7004. Л. 413.

¹⁸ Там же. Л. 417об.

¹⁹ Там же. Л. 428об.–429.

²⁰ Там же. Л. 420об.–421.

²¹ Дашкевич Л.А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006. С.205.

²² Правила о начальных училищах ведомства государственных имуществ. СПб., 1866. С. 20, 22.

²³ Там же. С. 19–20.

²⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 413об.

²⁵ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 88.

²⁶ ЖМНП. 1852. № 10. Отд.VII. С. 30–31.

²⁷ Григорьева Г.И. Просвещение удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX века // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 146–147.

²⁸ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. С. 318.

²⁹ Там же. С. 317; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Симбирская губерния. СПб., 1853. Т. 5. Ч. 2. С. 138.

³⁰ Артамонова Л.М. Школы и больницы в крепостных селах и деревнях Самарской Луки конца XVIII – середины XIX веков // Сельская Россия: прошлое и настоящее. М., 2008. С. 242.

³¹ Автором данной статьи подготовлена публикация «К.К. Грот и женское образование в Самарском крае» в сб. трудов межрегиональной научно-практической конференции «Вторые Гротовские чтения», прошедшей в Самаре 17 ноября 2010 г., материалы которой готовятся к печати.

³² Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. С. 320.

³³ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 90.

³⁴ Рыболова Е.А. Объективная необходимость открытия женских гимназий в 60–70-е гг. XIX в. // Классическое гуманитарное образование: история и перспектива. Ульяновск, 2010. С. 387.

³⁵ Там же. С. 381.

³⁶ Алабин П.В. Самара: 1586–1886 гг. С. 90–92, 100.

³⁷ Там же. С. 91.

Пензенские дворяне в Отечественной войне 1812 года: Александр Николаевич Струйский

Одной из важных задач стоящих перед исследователями в преддверии 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., является обращение к личности конкретного человека и его судьбе. Данная публикация посвящена одному из малоизвестных героев той героической эпохи — пензенскому дворянину Александру Николаевичу Струйскому.

Интерес к изучению истории семьи Струйских возник после того, как в 2008 г. в результате проведенной исследовательской работы нам, совместно со старшим научным сотрудником Государственного Исторического музея Е.М. Букреевой, удалось обнаружить в отделе ИЗО ГИМ портрет Евграфа Николаевича Струйского (родного брата А.Н. Струйского), который по какому-то недоразумению долгие годы числился как «Портрет неизвестного». Итогом исследования стало выступление на конференции «Бородино в истории и культуре», состоявшейся в Бородинском государственном военно-историческом музее-заповеднике в сентябре 2009 г., и публикация статьи о Е.Н. Струйском в научном сборнике¹. Проведенные изыскания и установление интересных свидетельств из жизни А.Н. Струйского позволили обратиться и к его биографии.

Род Струйских вел свое происхождение из Польши. Его представители появились в России в конце XV в. в царствование Ивана III. Фамилия Струйских, очевидно, связана с названием польского города Струже, расположенного недалеко от Кракова, и в ранних документах писалась несколько иначе: Стружские, Струшские, Струтцкие, Струсские. Многие представители рода служили «Российскому Престолу разные дворянские службы и жалованы были от Государей в 7120 (1611—1612 гг.) и других годах поместьями». Первым документом, свидетельствующим о поместном владении Струйских, является список с грамоты, датированной июнем 1612 г.² Грамота была выдана Китаю Васильеву сыну Стружскому на нижегородские земли (75 четвертей), данные к его поместному окладу из пустоши немчина Федора Либакина. Примечательно, что она написана от имени бояр и воевод Дмитрия Пожарского «сотоварищи». Очевидно, это свидетельствует о каком-то участии Китая Струйского в событиях Смутного времени. Интересно, что Струйские считали себя в родстве с боярами Шуйскими и Струсями. Среди последних более всего известен Николай Струсь, бывший в 1612 г. командиром польского гарнизона в Москве³. Род Струйских был внесен в 6-ю часть

* © Белоусов С.В., 2011

Московской дворянской родословной книги, куда включались «древние благородные роды», «коих доказательства дворянского достоинства» восходили за 100 и более лет до жалованной грамоты Екатерины II, т.е. до 1685 г. В гербовнике дворянских родов Российской империи герб рода Струйских описан следующим образом: «В щите, имеющем голубое поле, изображены три серебряные полумесяца, рогами обращенные в правую сторону. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой виден черный одноглавый орел с распростертыми крыльями. Намет на щите голубой, подложенный серебром»⁴.

Александр Николаевич Струйский родился около 1787 г. в многодетной семье отставного гв. прапорщика Николая Еремеевича Струйского и его жены Александры Петровны, урожденной Озеровой.

Родители Е.Н. Струйского достойны того, чтобы сказать о них несколько слов. Николай Еремеевич родился, вероятно, в Москве в 1749 г. Там же получил хорошее домашнее образование. В 1763 г. он был зачислен в л.-гв. Преображенский полк. Прослужив несколько лет, уже в 1771 г. Н.Е. Струйский подает в отставку. Весной 1772 г. отставной гв. прапорщик сочетается законным браком с юной красавицей Александрой Петровной Озеровой, дочерью помещика Нижнеомовского уезда Пензенской губернии. А.П. Озерова приходилась дальней родственницей графу П.Х. Оболянинову – любимцу Павла I, занимавшему в годы его правления пост генерал-прокурора и женатому на ее двоюродной сестре⁵. Вскоре после свадьбы Николай Еремеевич заказал парные портреты (свой и своей молодой жены) Ф.С. Рокотову, с которым он был дружен⁶. Эти портреты стали настоящей жемчужиной в творческом наследии великого русского художника. Особенно поражает своей величавостью и грациозностью портрет А.П. Струйской, о которой так ярко и проникновенно позднее написал поэт Н.А. Заболоцкий:

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас.

Ее глаза – как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза – как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуиспуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Ее прекрасные глаза.

Портрет. 1953 г.

Молодые супруги поселились в Рузаевке, имении, расположенном в 30 верстах от Саранска, которое еще в 1757 г. купил отец Н.Е. Струйского Еремей Яковлевич. Вскоре по соседству с ним были приобретены и другие земельные владения, включавшие такие населенные пункты, как Суркино, Кавторово, Шебдас, Пишли, Пайгарма, Архангельское-Голицыно, Лямбиров, Акшенас, Покрышкино и др., которые фактически составили настоящее «княжество». В конце XVIII в. за Струйскими числилось более 2700 крестьян мужского пола.

Николай Еремеевич, «оставя службу прапорщиком гвардии и пристрастившись к стихотворству, <...> имел у себя собственную свою вольную типографию и в ней отпечатывал все свои сочинения. Тиснение его было доведено до наилучшего в то время в России искусства, он подносил Екатерине разные свои труды, и она изволила красотой издания хвастать даже пред чужестранными посланниками, дабы они видели, что и за тысячу верст от столицы в глуши под скипетром ее процветают искусства и художества, а ему неоднократно, для вящего одобрения, посылала перстни бриллиантовые в подарок. <...> Странен был в образе жизни, в обращении, в одежде, в правилах, во всем. Дом его в деревне был высок и огромен; в нем, на самом верху, он отвел себе кабинет и назвал его Парнасом. Там он предавался своим вдохновениям пиитическим; этот кабинет завален был всякой всячиной и представлял живое пособие хаоса»⁷. Н.Е. Струйский с большим пиететом относился к Екатерине II. «Кончина государыни так сильно поразила его воображение, — писал И.М. Долгорукий, — что он слег горячкой, лишился языка и умер очень скоро»⁸.

Александра Петровна была «женщина совсем других склонностей и характера; тверда, благоразумна, осторожна, она соединяла с самым хорошим смыслом приятные краски городского общежития, жила в Петербурге и в Москве, любила людей, особенно привязавшись к кому-либо дружеством, сохраняла все малейшие отношения с разборчивостью прямо примерной в наше время. <...> Дома в деревне строгая хозяйка и мастерица своего дела; в городе не скряга, напротив, щедра и расточительна»⁹. Она пережила мужа более чем на 40 лет и умерла в 1840 г.

Прожив в браке без малого четверть века, Н.Е. и А.П. Струйские имели 18 детей. Лишь 8 из них смогли дожить до совершеннолетия.

Старшим сыном в семье Струйских был Юрий, родившийся в 1774 г. Получив домашнее образование, он был определен в Конную гвардию и вышел в отставку в чине корнета, являясь после смерти отца вместе с

матерью опекуном младших братьев и сестер. Петр (ок.1780—08.11.1845) в раннем возрасте был записан в л.-гв. Семеновский полк. Прослужив несколько лет, он был отставлен в чине поручика. Получив по разделу имущества с. Починки и земли у д. Шебдас, он поселился в Инсарском уезде Пензенской губернии, неоднократно служил по выборам дворянства, а с 1821 по 1824 гг. даже являлся уездным предводителем.

Весьма трагичной оказалась судьба еще одного сына Н.Е. Струйского Леонтия (1783 — 03.10.1823). Именно Леонтий приходился отцом известному поэту А.И. Полежаеву (1804—1838). В мае 1820 г. по решению суда он был послан в Тобольск за то, что избил за какую-то провинность своего управляющего М. Вольнова, скончавшегося от причиненных побоев. В ссылке после продолжительной болезни Л.Н. Струйский и умер.

Александр был четвертым сыном в этой многодетной семье. Пятым был Евграф (ок.1789—27.6.1841), еще ребенком зачисленный на военную службу и отставленный от нее подполковником в 1816 г. Е.Н. Струйский принимал участие в русско-турецкой войне 1806—1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. Сражался при Бородино, Малом Ярославце, Красном, Люцене, Бауцене, Лейпциге. Находился при взятии Парижа. Он был награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотой шпагой с надписью «За храбрость»¹⁰.

Кроме сыновей в семье Струйских было три дочери: Маргарита (ок.1778 — 02.10.1858), Надежда (1786 — ?) и Екатерина (1792 — ?).

Обратимся к фактам биографии Александра Николаевича Струйского. В декабре 1803 г. после окончания Пажеского корпуса он был зачислен юнкером в Кавалергардский полк. Вскоре (в начале 1804 г.) произошел раздел огромного состояния его умершего отца Н.Е. Струйского. Рузаевское имение досталось А.П. Струйской и двум ее младшим сыновьям Александру и Евграфу. Александре Петровне предоставили в пожизненное владение рузаевский дом и 300 душ крепостных крестьян в с.Архангельское-Голицыно, Саранского уезда. Она должна была производить расходы на содержание построек и общие семейные дела, в т.ч. встречать приезжавших погостить старших сыновей и нести все издержки по содержанию тех детей, которые еще находились дома¹¹.

Летом 1804 г. Александр Николаевич Струйский был переведен корнетом во вновь сформированный уланский Его Императорского Высочества Цесаревича Константина Павловича полк. В составе этого полка он принял участие в военных кампаниях с наполеоновской Францией 1805 и 1807 гг.

Первым сражением, в котором довелось участвовать молодому корнету, было сражение при Аустерлице. Уланский Его Высочества полк находился в отряде австрийского генерала князя Лихтенштейна и примыкал к левому флангу русской гвардии. Когда на гвардейскую пехоту двинулась французская кавалерийская колонна генерала Келлермана,

состоявшая из трех полков конных егерей и гусар, поддержанная несколькими батальонами пехоты и артиллерией, князь Лихтенштейн решил сдержать их натиск атакой улан. «С криком *ура!* Стремглав понесся Уланский его высочества полк за генералом своим и офицерами, которые скакали перед фронтом, — писал в своих воспоминаниях Ф. Булгарин. — Французская кавалерия, хотя и превосходная числом, обратилась в тыл, проскакала через интервалы, между батальонами пехоты, и построилась за пушками. Уланы бросились на пехоту и, невзирая на жестокий ружейный огонь, пробились через нее. Французская пехота бросилась бегом направо и налево и выстроилась, и артиллерия, стоявшая за пехотою, встретила улан картечью. И это не удержало геройского порыва полка! Уланы смело поскакали на пушки и стали рубить французских артиллеристов <...>. Но при атаке пехоты и при картечных выстрелах сжатый фронт Уланского полка расстроился, и уланы сражались или поодиночке, или малыми толпами <...>. Видя, что уланы уже не могут опереться фронтом, Келлерман бросился на них с тремя отличнейшими полками французской конницы — и уланы должны были обратиться в тыл. Тут приняла их с обоих флангов ружейным огнем та самая пехота, через которую они прежде проскакали, и Уланский полк совершенно расстроился»¹². Ссылаясь на французские источники, автор истории полка В. Крестовский отмечал, что уланы потерпели поражение как «от избытка храбрости», так и «от незнания военного дела»¹³.

В 1807 г. уланский Его Высочества Цесаревича полк вновь принял участие в военных действиях. А.Н. Струйский, получивший в конце 1806 г. чин поручика, в составе своего полка сражался при Гуттштадте и Гейльсберге. В сражении при Фридланде он получил ранение пулей в грудь. Очевидно, именно эта тяжелая рана заставила его на время покинуть военную службу. 12 ноября 1808 г. он был отставлен с чином штабс-ротмистра¹⁴. Однако 30 марта 1810 г. А.Н. Струйский вновь был принят на военную службу и зачислен поручиком в л.-гв. драгунский полк. В октябре 1810 г. он был произведен в штабс-капитаны, а ровно через год — в капитаны.

В это время л.-гв. драгунский полк был расквартирован в Гатчине. Его шефом являлся Его Высочество Цесаревич Константин Павлович. В марте 1812 г. четыре эскадрона полка выступили в поход к западным границам Российской империи, где вошли в состав 1-го резервного кавалерийского корпуса. В начале Отечественной войны 1812 г. А.Н. Струйский принял участие в боях при Вилькомире, Островно и Какувачино. В Бородинском сражении в составе л.-гв. драгунского полка он участвовал в кавалерийском рейде атамана М.И. Платова и генерала Ф.П. Уварова против левого фланга неприятеля.

После оставления Москвы А.Н. Струйский находился в «партизанах» в «летучем корпусе» генерал-майора И.С. Дорохова, который был послан М.И. Кутузовым на Можайскую дорогу с целью нарушить коммуникации противника. Он отличился в столкновениях с французами

при деревнях Шарапово, Садино, Бурцово. За время рейда отряд Дорохова (Елизаветградский гусарский, л.-гв. драгунский и три казачьих полка при двух орудиях) уничтожил 106 зарядных фур, взял в плен 25 офицеров и около 680 солдат. Его итогом стало то, что Наполеон вынужден был разместить на Можайской дороге несколько кавалерийских полков и принять некоторые другие меры, чтобы обезопасить движение колонн из Смоленска в Москву¹⁵.

В октябре 1812 г. А.Н. Струйский сражался при Тарутине и Малом Ярославце. При преследовании неприятеля он отличился в сражении при Красном, где был ранен пулей в правую ногу и за храбрость награжден орденами Св. Георгия 4-го класса и Св. Анны 2-й степени. В своих «Записках» А.П. Ермолов так описывал участие л.-гв.драгунского полка в этом сражении: «Усмотренный вдали неприятель в продолжение большей части дня [5-го ноября.— С.Б.] проходил отдельными толпами, из которых редкие были свыше двух тысяч человек, в совершенном расстройстве. Под огнем батарей наших оставляли они орудия, бросали обозы и рассеянные, с огромною потерей спасались в леса. Некоторые отважно прошли далее, но пали под штыками дивизии гренадерской графа Строганова и 3-й пехотной. Одну из колонн атаковали полки лейб-гвардии драгунский, гусарский и уланский, и хотя нанесли ей чувствительный урон, но глубокий снег во рвах по бокам дороги не допустил истребить ее, и, прикрываясь ружейным огнем, не отклоняясь даже с дороги, она прошла в Красный»¹⁶. В реляции о награждении А.Н. Струйского орденом Св. Георгия 4-го класса от 9 ноября 1812 г. говорится, что он был награжден «в воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в сражении против французских войск 1812 года ноября 3, 4, 5, 6, 7 и 9 при Красном, где явил пример храбрости и неустрашимости при атаке и поражении неприятеля». В его представлении к ордену Св. Анны 2-й степени отмечалось, что Струйский вместе с другими офицерами полка «с примерно неустрашимостию атаковали неприятеля поутру и после обеда, ревнуя превзойти один другого, поражали жестоко неприятеля, множество убитых и около 900 пленных последствием сего дела были»¹⁷. Его имя было выбито на стене № 24 Галереи воинской славы Храма Христа Спасителя в числе раненых в сражениях 2–6 ноября 1812 г. и награжденных орденом Св. Георгия 4-го класса.

В 1813–1814 гг. А.Н. Струйский сражался при Люцене, Бауцене, Дрездене, Кульме, Лейпциге, Фер-Шампенуазе, находился при взятии Парижа. За отличие в различных сражениях он был награжден орденами Св. Анны 3-го и 2-го класса, Св. Анны 2-го класса с алмазами, Св. Владимира 4-й степени с бантом, золотой шпагой с надписью «За храбрость», Кульмским крестом, а также серебряными медалями в память войны 1812 года и за взятие Парижа¹⁸.

Во время военной службы А.Н. Струйский участвовал более чем в 25 сражениях, был дважды ранен. По свидетельству Е. Боброва, «раз, как он сам рассказывал, он едва не лишился жизни, будучи задавлен

убитою под ним лошадью, и спасся только, благодаря своевременной помощи верного своего слуги, Леонтия Федорова»¹⁹.

Александр Струйский был любимцем великого князя Константина Павловича, отличался горячностью, прямодушием и любовью к справедливости, о чем свидетельствует история, рассказанная Е. Бобровым: «У А.Н. Струйского был товарищ по службе и по оружию, некто Чичерин. Цесаревич очень любил обоих, как Струйского, так и Чичерина. Однажды дружба между Струйским и Чичериным нарушилась по следующему поводу. Награды за военные отличия раздавались и после окончания войны 1812 г. Награждали, между прочим, австрийским [не австрийским, а прусским. — С.Б.] орденом *pour le merite*. При раздаче этого австрийского знака произошла ошибка. Александр Николаевич взял в плен небольшой отряд неприятелей, как сказано было в приказе, удачно и без особого кровопролития. В реляции же на месте имени Струйского оказалась фамилия Чичерина, который и получил *pour le merite*. Тогда возмущенный А.Н. Струйский потребовал от Чичерина, чтоб он отказался от незаслуженной награды, доставшейся ему по ошибке. Чичерин отказался выполнять требование Струйского, и тот вызвал его на дуэль. Цесаревич, узнав о происшедшем, немедленно прислал орден и Струйскому, а дуэль запретил; но Струйский продолжал настаивать на том, чтобы Чичерин отказался от ошибочной награды. Константин Павлович, вытребовав А.Н. Струйского, строго заметил ему:

— Струйский, ты шалишь?

— Я не шалю, ваше высочество.

— Я не позволяю драться с Чичериным на дуэли.

— А я не желаю долее служить под командою вашего высочества, — бесстрашно отвечал Александр Николаевич» и вскоре подал в отставку²⁰.

В 1818 г. А.Н. Струйский женился на Авдотье Николаевне Чириковой. Обстоятельства его женитьбы так описаны в письме к матери из С.-Петербурга 4 сентября 1818 г.: «Известная штатс-дама, фельдмаршальша, графиня Прасковья Васильевна Пушкина воспитывает у себя внучку, прекрасную собой, Авдотью Николаевну Чирикову. Я, не будучи знаком с графиней, не имел другого случая с нею себя коротко познакомиться, как не через Марью Степановну [Мартынову. — С.Б.] и, наконец, просил ее узнать мнение Авдотьи Николаевны, согласна ли она будет выйти за меня замуж. Получа ее ответ, соответственный моему желанию, она, не теряя времени, довела до сведения самой графини <...>. Спустя несколько времени, графиня своеручно уведомляет Марью Степановну, что участь Авдотьи Николаевны с того времени уже решена и что она сама, вытребовавши позволение от батюшки Авдотьи Николаевны располагать по ее согласию, просит покорнейше доставить случай меня к себе представить в назначенный час»²¹. И далее он сообщает матери о своем бедственном финансовом положении: «Сколь приятно поздравить вас с радостным известием, дражайшая матушка, но

не менее того весьма больно положением своим предупредить, что, не имевши в виду денежных оборотов, крайне затруднительно устроить свое благополучие. Я, теперь находясь в необходимости иметь карету, лошадей, квартиру, мебель, посуду, а, судя по остаткам моих финансов, они не только не достаточны на употребление заведения, но и едва ли буду иметь возможность расплатиться с извозчиками, ибо исканья знакомства с ее родственниками стоят уже мне не малое число суммы денег. Но какое же предприятие могло бы быть без оных: таков уже ныне век»²².

Молодые супруги поселились в Петербурге на Семеновской набережной Фонтанки, в доме Ходнева (№103)²³. У них было трое детей. Единственный их сын Эммануил умер в младенчестве. Старшая дочь Прасковья (ок.1822-?) вышла замуж за служащего французского посольства виконта де Монкабрие и уехала с ним в Тулузу. Младшая дочь Александра (ок.1830-?) была нелюбима матерью, объявлена душевнобольной и отправлена во Францию к сестре, где воспитывала после ее смерти «осиротелых детей»²⁴.

А.Н. Струйский был крестным отцом известного поэта А.И. Полежаева и принимал самое живое участие в его судьбе. Будучи в Петербурге в 1824–1825 гг., поэт останавливался у него дома. В своей поэме «Сашка», написанной в подражание «Евгению Онегину» А.С. Пушкина, А.И. Полежаев в ироническом стиле описал характер своего дяди и некоторые подробности его семейной жизни:

Мой дядя — человек сердитый,
И тьму я браней претерплю,
Но если говорить открыто,
Его немножко я люблю!
Он — черт, когда разгорячится,
Дрожит, как пустится кричать,
Но жар в минуту охладится —
И тих мой дядюшка опять.
Зато какая же мне скука
Весь день при нем в гостинной быть,
Какая тягостная мука
Лишь о походах говорить,
Супруге строить комплементы,
Платочки с полу поднимать,
Хвалить ей чепчики и ленты,
Детей в колясочке катать,
Точить им сказочки, да лясы,
Водить в саду в день раза три
И строить разные гримасы,
Бормоча: «Черт вас побери!»

.....

С каким терпеньем и почтеньем
Его он слушал по часам,
С каким всегда благоговеньем
Ходил с ним вместе по церквам...
С какую пылкостью восторга
Хвалил он дядины мечты,
Доказывал премудрость бога,
Вникал в природы красоты.
С каким он жаром удивлялся
Наполеонову уму,
И как делами восхищался
Моро, и Нея и Даву;
Бранил всех русских без разбора...
И в Эрмитаже от картин
Не отводил ни рта, ни взора...
И потакал, и лицемерил,
И льстил бессовестно, и врал!
А честный дядя всему верил
И шельме денежки давал...²⁵

26 августа 1824 г. А.Н. Струйский поступил на статскую службу чиновником по особым поручениям при Ярославском гражданском губернаторе. В 1826 г. за усердие, проявленное при строительстве казенных зданий и бескорыстие, он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В мае 1827 г. Струйский был отставлен от должности, а в декабре того же года принят чиновником особых поручений к С.-Петербургскому гражданскому губернатору Безобразову. В этой должности он прослужил до апреля 1829 г.²⁶

Находясь на службе, как сообщает Е. Бобров, Струйский не сделал большой карьеры, «ибо не обладал нужными для этого, особенно в то время, талантами, т. е., говоря словами Чацкого, был рад служить, но не умел прислуживаться»²⁷. Хотя он и был весьма вспыльчивым человеком, но зато отличался откровенностью, прямоотой, добродушием и честностью. О его честности, в частности, свидетельствует следующий рассказ Е. Боброва: «Александр Николаевичу была поручена постройка казарм в Ярославле. В это время губернатором был там некто А.М.Б., приходившийся Александру Николаевичу Струйскому родственником по жене и занимавший впоследствии высокий пост. Губернатор был председателем приемной комиссии. За несколько дней до окончания дела Струйский был у Б. и сообщил ему, что он на днях представит отчет о постройке, а также и получившиеся в экономии остаточные суммы в количестве 40000 рублей с несколькими сотнями. Б. предложил строителю Струйскому поступить в духе времени, а именно: сотни объявить и представить по началству, а тысячи разделить пополам. Такое предложение вывело честнейшего Александра Николаевича из себя: он наговорил губернатору дерзостей, вышел из его кабинета, хлопнул дверью и на дру-

гой же день поехал с отчетом в Петербург. Но из этого ничего не вышло. Б. был по жене сродни всемогущему А.Ф. Орлову, который стал Струйскому мстить и преследовал до конца его жизни. После столкновения с Б-ым А.Н.Струйский оставил службу и поселился сначала в Петербурге, а с 1831 года в Рузаевке»²⁸.

Участник нескольких военных кампаний и более 25 сражений, получивший в боях два тяжелых ранения, кавалер многих боевых наград, отставной гв. полковник А.Н. Струйский был зарублен топором собственным крестьянином. «Это было в голодный год, — писала Н.А. Тучкова-Огарева. — Александр Николаевич Струйский запрещал своим крестьянам ходить по миру, а между тем сам не давал им достаточно хлеба. Однажды он воротил крестьянина Семена, которого встретил с сумою; через день или через два дня Александр Николаевич поехал в поле; ему опять попался навстречу тот же крестьянин с сумою... В самый полдень лошадь его пришла домой без седока; послали верховых узнать, что случилось, и нашли помещика в поле с отрубленную голову»²⁹.

Примечания

¹ Белоусов С.В., Букреева Е.М. Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: Евграф Николаевич Струйский // Бородино в истории и культуре: материалы Международной научной конференции (Бородино, 7–10 сентября 2009 г.). Можайск, 2010. С. 116–134.

² Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 196. Оп. 2. Д. 2788. Л. 11–12.

³ Подробнее о роде Струйских см.: Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского, российского дворянина, поэта и верноподданного. Саранск, 2003. С. 5–9.

⁴ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи: в 10 ч. СПб., 1797. Ч. 3. С. 51.

⁵ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1 // Русская старина. 1903. № 8. С. 265.

⁶ О дружеских отношениях Н.Е. Струйского с Ф.С. Рокотовым подробнее см.: Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского... С. 72–74.

⁷ Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 158–159.

⁸ Долгорукий И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. Пг., 1916. С. 359. Н.Е. Струйский скончался 2 декабря 1796 г. в Рузаевке, менее через месяц после смерти Екатерины II.

⁹ Долгоруков И.М. Капище моего сердца... С. 159–160.

¹⁰ О Е.Н.Струйском подробнее см.: Белоусов С.В., Букреева Е.М. Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: Евграф Николаевич Струйский... С. 124–130.

¹¹ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 268.

¹² Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 197.

¹³ Крестовский В. История лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. СПб., 1876. С. 25.

¹⁴ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 118об-120. Безусловно, за отличие в сражениях 1805 и 1807 гг. А.Н. Струйский должен был быть награжден. Однако его формулярный список не дает возможности точно определить полученные награды, так как они приведены общим списком, без указания сражения, за которое выдавались. Известно, что к ноябрю 1812 г. он уже имел ордена Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени с бантом (РГВИА. Ф. 29. Оп 153г. Св. 10. Д. 15. Л. 116об). Мы можем лишь предположить, что за отличие при Аустерлице А.Н. Струйский получил орден Св. Анны 3-й степени, награду, которая во множестве выдавалась гвардейским офицерам. Ф.Ф. Вигель по этому поводу даже с сарказмом замечал: «Знатная молодежь, воспитанная эмигрантами и участвовавшая в сей войне, не столько ненавидела в нем [Наполеоне. – С.Б.] врага своего отечества, как маленького поручика, дерзнувшего воссесть на престоле великого Людовика; она спесиво и грозно толковала о будущих своих подвигах, над чем иные тайком смеялись, будто по ошибке, вместо *геро* называя их *зеро* и розданным ей во множестве аннинским шпагам давая название ослиных шпаг: *вле* вместо *Аппе*» (Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 404).

¹⁵ Попов А.И. Дорохова рейд // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004. С. 254–255.

¹⁶ Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М., 1991. С. 239–240.

¹⁷ РГВИА. Ф. 29. Оп 153г. Св. 10. Д. 15. Л. 116об.

¹⁸ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 118об-120.

¹⁹ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 275.

²⁰ Там же. С. 275–276.

²¹ Там же. С. 276.

²² Там же. С. 277.

²³ Васильев Н.Л. Жизнь и деяния Николая Струйского... С. 22.

²⁴ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 277–278.

²⁵ Цит. по: Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 278–279.

²⁶ ГАПО. Ф. 196. Оп. 3. Д. 24. Л. 118об–120.

²⁷ Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. 1. С. 275.

²⁸ Там же.

²⁹ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. М., 1959. С. 35–37; Бобров Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А.И. Полежаева. Ч. II // Русская старина. 1903. № 9. С. 481–485. Подробности уголовного дела об убийстве А.Н. Струйского см.: ГАПО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2596.

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

Восприятие и стратегии реагирования сельского населения России во время голода¹

Для российского крестьянства голод был старинным и жестоким врагом. Всего за период с начала XI—XX вв. на европейской части России зафиксировано свыше 350 голодных лет². Особенно сильным голод в России стал со второй половины XIX века, когда страна вступила в стадию индустриальной модернизации, революций и войн. В рассматриваемый период Россию потрясли четыре сильнейших голода (1891—1992, 1921—1922, 1932—1933, 1946—1947 гг.). Причинами голода в России в предшествующий индустриальной модернизации период были, как правило, засухи, порождавшие недород зерновых хлебов, а также усугублявшие их войны (особенно в XVII—XVIII вв.). С конца XIX века ситуация изменилась. На первый план выходят причины субъективного характера — политика коммерциализации сельского хозяйства царского самодержавия, а затем аграрной политики советской власти («военно-коммунистической» в годы гражданской войны, насильственной коллективизации в годы «сталинской революции сверху»), мировые войны 1914—1918 и 1941—1945 гг., подрывавшие сельское хозяйство России. Они совпадают с поражавшими зерновые районы страны засухами, усугубляют их и без того негативное влияние на урожаи зерновых культур. В результате голод приобретает огромные масштабы, а его жертвами становятся миллионы крестьян и десятки тысяч жителей городов (особенно в 1921—1922 гг., 1932—1933 гг.)³.

В драматической ситуации перманентного недоедания и голода крестьянское население России в течение многих столетий научилось приспособливаться к нему, выработало свое восприятие голода, стратегию выживания, устойчивые поведенческие стереотипы в условиях голода. Они не всегда гуманны, но глубоко рациональны, так как направлены на выживание крестьянской семьи, сохранение наиболее дееспособных ее членов, способных к продолжению хозяйственной деятельности. Тезисно охарактеризуем их.

Многочисленные источники убедительно свидетельствуют, что в крестьянском менталитете понятие «голод» занимало важнейшее место. Принцип «главное — выжить», избежать голод стал основой хозяйственной деятельности каждой крестьянской семьи России на протяжении всей ее многовековой истории.

* © Кондрашин В.В., 2011

Прежде всего, страх перед голодом сформировал многие поведенческие стереотипы российских крестьян. Так, например, в условиях постоянной угрозы неурожая крестьяне всеми силами стремились обеспечить устойчивость своего хозяйства. С этой целью они изучали особенности погодных условий в местности своего проживания, пытались их прогнозировать. В результате горький опыт неурожайных лет отложился в крестьянском земледельческом календаре. В нем были записаны почти каждый день в году и почти каждый час в течение дня, объяснено появление каждого облака, дождя, снега, их свойства, вид. Использование земледельческого календаря позволило проводить сельскохозяйственные работы исходя из агроклиматических условий каждой конкретной местности. Это снижало вероятность неурожая и ослабляло, таким образом, угрозу голода. Вплоть до создания колхозного строя крестьянская Россия пахала, сеяла и убирала хлеб, основываясь на земледельческом опыте предков⁴.

Но знание природных примет и трудолюбие не всегда могли оградить крестьянские посевы от недорода, поскольку силы природы все же были неподвластны крестьянину. Нередко засуха иссушала его ниву, буквально политую потом, и крестьянские семьи оставались без хлеба. Поэтому в крестьянском сознании сформировалось устойчивое представление о том, что могущество природы связано с божественной силой. Именно от воли Бога зависит, будет обильный урожай на полях или на них падет засуха и обрушатся полчища саранчи и грызунов. «Прогневали Бога, видно, за грехи наши», – говорили в русских деревнях во время засухи. «Господь захочет, так хлеб уродится и при поздней пахоте», – утверждали старожилы. Крестьянин обращался к Богу, сверхъестественным силам и духам природы с просьбами об урожае, надеясь умиловить их молитвами, заклинаниями, жертвоприношениями и таким образом избежать недорода и голода. Этому служили ставшие традиционными в жизни российской деревни аграрные праздники, календарные песни, заказные молебны о дожде во время засухи, обрядовые игрища и увеселения. Их традиция сохранилась и в советское время, несмотря на активную богоборческую политику власти²¹.

О крестьянском восприятии голода наиболее объективное представление дает народный фольклор – зеркало крестьянского менталитета. Народ сложил немало пословиц и поговорок о голоде. В крестьянском сознании голод ассоциировался с тяжелейшим потрясением, рассматривался как одно из самых трагических событий в жизни человека. Ему придавалось мистическое значение: «Царь-голод», то есть всемогущий и беспощадный. В то же время в народных пословицах и поговорках не было панического страха перед голодом, скорее присутствовали бесстрашие и лукавство: «Голод не тетка, заставит работать», «Голодной куме хлеб на уме», «Голодный праздник не считает». Народный фольклор досоветского периода российской истории связывал голод с бедно-

стью крестьянства, ее широким распространением в дореволюционной России: «Работаешь в год – нечего класть в рот», «Ребята! Бери счета – пойдем считать, сколько нищеты». В народных пословицах и поговорках доказывалась необходимость трудолюбия как главного средства обеспечения материального благополучия крестьянской семьи: «Наездом хлеба не напашешь», «Деньги водом, добрые люди родом, а урожай хлеба годом», «Иглою да бороной деревня стоит»⁵.

Несколько по-иному в народном фольклоре отражены голодные годы советского времени, особенно голода 1932–1933 гг. Этот голод оставил самый яркий след в памяти советских крестьян. Он стал для них символом советского голода и, наряду с раскулачиванием, главным символом сталинской коллективизации. В собранных нами пословицах, поговорках, слухах поволжских и южноуральских крестьян на тему голода 1932–1933 гг.⁶ этот голод воспринимался как страшная трагедия: «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу»⁷.

В то же время в народном сознании его наступление не ассоциировалось, как это было в предшествующие годы, с природными катаклизмами и войнами. Для советских крестьян это был совершенно новый голод с точки зрения его причин. Они однозначно связывались с насильственно созданным в России колхозным строем: «Не боюсь я морозу, не боюсь холоду, а боюсь я колхоза, уморят там с голоду». Именно для укрепления колхозов и нужен был сталинскому режиму голод. В поволжской деревне в 1933 году ходила молва, что голод искусственно организовал председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, чтобы приучить крестьян к колхозам. Подобно тому, как известный русский дрессировщик Дуров голодом приучал животных к повиновению, не кормил их, а потом они за кусок сахара делали все, что ему хотелось, так и Калинин решил колхозников приучить к колхозам голодом. Когда они перенесут голод, то уже навсегда привыкнут к колхозам, будут лучше там работать и ценить колхозную жизнь»⁸.

В народном фольклоре прочно укоренилась идея об ответственности сталинского руководства СССР и лично И.В. Сталина за голод 1932–1933 гг., а также последующие голодные годы: «Вставай, Ленин, умри, Сталин, мы в колхозе жить не станем», «Когда Ленин жил, нас кормили. Когда Сталин поступил, нас голодом морили»⁹. Опрошенные нами старожилы поволжских и южноуральских деревень говорили, что Сталин специально организовал голод с целью выкачки из населения золота для нужд индустриализации, снабжения городов и Красной Армии. Вот лишь некоторые записанные автором поговорки крестьян на эту тему: «Рожь, пшеницу отправили за границу, а цыганку, лебеду – колхозникам на еду», «Дранку, барду, кукурузу – Советскому Союзу, а рожь, пшеницу отправили на [...] за границу», «Наша горелка хлебородная. Хлеб отдала – сама голодная». В 1932–1933 гг. в поволжских деревнях ходил слух, что идет «сталинская выкачка золота». Голодовка сделана

для того, чтобы через магазины Торгсина за бесценок, в обмен на продукты питания, выкачать из населения для нужд индустриализации ценные вещи: золото, серебро и другие. Само слово «Торгсин» расшифровывалось следующим образом: «Товарищи! Опомнитесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!»¹⁰

Опыт многих поколений сформировал у российских крестьян определенную стратегию выживания во время голода. Так, например, страх перед голодом и его трагические уроки были важнейшим мотивом консолидации крестьян в рамках традиционной крестьянской поземельной общины. В течение столетий, в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы, община обеспечивала минимальное приложение трудовых сил своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от быстрого разорения. Бедняк и средний крестьянин могли существовать, лишь ухватившись за общину. Особенно очевидным это стало во второй половине XIX века, когда в результате развития рыночных отношений начался кризис натурально-потребительского, продовольственного крестьянского хозяйства и, соответственно, усилилась угроза голода. По оценке специалистов, в Европейской России в конце XIX века больше половины всех крестьянских хозяйств своей земледельческой деятельностью не могли заработать необходимых средств пропитания. В то же время они были вынуждены продавать урожай на рынок. Экспорт русского хлеба основывался на голодании миллионов крестьянских семей и справедливо назывался современниками «голодным экспортом». В условиях малоземелья, обострявшегося в связи с ростом численности крестьянского населения при сохранении архаичных орудий труда, все большего истощения почвы, вынужденного отчуждения хлеба на рынок, система коллективной безопасности в русской поземельной общине была пусть слабой, но все же гарантией для среднего и беднейшего крестьянина на случай голода. Так, например, система земельных переделов общинной земли при существовавшем малоземелье позволяла распределять землю по качеству, чересполосно, а не сводить ее в одну полосу, в отруб. Это давало возможность обеспечить за каждым двором ежегодный средний урожай, так как в засушливый год участок, расположенный в низине, мог дать вполне сносный урожай, в то время как участки, сведенные в отруб, расположенные на пригорке, могли полностью выгореть¹¹.

Моральная организация крестьянской общины гарантировала для ее членов систему взаимоподдержки в случае голодного бедствия или других обстоятельств, обусловивших тяжелое материальное положение крестьянина. Общественным мнением было освящено выживание слабейших в экономическом отношении семей. Во время голода члены общины сообща искали пути выхода из голодного кризиса (например, посылали на лучших лошадях за семенами, направляли ходоков в различные инстанции просить помощи и т.д.)¹².

Многовековая традиция крестьянской взаимопомощи сохранялась даже в условиях «раскрестьянивания» деревни в результате развития рыночных отношений. Выделившиеся из общины богатые крестьяне, так называемые «кулаки», замещали собой прежних помещиков, которые в дореформенный период, согласно законам Российской империи, обязаны были помогать своим крепостным в неурожайные годы¹³. Причем для односельчан «кулак» не был столь одиозной фигурой, какой станет изображать его советская пропаганда. В деревне знали, что любой трудоспособный бедняк при должном трудолюбии всегда сможет выбиться в середняки и крепкие хозяева. В повседневной жизни российского крестьянства в доколхозный период «кулак», или, точнее сказать, зажиточный, хозяйственный хлебороб, был не столько «мироедом», сколько гарантом для бедняка на случай голода. К нему он всегда мог обратиться за помощью, чтобы дотянуть до нового урожая и в большинстве случаев получал ее.

Например, в голодные 1921–1922, 1924–1925 гг., по выявленным нами в архивах свидетельствам бедняков, их семьи не погибли от голода лишь благодаря помощи «кулака». Причем эта помощь была оказана им в самые тяжелые зимние месяцы, когда еще не развернули свою работу государственные органы (Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи и т. д.)¹⁴. О том, что богатые крестьяне – «кулаки» помогали бедным вопреки насаждаемому большевиками стереотипу о них как о безжалостных эксплуататорах свидетельствует еще один интересный факт. Весной 1925 г. в Таганрогском районе Северного Кавказа секретарь райкома партии выступил в защиту местного мельника Бугрова, подвергнувшегося репрессиям. Главным его аргументом был следующий: «Беднейшее население деревень, нуждающееся, всегда получало помощь с мельницы Бугрова в голодный 1921 год, и многие обязаны своей жизнью Бугрову, так как последний весьма сочувственно относился к голодающим»¹⁵.

Помогать бедным во время голода считалось христианской обязанностью в староверческих общинах русских крестьян. «Если придет бедняк ко мне и попросит у меня мешок муки или быков, то я ему и без ККОВ (крестьянский комитет взаимопомощи. – В.К.) никогда не откажу», – говорил, например, один из зажиточных хлеборобов–староверов Дона¹⁶.

Значение фигуры «кулака» для российского крестьянина как одной из опор в условиях голода стало особенно очевидным в годы насильственной коллективизации и голода 1932–1933 гг. В результате раскулачивания сталинский режим разрушил этот традиционный элемент системы выживания крестьян России в голодное время. «Раньше каждый кулак набирал на полку десятки людей и хотя издевался над ними в работе, но все же варил крутую кашу со старым свиным салом и платил по 80 копеек в день. На эти деньги можно было пуд хлеба купить», –

с нескрываемой ностальгией вспоминала одна из колхозниц Северо-Кавказского края в голодном 1933 году. «Теперь же за 400–500 грамм хлеба в день отдаешь свой труд, даже корову, и ничего не получаешь», – заключала она¹⁷.

Веками проверенной традицией спасения во время голода была стихийная миграция крестьян из охваченных бедствием регионов в более благополучные. В неурожайные годы крестьяне России всегда могли покинуть зону бедствия, уйти на заработки или просто найти более безопасное место и выждать время. Причем время ухода зависело от интенсивности протекания голода в крестьянской семье, а также пола крестьянина. В условиях недорода трудоспособные крестьяне стремились уйти из селения в момент начала уборочной страды, чтобы успеть наняться на сельхозработы в благополучных районах. Кроме того, они уходили на заработки в города, на промышленные предприятия. Как правило, в первую очередь деревню покидали одинокие мужчины, но иногда уезжали и целыми семьями¹⁸. Стихийное движение крестьян из голодающих районов приобретало массовый характер, когда они понимали, что им не придется рассчитывать на помощь государства в самый тяжелый момент. Именно так было, например, в 1922 году, когда крестьяне, «дабы спастись от голодной смерти», при отсутствии фуража для скота бросали недвижимое имущество и массами уходили из деревень. По свидетельствам крестьян, переживших голод, именно бегство многих из них в самый пик голода позволило им сохранить жизни.

Стихийная миграция голодающих из эпицентра бедствия в менее пораженные районы значительно увеличивала их шансы на спасение и потому, что в этих районах они не только находили работу, но и могли жить «на подножном корму» в лесах, собирая дикое растения и охотясь на диких животных. Кроме того, они могли рассчитывать на великодушные чужих, незнакомых им людей, поскольку последние находились в лучших материальных условиях, чем их соседи в зоне голода, и поэтому были менее склонны немилосердно реагировать на их просьбы о куске хлеба и работе. Чтобы выжить, они (особенно женщины, старики и малолетние дети) вынуждены были заниматься нищенством. Нищелюбие – это характерная для России традиция, имеющая глубокие христианские корни. Также она основана на моральных принципах крестьянской общины, где, как уже отмечалось нами, помощь слабому и попавшему в беду человеку была первейшей обязанностью всех ее членов¹⁹.

Показательным в этом плане являются свидетельства смоленского помещика Н. Энгельгарда. Он писал, что голодающие крестьяне Смоленской губернии в условиях голода всегда спасали свои жизни с помощью побирательства, хождения по дворам с просьбой о корке хлеба. И, как с удивлением отмечал он, крестьяне подавали просителям, несмотря на собственную крайнюю нужду, поскольку прекрасно понима-

ли, что сами также могут оказаться на их месте через несколько дней. В результате они предотвращали гибель от голода просящих подавание в самый тяжелый для них момент, хотя, конечно, не решали проблему в целом²⁰.

Принципиально иной ситуация стала в Советской России во время голода 1932–1933 гг. В начальной его стадии крестьяне могли беспрепятственно покидать голодающие районы страны. Например, только по официальным данным, в первой половине 1932 года из охваченных голодом зерновых регионов СССР ушло в город 2654,5 тыс. человек. Именно по этой причине число жертв голода в советской деревне в 1932 году оказалось не столь значительным. Но все изменилось в начале 1933 года, когда сталинское руководство, чтобы сохранить колхозный строй и закрепить в основных зерновых районах СССР сельское население, приняло драконовские меры против крестьянской миграции. Директивами Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 января и 16 февраля 1933 года она была запрещена на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге. Фактически была установлена блокада этих районов страны. В результате именно они, наряду с Казахстаном, стали главными эпицентрами сталинского голодомора в первой половине 1933 года²¹.

В голодное время крестьяне России реагировали на голод и посредством мобилизации всех внутренних ресурсов семьи. Традиционным средством ее выживания в условиях голода была продажа личного имущества, прежде всего домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря, а также использование возможностей крестьянского подворья. В первую очередь продавали или пускали на еду рабочий скот, оставляя корову как последнюю надежду на спасение. «У кого была корова, тот и остался жив», – вспоминали пережившие голод крестьяне²².

Сохранению жизни членов крестьянской семьи во время голода способствовали возможности личного подворья (сада, огорода). Кроме того, в условиях дефицита хлеба земледельцы использовали возможности собирательства. Как правило, ранним утром женщины и дети отправлялись в ближайшие леса на сбор различных трав, грибов и ягод. Дары природы не устранили голод, но снижали его остроту и предотвращали голодную смертность²³.

Столетиями переживаемые крестьянами России голодовки выработали у них ряд поведенческих стереотипов, направленных на сохранение трудоспособных членов семьи как ее основного ядра. При этом некоторые из них были весьма жестоки и антигуманны. Но цель их была одна – сохранить основу крестьянской семьи. Например, в многодетных семьях наблюдались случаи, когда родители были вынуждены специально не кормить часть детей, чтобы спасти жизни остальных. Их запирали в чуланы, погреба, амбары. Отчаявшиеся спасти своих малолетних детей матери приносили их в город, районный или уездный центры и оставляли на пороге детских приютов, богаделен, у цер-

вей, на вокзалах, базарах с запиской, как правило, указывающей на возраст и имя ребенка. В числе первых жертв голода, вместе с малолетними детьми, оказывались старики. Причем нередко они осознанно сокращали положенный им и без того скудный рацион питания, чтобы поддержать остальных членов семьи. Они старались меньше выходить к столу, иногда просто прекращали есть, уходили из дома и умирали. Именно так закончил свою жизнь в 1933 году родной дед известного советского писателя М.Н. Алексеева в селе Монастырском Баландинского района Нижне-Волжского края²⁴.

Внутри крестьянской семьи наибольшие потери от голода среди трудоспособных ее членов несла мужская часть. Происходило это потому, что на мужчин падала основная тяжесть заботы о спасении голодающей семьи. Именно мужчины в первую очередь во время голода искали работу и за мизерную пайку хлеба работали из последних сил. От заработанных продуктов обычно им доставалась меньшая часть, так как остальное они отдавали своей семье. Женщины же, как вспоминали очевидцы голода, больше находились дома — «у печки» и тем самым имели больше шансов выжить, чем их истощенные голодом мужья и братья, работавшие в поле. Особенно это правило действовало во время сталинского голода 1932 — 33 гг. на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге, когда в условиях запрета ухода из колхоза мужчины-колхозники были вынуждены работать там целый день за суррогатную пайку хлеба и стакан зерна²⁵.

Следует подчеркнуть, что именно голод 1932—1933 гг. не вписывается в традиционную схему поведения крестьян России во время голода, поскольку резко отличается от всех предшествующих ему голодных лет в истории страны. Применительно к рассматриваемой проблеме главное его отличие заключается в разрушении действующей властью сложившейся веками системы выживания крестьян в условиях голодного бедствия. Наряду с устранением «кулака» из деревенской жизни, борьбой со стихийной миграцией, сталинской аграрной политикой были подорваны и другие ее важнейшие элементы. Например, принудительной конфискации в ходе хлебозаготовок 1932 года подверглись не только хлебные запасы деревни, но и другие съестные продукты крестьянской семьи (картошка, соленья, варенье и т. д.). В результате непродуманной процедуры обобществления личного скота крестьянские семьи лишились рабочего и молочного скота (коров). Это поставило их в крайне тяжелое положение в 1933 году²⁶.

В 1932—1933 гг. совершенно иначе выглядела реакция власти на наступивший в стране по ее вине голод. В предшествующие голодные годы российская власть признавала факт голода (хотя, как правило, с опозданием. — *В.К.*), стремилась оказать посильную помощь голодающему крестьянству (отсрочка платежей по налоговым недоимкам, сбор правительственными органами и общественностью средств для голода-

юших, создание в деревнях «запасных хлебных магазинов» на случай недорода и т. д.). И крестьяне привыкли к такому поведению власти во время голода. Они всегда надеялись на ее помощь в случае его повторения и воспринимали ее как должное²⁷.

Во время голода 1932–1933 гг. ситуация сложилась принципиально иной, и ее восприятие сельским населением России, так же как и его поведение во время бедствия значительно отличались от предшествующих голодных лет в истории страны. Сталинский режим не только замолчал факт голода, но и обвинил крестьян в развале сельского хозяйства страны²⁸. Совершенно по-другому выглядела так называемая «помощь» государства голодающей деревне в 1933 году. Крестьяне не считали ее таковой, поскольку ее размеры оказались несопоставимыми с масштабами бедствия, выдана она была слишком поздно и в первую очередь только работающим в поле колхозникам, а не всем голодающим, как это было в прежние голодные годы в истории России, в том числе во время ленинского голода 1921–1922 гг.²⁹

По сравнению с предшествующими голодовками в 1932 году в советской деревне массовым явлением стало воровство колхозного урожая, в том числе и до момента его созревания, что заставило И.В. Сталина собственноручно написать текст «закона о пяти колосках», предусматривающего расстрел пойманных «воров». В голодающей советской деревне стали расстреливать крестьян по этому «закону»³⁰. Ничего подобного не было раньше, даже во времена «Великой смуты» начала XVII века. Произошло это потому, что в результате коллективизации крестьяне перестали быть хозяевами на своей земле, а следовательно, и ее урожая. Сталинская власть сделала их ворами, поскольку не оставила им другого выбора своей авантюрной политикой хлебозаготовок «по принципу продрозверстки». Они вынуждены были воровать выращенный их руками хлеб, чтобы спастись от голодной смерти.

В конечном итоге, как уже отмечалось нами, подавляющая масса советского крестьянства восприняла голод 1932–1933 гг. как следствие аграрной политики сталинского режима, а не других традиционных причин голода в России (недород, войны). Утвердившийся с его помощью колхозный строй они назвали «вторым репрессивным правом большевиков» (крестьянская расшифровка аббревиатуры ВКП(б). – *В.К.*). В дальнейшем именно действия власти будут в сознании советских крестьян главной причиной их бедственного положения и полуголодного существования (известная поговорка «работать за палочки» в колхозе. – *В.К.*). Последствием такого восприятия советского голода станет новая стратегия выживания колхозного крестьянства России – апатия, безразличное отношение к сельскохозяйственному труду, работа из-под палки в колхозах, ставка на личное хозяйство как основной источник существования крестьянской семьи³¹.

Примечания

¹ Эта статья является текстом доклада, сделанного автором 25 ноября 2010 года на международной конференции «Голод и эпидемии в России и в СССР в 1891–1947 гг.: Региональные, этнические и конфессиональные аспекты», организованной Научной комиссией по изучению немцев из России и в СНГ Народного университета Мариашпринг (Бовенден близ г. Геттинген).

² Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 530.

³ Он же. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XIX вв. Проблемы источников и историографии: история и современность. Часть 2. Оренбург, 2007. С. 299–312.

⁴ Он же. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1995. С. 116.

⁵ См.: Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И. Даля. М., 1987. С. 576–579, 582, 622, 624, 627, 628.

⁶ В 1988 – 1990 гг. автором настоящей статьи были записаны воспоминания свидетелей голода 1932–1933 гг. в 102 деревнях РСФСР (см.: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 488–506)

⁷ Там же. С. 511.

⁸ Там же. С. 512.

⁹ Там же. С. 511, 514.

¹⁰ Там же. С. 514.

¹¹ Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). С. 531–532.

¹² См.: Кондрашин В.В. Голод в крестьянском менталитете. С. 118–119.

¹³ Он же. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). С. 532–533.

¹⁴ Кондрашин В., Пеннер В. Голод: 1932–1933 гг. в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза: СГУ; ПГПУ, 2002. С. 244.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 1. Л. 102.

¹⁸ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 219.

¹⁹ Он же. Статья В.О. Ключевского «Добрые люди древней Руси»: о благотворительности в истории России // В.О. Ключевский и современность (Тезисы докладов на Всесоюзных научных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка). Пенза, 1991. С. 93–95.

²⁰ См.: Энгельгард А.Н. Из деревни. 12 писем, 1872–87. М., 1960. С. 114–116.

²¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. М.: Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», 2010. № 1. С. 14–19.

- ²² Он же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 212.
²³ Там же. С. 214–215.
²⁴ См.: Алексеев М.Н. Драчуны // Роман-газета. 1982. № 10–11. С. 110.
²⁵ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 234.
²⁶ Там же. С. 214.
²⁷ Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). С. 532–533.
²⁸ Он же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 249–265.
²⁹ Там же. С. 198–200.
³⁰ Там же. С. 141–142; Поволжская правда. 1932. 16 октября.
³¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 303–317.

*С.А. Есиков, М.М. Есикова**

Крестьянский труд и аграрная культура

Сам факт, что крестьянин живет и трудится на земле, в непосредственном взаимодействии с природой, послужил предметом множества философских концепций, поэтических произведений, художественных стилей и т. д. Еще в эпоху Возрождения философы и поэты писали о гармонии человека со средой обитания, о любви сельского жителя к пашне, хлебному колосу, всему живому. Создавалось впечатление, что эти качества, близкие тому, что ныне называют «экологическим сознанием», якобы присущи крестьянину «по определению», уже в силу специфики земледельческого труда и жизни «на лоне природы» и составляют его коренное отличие от представителей других общественных слоев.

В действительности такой взгляд является упрощенным. Формирование образа природы и отношения к ней в сознании крестьянства опосредовано социальными и культурными факторами и не должно рассматриваться как прямое следствие его трудовой деятельности. Многочисленные исследования свидетельствуют, что в крестьянской массе преобладает не романтическое или эстетическое, но прагматическое отношение к природе как предмету нелегкого труда, источнику средств к существованию. Подтверждение этого положения можно найти немало. Так, в материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева корреспонденты отмечали, что у крестьян «отношение к природе потребительское. Природа, считают крестьяне, нужна затем, чтобы добыть хлеб, корма для скотины и т. п. Иных, поэтических чувств не пробуждается, и потому описания красот природы крестьянина не тро-

* © Есиков С.А., Есикова М.М., 2011

гают. Их смысл и значение ему объяснить трудно»¹. Поэзию крестьянского труда и быта «на природе» и в гармонии с ней следует считать вторичным культурным продуктом, созданным эстетическим воображением писателей и живописцев.

Идея единства человека и природы возродилась на новой основе — в качестве императива экологического сознания, который в ситуации нарастающей экологической угрозы с большей или меньшей глубиной осознается всеми слоями общества, в том числе и крестьянством. Однако даже сейчас активность российского крестьянства в природоохранной деятельности сравнительно невелика.

По всей видимости, не случаен тот факт, что «пасторальная культура» сложилась в Западной Европе, где природные условия земледельческого труда более комфортны, чем в России. Русских крестьян природа не баловала и не способствовала ее идиллическому восприятию. Известно, что из-за климатических условий производство единицы сельскохозяйственной продукции в России требует физических и энергетических затрат в несколько раз больших, чем в Западной Европе или Северной Америке. Это обстоятельство не могло не сказаться на формировании духовных и физических качеств крестьянского населения, особенно таких, как выносливость, долготерпение, стойкость в испытаниях, привычка к «капризам» природы, физическая сила. Постоянный дефицит времени, веками отсутствующая взаимосвязь между качеством земледельческих работ и гигантскими трудовыми затратами, обусловленными в значительной степени природно-климатическими условиями большей части России, не сформировали у некоторой части крестьян ярко выраженной привычки к особой тщательности и аккуратности в работе.

Одна из главных особенностей крестьянского труда в его традиционных формах состояла в том, что производимый им продукт потреблялся работниками и членами их семей, т. е. сразу же выступал в качестве «потребительной стоимости». Этим земледельческий труд отличался от труда фабричного, где производимая продукция, как правило, не используется для удовлетворения личных потребностей и служит лишь средством заработка. Это обстоятельство оказывает значительное воздействие на психологию крестьян: формируется четкая максима необходимости труда для поддержания жизни, очевидной связи между количеством и качеством трудовых затрат и их результатом. Укоренение данной максимы в жизненном опыте крестьян способствует формированию привычки к труду, трудолюбию. Разумеется, речь не может идти о трудолюбии как всеобщем, исключительном качестве крестьян. Даже при перемене рода деятельности и места жительства (миграции) у бывшего крестьянина в большинстве случаев сохраняется свойственное земледельцу серьезное, ответственное отношение к труду, крестьянская обстоятельность. Отсюда берет начало распространенная среди крестьян традиция уважения физического труда и некоторой недооценки, не-

допонимания значимости умственного, словесного, управленческого, так как в их представлении именно первый является «настоящим», поскольку требует реальной затраты сил.

Консервативность крестьянства, осуждаемая «прогрессистами» всех периодов, на самом деле является необходимым культурно-историческим фактором, противоядием всевозможным социальным авантюрам, прожектам и утопиям, охотников до которых всегда было множество.

Все приводимые выше рассуждения по поводу психологии русского крестьянства, его менталитета, необходимы для понимания проблем внедрения в жизнь деревни новых агрономических приемов и технологий, всего того, что составляет понятие аграрной культуры.

При всем значении агротехнических средств и приемов, накопленного производственного опыта в традиционной земледелии и животноводстве преобладали средства труда, данные природой: земля, физические возможности человека, тягловая сила животных, энергия ветра и воды. Именно они в первую очередь обуславливали способы хозяйственной деятельности и природопользования. От них всецело зависели выбор систем земледелия и даже видов пахотных орудий в том или ином регионе, соотношение между разными отраслями хозяйства. Ими же определялись характер поселения и расселения, повседневный быт, организация использовавшейся территории.

Традиции прошлых эпох сохраняются и обогащаются в современном народном опыте, во многом дополняющем индустриальные технологии и приспособляющему их к конкретным местным условиям. В свою же очередь, народный опыт, особенно агрономия, учитывает огромное многообразие природных экосистем. Изучение традиционных способов природопользования важно не только в прикладном отношении. Оно многое дает и в теоретическом плане. Сведения о приемах природопользования прошлых лет, уяснение механизма, посредством которого происходила смена форм обмена между обществом и окружающей средой, проливает свет на смену типов культуры и цивилизации, эволюцию социальных отношений².

Крупнейший современный исследователь истории русского крестьянства академик Л.В. Милов (1929–2008) обоснованно доказывал, что в силу суровых природно-климатических условий Россия не могла идти по западному пути социально-экономического развития. Особенностью большей части страны всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. В пределах же Восточно-Европейской равнины краткость цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малопригодных почв. Именно эти особенности определяли и психологию земледельцев, и характер их социально-экономических отношений. И там, где люди могли противостоять естественным законам природы, они проявляли не только упорный труд, но и незаурядную изобретательность и находчивость³. Однако

в связи с ростом агротехнического уровня земледелия под воздействием процесса индустриализации оно становится менее зависимым от природно-климатических условий вследствие применения новых видов удобрений, внедрения техники, способствующей более тщательному возделыванию почвы и сокращающей время работ.

Менталитет российского крестьянства — это общинная ментальность, сформированная веками в рамках замкнутого общества. Община регулировала внутреннюю жизнь крестьянского сообщества и его связи с внешним миром, она хранила и транслировала производственный и социальный опыт, всю систему ценностей крестьянства⁴.

К началу XX в. Россия подошла страной, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения, а мелкокрестьянское производство было самым массовым экономическим укладом. Модернизация страны, осуществлявшаяся в самые сжатые сроки, совершалась в условиях сохранившихся докапиталистических отношений в общественном строе, от экономики до духовной сферы.

В конце XIX в. процессы экономического, социального, психологического и нравственного распада общины все более становились необратимыми. Остановить их было вряд ли возможно. Меры к консервации старого порядка (а их активно предпринимало правительство вплоть до столыпинской реформы) лишь искусственно притормаживали распад общины, делая его одновременно и более болезненным. В деревне накапливалось все больше людей, которые физически оставались в пространстве былой общинной жизни, оставались на земле, но психологически и нравственно были теперь очень слабо связаны с этой жизнью, с общиной, с землей. Они выпадали из крестьянской родовой общности и утрачивали ее культуру.

«Настоящие», «истовые» крестьяне чувствовали опасность общинным порядкам со стороны полупролетариев-полукрестьян, недолюбливали их. Последние же все более и более влияли на жизнь деревни — уже хотя бы потому, что число их к концу века быстро возрастало. Между тем в общине все чаще стали отказывать защитные механизмы. В крестьянское мировоззрение никак не могло вписаться, что физически сильные и выносливые мужики нищенствуют, а мужики без земли и труда преуспевают⁵. В таких условиях для большинства крестьян привычный, комфортный мир общины начал рушиться. Все это усугублялось голодом и холерой начала 1890-х гг. Деревня неизбежно утрачивала былую устойчивость перед внешним влиянием, а крестьяне все более настороженно относились к различным агротехническим нововведениям.

В пореформенное время, особенно с 1880-х гг., Россия встала на путь модернизации аграрного сектора экономики. Это был путь медленной, но неуклонной перестройки как помещичьего, так и крестьянского хозяйства в первую очередь за счет повышения уровня аграрной культуры. Под аграрной культурой, как правило, понимают общепри-

нятые и устойчивые формы и способы хозяйственной деятельности, наиболее характерные явления массового общественного сознания сельского населения, которые проявлялись в обычаях, производственных навыках и методах работы, отношении к труду и природной среде.

Используя опыт отечественной аграрно-экономической науки, в стране за сравнительно короткий срок (около 40 лет) усилиями государства и общественных организаций, в первую очередь земства, была создана агрономическая служба, разветвленная сеть сельскохозяйственного образования и просвещения.

Степень воздействия агрономов на культуру земледелия, повышение уровня аграрной культуры трудно передать в количественном измерении. Но все-таки наиболее ярким показателем эффективности проводившихся мероприятий является урожайность крестьянских полей. При этом надо учитывать, что для возникновения и развития практической агрономии необходим определенный период времени. Радикальных перемен в этот период (1880-е – 1917 гг.) не произошло, однако статистика урожаев на надельных крестьянских землях за четверть века (1888–1913 гг.) позволяет говорить о наличии во многих губерниях реальных предпосылок для качественного скачка в развитии растениеводства, основанного на многообразии и соответствующем чередовании в севообороте сельскохозяйственных культур.

Статистика урожаев по 47 губерниям Европейской России в начале XX в. выглядела следующим образом (в пудах на десятину): в 1901 г. рожь – 43,0; пшеница – 34,0; овес – 32,9; в 1913 г. соответственно – 55,2; 58,2; 62,3. Этих результатов удалось достичь при фактическом сохранении традиционной системы землепользования.

Валовые сборы за эти же годы можно представить так (тысяч пудов): 1901–1905 гг. – 5461233,8; 1906–1910 гг. – 5895625,6; 1909–1913 гг. – 6779270,9. В % к валовому сбору за 1909–1913 гг. цифры будут следующими: 1901–1905 гг. – 80,5; 1906–1910 гг. – 87,0; 1909–1913 гг. – 100.

Как видим, валовые сборы постоянно возрастали. Основная их масса падала на группу продовольственных, затем – картофель и кормовые. Причем сбор возрастал не за счет увеличения посевной площади, а из-за роста урожайности.

Анализ урожайной статистики показывает, что уже накануне мировой войны деревня, особенно земская, вплотную подошла к введению многопольных севооборотов, так как крестьянами были апробированы нужные для этого сельскохозяйственные растения; ржаная культура, как менее ценная, постепенно отходила на второй план, а на смену ей вводились разные сорта пшеницы. Значительно улучшились пропорции сельскохозяйственных культур. Расширились посевы овса, ячменя, гречихи, бобовых и, что особенно важно, картофеля как главной пропашной культуры, без которой практически нельзя было заводить полноценный плодосмен в полевом хозяйстве. Устанавливая правильное че-

редование зерновых, гречихи, бобовых, картофеля, льна, крестьяне в большинстве губерний добились относительного повышения их урожайности и вплотную приблизились по этому показателю к помещичьим хозяйствам³.

Существенные изменения произошли и в области технического оснащения сельскохозяйственного производства. Крестьяне в составе товариществ и индивидуально приобретали усовершенствованные орудия, а порой и машины. Так, использование сельскохозяйственных машин в период с начала 1870-х гг. и до 1896 г. увеличилось более чем в 6,5 раза, а к 1912 г. — в 57 раз⁷. В целом уровень технической оснащенности российского сельского хозяйства оставался низким, но тенденция уже явно просматривалась.

Как видим, за сравнительно небольшой отрезок времени был сделан значительный скачок в увеличении урожайности и валовых сборов хлебов. Это означало, что медленно, но неуклонно начали рушиться веками складывавшиеся стереотипы и создавались благоприятные условия для формирования самостоятельных хозяйств.

Годы войн и революции (1914–1921) оказали глубокое воздействие на судьбы крестьянских хозяйств. Уравнительное перераспределение земли и ежегодные внутринадельные переделы сохраняли и углубляли неустойчивость крестьянского землепользования. Традиционное вмешательство государства выразилось в чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности, слишком обременительной для крестьян. Выросшее в годы военного коммунизма бремя различных натуральных повинностей сказалось на производственной деятельности крестьянских хозяйств, вынуждая их сокращать посевы, менять структуру посевных площадей в пользу культур для собственного потребления, что отрицательно сказалось и на крестьянском животноводстве. В итоге неокрепшие ростки рыночно ориентированных хозяйств были практически уничтожены. Основная масса крестьянских хозяйств замыкалась рамками натурального производства.

На протяжении всего периода гражданской войны и военного коммунизма социально-экономические процессы в деревне протекали крайне неравномерно и противоречиво: если в довоенные годы отчетливо прослеживались тенденции к развитию рыночных связей, агротехнического прогресса и т. д., то в период войны и революции эти тенденции сменились противоположными. Которые вели к застою, противостоянию городу, замкнутости в собственном мире. Внешние, недеревенские факторы (войны, реформы, революции) оказывали определяющее влияние на развитие крестьянского хозяйства. Как совершенно справедливо подчеркивал профессор М. Левин, «крестьян то всячески подталкивали, то никак не давали им двигаться в нужном направлении, т. е. естественным путем».

Замена конфискационной продрозверстки натуральным налогом предотвратила всеобщее крестьянское восстание. Главной задачей новой

экономической политики было сохранение большевистского режима и формирование условий для реализации коммунистического эксперимента. Однако НЭП, по мнению большевистских теоретиков, содержал в себе новую угрозу, которая заключалась в развитии капиталистических отношений. Возникший при этом в перспективе вопрос «кто кого» заранее решался в пользу социализма путем ограничения роста капитализма устанавливавшимися пределами. Как нам представляется, 1923–1926 гг. стали временем хозяйственного плюрализма, в ходе которого крестьянские хозяйства имели возможность наиболее полно использовать позитивные аспекты НЭПа.

Время «чрезвычайщины» и сплошной коллективизации привело к серьезным изменениям в крестьянской психологии. Крестьянин из собственника времен НЭПа превращался в подневольного работника, равнодушно относившегося как к труду, так и к его результатам. За короткий срок пребывания в колхозе крестьянин превращался в лодыря и лентяя. Наиболее ярко это проявилось в 1932/33 гг., во время «рукотворного» голода, когда сплошь и рядом нарушались все необходимые агротехнические мероприятия при проведении посевных и уборочных кампаний. Ни о какой культуре земледелия речи уже быть не могло.

Примечания

¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993. С. 178.

² См.: Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 4–5.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 554, 385, 483.

⁴ Подробнее см.: Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 22–39.

⁵ См.: Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 160.

⁶ Подробнее см.: Есиков С.А., Есикова М.М. Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX веков (1880–1917 гг.). СПб., 2008. С. 160–162.

⁷ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX вв.). М.; Тамбов, 2004. С. 79.

Крестьянские восстания 1918 г. в уездах Мордовии

Имя П.С. Кабытова широко известно российским и западным исследователям истории Гражданской войны. Достаточно назвать работы последних лет, в которых предлагается принципиально новый подход к региональной истории начальных этапов советской власти¹. Ряд высказанных в них идей позволяют по-новому взглянуть на средневожскую действительность 1917–1920 гг., в том числе и в уездах Мордовии.

Для конца 1917 – начала 1918 гг. характерно явное успокоение деревни мордовского края, да и Среднего Поволжья в целом. В советской историографии оно интерпретировалось как победа аграрной политики большевиков, включивших ее в свой миф о едином Великом Октябре². Между тем крестьянство имело о большевиках довольно смутное представление. Стоит, по всей видимости, согласиться с казанским историком Д.И. Люкшиным, утверждавшим, что «основная причина спада волны крестьянских выступлений в 1918 году заключалась не в фактическом признании крестьянами новой власти (в уездах продолжали существовать различные Комитеты и Управы, созданные еще Временным правительством), а в том, что общинная революция завершилась еще до прихода большевиков к власти, поэтому никаких особых претензий к новому правительству у крестьян первоначально не было. Тем более что последнее, не имея возможности повлиять на ход событий в аграрном секторе, вынуждено было просто “отпустить вожжи в деревне”. Вкупе с традиционным крестьянским безразличием к персональному составу высших эшелонов власти, это и послужило достаточным основанием для прекращения насилия в деревне»³.

В январе – марте 1918 г. выступления крестьян в уездах Мордовии имели спорадический характер. Среди них преобладали действия, направленные на раздел остатков еще не поделенного и не разграбленного помещичьего и церковного имущества. Так, 14 января крестьяне с. Сузелятки Краснослободского уезда приехали в монастырь с вилами и топорами; взяли все имущество с хутора, разграбили запасы картофеля⁴. 18 января крестьяне того же уезда разорили хутор Троицкого монастыря. Из жилых домов выламывали косяки, разбирали и увозили надворные постройки, самовольно рубили лес⁵. 14 февраля крестьяне с. Мамашино Краснослободского уезда разгромили хутор Александровского монастыря⁶. 12 апреля крестьяне нескольких сел Саранского уезда отобрали у Кирилловского монастыря 12 лошадей, 17 коров и заявили, что на днях заберут весь инвентарь и постройки скотного двора, мель-

* © Юрченков В.А., 2011

ницу и т. д.⁷ 25 января крестьяне с. Агеево Краснослободского уезда захватили близлежащие помещичьи земли и поделили между собой имевшийся в имении скот, птицу, лошадей⁸.

Однако уже в феврале 1918 г. были зафиксированы первые столкновения на почве попыток реквизиции хлеба у крестьян. Так, в феврале крестьяне с. Старое Погорелово Корсунского уезда Симбирской губернии прогнали из села активистов-бедняков, попытавшихся отобрать у односельчан излишки хлеба. По решению уездного совета в село был направлен вооруженный отряд, с помощью которого сопротивление крестьян было сломлено и хлеб был реквизирован⁹. 1 марта крестьяне Саранского уезда Пензенской губернии («стольпинские отрубники») оказали сопротивление ревизии хлеба¹⁰. 8 апреля при реквизиции хлебных запасов в с. Большой Азясь и д. Бранчеевка в Краснослободском уезде Пензенской губернии произошло столкновение между крестьянами и воинским отрядом уисполкома, один красноармеец и двое крестьян убиты¹¹.

Именно первые хлебные реквизиции породили крестьянские выступления, выходящие за пределы одного села. В марте 1918 г. крестьянами Ардатовского и Корсунского уездов Симбирской губернии были разогнаны советы в Кайбичевской, Медаевской, Шугуровской, Тазинской, Атяшевской, Чамзинской волостях¹². В том же марте в Ардатовском уезде удалось предотвратить мятеж в селе Старое Качелаево Больше-Игнатовской волости, подготовленный неким Леонтьевым. Руководители подготавливаемого выступления были арестованы¹³. 16 апреля крестьяне нескольких сел Краснослободского уезда Пензенской губернии подняли восстание и разогнали советы. Уездный исполком прислал отряд, потребовавший выдачу зачинщиков¹⁴.

Особенностью крестьянского движения в начале 1918 г. является его локальность, в большинстве случаев — ограниченность рамками одного селения. Преобладают выступления на почве недовольства действиями местных активистов советской властью, которые пытались заставить зажиточную часть деревни «поделиться» своими продовольственными запасами с голодающей беднотой, а также связанные с решением общих для селения проблем. Масштабы насилия ограничены небольшим числом жертв противоборствующих сторон, в выступлениях основными активно действующими лицами становятся зажиточные крестьяне, которым было что терять.

Среди показательных выступлений на территории уездов Мордовии для этого времени можно отметить конфликт, произошедший 17 апреля 1918 г. в с. Гумны Краснослободского уезда Пензенской губернии на почве реквизиции хлеба. 16 апреля в селе состоялся сход, на котором был вынесен приговор об отказе произвести учет и реквизировать хлеб прибывшему продовольственному отряду. Было вынесено решение о непризнании советской власти. Отряд из 20 красногвардейцев вынуж-

ден был отступить. Для подавления волнения властью дополнительно в село было вызвано 10 человек с пулеметом¹⁵. 26 апреля в с. Бутырки Симбирской губернии подвергся нападению продотряд Ардатовского уисполкома¹⁶. 27 мая в с. Найман Симбирской губернии крестьяне напали на тот же продотряд¹⁷. В мае в с. Ичалки и с. Атаманки Лукояновского уезда Нижегородской губернии крестьянами захвачено несколько сот голов скота, принадлежащего Нижегородскому губпродкому. При попытке уездных органов конфисковать скот было оказано вооруженное сопротивление¹⁸.

Уже весной 1918 г. крестьянские выступления стали характеризоваться ожесточением и наличием жертв. Показательно выступление крестьян с. Атюрьево Темниковского уезда Тамбовской губернии. 29 мая из Темникова в Тамбов направлен отряд в 100 человек, командирами которого были назначены член уисполкома Т.П. Бараев и И. Михайлов. В Атюрьево на него было совершено нападение, в ходе которого были убиты Т.П. Бараев и красноармеец¹⁹. А.Г. Пономарев, служивший в 1918 г. военкомом Темниковского уезда, вспоминал: «Михайлову и Бараеву было дано указание — не останавливаться в Атюрьево и избегать с населением всяких конфликтов. Отряд выступил в поход и, дойдя до села Новочадово, 16 мая остановился на отдых. Командир отряда Михайлов и член уисполкома Бараев верхом на лошадях поехали в Атюрьево, чтобы предупредить власти Атюрьевской волости о прохождении отряда. В то время, когда Михайлов и Бараев подъезжали к церкви, оттуда выходила большая масса граждан Атюрьевской волости. (В этот день был религиозный праздник.) Увидев двух всадников, граждане (среди них было несколько кулаков) окружили их и, узнав, что они из Темникова и за ними следует отряд, который пройдет через их село, набросились на Михайлова и Бараева. Толпа стащила обоих с лошадей и стала избивать. Им выкололи глаза, нанесли множество ножевых ран, переломали руки и ноги и еще с признаками жизни отвезли в овраг и там закопали в песок»²⁰. Получив известие о выступлении, Темниковский уисполком принял решение немедленно отправить в Атюрьево отряд кавалерии с пулеметами под командованием комиссара по борьбе с контрреволюцией, которому придать в помощь всех членов уисполкома.

А.Г. Пономарев вспоминал: «В Новочадово приехали к вечеру того же дня. Решили атаковать Атюрьево ночью, ближе к рассвету. Из полученных от разведки данных установили, что атюрьевцы готовятся к сопротивлению. Часа в 2 ночи выступил первым отряд пехоты, которым командовал я, за ним 2 пулемета на тачанках, а затем кавалеристы.

Впереди отряда пехоты была выслана разведка, с которой пошел и я. Подойдя к Тараканьим Выселкам, что находятся в полутора километрах от Атюрьева, разведка встретила мужика с дубиной на плече. А когда его спросили, что он здесь делает, тот ответил: “Когда будут идти большевики, я должен бежать к Атюрьево и сообщить охранению, выставлен-

ному у околицы Татарской Велязьмы”. Разведчики стали ползком продвигаться вперед к Татарской Велязьме.

Вдруг со стороны Велязьмы раздались выстрелы. Разведка в боевом порядке продолжала ползти вперед. На выстрелы мы не отвечали, так как стремились захватить противника живьем. Вслед за выстрелами раздался звон колокола. Это на колокольне села Атюрьева зазвонили в набат. Было ясно, что это сигнал к сбору для всей волости, а не только для села. И действительно, стало видно, как около церкви начали собираться люди. Толпа все росла и росла. Выстрелы со стороны Велязьмы прекратились. Разведка обнаружила на околице Велязьмы окопы.

Я отдал приказ: пехотному отряду охватить Атюрьево с правой и левой стороны, занять дороги и никого не пропускать ни в село, ни из села. В случае сопротивления открывать огонь.

В задачу отряда конницы входило: толпу близ церкви разогнать, применив оружие в случае сопротивления, а затем занять дороги, ведущие в село. Никого из Атюрьева не выпускать, а приезжающих задерживать.

После того как пулеметы открыли огонь, толпа спряталась по другую сторону церкви, а затем стала разбегаться. Прекратился колокольный звон. Бунтовщики стали разбегаться по огородам, чтобы убежать за пределы села, но их встречали пехотинцы и стрельбой вверх заставляли вернуться в село.

В этот момент в селе возник пожар. Это кулаки подожгли магазин и еще один общественный дом. Через некоторое время силами красноармейцев пожар потушили. По всему селу наступила тишина, которую нарушал лишь топот лошадей кавалеристов. Атюрьевские жители показали, где зарыты трупы замученных руководителей отряда. Трупы вынули, уложили на тачанки и увезли в Новочадово. В это время по селу Атюрьеву проходил розыск организаторов расправы над посланцами народа, но все поиски были тщетны, так как злодеи еще ночью выехали из села Атюрьева и бесследно исчезли»²¹.

Анализ ситуации свидетельствует, что крестьянское выступление не было стихийным. Прибытие отряда в село послужило лишь толчком, поводом для выступления. Само же крестьянское сопротивление носило элемент организации. Крестьяне выделили охранение, были вырыты окопы, продумана система извещения о приближении красноармейцев и т. п.

К осени 1918 г. крестьянские движения приобретают большую ожесточенность, деревня выступает единым фронтом в защиту общих интересов. Характерным было выступление в с. Яковщина Рузаевского уезда, произошедшее в Знаменском женском монастыре 4–5 сентября 1918 г. 4 сентября Рузаевская УЧК получила сведения о том, что «недалеко от Рузаевки, верстах в четырнадцати, в женском монастыре, свито контрреволюционное гнездо, и оттуда по деревням ведется контрреволюционная, черносотенная пропаганда»²², а, по некоторым сведениям, «кула-

ки с помощью монахинь ведут разнузданную антисоветскую агитацию, готовят вооруженный мятеж»²³.

Ситуация в селении накалялась начиная с 1917 г., когда в конце октября монастырь подвергся нападению и разграблению со стороны местных крестьян, но настоящей трагедией стали события осени 1918 г. Еженедельник ВЧК, описывая ситуацию в Рузаевском уезде, отмечал: «Местность... характерна именно тем, что в ней кишмя кишели англо-французские шпионы и кулачество представляло из себя элемент, живейше поддерживающий эту чехословацкую авантюру»²⁴. Руководством Рузаевской УЧК в с. Яковщина в срочном порядке для того, чтобы «проверить живущих в монастыре и в случае надобности произвести аресты»²⁵, направляется небольшой отряд, состоящий из 6 человек: сотрудники ЧК Шкуропатов, П.И. Путилова и 4 красногвардейца. Жительница Яковщины А.П. Левина вспоминала: «Хорошо помню день приезда П.И. Путиловой. Это было в начале сентября 1918 г. Крестьяне от мала до велика были на токах, занимались молотьбой ржи. Перед вечером мимо игумена на двух подводах проехали четыре красноармейца без винтовок и молодая женщина в черном костюме»²⁶. Вечером этого же дня в монастыре был произведен обыск, по непонятным причинам (скорее всего, не нашли подтверждения поступившей информации) отряд остался ночевать здесь же, чем подтвердил возникшее опасение у жителей села: «... Якобы приехали продармейцы во главе с женщиной-комиссаром, чтобы забрать весь хлеб тружеников села»²⁷.

Становятся очевидными вопросы, волновавшие людей, причины, толкнувшие на открытое выступление. Согласно официальной версии: «В течение ночи антисоветски настроенные обитатели монастыря сумели оповестить деревенских кулаков о прибытии красноармейцев. Вся контрреволюционная нечисть под утро собралась на дворе монастыря. На рассвете они незаметно окружили четырех красноармейцев тесным кольцом и начали их зверски избивать. Увидев это подлое нападение, Паша бросилась к толпе. Она считала, что еще можно остановить кровопролитие, что можно словами подействовать на белобандитов, образумить их. Пока она говорила, на нее напали сзади, ударом по голове сбили с ног, а затем зверски растерзали ее тело. Шкуропатову и четверем красноармейцам к этому времени удалось вырваться из кольца и спастись от смерти. Это случилось утром 5 сентября 1918 года»²⁸.

На самом же деле, на наш взгляд, события разворачивались по-иному. Рано утром 5 сентября был собран сход крестьян, который решил отказать продотряду в хлебной разверстке и не выдавать хлеб. Вооружившись вилами и кольями, крестьяне двинулись к монастырским воротам. «От монастырских ворот стеной валила бушующая толпа по направлению особняка барыни и монастырской церкви... Кулаки... с кольями в руках стали наступать на безоружных красноармейцев, которые дрогнули и разбежались»²⁹. Люди не стали долго думать. П.И. Путилова

осталась один на один с разгневанными крестьянами, считавшими, что их пришли грабить. «Горшков Андрей сильным ударом чем-то тяжелым по голове сбил с ног П.И. Путилову. После этого женщину-большевичку, лежавшую без сознания, озверевшие кулаки били чем попало: кольями, камнями, раздирали на ней одежду, в окровавленный рот толкали палки. Большинство крестьян стояли в стороне и смотрели на жестокую расправу с беззащитной женщиной»³⁰.

В ходе описания произошедших событий А.П. Левина ни разу не упомянула о принимавших участие в трагедии «скрывавшихся в стенах монастыря белых офицерах», о которых после стали писать почти все исследователи. Не упоминалось и о непосредственном участии монахинь в избиении и убийстве П.И. Путиловой. Но уже через несколько часов в село и монастырь из Рузаевки прибыли вооруженные красноармейцы, которые за убийство крестьянами П.И. Путиловой расстреляли 5 человек, в том числе двух монашек, 300 человек взяли в заложники. На село была наложена контрибуция в размере 50000 руб.³¹

Осенью 1918 г. деревню Мордовии охватывают крестьянские волнения на почве недовольства введенным большевиками чрезвычайным революционным налогом. Его раскладка и взимание были возложены на комитеты бедноты и местные советы, перед которыми ставилась задача основную тяжесть налога взysкать с зажиточных слоев деревни. На практике это вылилось в полный произвол властей над крестьянством.

Наиболее известным из крестьянских выступлений 1918 г. на территории Мордовии было восстание крестьян сел Лада и Пятина Саранского уезда, произошедшее 14–16 ноября 1918 г. Центром восстания было с. Лада, по воспоминаниям ее уроженца, известного российского социолога И.В. Бестужева-Лады, в первое десятилетие советской власти «это было огромное волостное торговое русское село, протянувшееся версты на три вдоль Ладки и Инсарки. Да еще несколькими “порядками”. Да еще с несколькими вплотную прилегающими к селу деревнями. Тysяч под десяток населения, если не больше... Ежедневный “людоворот” огромного базара. В моем детском представлении намного превосходящего масштабами сегодняшние московские Лужники с их тысячными толпами. Огромный храм – в моем детском представлении как сегодняшний храм Христа Спасителя в Москве. С потрясающей детское воображение красной лампадкой над гробом с очень маленьким мертвецом – мощами. С таинственным неземным запахом ладана, который сегодня мгновенно переносит меня в Ладу тех лет. А над храмом высоко на холме – сельское кладбище... С кладбища спускаешься к церкви дорогой мимо старого двухэтажного деревянного помещичьего дома. Нечто вроде большой подмосковной дачи дореволюционных времен, куда меня водили в детсад и в Москве, и в Ладе. А на другом конце площади – кирпичное «городское» здание почты и двухэтажные кирпичные палаты нескольких местных богачей, приспособленные к тому времени под

аптеку, под больницу, под волостное правление и т. д. И сотни изб, в моем детском представлении — одна краше другой. Некоторые уже не под соломой, а под железом (в том числе и бестужевская). В некоторых горницы меблированы “по-городскому”, пол покрашен, и не надо его выскабливать с золой, заменяющей мыло, ножами по субботам, как самолично пытался помогать бабушке. Везде — печки, печурки, подтопки. Не довелось увидеть ни одной избы, топящейся “по-черному”, с каменным очагом вместо печки на земляном полу вместо деревянного, с дырой в потолке для дыма вместо трубы, со стеклами в окнах вместо прорезей в срубе, затыкавшихся зимой, для тепла, тряпьем... За каждой избой огромный — сотки на две-три — двор с коношней, коровником, загонем для овец, загонем для коз, загонем для свиней, с сеновалом, где гнездились десятки кур и уток, с сараями, амбаром, погребом — целый агрокомбинат! За двором — колодезь, баня и огород соток на тридцать с длинными грядками картошки и всевозможных овощей, с зарослями смородины и малины. За огородом — сад еще соток на тридцать с яблонями, сливами, вишнями. Наконец, за садом — еще такой же величины поле, засевавшееся то просом, то коноплей (сырьем для домотканой одежды; о том, что это сильнейший наркотик, никто не подозревал). И по краю всего этого великолепия сразу за баней — снова амбары, снова сеновалы. А перед избой, через дорогу — еще один огород, поменьше, на самом берегу Ладки. Тоже с амбаром, погребом, сеновалом и “подвалом” — землянкой, обложенной кирпичом, где хранились сундуки с парадной одеждой и летом ночевали молодожены (включая со временем и меня самого).

И такое раздолье — за и перед каждой избой. Целый гектар, который сегодня дается под дачу не каждому генералу или министру, который по карману не каждому «новому русскому»! И это не у какого-то богатея (у того имение было покруче), а самого обычного середняка, составлявшего большинство населения в каждой русской деревне. Хотя, конечно, были семьи и победнее... Заметим, что все описанное было только приусадебным участком. Далее шло несколько гектаров поля (смотря по числу “душ” семьи), с которого получался основной прокорм...»³².

Зажиточное ладское крестьянство враждебно встретило продовольственную политику большевиков. Привыкшее уже самостоятельно распоряжаться продуктами своего труда, оно отнюдь не было в восторге от практики заготовки хлеба посредством реквизиций. 13 ноября 1918 г. в с. Ладу прибыл Владимирский продовольственный отряд во главе с П.С. Семеновым и А.Я. Лусс для изъятия излишков хлеба у кулаков и обложения их чрезвычайным налогом. По прибытии в село было «проведено заседание в Совете под руководством тов. Лусс и Семенова, на котором после бурных прений было решено завтра, 14 ноября в 12 часов дня, представить списки излишков хлеба и приступить к вывозу на сыпной пункт. Председатель Совета (Бурмистров. — авт.) с этим со-

гласен не был»³³. Он говорил о том, что совет хотел самостоятельно раздать хлеб бедным, однако в конечном итоге был вынужден согласиться с принятым решением. О принятом решении было сообщено крестьянам.

«Утром, 14 ноября, по звуку набата крестьяне стали собираться около церкви на сход, куда собирались не только жители Лады, но и крестьяне окрестных деревень. Толпа, размахивая вилами, косами и цепями, двинулась к дому, в котором расположились продармейцы А. Лусс и П. Семенов. Лусс вышла на крыльцо и стала что-то говорить. Толпа стала кричать: “Бей ее, давай ее сюда!” — и двинулась к крыльцу. Лусс хотела войти в комнату и запереть за собой дверь, но в доме уже были крестьяне, часть зашла с другого хода. Семенов тоже был тут и старался уговорить толпу. Лусс, думая оборониться, выстрелила и ранила одного крестьянина в ногу. Толпа все больше напирала, Лусс и Семенов были вытащены из дома, и толпа учинила над ними самосуд... Продармейцы побежали за оружием, но их отрезали, некоторые продармейцы бросились в воду, но их оттуда ловили и убивали, некоторым вязали руки и ноги, а остальных убивали кольями»³⁴. В результате волнения было убито 8 человек: А.Я. Лусс — сотрудница «Известий ВЦИК», агитатор, П.С. Семенов — продкомиссар, П.Н. Лукин, Д.И. Зотов, И.А. Крупнов, И.В. Сазонов, П.Е. Трушин, И.С. Максимов — продармейцы. Все трупы изуродованы, больше всех — тела А.Я. Лусс и П.С. Семенова. «Тела убитых пинали, истязали кольями и мотыгами, кололи вилами, а в довершение натыкали в них палок и веток»³⁵. Пять продармейцев были ранены: два — тяжело, трое — легко, некоторые успели скрыться.

И.В. Бестужев-Лада в воспоминаниях приводит сведения, рисующие несколько иную картину, которая, по всей видимости, бытовала среди крестьян села: «К ежегодному повальному грабежу со стороны “красных” успели привыкнуть, но ненависть к грабителям, естественно, нарастала. На сей раз роль искры сыграла самая обыкновенная провокация.

Комиссаром отряда была женщина. Прямо как в “Оптимистической трагедии” Вс. Вишневского, которая в свое время трогала до слез, а сегодня вызвала бы у молодежи только смех. Она вместе с командиром остановилась на ночлег в доме попа и не нашла лучшего развлечения вечером, как начать музицировать на поповском рояле. Кто-то пустил слух, что попа раздели догола и заставляют плясать под музыку. А ожесточение ограбленных крестьян и без того было на точке кипения. Миг — и толпа с вилами наперевес ринулась на грабителей...»³⁶

После известия, полученного председателем Саранского УЧК Л.Ф. Щербинским по прямому проводу из с. Лада от заведующего почтой Максимова, который сообщил, что «крестьяне бьют продармейцев»³⁷, были собраны значительные вооруженные силы: отряд продколлегии — 150 чел.; отряд УЧК — 11 чел.; отряд мобилизационного отдела

1-й армии Восточного фронта — 10 чел. — и отправлены для подавления восстания. По пути следования к этому сборному отряду присоединился отряд Тимирязевского узла — 40 чел. с пулеметами. При приближении к с. Лада отряды разделились и, окружив село, вошли в него. Позже, описывая проведение карательной операции, Л.Ф. Щербинский отмечает ее организованность: «...Уже вечером отряд быстро окружил село и после небольшой перестрелки вступил в него»³⁸. «По пути в Совет арестовывали попадавшихся. ... Лада была объявлена на осадном положении и потребована сдача оружия в течение 12 часов, брались заложники из каждого 10 двора, что происходило всю ночь»³⁹. В конечном итоге 24 крестьянина были взяты в заложники, 12 чел. виновных, в том числе одна женщина, — расстреляно, на крестьян села наложена контрибуция (включая расстрелянных) в размере 250000 руб. В Ладе совет был заменен военно-революционным комитетом из семи человек⁴⁰.

15 ноября, ночью, поступило сообщение о готовящемся восстании в с. Пятина, «чтобы идти на помощь Ладе»⁴¹. В Пятину, 16 ноября в 5 часов утра, был послан отряд, состоявший из сотрудников уездной милиции и роты особого назначения, всего — 45 чел., который по пути следования соединился с несколькими отрядами в с. Ромоданово и 17 ноября утром окружил Пятину, где «предполагаемое восстание было ликвидировано... арестовано 180 чел., в том числе волостной Совет и волостной комитет бедноты»⁴².

После расследования случившегося в с. Лада и с. Пятина было выяснено, что продотряды уже неоднократно посещали села и «накануне восстания на сельских сходах были вынесены постановления, если будут отбирать хлеб, не отдавать. Условным знаком должен служить удар набата, тогда все должны собраться и встать на защиту хлеба ... был план, что все соседние деревни и волости, вплоть до Пятины, ударят в набат и пойдут на выручку в Ладу, где будут отбирать хлеб»⁴³.

Интересным представляется факт участия Ладского совета и комбеда в сельских сходах и поддержка ими принятых решений. В восстании принимали участие председатель Саранской уездной земской управы Федяев, член уездной земской управы Сулейкин, уездный военный комиссар Назаров, председатель Ладского совета Бурмистров. Исследователями отмечается широкий размах выступления (ок. 2000 чел.) и выход его за рамки одного селения⁴⁴. В отчете Пензенского ГЧК о событиях крестьянского восстания в с. Лада и Пятинской волости отчетливо просматривается позиция крестьянства: «...На митинге, созванном приехавшими агитаторшами коммунистами некоторые личности стали натравливать крестьян на Советскую власть. Задавались провокационные вопросы, как-то: почему у власти евреи, которые стесняют нашу православную веру. Почему приказано запечатать все церкви и т. п. После митинга одним из граждан Косовым велась белоэсеровская агитация о том, что Советская власть отбирает хлеб у крестьян и снабжает им герман-

цев, при власти Керенского этого случиться не могло, т.к. все социалисты работали дружно против германцев. Благодаря большевикам мы теперь оторваны от хлеботородных окраин и испытываем голод. Хлебная монополия – это грабеж. Дальше он задавал провокационные вопросы, почему Ленин приехал к нам из Германии и проч., и этим крайне возбудил толпу». В Пятинской волости восставшие выпустили воззвание: «Штаб 1-й Крестьянской армии стеснен в печати, но по мере сил он будет доставлять правильные сведения трудовому крестьянству, по слухам или большевистским газетам верить трудовому крестьянству нельзя... крестьяне большевиками обмануты, они не получили землю, ввергнуты в рабство и проч.»⁴⁵

Участники Ладско-Пятинского восстания содержались в тюрьме г. Саранска. Сохранился список от 20 марта 1919 г., опубликованный частично А. Кирдиным⁴⁶. В соответствии с ним тюрьма принимала арестованных крестьян-участников восстания в Ладе несколько раз. 15 ноября 1918 г. поступило восемь женщин: Василиса Ефимовна Луговая, Прасковья Ефимовна Луговая, Ирина Ивановна Шекина, Евдокия Васильевна Шекина, Ульяна Прокофьевна Шульгина, Фекла Михайловна Баушкина, Дарья Семеновна Бышова, Татьяна Алексеевна Федашова. Все они было размещены в камере № 2. 17 ноября в тюрьму был доставлен крестьянин деревни Большая Рожновка Григорий Иванович Золотницкий «за Ладское восстание» и ладские крестьяне Павел Скорликов, Михаил Бурмистров, Иван Ляпин, Григорий Шандыбин, Василий Гульчин, Владимир и Илья Алятины, Дмитрий Забродин, Никита Зубанов, 18 ноября – Тимофей и Ефим Шекины. 27 ноября были привезены арестованные в Ладе Павел Андреевич Плескушкин, Михаил Иванович Деревнин, Федор Григорьевич Шульпин, Антон Васильевич Агапов, 28 ноября – Никита Лугов, Алексей Косов, Петр и Степан Козловы, Василий Пешин, Алексей Лопудев. 6 января 1919 г. за участие в Ладском восстании в тюрьму доставлены Дмитрий Зяюликов и Илья Еремин.

График поступления крестьян-участников восстания в Ладе свидетельствует о том, что аресты начались сразу же после подавления восстания (первые поступления датированы 15 ноября 1918 г.), а завершились только в январе 1919 г., когда, по всей видимости, закончилось следствие. Всего в Саранской тюрьме содержалось 32 участника восстания, из них восемь женщин.

Параллельно в Саранскую тюрьму поступали крестьяне – участники Пятинского восстания: Павел Алексеевич Тюрин, Иван Никитич Уваров (камера № 1). Александр Кузьмич Сулакин из с. Пятина принят 17 ноября 1918 г., 18 ноября были доставлены Степан Костерин, Иван Зиканов, Иван Гордеев. 20 января 1919 г. из с. Ромоданова в тюрьму был этапирован Андрей Костерин. 22 января была доставлена наиболее многочисленная партия: восемь крестьян из д. Михайловка – Иван Васильевич Ушанов, Василий Архипович Зернов, Степан Андреевич Агапов,

Павел Ефимович Зернов, Николай Григорьевич Шубин, Николай Алексеевич Сулакин, Константин Филиппович Зернов, Алексей Иванович Макаров. Одновременно прибыли арестованные Иван Касицын, Алексей Матвеевич Троильников, Петр Кирпичников, Семен и Иван Троильниковы, Алексей Семенович Троильников, Иван Кирин, Алексей Тюрин. Максим Иванович Минеев и Николай Михайлович Давыдов – крестьяне с Михайловка Протасовской волости – доставлены 11 февраля 1919 г. Всего же по делу Пятинского восстания в Саранской тюрьме находилось 25 человек.

Стоит отметить, что репрессивные меры достаточно часто затрагивали крестьянские семьи. Так, из семей Троильниковых и Шекиных отбывали тюремный срок 4 человека, Зерновых – 3, по двое были арестованы и посажены в семьях Сулакиных, Костеринных, Луговых, Алятиных, Козловых.

Говоря о причинах Ладско-Пятинского восстания, помимо объективных моментов, связанных с общей продовольственной политикой советской власти, стоит отметить субъективный фактор и охарактеризовать личность А.Я. Лусс, которой суждено было сыграть в событиях ноября 1918 г. одну из главных ролей.

Анна Яковлевна Лусс родилась в 1897 г. в Латвии. В партию большевиков вступила в 19 г. Участвовала в революции 1917 г. в Москве, позднее работала в ЦК РКП (б), газете «Известия ВЦИК», обучалась военному делу в Латышской секции. Летом 1918 г. она была направлена Московским комитетом РКП (б) и Наркоматом по военным делам в Пензенский губернский военкомат в качестве агитатора. На месте она становится уполномоченной губпродколлегии и откомандировывается во Владимирский продотряд. Вскоре она начинает играть в деятельности отряда основную роль. Не случайно в документах и свидетельствах очевидцев постоянно фигурируют термины «отряд Анны Лусс», «комиссар Анна Лусс», «по приказу Анны Лусс». Именно в эти месяцы достаточно ярко проявились ее характер и склонность принимать форсированные решения, попахивающие авантюризмом, что можно представить на примере случая в Наровчате в октябре 1918 г.

В ночь на 1 октября 1918 г. вооруженный отряд во главе с А.Я. Лусс и начальника отряда Пикерман, совершив марш из Троице-Сканового монастыря, где он был расквартирован, оккупировал Наровчат, захватил «все учреждения, телефон и телеграф», в полном составе была арестована УЧК. На переговоры с А.Я. Лусс прибыл представитель уездного совета, который потребовал разъяснить сложившуюся ситуацию. На заседании уисполкома 2 октября он доложил: «Я задал вопрос т-щам Пикерман и Лусс, на каком основании они, имеющие широкие полномочия по продовольственному вопросу, пользуются вооруженной силой не по назначению, внося в спокойствие города и уезда тревогу, создающую массу толков, что нарушает неуклонную борьбу во всех отраслях

нации Советской Республики». В ответ прозвучала грубость и отказ в объяснении действий отряда. Представителю совета удалось переломить ситуацию: опираясь на вооруженную силу, он заявил о контрреволюционном характере выступления. После часовых переговоров «отряд Пикермана и Лусс, сняв с постов свою охрану, вернулись в место своей стоянки». 2 октября 1918 г. по распоряжению председателя Наровчатского укома РКП (б) Р.П. Гришаева около часа дня А.Я. Лусс была арестована до расследования действий применения вооруженной силы, ни на чем не основанных. Р.П. Гришаев заявил, «что подобные действия не укрепляют революцию и Советскую власть, а умножают ряды контрреволюции, влекущие за собой серьезные осложнения революционной работы и замешательство в единую семью рабочих и крестьян... Таким лицам, как Лусс и Пикерман... опасно давать такие широкие полномочия». В ответ на арест А. Лусс Пикерман потребовал ее освобождения, угрожая применить оружие. Для переговоров с местными властями был отправлен представитель отряда Кедик, который просил освободить А.Я. Лусс как необходимого работника по проведению изъятий излишков хлеба. Он подчеркнул: «Если же испокон не выпустит товарища Лусс, я не знаю, что произойдет, и боюсь за последствия». После долгих прений Наровчатский исполком принял решение считать выступление под руководством А.Я. Лусс контрреволюционным и вносящим «замешательство в единых революционных рядах, создавая почву по городу и уезде всем врагам советской власти для использования случая». Исполком обратился в Пензенский губисполком и губком РКП (б) с просьбой произвести расследование и «навсегда пресечь преступное явление и использование полномочий на руку контрреволюции». А.Я. Лусс была освобождена из-под ареста на поруки с условием ее недопущения до руководства отрядом впредь до итогов расследования⁴⁷. Однако данные условия не были выполнены: уже через несколько дней она вновь вошла в состав руководства продотряда, и ее нетерпимость, взрывной характер, самоутверждение идей через беспощадное насилие в конечном счете способствовали возникновению противостояния в Ладе.

Подводя итог выступлению 1918 г., стоит отметить отчетливое присутствие единства интересов зажиточного крестьянства и бедноты, выступавших в это время единым фронтом в борьбе с властью. В волнениях в с. Гумны, с. Яковщина и Ладско-Пятинском крестьянском выступлении просматривается общность интересов всех слоев крестьян. Об этом свидетельствует хотя бы тот акт, что решения принимаются на сельских сходах, т.е. большинством крестьян, что противоречит их якобы кулацкому характеру. Движения происходят под лозунгами свободной торговли хлебом, прекращения насилия и грабительских реквизиций имущества на условиях безэквивалентного обмена.

Помимо общих черт, присущих всем движениям в 1918 г. в крае, существуют некоторые особенности, которые можно выделить внутри

периода. Если весной 1918 г. движения носят внутридеревенский характер, преобладают противоречия между крестьянами в рамках одной общины, масштабы насилия ограничиваются небольшим количеством жертв среди противоборствующих сторон, то с осени 1918 г. картина меняется. Выступления приобретают массовый характер, выходят за рамки одного селения; отмечаются большим количеством жертв и более жестким характером.

Примечания

¹ См.: Кабытов П.С., Кабытова Н.Н. В огне Гражданской войны. Самарская губерния в конце 1917–1920 гг. Самара, 1997; Кабытов П.С. Вторая русская революция: Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2002.

² См.: Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 130.

³ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 112–113.

⁴ Научный архив НИИГН (далее НА НИИГН). И-129. Л. 62.

⁵ Там же. Л. 62.

⁶ Там же. Л. 73.

⁷ Там же. Л. 81.

⁸ Там же. Л. 63.

⁹ Умнов А. С. Гражданская война и среднее крестьянство (1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1959. С. 39; Гнутов М.А. 1918 год на родине Ленина. Саратов, 1987. С. 14.

¹⁰ НА НИИГН. И-129. Л.76.

¹¹ Там же. И-94. Л.13.

¹² Разинов В.К. В борьбе с контрреволюцией // За власть Советов: сб. воспом. Саранск. 1957. С. 70.

¹³ Советская Мордовия. 1967. 20 декабря.

¹⁴ НА НИИГН. И-129. Л. 80.

¹⁵ ЦГА РМ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 34. Л. 58; Д. 26. Л. 61.

¹⁶ Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1961. Т. 2. С. 73; Дорожкин М.В. Установление Советской власти в Мордовии. Саранск, 1957. С.244.

¹⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

¹⁸ ГАНО АФ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 47. Л. 369, 372, 380.

¹⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 16. Л. 1098; Д. 8. Л. 33,170.

²⁰ Пономарев А.Г., Исаев Н.П. Борьба за власть Советов в Темниковском уезде // Незабываемые годы. Саранск, 1967. С. 226.

²¹ Там же. С. 226–227.

²² Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 96.

²³ Сластухин Н. Паша // Живы в памяти народной. Саранск, 1980. С. 85.

²⁴ ВЧК уполномочена сообщить... Жуковский. М.: Кучково поле, 2004. С. 57.

²⁵ Пфафродт Г.И. Жизнь, отданная борьбе // Незабываемые годы. Саранск, 1967. С. 110.

²⁶ Левина А.П. Зарево над Яковщиной // Коммунист (Инсарский район). 1967. 8 июля. С. 4.

²⁷ Там же.

²⁸ Пфафродт Г.И. Указ. соч. С. 110.

²⁹ Левина А.П. Указ. соч.

³⁰ Там же.

³¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 27. Л. 230 об.

³² Бестужев-Лада И.В. Свою счеты с жизнью. Записки футуролога о прошедшем и происходящем. М.: Алгоритм, 2004. С. 14–15.

³³ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 134.

³⁴ Там же. С. 136.

³⁵ Там же.

³⁶ Бестужев-Лада И.В. Указ. соч. С. 114.

³⁷ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 133.

³⁸ Щербинский Л.Ф. За власть Советов. Саранск, 1957. С. 58.

³⁹ Мордовия в период упрочнения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959. С. 134.

⁴⁰ Там же. С. 135.

⁴¹ Там же. С. 137.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 134–135.

⁴⁴ Баркина Л. Тревожная осень 1918 // Странник. 1998. № 1. С. 211.

⁴⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. 1918–1922 гг. Т. 1. М., 1989. С. 307–309.

⁴⁶ Кирдин А. Кто кого победил? // Мордовия – 7 дней. 1997. 24–30 апреля.

⁴⁷ ЦГА РМ. Ф. Р – 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 460–464.

Социальные процессы в советской деревне в контексте мобилизационной модели экономического развития**

Тысячелетиями и веками человечество развивалось в рамках аграрной цивилизации, где сельское хозяйство являлось основой жизнедеятельности, жизнеобеспечения и функционирования всего общества — независимо от этносоциокультурной, религиозной, геополитической и т.п. специфики стран и народов, а подавляющее большинство людей проживало в сельской местности. Некоторые исключения квазигородских цивилизаций древности и средневековья лишь подтверждают правило: они основывались на торговле и ремеслах, но жили за счет интенсивного обмена с окружающими их аграрными странами.

В эпоху индустриальной модернизации судьба деревни во всех странах оказалась предрешена: промышленность превращалась в доминирующую сферу экономики, на определенном этапе смены технологий развернулась индустриализация и самой деревни, крестьянство как сословие средневековья и доминирующий производитель сельхозпродукции сменялось фермерством — социально-экономической категорией капиталистической эпохи. Новые формы организации аграрного производства и рост производительности труда в сельском хозяйстве, с одной стороны, вытесняли «лишние» рабочие руки из села, а потребность в «рабочей силе» промышленности и других городских отраслей, с другой стороны, «втягивали» сельских жителей в быстрорастущие города. Урбанизация — превращение общества из сельского в городское — являлась социальной стороной процесса превращения аграрного общества в индустриальное. Темпы этих процессов в разных странах различались, но сами тенденции оказались универсальными, распространяясь от западных центров индустриальной модернизации к окраинам Европы и далее к мировой периферии — бывшим колониям и зависимым странам.

Россия оказалась в «промежуточном», втором эшелоне индустриальной модернизации. Она вынужденно развивалась по пути догоняющего развития, форсируя его темпы, заимствуя опыт, формы организации экономической и социальной жизни, технологии Запада, чем во многом и обусловлен весь драматизм исторического пути нашей страны в новой и новейшей истории. Ведь отставание в экономическом развитии озна-

* © Сенявский А.С., 2011

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348а.

чало угрозу безопасности, самому существованию российской государственности и даже российской цивилизации в далеко не дружественном внешнем окружении, которое сопровождало Россию в течение всей ее истории. А насильственное форсированное «вламывание» в традиционную жизнь общества, слом его устоявшихся форм и уклада, вызывало огромную социальную напряженность, которая усиливалась деятельностью активных социально-политических сил в рамках элиты и «образованного общества», расколотых по вопросу о путях развития страны. Одни звали в будущее, но чужое, другие — в свое, но прошлое. С последней трети XIX в. европеизированный капитализирующийся город постепенно все больше стал противостоять традиционной общинной деревне, которую также разъедали новые веяния. Но даже в конце XIX века аграрная экономика доминировала, а горожане составляли около 12% от всего населения. Поэтому именно нерешенный (и десятилетиями не решавшийся, а только обострявшийся аграрный вопрос) оставался главным предметом напряжения в обществе и источником революционных потрясений.

История России XX века — это история неизбежно уходящей в прошлое деревни, подчиненной «ходу вещей», история страны, переживавшей переход от преимущественно аграрной экономики к индустриальной, от доминировавшей сельской системы расселения — к городской, от деревенского образа жизни — к урбанизированному. Это история вытеснения ранее преобладавшей в обществе социальной категории — крестьянства — городскими слоями. Короче говоря, это история перехода от преимущественно аграрного к индустриальному, от сельского к городскому обществу со всеми вытекающими для деревни последствиями: вытеснением на вторые роли в области экономики, социальном статусе, месте в социальной структуре, образе и качестве жизни, проникновением индустриальных и «урбанизированных» явлений в село и т.д.

И неизбежность, и драматизм этого перехода понимали многие. В России он осуществлялся в контексте грандиозных трансформаций и социальных потрясений: отмены крепостного права Великой реформой 1861 г., становления капитализма и осуществления имперской либерально-консервативной модернизации страны с доминирующими тенденциями ориентации на западные образцы (реформы Витте, Столыпина). Он шел в контексте революций 1905 и 1917 гг. не только как следствие успехов капиталистической трансформации традиционного общества и порожденных ею противоречий, но и как форма сопротивления традиционного общества наступлению либеральных западных ценностей и форм организации жизни.

Трудно определить начальный рубеж грандиозного процесса трансформации российского общества из аграрного состояния в индустриальное, из сельского в городское. До 2-й половины XIX века процесс шел медленно и эволюционно, в XX веке — форсированно, радикально,

скачкообразным и взрывным образом, особенно в 1930-е — 1970-е годы. И это не случайно.

Имперская либерально-консервативная модель развития, имея ряд конкретных успехов на пути индустриальной модернизации, в целом обернулась стратегическим провалом, ибо привела к революционным потрясениям, а в 1917 г. — к развалу государства, страны, существовавшей системы.

Россия как государство и цивилизация воссоздавались уже иными социально-политическими силами и на иных социально-экономических и политических основаниях. Однако леворадикальные силы в лице партии большевиков, пришедшие к власти и победившие в Гражданской войне, встав на позиции государственников, вынуждены были решать все те же проблемы индустриальной модернизации, однако в стране, разоренной Первой мировой и гражданской войнами, отброшенной разрухой в экономическом развитии на десятилетия назад.

Именно общественная система, сформированная после 1917 года, являлась той средой, в рамках которой, собственно, и проходили основные стадии индустриального и урбанизационного «переходов» страны. Большинство городов как полифункциональные поселения с экономической структурой, базирующейся на индустриальных отраслях производства, сформировались, приобрели свой социально-экономический статус городского поселения уже при советской власти. Так, к 1989 г. на территории СССР за годы советской власти было образовано более 1300 городов при общей численности 2190, то есть почти 2/3 всех городов, и в основе их образования также лежали преимущественно экономические процессы. Остальные, сохранившиеся с дореволюционных времен, радикально изменились по своему месту в обществе, функциям, численности жителей, градообразующим составляющим и другим параметрам.

Вместе с тем преемственность советской индустриализации и урбанизационного процесса относительно дореволюционных была в значительной степени неизбежной в силу географических, геополитических, социокультурных и ряда других условий. Этот комплекс объективных факторов во многом предопределил и специфику советской индустриальной модернизации, в значительной степени унаследованной от старой России, включая и урбанизационный процесс.

Стартовые позиции, с которых началась советская урбанизация, оказались очень трудными и невыигрышными. Революция, гражданская война катастрофическим образом отразились на положении российского города. С 1913 по 1920 гг. городское население на всей территории СССР сократилось с 28,5 до 20,9 млн человек, или на 26,7%, а на территории РСФСР — с 15,7 до 12,6 млн, то есть почти на 20%. Доля городских жителей в составе населения по СССР сократилась с 17,9% в 1913 г. до 15,3% в 1920 г. в целом по СССР и с 17,9 до 14,2% на территории РСФСР (в границах 1990 г.)¹. Потери городского населения были осо-

бенно ощутимы в Европейской России, где были сосредоточены наиболее крупные промышленные центры, пострадавшие от разрухи. С 1917 по 1920 гг. городское население региона сократилось на одну четверть (9,2 млн в 1920 г. против 12,7 млн в 1917 г.), а Москва и Петроград потеряли около 60% своих жителей². Лишь с началом НЭПа, оживившим торговлю и промышленность, города стали возрождаться, что вело и к постепенному увеличению численности городского населения. Быстрее других регионов восстановление городов и городского населения происходило в Европейской России, где с 1920 по 1923 гг. прирост городского населения составил 18,3% (на Украине – 7,1%), однако в некоторых частях страны численность городского населения почти не менялась (Северный Кавказ, Дагестан), а в Поволжье, пострадавшем в 1921 г. от голода, еще более сократилась. Таким образом, в период гражданской войны происходила «ситуационная дезурбанизация», а в условиях НЭПа – преимущественно восстановление городов и городской жизни, в чем-то даже возвращение к дореволюционным механизмам городского развития. Однако восстановить дореволюционную численность городского населения не удалось в целом по стране даже к 1926 г. (1913 г. – 28,4 млн, 1926 г. – 26,3 млн). А ведь урбанизационные процессы являлись прямым следствием процессов экономических.

НЭП явился инструментом оживления и восстановления разрушенной военными и революционными потрясениями экономики, в основном на базе загрузки созданных еще в дореволюционный период производственных фондов. Однако перед страной стояли принципиально иные задачи, вызванные к жизни не только установками партии на «строительство социализма», но более прагматичными задачами укрепления обороноспособности СССР ввиду враждебного «капиталистического» (а в большей степени геополитического) окружения, витавшей в воздухе опасности «большой войны».

Поэтому судьба НЭПа была предрешена не столько идеологическими причинами, сколько военно-экономическими. Выполнив свою функцию инструмента «реанимации» народного хозяйства, он не мог стать эффективным инструментом развития, тем более ускоренного, форсированного, который настоятельно требовался реальными потребностями страны. На смену модели «оживления» экономики должна была прийти модель «мобилизации». Впрочем, и она отнюдь не была изобретением большевиков и их наследника И.В. Сталина. И в дореволюционной России применялись отдельные мобилизационные механизмы (например, при форсированном развитии железнодорожной сети, имевшей не только экономическое, но и военно-стратегическое значение; особенно в условиях Первой мировой войны для обеспечения задач снабжения армии, а затем и в целом обеспечения функционирования экономики). Мобилизационный опыт «военного коммунизма» также имел мобилизационную природу, но он был направлен не на развитие, а на выжива-

ние возникшего на развалинах империи Советского государства в условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

В конце 1920-х – 1930-е гг. альтернативой мобилизационной модели форсированного развития были утопические идеи (обсуждавшиеся как в партии, так и в околопартийных кругах), например, Чаянова и других, предлагавших включение крестьянских хозяйств в индустриальное общество через потребительскую кооперацию и т. п. Однако сложившаяся в результате революции хозяйственная система деревни в целом была тупиковой. Декрет о земле в ноябре 1917 г. и «Основной закон о социализации земли» в январе 1918 г. передавали право распоряжения землей волостным земельным комитетам и уездным советам крестьянских депутатов. Уравнительность землепользования и периодические переделы, унаследованные от общины, обрекали хозяйства на бесконечное дробление и увеличение маломощности. И если сначала, из-за освоения крестьянством помещичьих и др. земель, основной тенденцией было «осереднячивание» (причем с двух сторон: уменьшение числа как бедняцких, так и кулацких хозяйств), то с 1928 г. проявились новые тенденции – увеличение доли хозяйств без рабочего скота и пахотного инвентаря. При этом, как показало выборочное обследование летом 1929 г., подавляющее большинство крестьян видело свои перспективы в развитии индивидуального хозяйства: 92,3% хозяйств хотели вести общинную форму землепользования, 6,5% – коллективную и 1,2% – участковую³.

Преобладающие настроения крестьянства как средневекового сословия явно противоречили задаче рывка к индустриальному обществу, которая была не столько следствием идеологических установок коммунистической партии, сколько ситуации «исторического цейтнота», с которой столкнулась страна в результате всего предшествующего развития. И курс на форсированную индустриализацию – в теснейшей связке с коллективизацией на селе – был вынужденным прагматическим решением власти, возложившей на себя ответственность за судьбу страны.

Все иные альтернативы были либо полностью утопичны, либо много хуже. Даже при самых благоприятных условиях реализация их была рассчитана на многие десятилетия. Все альтернативные идеи имели мало общего с грубой социальной реальностью, требовавшей преодоления отставания одним быстрым рывком. И главными были не только и не столько внутренние сложные процессы (которые тоже, при стагнирующих тенденциях НЭПа, снижении товарности крестьянских хозяйств, периодически обострявшихся противоречиях между городом и деревней, угрожали социальными потрясениями), сколько международный контекст существования СССР и в специфических исторических формах. Внешняя угроза в решающей степени предопределила выбор путей преобразований. Ее прекрасно понимала власть. Откуда и кем будет нанесен удар? Его ждали отовсюду. Советская элита чувствовала нарас-

тавшую внешнюю угрозу. Советская Россия вполне обоснованно опасалась угрозы со стороны соседей. Нам сегодня удивительно, но как реального, опасного врага рассматривали даже Польшу, а также Финляндию, Румынию и другие страны, за которыми в действительности стояли крупные западные державы. Вполне реальной была и японская агрессия. Особенно реальные очертания внешняя угроза обрела после прихода к власти Гитлера в Германии.

Внешнюю угрозу предвидел Сталин, который в 1931 г. заявил: «...Мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим. История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...»⁴ «Нас» — это не только коммунистов, стоявших у власти, но и страну. А как может рассыпаться страна, историческая Россия, мы наблюдали и в 1917–1920 гг., и в 1991 г. А впереди — через 10 лет — был 1941 год...

Вот где корень курса на форсированную модернизацию под названием развернутого «социалистического строительства», «социалистического наступления» и т.п. НЭП как период восстановления и относительного застоя сменился курсом на форсированную индустриализацию, который реализовывался в рамках «мобилизационной модели» экономического развития, и в нем деревне отводилось свое место.

* * *

Прежде чем говорить о мобилизационной экономике, следует определиться с тем, что же такое экономика вообще. Производство материальных благ (при всей значимости сегодня «производства информации») — основа жизни любого общества, поэтому оно — ключевой момент для понимания экономики. Термин «экономика» происходит от греческого слова, означавшего рациональное ведение домашнего хозяйства, что в дальнейшем было распространено на хозяйство целых стран и народов. Экономика в интересующем нас контексте имеет два основных значения: 1) совокупность производственных отношений конкретных обществ, включающих также обмен и распределение; 2) народное хозяйство данной страны или его часть, включающая, в частности, соответствующие отрасли и виды производства. Нас в основном интересует экономика в первом значении, тогда как во втором она является средой и предметом экономических отношений.

Экономику следует рассматривать только как часть общественного организма, обеспечивающую его жизнедеятельность и жизнеспособность. А способы этого обеспечения могут быть разными, причем в этом деле возможны два полярных и множество промежуточных вариантов. Один полюс — это предельная свобода многочисленных производителей (они же — собственники), выходящих на рынок для обмена результатами своего труда (как, например, в античных демократических городах), и жесткое

регулирование отношений производства, обмена, распределения верховной властью, которая является также верховным собственником (пресловутый «азиатский способ производства»). Но что интересно: все демократии античности раньше или позже подпали под власть тирании, и даже Древний Рим перешел к централизованному распределению хлеба в эпоху императоров. Азиатские общества в действительности имели патерналистскую идеологию, в которой верховная власть — при крайне низком прибавочном продукте и рискованном характере земледельческого производства — обеспечивала «подушку безопасности», накопление стратегических резервов продовольствия и других ресурсов на случаи катаклизмов — неурожая, войн и т. п. экстремальных ситуаций. «Свободный рынок» ориентирован на получение прибыли, а значит, и расширенное воспроизводство, которое не срабатывает в экстремальных ситуациях. Но в том-то и дело, что некоторые общества постоянно живут в экстремальной ситуации, на грани выживания — по разным причинам, природным и социальным.

В конечном счете в истории каждым конкретным обществом модель экономического развития выбирается та, которая обеспечивает ему лучшие условия существования, или, если общество ошибается, оно гибнет — как самостоятельное государство, этнос, даже цивилизация.

Экономическое развитие никогда не бывает самоценным, самодостаточным, а всегда определяется совокупностью условий и факторов разного порядка, внутренних и внешних, некоторые из которых относительно стабильны для данной страны (природно-географические и климатические условия, базовые цивилизационные параметры), другие условия — относительно устойчивы, но могут меняться с течением времени (размер территории, социокультурные характеристики, внешнее окружение), третьи могут быть ситуационными, хотя нередко — судьбоносными (например, соотношение сил на региональной или мировой арене, международная экономическая конъюнктура и др.). В случае действия, временного или постоянного, совокупности неблагоприятных условий и факторов общество начинает жить в режиме выживания, когда ресурсы, даже часть необходимых для нормального функционирования отдельных членов общества, концентрируются для решения задач выживания общества как целого. Это бывают экстренные ситуации, например, войны, голод, природные катаклизмы, и ситуации длительного порядка, даже постоянные, если общество живет в экстремальных природных условиях. Существование России как цивилизации отличалось тем, что она рождалась и развивалась в контексте постоянного действия неблагоприятных факторов (природная среда, рассеяние в огромном пространстве населения, невыгодность многих видов производства и потери при обмене, агрессивное геополитическое окружение, и др.), которые дополнялись еще и неблагоприятными ситуационными факторами или экстремальной актуализацией постоянных неблагопри-

ятных факторов (природные катаклизмы, неурожай и голод, войны, и т. д.). Крайне высокие риски должны были быть уравновешены общегосударственной страховкой. Отсюда закономерная централизация власти и собственности, стремление к концентрации ресурсов в руках этой власти, ограничения инициативы частных «игроков рынка» и т. д. Отсюда — мобилизационные элементы в российской экономике на протяжении многих столетий, а в некоторые периоды — приобретение экономическим развитием собственно мобилизационного характера.

Экономика не существует «сама по себе», она — определенная часть общества как системы, а именно та его часть, которая обеспечивает материальные основы его выживания, функционирования и развития. Но поскольку общества исторически, социокультурно, территориально (по географическим, климатическим, иным природным условиям), «ресурсно», «масштабно», геополитически и т. д. очень различаются, то и их экономические механизмы различны, они могут быть адекватны или нет всему комплексу этих параметров, а также объективных задач конкретного общественного организма (страны) в конкретно-исторических условиях. Такова диалектика, ценившаяся в марксизме, «забытая» догматиками марксизма-ленинизма, особенно на последних этапах советской истории и практически не принимаемая во внимание современными общественными науками.

Однако, оказываясь в экстремальных ситуациях, экономики разных стран начинают действовать поразительно однотипно. Например, это было продемонстрировано в Первую мировую войну: «Мировая война резко, — пишет Мау В.А., — усилила потребность в координации деятельности всех участников хозяйственной жизни. Централизованное планирование экономики стало активно внедряться в практику основных воюющих держав, причем формирование этой системы шло как бы с двух сторон»⁵ — снизу, со стороны существующих представительных органов частного капитала, стремившихся сосредоточить в своих руках распределение военных заказов, и сверху, когда правительство создавало специальные органы для решения ключевых проблем функционирования военной экономики. «Именно этот путь и стал основным», — отмечает с огорчением данный либеральный автор, объясняя такое решение опасением власти, что подобные предложения крупных промышленников могут таить ей самой угрозу. Скорее другими опасениями, добавим мы, — непомерной алчностью промышленников, которые без зазрения совести наживались на казенных поставках, разоряя казну и мешая тем самым достижению мобилизационной цели в ситуации войны — достижению победы и выживанию собственной страны. «Основные задачи регулирования экономики в военный период правительство видело в четком обеспечении производства материальными ресурсами, а населения (и особенно армии) — продовольствием. ...На первое место выдвигались проблемы хлеба, вооружений, топлива и транспорта»⁶. Ры-

нок, как мы видим, в экстремальных условиях не справлялся, и власть вводила и госзаказы, и фиксированные цены, и ограничение свободы торговли, реквизицию продуктов и др. Тогда же было усилено налогообложение крестьянства. В Англии и Германии шли аналогичные процессы. Централизация (закономерно, подчеркнем мы) продолжалась и при Временном правительстве, которую пытались противопоставить ускорявшемуся распаду хозяйства, плановое регулирование приветствовали разные слои, включая предпринимателей.

Эстафета централизации была передана Правительству народных комиссаров. Даже либеральный экономист В.А. Мау признает, что военно-коммунистический эксперимент был не только продуктом программных требований радикальной социал-демократии, но стал «естественным этапом в поиске новой экономической системы, которым на самом деле жила вся страна» и «был подготовлен предшествующим развитием российского хозяйства...»⁷

После революции в России была создана собственная, национально ориентированная модель хозяйства, существенно отличавшаяся от западной либерально-рыночной и опирающаяся на социокультурные основы страны. Большевизм был «переварен» Россией, превратившись с 1930-х гг. — в политической практике — в разновидность «почвеннического» течения с леворадикальной марксистской риторикой. На деле он воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах страны, причем на ряде этапов не догоняющего, а опережающего развития. Если имперско-либерально-рыночная модель ранней индустриализации страны провалилась, то советская индустриальная модернизация в 1930-е — 40-е годы оказалась успешно реализованной на этатистской нерыночной основе. Иными по сравнению с Западом методами был получен аналогичный результат — становление раннеиндустриальной системы. Это свидетельствует о том, что советская смешанная двухсекторная государственно-кооперативная «нерыночная» модель была вполне адекватна задачам ранне индустриальной стадии.

Начиная с конца 1920-х гг. это была «мобилизационная экономика», то есть такая, которая была ориентирована на форсированное развитие за счет мобилизации основных ресурсов, концентрации их в руках государства (органов централизованного управления) и направления на решение ключевых задач, выдвинутых в данный период государственной властью. Особенность мобилизационной экономики заключается в том, что она была подчинена иным, внеэкономическим целям, в том числе стратегическим: «догнать и перегнать», «достигнуть наивысшей в мире производительности труда», «создать материально-техническую базу коммунизма», т.е. некоей идеальной модели общественного устройства на началах «социальной справедливости», в целом принятой большинством населения; тактическим: создать индустриальную базу экономи-

ки, провести «культурную революцию», поднять материальное благосостояние и т. п. Были и внешние цели, выходявшие на первый план: выжить и победить в «горячих» войнах и в «холодной войне».

Степень «автономности» советской экономики от этих, более общих и «высоких» внеэкономических целей была минимальной. По сути, она была включена, жестко «вписана» в единый общественный организм, который ряд политологов и идеологов называют «тоталитарной моделью». Оценка «тоталитарной» парадигмы выходит за рамки наших задач и в значительной степени находится в аксеологическом (ценностном) поле. Нас здесь советская модель интересует лишь с одной — прагматической — стороны, а именно ее способность мобилизовывать ресурсы для обеспечения фундаментальных интересов общества. В том числе то, как она обеспечивала выживание страны и общества в экстремальных ситуациях на грани «жизни и смерти» — в ситуациях войн и мирных периодов, которые на деле являлись состоянием балансирования «на грани» и требовали подчас не меньших мобилизационных усилий, чем состояния военных конфликтов. Ведь вся советская история была своего рода «экстремальным периодом», состоявшим из ряда этапов и по-своему подвергавшим испытаниям советскую экономическую модель.

В отличие от рыночной модели, советская мобилизационная модель опиралась преимущественно на государственную или максимально контролируемую государством общественную собственность, использовало преимущественно не категории материального интереса, выгоды и т. п., а совокупность внеэкономических механизмов (внеэкономическое принуждение, социальную мобилизацию). С внеэкономическим принуждением все относительно ясно («не хочешь — заставим» — эта формула применялась по отношению к «социально чуждым элементам», да и остальному «несогласному» населению и реализовывалась и в законодательстве, и в практике). Но этого было недостаточно. Для успеха в реализации выдвигаемых целей необходима была их добровольная и энергичная поддержка обществом, большинством населения, массовый энтузиазм, формы организации, объединяющие и направляющие широкие слои. Инструментами ценностно-психологической мобилизации являлись «советская» идеология и, на ее основе, агитация и пропаганда. Институтами социальной мобилизации были партия, общественно-политические и общественные организации (советы, профсоюзы, комсомол, творческие союзы и др. «приводные ремни»), экономические «ячейки» (предприятия: заводы, колхозы, организации и их трудовые коллективы). Формами социальной мобилизации в экономической сфере являлись трудовые почины, социалистическое соревнование и др., позволявшие использовать инициативу и творчество масс, выступавшие важным элементом мотивации труда. Следует отметить широту и системность охвата населения институтами, инструментами и формами соци-

альной мобилизации, которые в значительной своей части были включены в решение задач мобилизационной экономики.

По восходящей осуществлялось развитие советской экономики и в 1950-е – середине 1970-х гг., хотя и с угасанием темпов экономического роста. В этот период в мире происходила следующая волна модернизации, обеспечивавшая развертывание НТР, становление зрелого индустриального, а затем и постиндустриального общества. Решение задач этого этапа давалось советской экономике с трудом, хотя она вывела страну в лидеры по ряду направлений НТР (космос, новейшие вооружения, атомная промышленность и др.). Советская экономическая модель претерпела существенные изменения в рыночном направлении, хотя они и были не системны, половинчаты. Они повышали динамизм экономического развития, но на краткосрочный период. Вместе с тем оно было вполне успешным с точки зрения основных мировых показателей. Более того, можно сказать, что советская модель экономики была уникальна и высокоэффективна в решении задач, которые перед ней ставились. Она показала, что рыночная экономика далеко не универсальна, что иными способами можно достигать аналогичных или более существенных результатов.

Объективным критерием оценки любой хозяйственной системы могут быть только полученные экономические и социальные результаты. Такими критериями могут стать рост ВВП СССР в сравнении аналогичными показателями других стран за тот же период, изменение места экономики страны в мире. Так, ВВП СССР вырос с 1950 по 1980 гг. почти в 4 раза, что было существенно больше, чем в США, крупнейших европейских странах и уступало лишь Японии. Аналогичные сопоставления характерны для такого показателя, как ВВП на душу населения. В результате экономических успехов укреплялись и мировые позиции СССР, превратившегося именно в этот период в одну из двух сверхдержав, обеспечившую военно-стратегический паритет с США. Можно ли говорить о полной неэффективности такой экономики, такой хозяйственной системы?

Другой вопрос, что на новый модернизационный вызов при решении задач перехода к постиндустриальному обществу власть не смогла дать адекватного ответа, и прежде всего в экономической сфере. Ряд достоинств советской экономики на ранних стадиях превращался в недостатки в иных условиях.

* * *

Форсированное экономическое развитие СССР в рамках мобилизационной модели осуществлялось в огромной степени за счет человеческих и материальных ресурсов деревни.

Коллективизация деревни явилась частью этого курса, имея целью как обеспечить ресурсами задачу индустриализации, так и преобразо-

вать саму деревню не только в социалистическом, но и в современном индустриальном духе. Тактическая задача состояла в эффективном вовлечении материальных и людских ресурсов деревни в форсированную индустриализацию. Стратегическая задача — в индустриализации не только города, но и села. И советская власть эту задачу в значительной степени выполнила: уже через несколько лет сначала предоставили селу тракторы, затем — комбайны, новые технологии и научные методы земледелия, затем, через много лет после Великой Отечественной войны, начали создавать в 1960-е — 70-е годы агропромышленные комплексы, что, к сожалению, было сделано в ограниченных масштабах и недостаточно эффективно.

Деревня стала одним из важнейших источников средств и в условиях сталинской индустриализации 1930-х, и в условиях Великой Отечественной войны, и для послевоенного восстановления разрушенного народного хозяйства, для послевоенного развития индустрии, в том числе ВПК, столь значимого в условиях «холодной войны», которая не раз грозила перерасти в «горячую» термоядерную войну.

Можно привести немало цифр, характеризующих этот драматический процесс: и сокращение удельного веса сельского населения с почти 82% в начале 1920-х гг. до 26% в конце 1980-х гг.; и миллионные жертвы неоднократно охватывавшего страну голода. До революции голод был обычным явлением: отдельные регионы голодали почти каждый год, но самые крупные бедствия массового голода случились в 1891—1892 гг., начале 1920-х гг., начале 1930-х гг. Наряду с природными факторами у них были разные социальные причины, но жертвами становилось преимущественно сельское население.

В этом же ряду такие процессы, как вытеснение крестьян из деревни при одновременном притяжении городом: до революции — из-за аграрного перенаселения и социального расслоения; позднее нарастали и доминировали процессы притяжения городским образом жизни, формы набора трудовых ресурсов для строек индустрии и т. д. Социальное пространство деревни сжималось и трансформировалось. Крестьянство принесло наибольшие человеческие жертвы в двух мировых и гражданской войнах, вынесло на своих плечах наибольшие тяготы становления индустриального общества.

Судьба деревни везде оказывалась драматичной: происходило уничтожение деревни как традиционного уклада жизни, а крестьянства как «реликтового» сословия эпохи средневековья, замена «неэффективного» крестьянского производства «для жизни» — аграрным капиталистическим производством для максимального получения прибыли. Но там, где скорость изымания ресурсов из деревни для нужд городского развития была наибольшей, историческая драма деревни «сжималась» во времени в масштабах жизни одного-двух поколений и затрагивала поголовно все сельское население.

В Западной Европе — со времен английского «огораживания» — это значит — и максимальное сокращение сельского производительного населения, которое сегодня в развитых странах составляет 5–10% населения страны, а в наиболее развитых 2–3% фермеров кормят все остальное население.

Магистральным путем в индустриальную эпоху были индустриализация и урбанизация, причем не только города, но и деревни, ускоренные, преодолевавшие отставание страны. Ни столыпинская реформа, ни решение земельного вопроса по крестьянским наказам большевиками этого обеспечить не могли. Столыпинская реформа консервировала помещичье землевладение, обрекая крестьян на сотню лет мучительно-го социального расслоения, НЭП реализовывал крестьянскую тупиковую модель дробления наделов, усиления маломощности крестьянских хозяйств, модель стагнации, а не развития.

Советская «колхозная революция» была более ускоренным и, при всей жестокости методов коллективизации, в значительной степени «щадящим вариантом» перевода сельского хозяйства на индустриальные рельсы, вписывания деревни в индустриальное общество. В отличие от столыпинской реформы, она использовала общинные и квазиобщинные установки крестьян и формы организации жизни. Можно сказать, что советская колхозная (а частью и совхозная) модель аграрного производства, при всем драматизме судьбы советской деревни, во многом законсервировала и длительно сохраняла крестьянство как традиционную социальную категорию с его ментальностью и укладом жизни. И при этом, если сравнивать с западным фермерским хозяйством, была в масштабах общества весьма экономически эффективна. На современных западных фермеров работает мощнейшая инфраструктура, в том числе городская, и аграрный сектор практически везде живет на дотации государства, тогда как советские колхозы — вплоть до 1960-х гг. — отдавали обществу гораздо больше, чем получали от него, и лишь позднее вливания частично уравновесили или стали превышать отдачу.

Еще во второй половине 1920-х гг. в российской деревне основная хозяйственная деятельность строилась на основе возделывания небольших участков земли примитивными орудиями труда. Механизация и уж тем более электрификация труда, ставшие к тому времени привычными для передовых стран Запада, особенно США, практически отсутствовали. К 1927 г., когда на XV съезде партии был взят курс на коллективизацию, 25 млн крестьянских хозяйств имели в среднем 5 га пашни, одну лошадь, 2–3 работника при 5–6 едоках⁸. Коллективизация, лишавшая крестьян хозяйственной самостоятельности и ломавшая привычный уклад, вступала в противоречие с интересами наиболее зажиточной части деревни («кулачество») и вызвала довольно широко распространенное сопротивление. Сначала активное, а затем и пассивное. Тем не менее, в течение 1929–1932 гг. удалось коллективизировать преобладающую часть

крестьянских хозяйств, а ко второй половине 1930-х гг. коллективизация была в целом завершена.

Колхозам и совхозам теперь принадлежала подавляющая часть посевных площадей страны. Объединение крестьян в колхозы создавало крупные земельные массивы, которые можно и целесообразно было обрабатывать современной техникой — тракторами, комбайнами и др. Началась техническая модернизация сельского хозяйства, повышавшая производительность труда, обеспечивавшая высвобождение рабочей силы для индустрии, рост доходов крестьян. Но становление новой хозяйственной системы на селе и отладка ее взаимодействия с государством заняли несколько лет и проходили крайне драматично: разразился продовольственный кризис, усугубленный неурожаем 1932 г.; произошел массовый голод, от которого погибли миллионы крестьян, причем масштабы смертности до сих пор являются как предметом споров между специалистами, так и объектом политических спекуляций. Причиной массовой смертности от голода стали просчеты в экспортной политике государства: оно направляло для оплаты приобретаемой техники и технологии в целях индустриализации огромные объемы зерна за границу и заключало жесткие контракты на экспортные хлебопоставки без учета возможных неурожаев. Непосильные масштабы хлебозаготовок изыали из села не только «товарный» хлеб, но и посевной, необходимый для питания населения.

* * *

Всегда трудно жить в эпоху перемен, когда меняются привычные уклад жизни и быта, мировоззрение, система ценностей. Особенно трудно и больно, когда происходит их слом, быстрый и радикальный. Когда реальная жизнь безжалостными, но весомыми фактами вламывается в устоявшиеся, уходящие корнями во многие слои поколений прашуров уклад жизни, ценности и мировоззрение. Но именно это и произошло в России в XX веке, когда на протяжении жизни одного-двух поколений произошла глубочайшая трансформация — вытеснение деревни городом и становление городского, урбанизированного общества.

Нет оснований идеализировать колхозы и советскую коллективизацию. Но коллективизация деревни выполнила свои исторические задачи, обеспечив в связке с индустриализацией создание оборонного потенциала страны, оказавшегося способным выдержать Вторую мировую войну и победить фашистскую Германию, противостоять потенциалу почти всей Западной Европы.

Меняла коллективизация, особенно в контексте проникновения достижений индустриализации в деревню, и социальную жизнь села. Прежде всего, это относится к сфере трудовой деятельности крестьянства. Внедрение техники в сельскохозяйственное производство, механизация труда, с одной стороны, вели к специализации труда на селе, созданию

и распространению новых профессий, повышению квалификации достаточно широких категорий колхозного крестьянства; с другой — облегчали тяжелый физический труд и позволяли вовлекать женщин в общественное производство. Если в 1930 г. в колхозах количество женщин, вовлеченных в общественное производство, было вдвое меньше мужчин, то во второй половине 1930-х гг. оно сравнялось, хотя женщинам, как правило, предоставлялась более легкая работа и они больше мужчин были заняты в домашнем хозяйстве⁹. Этот процесс нельзя оценивать однозначно, но он шел в русле общемировых тенденций эмансипации женщин.

Постепенно начал заметно расти и уровень жизни колхозных крестьян. Конечно, этот рост мог быть существенно большим, но из деревни изымались огромные средства на решение общегосударственных задач — создание передовой индустрии прежде всего в целях повышения обороноспособности, ведь при общем среднегодовом росте промышленности в 7–12% собственно военная промышленность в предвоенные годы росла на 30–35% в год, а в отдельные годы и больше. Хотя и этого оказалось недостаточно для того, чтобы встретить начало Великой Отечественной войны во всеоружии. Проведенная форсированная индустриализация, невозможная без сопутствовавшей ей коллективизации деревни, обеспечила материальную базу победы, без которой не только СССР, но и в целом государственность составлявших его народов была бы уничтожена, да и сами народы подверглись бы порабощению и физическому уничтожению.

Колхозная деревня стала опорой и послевоенного восстановления экономики, а также поддержания обороноспособности страны в условиях одновременно развертывавшейся «холодной войны». Те draconические налоги, которыми обложили деревню после войны, были вынужденными. А вот хрущевские эксперименты над деревней, в том числе свертывание приусадебных участков (как и новый виток преследования церкви, и возобновление коммунистической экспансии, на которую стали тратить колоссальные средства), были скорее рецидивами троцкизма и «левого коммунизма», от проявлений которых в свое время давно избавился Сталин.

В течение XX века, преимущественно в советский период до начала 1990-х гг., произошли грандиозные позитивные сдвиги: радикально повысилась техническая вооруженность труда в деревне, уровень агрокультуры, качество жизни, в которую активно проникали городские черты (электричество, газ, бытовые приборы и т. д.). Изменились и сами сельские жители, получившие в советское время доступ ко всеобщему среднему образованию, современным профессиям. Да и в городе почти вся советская элита к 1970-м гг. — политическая, военная, интеллектуальная — была родом из деревни, большинство горожан родились на селе либо были детьми или внуками крестьян. Дорога для социального продвиже-

ния в советскую эпоху была весьма широко открыта для всех слоев. Стеная и жалуюсь на все драматические перипетии крестьянства, многие писатели-деревенщики и историки-аграрники забывают, как разительно стала отличаться деревенская жизнь 1970-х — 80-х гг. от жизни доминирующей части крестьянства в начале XX века. Неоднократные укрупнения хозяйств, вытеснение колхозов совхозами с государственной собственностью, но гарантированной зарплатой и социальным обеспечением, существенная техническая база при различном уровне технической вооруженности и эффективности производства, рост уровня образования и качества жизни сельчан — все это характеризовало основные тенденции развития села.

Вместе с тем из деревни в город уходила молодежь, ориентированная (в том числе средствами массовой информации и системой образования) на городские ценности, качество и образ жизни. Широко распространились пьянство, нежелание трудиться в государственном и колхозном секторах. Крестьянин вообще утрачивал тягу к крестьянскому труду. То есть процессы были весьма противоречивы.

* * *

Можно сколько угодно ностальгировать по поводу исчезновения старой традиционалистской деревни, ее жизненного уклада, быта, ценностей, культуры, мироощущения и т. д., но факт остается фактом: крестьянство в современном обществе — как сословие общества традиционно — обречено.

Советская колхозная модель в чем-то ускорила этот процесс «раскрестьянивания» деревни, а в чем-то затормозила его, «законсервировала» крестьянство — пусть и в специфических формах, но с опорой на традиционную коллективистскую квазиобщинную ментальность.

Жертвы российского крестьянства в XX веке не были напрасными. Они помогли сохранить Россию как независимое государство во Второй мировой войне и предотвратить перерастание «холодной войны» в термоядерную войну. И вопрос состоял отнюдь не только в идеологическом противостоянии двух систем и военно-политических блоков, но, главным образом, в геополитическом противостоянии с Западом. Поэтому при всем нашем осуждении крайних насильственных мер в отношении села в эпоху коллективизации нужно подчеркнуть, что жертвы, принесенные всей страной и особенно российской деревней для обеспечения индустриальной и военной мощи, отнюдь не были напрасными: они позволили уберечь страну, по крайней мере часть ее исторического ядра, от уничтожения; сохранить народы, живущие сегодня на «постсоветском пространстве». После «лихих 1990-х» и стагнирующих нулевых дальнейшая судьба российского села, включая его социальное развитие, зависит от общегосударственных перспектив России, от того, сумеет страна действительно встать на рельсы нового этапа модернизации.

ции или дело ограничится абстрактными призывами и разговорами об «инновациях». Если же всерьез будет взят курс на модернизацию страны, без учета исторического опыта советской мобилизационной модели развития не обойтись, включая и аграрную сферу.

Примечания

¹ См.: Население СССР. 1987: стат. сб. М., 1988. С. 8.

² Жиромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 45.

³ См.: Солдаткин А.П. Крестьянский мир и Советская власть накануне «Великого перелома» // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 387–388.

⁴ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 13. С. 38–39.

⁵ Мау В.А. Очерки становления централизованного государственного управления хозяйством России // Экономическая история: хрестоматия. Т. 1. М., 2007. С. 432.

⁶ Там же. С. 432–433.

⁷ Там же. С. 435–436.

⁸ Наухацкий В.В., Денисов Ю.П. Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции. Ростов н/Д., 2009. С. 16.

⁹ 20 лет Советской власти: стат. сб. М., 1937. С. 93.

*О.М. Вербицкая**

Коллективизация деревни в условиях становления советской мобилизационной экономики**

Для того чтобы выстоять в экономическом и военном противостоянии с Западом, советское руководство во второй половине 1920-х гг. разработало план индустриальной модернизации. Сложность реализации цели требовала использования чрезвычайных средств и чрезвычайных же организационных форм.

Аграрный сектор должен был стать одним из важнейшим компонентов мобилизационной экономики, для чего предстояло осуществить

* © Вербицкая О.М., 2011

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №10-01-00348а.

коллективизацию сельского хозяйства, крайне отсталого в техническом отношении. В планы массовой коллективизации сельского хозяйства входило скорейшее преобразование неуправляемой стихии индивидуальных крестьянских хозяйств в организованные сельскохозяйственные артели — гарантированных поставщиков сельхозпродукции для нужд индустриализации, городов и армии, а также активизация на этой базе процесса технического обновления аграрного производства.

Во второй половине 1930-х гг. коллективизация сельского хозяйства в основном была завершена. В исторически короткие сроки и преимущественно в принудительном порядке в СССР был создан колхозный строй. Но для приведения в действие созданной за годы коллективизации производственной системы «государство — колхозы» требовалась отработка не только соответствующей юридической базы, но и экономического механизма в сельском хозяйстве, что было достигнуто далеко не сразу, а лишь через несколько лет. Они стали для деревни временем огромных страданий и болезненной ломки прежнего социально-экономических уклада.

Подавляющее большинство крестьян-единоличников вступало в колхоз под нажимом властей, а значительное число колхозов создавалось сверху, директивным путем, без достаточной материально-технической базы. Экономическая и организационная слабость таких сельскохозяйственных артелей вынуждала руководство страны задумываться об их укреплении. В течение 1930—1934 гг. были приняты законы, упорядочивавшие колхозную жизнь, нацеленные на охрану социалистической собственности, внедрение МТС в колхозное производство и регламентировавшие основы их взаимоотношений и др.

В целом осуществление форсированной по масштабам и насильственной по форме коллективизации крестьянских хозяйств на первых порах значительно дезорганизовало хозяйственную жизнь деревни. В 1929 г. из-за продовольственных затруднений и нехватки хлеба в СССР была введена карточная система распределения продовольствия для рабочих и служащих, преимущественно в городах, которая просуществовала до 1935 г. В условиях дефицита продовольствия, угрожавшего серьезными социально-политическими последствиями, советская власть была вынуждена пойти на частичное внедрение некоторых рыночных элементов и товарно-денежных отношений. Так, с целью большего насыщения рынка хлебом СНК СССР и ЦК ВКП(б) в мае 1932 г. разрешили крестьянам продажу излишков зерна на базарах, причем по рыночным ценам, складывающимся в соответствии со спросом и предложением. Однако большого распространения рыночная торговля хлебом получить не могла.

В начале 1930-х гг. хлебозаготовительная политика правительства ужесточилась. Несмотря на сокращение производства хлеба в 1931—1932 гг., оно всемерно наращивало объемы хлебозаготовок. При этом

зерно, полученное у колхозов, оплачивалось по низким государственным ценам, не покрывавшим и четверти производственных затрат¹.

Свою главную задачу в деревне советское руководство видело исключительно в создании запасов хлеба для внутреннего потребления и реализации на внешнем рынке. Одной из наиболее трагических страниц коллективизации стала борьба вокруг хлебозаготовительных планов. Стремясь побыстрее рассчитаться с обязательствами по торговым договорам с границей, советская власть проявляла в деревне чрезвычайно высокую требовательность к постоянному наращиванию объемов изымаемого хлеба, однако стремилась достигать этого не за счет прироста зернового производства, а исключительно посредством его массовых мобилизаций и конфискации.

Вскоре из-за непомерно высоких объемов государственных заготовок, практически полностью лишивших колхозы и единоличников хлеба и другого продовольствия, в СССР разразился острый продовольственный кризис, усиленный неурожаем 1932 г. Это привело к массовому голоду в основных центрах зернового производства – на Украине, Кубани, Дону, Южном Урале, в Поволжье и Казахстане. За советскую индустриализацию крестьянство заплатило высокую цену – миллионы голодных смертей².

Таким образом, в деревне в начале 1930-х гг. создалось крайне тяжелое положение – ее основные производительные силы были разрушены, произошли дезорганизация и упадок, массовая гибель производителей сельскохозяйственной продукции вследствие репрессий, депортаций и голода. Не удивительно, что задания первой «сталинской» пятилетки по развитию сельского хозяйства, которые были рассчитаны с надеждой на существенный прирост благодаря предстоящему «великому перелому», ни по одному показателю выполнены не были³.

Что касается самих колхозов в это время, то в них действовал лишь механизм изъятия государством зерна и другой продукции, в то время как сколько-нибудь четкая система не только оплаты, но и организации труда в них полностью отсутствовала⁴.

Сталинское руководство страны осознавало всю опасность создавшегося положения и важность скорейшего выхода из кризиса. Важно было хоть в какой-то степени восстановить доверие крестьян к советской власти и колхозам, помочь им навести порядок в организации и оплате труда. А главное – предстояло наладить механизм неэквивалентного обмена между городом и деревней, который обеспечивал бы выгодный и бесперебойный поток зерна и прочей сельскохозяйственной продукции из колхозов в государственные закрома. Взамен этого государство рассчитывало в необременительном для себя объеме поставлять крестьянам машины, тракторы и комбайны, способные облегчить их труд на самых тяжелых участках земледельческих работ.

Начинать было решено с законов, обещавших крестьянам прекращение хлебозаготовительного беспредела. Новый закон от 19 января 1933 г. «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», принятый СНК СССР и ЦК ВКП(б), своими положениями закладывал основы новой структуры управления производственной сферой села. С этого времени ранее действовавшая договорная (контракционная) система заготовок зерновых культур отменялась и вместо нее вводилась новая форма — твердые обязательства по сдаче зерна государству (имевшие характер налога) в соответствии с предварительно установленными ценами. Это был принципиально важный шаг на пути превращения колхозов в элемент плановой экономики, а также в сторону упорядочения командных форм руководства колхозами.

Новые условия государственных поставок содержали элемент некоторой упорядоченности и системы. По сравнению с 1930 и 1931 гг., когда хлебозаготовки в хозяйствах колхозов и крестьян проводились, подобно бескомпромиссным продрозверсткам эпохи «военного коммунизма», т. е. вплоть до последнего зернышка, новое законодательство все же ставило преграды административному беспределу. В случае невыполнения установленных обязательств для колхозов предусматривались денежные штрафы, а для единоличников — судебная ответственность. Функции налогового аппарата в системе госпоставок передавались Комитету при СНК СССР по заготовкам сельскохозяйственной продукции (Комзаг) и его органам на местах⁵.

Вскоре были приняты аналогичные законы об обязательных поставках колхозами и единоличными крестьянскими хозяйствами подсолнечника, картофеля, риса и животноводческих продуктов. Все эти законоположения исходили из средних норм сдачи продукции с запланированных площадей посева, а по животноводческой продукции — из общей численности поголовья скота по твердым государственным ценам⁶.

С января 1934 г. продовольственный фонд страны, кроме обязательных государственных поставок от всех аграрных производителей, стал пополняться и такой формой, как закупки продовольствия и децентрализованные заготовки сельскохозяйственной продукции у крестьян на добровольной основе, которыми занимались органы потребительской кооперации. Цены на хлеб при закупках устанавливались на 20–25 % выше заготовительных. Эти меры также преследовали цель поднять уровень товарности сельскохозяйственной продукции⁷.

В середине 1930-х гг. закупки и увеличение продаж на колхозных рынках привели к некоторому оживлению товарно-денежных отношений в деревне. Это дало основание некоторым западным, а вслед за ними и российским ученым говорить о своеобразном «неонэпе», т. е. о частичном возрождении элементов рыночной экономики в эти годы⁸, хотя цены, по которым продукты закупались у крестьян, были лишь

немногим выше тех «чисто символических» заготовительных цен, устанавливаемых в жестком административном порядке сверху, и не покрывали даже части производственных затрат.

В 1940 г. в систему государственных заготовок и закупок были внесены изменения, суть которых сводилась к отказу от действовавшего с 1933 г. критерия исчисления норм поставок в соответствии с планами сева. По сигналам местных правительственных органов, зорко отслеживавших малейшие колебания экономической конъюнктуры в колхозах, было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Изменения в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов» от 8 апреля 1940 г., в котором намечались меры по устранению такой практики в колхозах. Отныне вводился новый принцип, по которому размер обязательных поставок колхозами продукции рассчитывался уже в зависимости от общего количества гектаров земельной площади, закрепленной за колхозами. Налог, который являлся основным показателем объемов поставок, устанавливался весьма жестко, исходя из необходимого государству результата, без всякого учета имеющихся возможностей и условий⁹.

Данные законоположения легли в основу формирования целостной системы экономических отношений государства с сельскохозяйственными производителями на последующие десятилетия. Применение внеэкономических мер государством, с одной стороны, постоянно вынуждало колхозы расширять общественные посевы под зерновыми, картофелем и овощами, а с другой — изменение в конце 1930-х гг. принципа исчисления объема обязательных поставок обеспечило поступление в государственную казну дополнительной колхозной продукции.

В течение периода 1930-х гг. в результате растущего административного нажима со стороны государства колхозы все больше превращались в важнейший элемент централизованной системы мобилизационной советской экономики. Несмотря на свою формально негосударственную природу (колхозы были, как известно, кооперативными предприятиями), они становились объектом государственного планирования и контроля. Но в условиях принудительной коллективизации и директивного руководства колхозами их развитие пошло в ином русле, а плану не было суждено стать объективным регулятором производства — он по существу был превращен в некое абстрактное прикрытие произвола государства в отношении колхозов.

Каковы же были экономические и социальные итоги создаваемой в колхозах мобилизационной экономики на этапе 1930-х гг.? Представляется, что ответ на данный вопрос, очевидно, надо искать в общих итогах развития сельскохозяйственного производства на данном этапе.

Постепенный выход деревни из жесточайшего кризиса и голода 1933 г. занял несколько лет, на всем протяжении которых колхозная экономика работала на пределе возможного, отдавая государству львиную долю

произведенного продукта. Каналами такой передачи являлись, прежде всего, обязательные поставки государству колхозной продукции и натуроплата МТС, которую колхозы также выплачивали государственным организациям.

В предвоенные годы наблюдался значительный прирост валовой продукции сельского хозяйства, особенно по земледелию. В 1937 г. сельское хозяйство достигло максимальных за все годы советской власти показателей производства, на 1/3 превысив рекордный для страны уровень 1913 г. В течение 1938–1940 гг. общий объем его прироста также был выше относительно того же периода – в пределах 20–41%, в том числе по земледелию – от 20 до 55%. Максимальный вклад в это достижение внесли именно колхозы. Так, в общем объеме зерна – 95,6 млн т, произведенного в 1940 г. всеми категориями хозяйств, включая совхозы и хозяйства единоличников (в том числе и в западных районах, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.), доля колхозов (с учетом приусадебных хозяйств) составила более 80 %, т. е. 76,2 млн т зерна. Росли также сборы технических культур, в том числе и картофеля, хотя объемы его производства еще не удовлетворяли всех потребностей страны. Повысилась и товарность аграрного производства: с 35 % (в 1933–1938 гг.) до 41 % (1939–1940 гг.)¹⁰.

Однако при сравнении показателей аграрного производства в СССР с предреволюционным уровнем следует учитывать значительный прирост численности населения: уровень производства зерна, приходившийся в 1913 г. на душу населения, несмотря на заметный прогресс в сельскохозяйственном производстве не был достигнут даже к началу 1940-х гг. В развитии колхозного производства даже в предвоенный период все еще ощущались издержки форсированных методов коллективизации и организации колхозов. В частности, после массового забоя скота на начальном этапе коллективизации еще не полностью оправилось производство животноводческой продукции, и в 1937–1939 гг. оно едва дотягивало до 90% от предреволюционных показателей. Медленно росли посевные площади под зерновыми культурами, а под техническими и кормовыми культурами они даже сократились. Во многом достигнутый прирост объемов сельскохозяйственного производства был результатом возросшей интенсификации колхозного труда, что подтверждают данные об уровне занятости. В течение 1925 г. средний трудоспособный работник в индивидуальном крестьянском секторе отработал всего 92 человеко-дня, а в 1935 г. в условиях колхозного производства он уже отработывал не менее 185 человеко-дней, т. е. в 2 раза больше¹¹.

Было бы неверным не замечать и положительных результатов жесткой централизации при распределении сельскохозяйственной продукции, осуществлявшейся государством. Использование мобилизационных методов управления экономикой позволило поднять общий уровень товарности колхозной продукции, что способствовало отмене кар-

точной системы снабжения продовольствием еще в 1935 г. Практически одновременно с этим СССР полностью рассчитался и по экспортным зерновым операциям, заключенным в свое время с целью накопления валютных резервов. Индустриализация подняла экономику страны на более высокую ступень и вызвала заметный рост городов и их населения. Безусловно, во многом все эти задачи были решены вследствие сверхэксплуатации деревни, за счет чрезмерно завышенных объемов хлебопоставок и закупок продовольствия не только в колхозах, но и у отдельных крестьян, включая децентрализованные заготовки кооперативными организациями и т. д.

Переход от аграрного общества к индустриальному осуществлялся в СССР невероятно быстро и во многом принудительными методами. Колхозы при этом пострадали весьма существенно, поскольку жесткий административный диктат государства и формировавшаяся экономика мобилизационного типа лишали их большей части ими же производимых материальных ценностей, преимущественно в виде остродефицитных продуктов сельского хозяйства. Они уходили из деревни прямо в государственную казну — на нужды индустриализации, городов, укрепление обороноспособности страны и решение внешнеполитических задач.

Примечания

¹ Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 49.

² Население России в XX веке. Т. 1. Исторические очерки. 1900–1939 гг. М., 2000. С. 276.

³ Трагедия советской деревни: док. и мат-лы: в 5 т. М., 1999–2004. Т. 3. С. 35.

⁴ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». М.: Наука, 2006. С. 124.

⁵ История колхозного права. Т. II (1937–1958). М., 1958. С. 353.

⁶ Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 35; История колхозного права. Т. 1. С. 352–353, 361–363.

⁷ СЗ СССР. 1934. № 5. Ст. 27; Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 127.

⁸ См. Зеленин И.Е. Указ. соч. С. 196.

⁹ История колхозного права. Т. II. С. 135–137; Сборник постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940 г. № 9. Ст. 235.

¹⁰ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. С. 127, 201.

¹¹ История экономики. М., 2000. С. 305.

Социальная мобилизация советской деревни в период Великой Отечественной войны**

Исход Второй мировой войны определялся на Восточном фронте. Но судьба Советского Союза и его народов в Великой Отечественной войне решалась не только на фронте, но и в тылу. Огромную роль в этой схватке «не на жизнь, а на смерть» сыграла советская деревня.

К началу Великой Отечественной войны советская деревня была уже преимущественно колхозной. Сегодня весьма подробно изучен драматизм преобразования осередняченной в результате аграрного переворота 1917 г. и тотального передела земли российской деревни в колхозную в результате коллективизации конца 1920-х – 1930-х гг. Многие историки-аграрники назвали этот процесс «Трагедией советской деревни». Массовый голод начала 1930-х гг., приведший к миллионам смертей, репрессии против зажиточных слоев крестьянства – апогей этого явления. Вполне обоснованными (если абстрагироваться от общеисторического контекста) выглядят обвинения в адрес политического руководства СССР, и прежде всего И.В. Сталина, в принудительном проведении коллективизации, в насилии и жестокости по отношению к основной массе населения страны – крестьянству, а также в том, что деревня стала основным источником материальных и человеческих ресурсов, изымавшихся на нужды индустриализации. Вполне понятна боль целых поколений, оказавшихся участниками событий «эпохи перемен», а многих из них и жертвами репрессий, насильственных переселений, голода и т. д. Однако был ли другой, лучший для общества выход из ситуации «исторического цейтнота», когда катастрофически отставшая в своем развитии страна в очередной раз оказывалась беззащитной перед потенциальной внешней угрозой, – предмет для основательной научной дискуссии, которая должна вестись без идеологической конъюнктуры и ангажированности. В 1941 г. эта потенциальная угроза превратилась в реальность, и СССР, в том числе благодаря коллективизации деревни, было что противопоставить индустриальному потенциалу почти всей Европы, который фашистская Германия обрушила на нашу страну.

Как бы то ни было, к 1941 г. колхозный строй в советской деревне был реальностью. Он характеризовался весьма противоречивыми аспектами. С одной стороны, деревня перешла к крупным коллективным хозяйствам, позволявшим, благодаря разделению труда, ввести новые

* © Сенявский А.С., Сенявская Е.С., 2011

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №10-01-00348а.

формы его организации, включая специализацию и кооперацию; весьма широко использовать механизацию; заметно повышать уровень и качество жизни, внедрять некоторые элементы городского образа жизни (электричество, общее благоустройство поселений, клубную культуру, масштабы и уровень образования сельских жителей и др.). С другой стороны, обобществленные предприятия стали предметом административно-бюрократического управления, из-за которого экономическое неравноправие между городом и деревней ситуационно (в 1930-е гг.) еще более усилилось. Колхозы в определенной степени оказались квазигосударственными предприятиями (при правовом статусе кооперативных), наделенными ответственностью за итоги деятельности, но без права определять ее направления. Фактически принудительный низкооплачиваемый труд в колхозах обуславливал потерю личной заинтересованности в его результатах. Но и этот негативный аспект следует рассматривать конкретно-исторически: во-первых, как продукт идеологии того времени; во-вторых, как результат прагматичной политики, направленной в первую очередь на экономическое развитие в интересах оборонных отраслей, т. к. власть выбирала приоритеты, обусловленные реальной мировой обстановкой.

Что касается идеологических истоков такой политики, то она кроется в представлениях о социализме как обществе с доминирующей общественной собственностью разного уровня (коллективной или кооперативной, а «лучше» – государственной как «предельной», самой высокой по степени формой обобществления, которую в будущем определяют как «общенародную» форму). Но важнее была прагматическая сторона – и в методах, и в формах преобразования деревни. И.В. Сталин считал необходимым «...насаждать в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов как базы социализма...»¹ Здесь важны не только слова «насаждать» (методы, включающие насилие!), «совхозы и колхозы» (важна последовательность, отражающая предпочтительность), но и «крупные социалистические хозяйства»! Именно крупные хозяйства определенных «социалистических» форм давали возможность и повышать эффективность сельскохозяйственных предприятий путем внедрения иных организационных форм, техники, технологий, агрокультуры, и осуществлять централизованное управление аграрным сектором экономики, подчиняя его более приоритетным на данный момент (период) отраслям «тяжелой индустрии». Именно в них шла перекачка основной части средств из деревни; кроме этого, требовались ресурсы для обеспечения продовольствием нужд армии и городов. Для этого использовались как методы экономического принуждения (это было возможно, поскольку крестьянин был отчужден не только от основного средства производства – земли, но и от продуктов своего труда), так и внеэкономического (колхозникам не только устанавливали минимум трудодней, которые оплачивались крайне низко, но и ограничивали свободу передвижения, фактически «прикрепляя» к колхозам). Совхозы –

государственные предприятия — оказывались более развитой формой сельскохозяйственного производства: они были более крупными, специализированными предприятиями и более технически оснащенными. К началу 1941 г. в СССР насчитывалось 4159 совхозов и 235,5 тыс. колхозов². Такой существенно измененной за два советских десятилетия, весьма противоречивой оказалась советская деревня к началу Великой Отечественной войны.

Фашистская Германия, оккупировавшая почти всю Европу, располагала несравнимо большим экономическим и людским потенциалом, нежели СССР. Тем более что начальный период войны, неудачный для советской стороны, привел к оккупации огромных территорий европейской части СССР, включавших Украину, Белоруссию, ряд территорий центральной и южной России вплоть до Волги и Северного Кавказа. Поэтому от того, насколько эффективно будут задействованы все ресурсы противостоявших сторон, зависели в конечном счете исход войны и будущее не только нашей страны, но и всего человечества. Сущность мобилизации всех ресурсов общества была ясно определена в лозунге «Все — для фронта! Все — для Победы!» Им определялась цель социальной мобилизации — концентрация всех усилий народа, всего потенциала общества на решении задачи выживания СССР в войне, на предоставлении армии всего необходимого для ведения оборонительных, а затем и наступательных операций.

Свое чрезвычайно значимое место в решении этих задач занимала советская деревня. Она стала главным источником не только людских ресурсов для пополнения Красной Армии, но и сумела обеспечить продовольствием армию и население, а многими видами сырья — промышленность. И все это в условиях резкого сокращения трудовых ресурсов села (отдавшего армии, а также частично оборонной промышленности цвет мужского населения — целые поколения самых трудоспособных возрастов), а также крайнего ослабления материально-технической базы сельского хозяйства. Так, численность трудоспособного населения в колхозах по РСФСР сократилась с 20,8 млн в 1940 г. до 11,1 млн в 1941 г. и 10,6 млн в 1942 г., то есть почти вдвое. На Украине с 7,2 млн в 1940 г. до 4,7 млн в 1944 г. (то есть уже после освобождения от оккупации)³.

С началом войны не только практически прекратилось снабжение техникой колхозов и совхозов, но они лишились значительной части имевшейся у них ранее техники. На нужды фронта были мобилизованы не только миллионы людей, но и машинно-тракторный парк, живая тягловая сила. Основной рабочей силой в деревне остались женщины, подростки и старики, на плечи которых легли все тяготы физического труда, почти не подкрепленного, как еще недавно в мирное время, ни получившей распространение в 1930-е годы механизацией, ни тягловой силой лошадей. Потребовались невероятные усилия и самопожертвование со стороны деревни для того, чтобы производить необходимый

минимум продовольственной продукции для поставок Красной Армии и нормированного снабжения населения.

Трудовой подвиг селян в годы Великой Отечественной войны в целом хорошо изучен, ему посвящена обширная научная литература, которую нецелесообразно здесь рассматривать. Нас здесь интересует в первую очередь другой аспект этой проблемы: как, какими методами осуществлялась социальная мобилизация деревни на решение стоявших перед ней ключевых задач.

В первую очередь, следует учитывать, что в условиях военного времени государство усилило меры принудительного характера. Применительно ко всей стране, ко всем слоям населения государством был введен режим военного времени. Это касалось не только военных мобилизаций в армию. Одним из его проявлений были действия как принятого еще накануне войны Указа Президиума Верховного Совета о запрещении самовольного ухода с предприятий и учреждений, так и введение обязательного минимума трудодней для колхозников, невыполнение которых влекло за собой предание суду и каралось исправительно-трудowymi работами до шести месяцев.

Однако принудительные меры не могли стать решающими в обеспечении тех целей, которые ставились перед селом в военное время. Война — экстремальная ситуация для общества и власти, выявляющая их способность к мобилизации сил, к противостоянию другой силе, стремящейся сломить волю или даже уничтожить народ и страну. Народ в войне проверяется на жизнеспособность, а власть — на компетентность, эффективность и силу. В условиях тяжелых военных испытаний, в противостоянии врагу наряду с материальными факторами (военно-экономический потенциал, демографические ресурсы, технологический уровень производства и т. д.) огромную, а подчас и решающую роль играют факторы «идеальные», то есть общественное сознание. Целью любой войны является победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии. При этом и народ, и армия должны быть убеждены в своем, прежде всего, моральном превосходстве над противником и, разумеется, в конечной победе над врагом. Все это относится не только к умонастроениям, но и к области собственно массовых настроений, чувств народа. Обеспечение определенного морального духа в ходе войны осуществлялось прежде всего идеологическими средствами и инструментами, а социальными институтами, выдвигавшими и проводившими политико-идеологическую работу были партийные и комсомольские организации.

Большинство коммунистов на селе были сконцентрированы в районных организациях, совхозах и МТС, тогда как в колхозах партийная прослойка была немногочисленной. Она еще более сократилась в начальный период войны. Так, за 1942 г. число парторганизаций колхозов сократилось на 28%. В большинстве колхозов первичных парторганиза-

ций не было вовсе. Почти так же малочисленны были и комсомольские организации колхозов⁴. Это затрудняло политическую работу среди крестьянства, которая, тем не менее, была перестроена в соответствии с требованиями военного времени.

Мощный патриотический подъем стал основой социальной мобилизации тружеников села на достижение стоявших перед ним целей. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» конкретизировался для тыла в лозунге «В труде — как в бою!» Отношение к сельскому труду приравнивалось к фронтовым армейским будням и имело подчас не меньшее значение. В экстремальных условиях войны уборка и посевная нередко в прямом смысле становились «битвой за хлеб», «битвой за урожай». Особенно трудно приходилось в 1941 и 1942 гг., когда наступление немецко-фашистских войск приводило к оккупации огромных сельскохозяйственных районов, а уборка хлеба шла подчас параллельно с эвакуацией колхозного имущества, техники, инвентаря и скота. Особое значение имело максимальное использование трудовых и материальных ресурсов, всех резервов производства. Партийные организации в своей работе опирались на советский и хозяйственный аппарат. Широкое распространение получила система уполномоченных, подбиравшихся из районного партактива и приезжавших в конкретные организации на основные сельскохозяйственные кампании — уборку, посевную и др. Хотя их деятельность нельзя оценивать однозначно (из-за отсутствия профессиональной квалификации они иногда неправомерно вмешивались в управление колхозами), в целом данный институт сыграл позитивную мобилизующую роль в наиболее напряженные периоды войны. Создание постановлением ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. политотделов МТС и совхозов (в которые входили начальник, его заместитель и помощник по комсомольской работе) также способствовало выполнению государственных заданий и планов сельскохозяйственных работ. Агитация и пропаганда, систематически осуществлявшиеся в колхозах и совхозах, имели большое значение для мобилизации сельских тружеников на решение стоявших задач. Организационными и пропагандистскими мерами, словом и делом осуществлялась мобилизация сельского «трудового фронта», сплочение крестьянства для отпора врагу. Социальная мобилизация советской деревни явилась важным инструментом для обеспечения Победы в Великой Отечественной войне.

Примечания

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 12. М., 1949. С. 119.

² Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 24, 83

³ См.: Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 391–392.

⁴ Там же. С. 51.

Социальная мобилизация в восстановлении экономики села на освобожденных от оккупации территориях РСФСР: использование потенциала молодежи (1942–1950 гг.)**

70 лет прошло со времени начала Великой Отечественной войны, но по-прежнему актуально звучит вопрос о том, как на протяжении почти четырех лет нашей стране удалось противостоять потенциалу почти всей Европы, подчиненной фашистской Германии, выстоять и победить в смертельной схватке. Значимость и острота этого вопроса связаны еще и с современным «переходным» состоянием постсоветской экономики России, которая в мирных условиях оказалась подвержена невиданному экономическому спаду, деградации многих, и особенно наиболее передовых, отраслей и в начале XXI века характеризуется доминированием топливно-сырьевой составляющей и зависимостью от мировой конъюнктуры. Распад СССР, смена модели общественного развития повлияли и на смену парадигм исторического познания, и на выбор тем. Во всяком случае, если в советской историографии данный вопрос изучался весьма активно, хотя, по сути, предлагалось единственное объяснение – роль «неоспоримых преимуществ социализма», то в современной российской историографии, и не случайно, он оказался на периферии внимания.

Российская историческая наука в постсоветский период оказалась подвержена идеологической конъюнктуре отнюдь в не меньшей степени, чем в советский, хотя – при отказе от «марксистско-ленинского догматизма» – широко декларировался научный объективизм. На практике на смену старым идеологемам и мифологемам – пришли новые.

Среди главных мифологем – безальтернативность развития по пути «демократии и рыночной экономики», пути «возвращения на столбовую дорогу цивилизации», «общечеловеческих ценностей» и т. п. Мифологема «рыночной экономики» с доминированием частной собственности как единственно возможной в современных условиях эффективной модели экономического развития (а иных форм – как безусловно «маргинальных», реакционных, обрекающих страны на неэффективность и неизбежное отставание) была в этом ряду, пожалуй, ключевой. Но экономика не существует «сама по себе», она – определенная часть общества как системы, а именно та его часть, которая обеспечивает

* © Сенявский А.С., Братченко Т.М., 2011

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 10-01-00348а.

материальные основы его выживания, функционирования и развития. Однако поскольку общества исторически, социокультурно, территориально (по географическим, климатическим, иным природным условиям), «ресурсно», «масштабно», геополитически и т. д. очень различаются, то и их экономические механизмы различны, они могут быть адекватны или нет всему комплексу этих параметров, а также объективных задач конкретного общественного организма (страны) в конкретно-исторических условиях.

Между тем экономика СССР на протяжении ряда десятилетий продемонстрировала весьма значительную эффективность, которая проявлялась в высоких (на отдельных этапах – высших в мире) темпах роста, в формировании передовых (для конкретного времени) отраслей народного хозяйства, в обеспечении выживания, функционирования и развития общества. Экономика с конца 1920-х гг. имела мобилизационный характер, была направлена на форсированное и во многом опережающее развитие, перед ней ставилась задача не только «догнать», но и «перегнать» передовые индустриально-развитые державы. Она основывалась на концентрации основных ресурсов в руках государства, которое располагало не только всеми рычагами управления экономикой, но и инструментами социальной мобилизации. Широта и системность охвата общества институтами, инструментами и формами социальной мобилизации обеспечивала хотя и не «всенародную», но действительно массовую поддержку населением страны выдвигаемых целей и проводимой политики. В области экономической жизни использовались такие формы социальной мобилизации, как трудовые почины, соцсоревнование и др., являвшиеся «внеэкономическим» инструментом мотивации труда (который дополнял, но отнюдь не заменял принудительные инструменты в виде жесткого трудового законодательства и др.).

Практика – критерий истины. Наиболее объективной оценкой жизнеспособности экономической модели является ее проверка в экстремальных условиях, особенно в прямом военном столкновении с примерно равносильным или даже более сильным противником. Вся советская история была своего рода «экстремальным периодом», состоявшим из ряда этапов и по-своему подвергавшим испытаниям советскую экономическую модель. В данной статье мы рассмотрим – в рамках РСФСР – лишь отдельные фрагменты этих испытаний, а именно проблему восстановления сельской экономики на ранее оккупированных территориях и отдельные элементы механизма социальной мобилизации, который позволил в жесточайших условиях дефицита материальных, финансовых, кадровых ресурсов осуществить почти невозможное – восстановить народное хозяйство.

* * *

Великая Отечественная война и последовавшее восстановление разрушенного войной народного хозяйства явились самым крупным и объек-

тивным испытанием советской экономики на жизнеспособность и эффективность. Российская империя в гораздо более благоприятных внешних условиях проиграла I мировую войну прежде всего экономически, не сумев своевременно мобилизовать и использовать ресурсы в военном противостоянии. В конкретной ситуации II мировой войны стояла более жесткая, «базовая», «внеэкономическая» для страны цель — проблема физического выживания государства, страны, населяющих ее народов. И только полностью подчинившись ей, экономика могла выполнить свое предназначение и проявить все свои возможности. Восстановление разрушенного войной (в том числе в ее ходе) хозяйства, а также переход в мирный режим функционирования и развития являлись не менее масштабными и сложными задачами.

Великая Отечественная война принесла СССР невиданные в истории людские и материальные потери. Боевые действия в 1941–1944 гг. — с отступлением и последующим освобождением — велись в европейской части СССР, преимущественно в наиболее развитых регионах страны. Ареной ожесточенных сражений на протяжении нескольких лет стала территория от западной границы до Подмосковья и Волги, от Крайнего Севера до Черноморского побережья и предгорий Кавказа. Территории Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, значительной части РСФСР подверглись фашистской оккупации, режим которой был направлен на выкачивание всех видов ресурсов для нужд III рейха.

Были разрушены не только заводы и фабрики, электростанции, мосты, 1700 городов и поселков. Не менее сильно пострадала сельская местность и экономика: вырублены многие леса, почти 70000 деревень и сел лежало в руинах. Ущерб экономике составил 679 млрд руб. (в государственных ценах 1945 г.), прямые военные расходы — 1890 млрд руб. Страна потеряла треть своего национального богатства¹. Огромны были демографические потери, в свою очередь сказавшиеся на развитии народного хозяйства. Только в 1955 г. численность населения страны достигла довоенной, но на территориях, подвергшихся оккупации, для этого понадобилось значительно больше времени².

Длительность оккупации была разной: в одних регионах она продолжалась от нескольких дней или месяцев, в других — 2,5–3 года. В конце июля 1944 г. полностью было завершено освобождение от гитлеровских захватчиков территории РСФСР, в которой из 73 краев, областей, автономных республик полностью или частично были оккупированы Московская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Орловская, Брянская, Воронежская, Калужская, Курская, Тульская, Калининская, Рязанская, Ростовская, Сталинградская, Белгородская, Смоленская, Мурманская, Астраханская и другие области, Краснодарский, Ставропольский края, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Калмыцкая АССР. До войны на этих землях проживало более 30 млн человек. Прямой ущерб, нанесенный захватчиками, этим временно оккупи-

рованными территориям составил 249 млрд руб.³ Вопрос о нанесенном врагом ущербе РСФСР неплохо разработан в советской историографии⁴.

В период войны основная часть дееспособного мужского населения находилась в рядах вооруженных сил, воевала на фронте, и главная тяжесть хозяйственных работ и в деревне, и в городе легла на плечи женщин, подростков и стариков. В 1945 г. численность рабочих и служащих в той части РСФСР, которая подверглась оккупации или находилась близко к фронту, составляла от 51 до 90% к довоенному уровню. Особенно тяжелы были потери трудоспособного населения села: они сократились за годы войны более чем на треть. Резко уменьшилось число мужчин в возрасте от 18 до 54 лет, а их доля в сельском населении в 1945 г. составила всего лишь 8,3%⁵.

Восстановление экономики осуществлялось в крайне жестких условиях: сначала — в ходе самой войны, как только происходило освобождение ранее оккупированных земель, а затем — в условиях начавшейся «холодной войны», требовавшей огромных затрат на оборонные нужды. При этом экономика оказалась переведена в военный режим (и может быть определена уже с конца 1941 г. и до осени 1945 г. как «военная экономика»), что потребовало после окончания войны перевода ее в режим мирного времени, проведения широкомасштабной конверсии с дополнительными усилиями и затратами. Таким образом, восстановительный процесс может быть хронологически разделен на две основные части: в ходе самой войны на освобожденных территориях и после ее завершения.

В отличие от стран Западной Европы, для экономического восстановления которых в рамках «плана Маршалла» проводилась мощная экономическая подпитка со стороны США и которые почти не пострадали от войны и даже выиграли от нее за счет ослабления конкурентов, а также вышли из экономического кризиса на рельсах милитаризации и государственного вмешательства, СССР осуществлял восстановление в крайне неблагоприятных условиях. Во-первых, масштабы разрушений, людских и экономических потерь были несоизмеримы с Западной Европой. Во-вторых, СССР не получал от США экономической помощи. В-третьих, он вынужден был вскоре после окончания II мировой войны включиться в гонку вооружений в условиях начавшейся «холодной войны», продолжать тратить из скудных общих средств значительную их часть на оборону.

Оценивая масштабы экономических потерь СССР, западные аналитики и политики считали, что на восстановление советского народного хозяйства потребуется несколько десятилетий. Однако оно осуществилось в принципиально более сжатые сроки. Уже к началу 1950-х гг. в Российской Федерации восстановление экономики было в основном завершено. Эти результаты могут быть оценены как «экономическое чудо». Возникает вполне правомерный вопрос: в чем его причины, как в

рамках модели, которую называют «тоталитарной» и которая клеймится как однозначно «тупиковая», удалось осуществить почти нереальные задачи, каков был механизм их «воплощения»? Сегодня, когда безальтернативно провозглашается идеальной моделью рыночная экономика, небесполезно рассмотреть этот исторический опыт.

* * *

Процесс возрождения освобожденных областей начался после освобождения временно захваченной врагом территории. Сразу же после начала освобождения Московской, Тульской, Рязанской областей 29 декабря 1941 г. СНК СССР принимает специальное постановление о восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне. Были приняты и другие решения, направленные на мобилизацию масс на восстановление разрушенного народного хозяйства⁶

Высшее военно-политическое руководство придавало этой задаче особое значение. «В районах, где временно хозяйничали фашистские погромщики, — говорил И.В.Сталин, — нам предстоит возродить разрушенные города и села, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, культурные учреждения, создать для советских людей, избавленных от фашистского рабства, нормальные условия жизни. Уже теперь полным ходом развернулась работа по восстановлению хозяйства и культуры в освобожденных от врага районах. Но это только начало. Нам необходимо полностью ликвидировать последствия хозяйничания немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации. Это большая, общенародная задача. Мы можем и должны решить эту трудную задачу в короткий срок»⁷. «Восстановление освобожденных районов — дело огромной государственной важности... — писала «Правда». — Нужно восстановить сельское хозяйство и промышленность, нужно снова сделать эти районы полноценными звеньями нашей народнохозяйственной системы. Это огромная и трудная задача, требующая упорного и напряженного труда. Решение этой задачи нельзя откладывать ни на один день, ни на один час...»⁸

При СНК СССР в 1943 г. был создан Комитет по восстановлению хозяйства в освобожденных районах. Важное место заняло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов»⁹.

Масштабная, развернутая программа возрождения пострадавших районов страны была намечена в Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором рассматривались социально-политические, экономические, идеологические основы восстановления народного хозяйства и ликвидации последствий вражеской оккупации¹⁰.

Восстановительные работы начинались непосредственно после вступления советских войск. В первую очередь надо было восстановить предприятия тяжелой, угольной, нефтяной, металлургической промышленности, электростанции, которые являлись основой восстановления всего народного хозяйства. На это было направлено Постановление ГКО СССР от 1 октября 1944 г.¹¹

Осуществление в годы войны восстановительных программ, невиданных в истории по своим масштабам и сложности, само по себе стало настоящим гражданским подвигом. Восстановленные в освобожденных районах РСФСР предприятия уже в 1942 г. наладили выпуск разнообразной продукции. За 1942-1945 гг. в районах РСФСР, подвергавшихся оккупации, было восстановлено более 47000 колхозов, 785 совхозов, свыше 1300 МТС. Трудно было переоценить морально-политическое и экономическое значение этого. Для людей, переживших оккупацию, первые успехи в восстановлении освобожденных территорий были символом неизбежной победы над врагом¹².

Одним из первых историков, настаивавших на том, что начало восстановления народного хозяйства СССР относится к концу 1941 – началу 1942 гг., была Г.Г. Морехина¹³. Ряд авторов выделяет 3 этапа в ходе восстановительных процессов: с января 1942 по август 1943 гг., от Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. до конца войны, с окончанием войны до конца 40-х гг.¹⁴

Решение задач восстановления страны действительно можно считать всенародным подвигом. Вместе с тем власть осознавала мобилизующую роль существовавших в стране социальных институтов: «Повсюду, – говорил М.И. Калинин, – основным и главным двигателем этого восстановительного процесса являются люди, патриотизм которых делает то, что кажется невыполнимым в столь короткие сроки в обычных условиях... Народную энергию, инициативу населения, направленные к использованию всех местных возможностей, партийным и советским организациям необходимо организационно закрепить»¹⁵.

Центральным звеном общественно-политической системы СССР выступала коммунистическая партия, вокруг которой были объединены советские, комсомольские и другие общественно-политические и общественные организации. Они являлись социальными институтами единого мобилизационного механизма, пронизывавшего все сферы жизни общества, включая экономику, и охватывавшего большинство взрослого населения страны. На первом этапе восстановление народного хозяйства шло одновременно с эвакуацией на Восток и переводом экономики в военный режим функционирования.

ЦК ВКП(б) и советское правительство обратилось к населению тыловых регионов с призывом взять шефство над освобожденными от оккупации районами. Шефство явилось важной формой мобилизации ресурсов тыла для подъема разоренных оккупацией территорий. Так, Челябинская область оказывала помощь Курской, Новосибирская –

Воронежской, Казахстан – Орловской, Ленинградской и Калининской областям и т. д.¹⁶ Было распространено и «отраслевое» шефство: промышленные предприятия глубокого тыла, в том числе принявшие эвакуированное оборудование и работников западных регионов, теперь в порядке шефской помощи направляли эшелоны с оборудованием на восстанавливаемые предприятия; колхозы и совхозы помогали сельхозпредприятиям; вузы и школы – учебным учреждениям освобожденных областей и т. п.

С учетом того, что в ситуации резкого изменения половозрастной структуры работников всех отраслей народного хозяйства как в условиях ведения боевых действий, так и после окончания войны, даже после нескольких волн демобилизации, особую роль играла мобилизация молодежи на решение экономических задач, поскольку именно она оказывалась основой рабочей силой, значение использования ее потенциала в восстановлении экономики трудно переоценить. Ключевым институтом социальной мобилизации молодежи выступал комсомол. Рассмотрим, как работал это институт в ряде освобожденных от оккупации областей РСФСР.

Ущерб, нанесенный гитлеровскими захватчиками Московской области, составил около 30 млрд руб. Уже 18 декабря 1941 г. МК ВКП(б) принял Постановление о мероприятиях по оказанию помощи населению районов, освобожденных от немецкой оккупации¹⁷.

Молодежь Москвы и области сыграла огромную роль в восстановлении разрушенного оккупантами как в военные, так и в первые послевоенные годы. Комсомольцы Клинского района в первые же дни после освобождения восстановили кинотеатр, в колхозах района начали восстанавливать колхозный инвентарь. Такая же работа наблюдалась и в Солнечногорском, Волоколамском, Можайском и других районах.

20 марта 1942 г. на бюро МК ВКП(б) рассматривался вопрос об активизации работы комсомольских организаций области по мобилизации молодежи на восстановление народного хозяйства освобожденных районов. В марте прошли заседания бюро горкомов и райкомов партии, собрания комсомольского актива, семинары секретарей первичных организаций ВЛКСМ освобожденных районов, посвященные улучшению деятельности комсомола Подмосковья. Комсомольцы области восстановили 55 МТС, 47000 жилых домов в сельской местности. В сельском хозяйстве Подмосковья 50-60 % всего занятого населения составляла молодежь. По решению бюро МК ВКП(б) в марте 1942 г. по районам были посланы специальные ответственные организаторы по работе с молодежью, введены должности помощников начальников политотделов МТС по комсомолу, которые помогали восстановить и развернуть деятельность комсомольских организаций в освобожденных районах области¹⁸. Состоявшийся 23 ноября 1942 г. пленум МК ВКП(б) подвел первые итоги восстановительной работы в Московской области¹⁹.

Производительность труда молодежи во «фронтowych комсомольско-молодежных бригадах», ставших массовой формой молодежного соревнования, на 30–40 % превышала среднюю производительность по предприятиям²⁰. К марту 1943 г. на предприятиях Московской области, в колхозах и совхозах трудилось 4358 таких бригад, охвативших 36000 человек. Эти бригады «впитали в себя все самое лучшее, что есть в промышленности»²¹, они подняли социалистическое соревнование молодежи на новую ступень. О необходимости распространения ценного опыта комсомольско-молодежных бригад Москвы говорилось в Постановлении ЦК ВЛКСМ от 18 ноября 1943 г. «О работе фронтowych комсомольско-молодежных бригад по повышению производительности труда»²².

На селе на долю молодежи выпали ответственные задачи, так как «сельская молодежь, наряду с женщинами, стала решающей силой в сельскохозяйственном производстве. Выросли роль и ответственность молодежи за работу колхозов, совхозов ..., за быстрое восстановление хозяйства, разрушенного оккупантами»²³. Активно участвовали молодые колхозники в строительстве 120 сельских электростанций, широкое распространение в области получила такая форма ударного труда молодежи, как создание комсомольско-молодежных звеньев высокого урожая²⁴. В 1943 г. на полях области работало 1800 молодежных звеньев высокого урожая, в которых было занято около 15000 комсомольцев и молодежи²⁵.

В 1944 г. в Ленинграде и области трудилось 1450 комсомольско-молодежных восстановительных бригад, 2716 из них – непосредственно на производстве, они выполнили объем работ на 6 млн руб.²⁶ 19 июля 1944 г. состоялось первое заседание бюро обкома ВКП(б) в Новгороде, на котором рассматривался план восстановительных работ в Новгородской области. 26 сентября 1944 г. на областном партхозактиве были приняты решения, обязывающие всех работников, руководителей партийных, советских, комсомольских, промышленных и хозяйственных организаций развернуть среди населения широкую разъяснительную работу по овладению строительными специальностями и мобилизации трудящихся на восстановление разрушенных городов, сел, предприятий²⁷. В колхозах и совхозах в 1945 г. трудилось 962 молодежных звена (67), в МТС было организовано 112 транспортных бригад, лучшие из них возглавляли комсомольцы М. Козырева, П. Маликов²⁸. Их самоотверженный труд был высоко оценен на областной партийной и комсомольской конференциях в апреле 1945 г. Везде комсомольцы, молодежь показывали образцы героизма в труде. Только за 1944–1945 гг. на восстановлении Новгорода они отработали 118500 человеко-часов²⁹.

В Псковской области молодежь активно включилась в возрождение: в 1945 г. в Пскове работало 85 комсомольско-молодежных бригад восстановителей³⁰. В Калининской области комсомольцы в 1943 г. участвовали в восстановлении 20 детдомов, 15 библиотек, 75 изб-читален, в

1944 г. — более 100 библиотек, 12 домов культуры, 530 изб-читален, рассказывается в брошюре И.И. Бойцова³¹. Аналогичную роль выполняли комсомольские организации и в других российских областях, освобожденных от оккупации.

Восстановительный процесс продолжался и в послевоенные годы, и в этот период продолжал действовать мобилизационный механизм, использовавший социальные резервы общества по форсированному возрождению разрушенной войной экономики. Н.А. Вознесенский в своем докладе на I сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 г. указывал, что, хотя в ходе войны в освобожденных районах уже частично восстановлены предприятия, МТС, колхозы, но основное предстоит сделать в четвертой пятилетке³². Конечно, восстановление индустрии и сельского хозяйства, городов и деревень было неразрывно взаимосвязано. Развернутая программа восстановления выдвигалась в принятом ГКО СССР 26 мая 1945 г. Постановлении «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружений»³³. В «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.» от 18 марта 1946 г. большое внимание уделялось восстановлению села³⁴.

Молодежь активно участвовала в возрождении освобожденных территорий. Задачи комсомола на послевоенный период обозначил М.И. Калинин осенью 1945 г. на XIV Пленуме ЦК ВЛКСМ: «Первая, главная, основная задача, товарищи, сейчас — это борьба за выполнение тех планов послевоенного строительства, которые намечают наши правительственные органы в новой пятилетке. Выполнить наши послевоенные производственные планы — это большая задача, и ее значение не надо доказывать вам»³⁵. ЦК ВЛКСМ постоянно ориентировал молодежь своими решениями на активную работу в восстановлении промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Об этом шла речь в Постановлении XII пленума ЦК ВЛКСМ «О ближайших задачах работы комсомола в деревне»³⁶. XIII пленум ЦК ВЛКСМ (1945 г.) обратил внимание комсомольских организаций на необходимость развертывания среди молодежи соцсоревнования за повышение производительности труда. В Постановлении XV пленума ЦК ВЛКСМ: «Задача комсомола в настоящее время состоит в том, чтобы привлечь всю молодежь нашей страны к делу осуществления пятилетки на основе нового подъема социалистического соревнования. Комсомольские организации обязаны еще активнее помогать партийным, советским и хозяйственным органам в борьбе за выполнение текущих планов каждым заводом, колхозом, МТС...»³⁷

Комсомольцы и молодежь области активно участвовали в соцсоревновании за успешное выполнение и перевыполнение заданий пятилетки. Проявлением заботы комсомольцев об осуществлении режима экономии стала организация контрольных комсомольских постов. Только на предприятиях Москвы и области в августе 1948 г. их действовало 7000, объединивших 280000 молодых производственников. Молодежь

составляла более 60 % всех механизаторов Ленинградской области, где в 1947 г. работало 102 молодежные тракторные бригады; комсомольцами было электрифицировано 86 колхозов³⁸.

Соцсоревнование явилось рычагом повышения трудовой и политической активности трудящихся. Молодежь, проникшись значением первого послевоенного плана, с энтузиазмом, с большим политическим и трудовым подъемом приступила к его выполнению³⁹. Среди основных «мобилизационных» форм трудовой деятельности молодежи были задействованы такие, как движение за создание строительно-восстановительных, ударных комсомольско-молодежных бригад и звеньев на производстве и в сельском хозяйстве, транспорте, строительстве, создание комсомольских контрольных постов и др.⁴⁰ Заслуги комсомола отмечены в Постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁴¹

Советский народ успешно выполнил задания послевоенной пятилетки, важнейшие ее задания были значительно перевыполнены⁴². Решающую роль в форсированном восстановлении разрушенной войной экономики выполнил механизм социальной мобилизации, включивший ресурсы большинства слоев населения, в том числе и молодежи, на решение задачи возрождения народного хозяйства. Изучение того, уже давнего исторического опыта выхода из тяжелейшего экономического состояния общества весьма актуально в современной, отнюдь не менее сложной ситуации постсоветской России – деградации и развала экономики «лихих 1990-х» и застойно-кризисных «нулевых».

Примечания

¹ Сборник сообщений чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946, С. 430; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. М., 1980. С. 47.

² Там же. С. 46.

³ Сборник сообщений... С. 430.

⁴ См.: Правда, 1945, 18 июля; Дегтярь Д. Возрождение районов РСФСР, подвергавшихся немецкой оккупации. М., 1947, С. 9–10; Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 56; Губенко М.П. К экономической характеристике районов РСФСР, освобожденных от фашистской оккупации в 1943 г. // История СССР. 1962. № 1. С. 114–121; Белов И.И. Поднятые из руин. Исторические очерки восстановления и развития старейших городов России. 1943–1963. М., 1966. С. 18, 22;

⁵ История СССР с древнейших времен... С. 47.

⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 3. 1947–1952. М., 1968. С. 90–531.

⁷ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 219; См. также: Калинин М.И. Статьи и речи (1941–1946 гг.). М., 1975. С. 328.

⁸ Правда. 1943. 19 февраля.

⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 3. С. 90–95.

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. С. 65–104.

¹¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 470.

¹² Приходько Ю.А. Восстановление промышленности в освобожденных от немецко-фашистской оккупации районах СССР (1942–1945 гг.) // История СССР. 1968. № 6. С. 12.

¹³ См.: Морехина Г.Г. Восстановление народного хозяйства Советского Союза... // Вопросы истории. 1961. № 8. С. 41–60.

¹⁴ См.: Зиновьев А.Н. Деятельность Московской партийной организации по оказанию помощи освобожденным районам в восстановлении народного хозяйства в ходе Великой Отечественной войны (декабрь 1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 6; Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР. Конец 1930-х – начало 1960-х гг. Т. I. (конец 1930–1950 гг.). М., 1984. С. 140.

¹⁵ Калинин М.И. Указ. соч. С. 328, 326.

¹⁶ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IX. М., 1980. С. 447–448.

¹⁷ Очерки истории Московской организации КПСС. С. 30; Очерки истории Московской организации КПСС. 2-е изд. Кн. 2. Ноябрь 1917–1945 гг. М., 1983. С. 582, 728.

¹⁸ Очерки истории Московской организации ВЛКСМ. М., 1976. С. 401–402, 409.

¹⁹ Зиновьев А.Н. Указ. соч. С. 15.

²⁰ Перечнев Ю.Г. Великая Отечественная война в советской историографии. М., 1984. С. 56.

²¹ Шагай вперед, комсомольское племя!.. // Комсомольская правда. 1943. 11 декабря. С. 202.

²² Первичная комсомольская организация. С. 126–127.

²³ XII пленум ЦК ВЛКСМ. С. 15.

²⁴ Еремин В.Г., Исаков П.Ф. Молодежь в годы ВОВ. М., 1977. С. 208.

²⁵ Шагай вперед, комсомольское племя! Из истории Московской областной организации ВЛКСМ. М., 1958. С. 209.

²⁶ Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. С. 328; Трущенко Н.В. Ленинский комсомол – боевой помощник партии. С. 35, 58.

²⁷ Очерки истории Новгородской организации КПСС. С. 276, 280.

²⁸ Комсомола отряд боевой. Документы и материалы по истории Новгородской областной комсомольской организации. Л., 1980. С. 85–86, 87; Абрамова М.А. Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов Северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л., 1981. С. 67.

²⁹ Шаги поколений. С. 11–12; Очерки истории Новгородской организации КПСС. С. 306.

³⁰ Белов И.И. Указ. соч. С. 99; Очерки по истории комсомола Псковской области. С. 107.

- ³¹ Заре навстречу. С. 266; Белов И.И. Указ. соч. С. 77.
- ³² Вознесенский Н.А. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946. С. 33.
- ³³ Правда. 1945. 27 мая.
- ³⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 246–293.
- ³⁵ Калинин М.И. Статьи и речи. С. 573.
- ³⁶ XII пленум ЦК ВЛКСМ. С. 15–20.
- ³⁷ Постановление XV пленума ЦК ВЛКСМ. С. 5.
- ³⁸ Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. С. 343; ВЛКСМ в цифрах и фактах. М., 1949. С. 86.
- ³⁹ Товарищ комсомол. Т. 2. С. 55.
- ⁴⁰ XI съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. С. 16; Из истории Курской областной комсомольской организации; Н.В. Трущенко. Указ. соч.; и др.
- ⁴¹ См.: Коммунист. 1984. № 9. С. 37.
- ⁴² См.: Сообщение Государственного Планового Комитета и Центрального Статистического Управления СССР об итогах выполнения 4-го (первого послевоенного) пятилетнего плана СССР на 1946–1950 гг. М., 1951. С. 3.

*А.И. Репинецкий**

Население и власть в условиях голода 1946–1947 гг. (на материалах Куйбышевской / Самарской области)

Послевоенный продовольственный кризис стал явлением, с которым столкнулись все воюющие страны, однако проявился по-разному. Население Советского Союза постигло страшное бедствие — голод. Известный исследователь голода 1946 г. В.Ф. Зима считает, что причинами голода стали три основных фактора: послевоенные трудности, засуха 1946 г., политика продразверстки, проводимая советским правительством в отношении колхозов и совхозов¹.

Летом 1946 г. засуха охватила большие районы страны. В Куйбышевской области климатические условия лета 1946 г. были близки к лету 1921 г. Так, в июне в районе Безенчука выпало 3 миллиметра осадков при среднемесячной норме 37 мм рт. ст., в районе Сызрани — 7 мм рт. ст. при норме 22, в районе Куйбышева — 12 при норме 48 мм рт. ст.² Это привело к сокращению посевных площадей не только по сравнению с предвоенным периодом, но и с годами войны. Если в 1940 г. было засеяно 1893,3 тыс. га, то в 1946 г. — 1353,4 тыс. га³. Если, в 1945 г. было

* © Репинецкий А.И., 2011

засеяно 76,6% земель по сравнению с 1940 г., а в 1946 г. посевная площадь сократилась и составила 74,7% от уровня 1940 г.⁴ Необходимо также учитывать, что засуха обрушилась на истощенное войной сельское хозяйство. Основной рабочей силой в деревне были женщины и дети. Резко сократилась энерговооруженность сельского хозяйства. Если в 1940 г. в сельском хозяйстве было занято 13252 трактора, то в 1946 г. в области насчитывалось 8717 тракторов (65,7% от уровня 1940 г.) и эта техника находилась в крайне изношенном состоянии⁵.

Засуха 1946 г. привела к большой потере урожая в Черноземной полосе России, Поволжье, Украине, Молдавии. В то же время в ряде областей Урала, Сибири, Казахстана был выращен высокий урожай, однако начавшиеся ранние затяжные дожди сорвали его уборку. Несмотря на сложившуюся ситуацию, правительство приняло решение любой ценой сохранить имеющиеся государственные резервы зерна.

Местные партийные и государственные власти постоянно следили за складывающейся ситуацией. Начиная с мая 1946 г. обком партии и облисполком на своих заседаниях ежемесячно, а с осени и несколько раз в месяц заслушивали отчеты о состоянии хлебозаготовок как в целом по области, так и по районам и отдельным колхозам и совхозам. Однако ситуация с заготовкой хлеба не менялась.

Правительство постоянно отслеживало ход хлебных заготовок, как в стране в целом, так и по отдельным областям. 25 сентября 1946 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О неудовлетворительном ходе хлебозаготовок в Куйбышевской области»⁶. Центральный Комитет партии потребовал от партийного руководства области принять экстренные меры по исправлению положения с хлебозаготовками. На октябрь был назначен отчет Куйбышевского обкома партии на заседании ЦК.

Бюро областного комитета ВКП(б) обсудило данное постановление. Каких-либо действенных средств для исправления ситуации у властных структур области не было. Об этом свидетельствовало и принятое постановление, в котором основной упор был сделан на поиски виновников сложившегося положения и мер агитационно-пропагандистского характера. Постановление констатировало, что создавшееся положение являлось следствием того, что «многие райкомы партии и райисполкомы, районные прокуроры и начальники районных отделов МВД в результате притупления политической бдительности перестали замечать, что некоторые руководители, прикрываясь плохой погодой, умышленно сдерживают обмолот хлебов и вредят тем самым делу хлебозаготовок. Бюро обкома потребовало от партийных и советских органов власти, руководителей прокуратуры и органов внутренних дел усилить борьбу с саботажниками хлебозаготовок и постановило немедленно направить в сельские районы области 40 ответственных партийных работников, в течение трех дней в наиболее отстающие колхозы и совхозы области направить 200 человек партийного актива для усиления политико-аги-

тационной работы. Помимо этого, было принято решение о круглосуточной работе МТС и контор «Заготзерно» по уборке и приему хлеба⁷.

В октябре—ноябре ситуация с заготовкой зерна достигла крайней напряженности. ЦК партии регулярно заслушивало отчеты обкомов и крайкомов партии и ЦК союзных республик. В ноябре ЦК ВКП(б) признало совершенно нетерпимое положение с хлебозаготовками в ряде областей страны — Куйбышевской, Горьковской (ныне Нижегородская), Рязанской, Курской, Чкаловской (ныне Оренбургская)⁸.

На 1 ноября 1946 г., когда заготовка хлеба практически была завершена, план хлебозаготовок Куйбышевская область выполнила на 43,3%. Выполнение плана по районам области выглядело следующим образом: Алексеевский — 44,9%; Безенчукский — 44,9%; Богатовский — 63,4%; Большеглушицкий — 34%; Большечерниговский — 53,7%; Борский — 53,7%; Дубовоуметский — 65,4%; Елховский — 33,6%; Иса克林ский — 34,5%; Камышлинский — 23,6%; Кинельский — 57,8%; Кинель-Черкасский — 46,2%; Клявлинский — 23,2%; Колдыбанский — 44,9%; Кошкинский — 36,6%; Красноярский — 45,2%; Куйбышевский — 60%; Кутузовский — 32,4%; Новобуянский — 40,1%; Петровский — 40,4%; Пестравский — 38,3%; Подбельский — 35,9%; Похвистневский — 23,1%; Приволжский — 39%; Сергиевский — 36%; Сосновосолонецкий — 44,8%; Утевский — 66,6%; Чапаевский — 64,4%; Челно-Вершинский — 31,3%; Хворостянский — 37,1%⁹.

Партийные и советские органы вынуждены были прибегать к угрозам и запугиванию, чтобы хоть немного увеличить количество собранного хлеба. Из Постановления бюро обкома ВКП(б) Куйбышевской области от 5 ноября 1946 г.: «... всякая малейшая попытка свертывания хлебозаготовок под какими бы то ни было предложениями будет рассматриваться как антипартийное, антигосударственное дело со всеми вытекающими отсюда последствиями. Виновники в подобных делах будут исключаться из партии, сниматься с постов и предаваться суду. ... райкомы и райисполкомы обязаны беспощадно бороться с саботажниками хлебозаготовок и расхитителями государственного хлеба, решительно ликвидировать имеющиеся до сих пор безобразия в организации дела хлебозаготовок в колхозах, опираясь при этом на широкие массы передовых колхозников и колхозниц»¹⁰.

Это были отнюдь не пустые угрозы. Бюро обкома партии постоянно рассматривало персональные дела руководителей колхозов и совхозов, руководителей районов, уполномоченных партийных органов, находившихся в сельской местности для мобилизации крестьян на трудовые подвиги. Как о больших победах партийные органы рапортовали о найденном в колхозах укрытом от власти зерне. Такие случаи были достаточно часты, путем укрытия зерна председатели колхозов пытались создать запасы зерна, чтобы хоть как-то накормить людей зимой. Но их объяснения власти слушать не желали. Так, в колхозе им. XVII съезда

ВКП(б) Безенчукского района были найдены 40 ц чистого зерна и 40 ц неотработанных отходов с большим содержанием зерна. Председатель колхоза Г.И. Кривов, секретарь парторганизации счетовод В.С. Мотыгин были сняты со своих постов, исключены из партии и отданы под суд, а уполномоченный райкома партии И.М. Девятов, «не досмотревший такого безобразия», лишился партийного билета и должности¹¹.

Широкое распространение получили и случаи группового хищения зерна. Только за две первые декады августа 1946 г. к уголовной ответственности было привлечено 250 человек, из них 50 рядовых колхозников, 27 возчиков и шоферов, 20 комбайнеров и трактористов, 20 сторожей¹².

Естественно, руководители колхозов понимали, чем грозит полная выемка зерна хозяйствам и колхозникам. И так же естественно, что подавляющее большинство молчало об этом. Но ряд руководителей говорили колхозникам правду. На 28-м объединенном Пленуме обкома и горкома ВКП(б) (22–23 августа 1946 г.) резкой критике подвергся председатель колхоза «Заливное» Кошкинского района Галлий, который откровенно заявлял колхозникам: «Вот хлеб сдадим, а есть вам ничего не останется»¹³.

Впрочем, это прекрасно понимали и сами колхозники. Не веря пустым обещаниям, устав от угроз и запугивания, а главное, прекрасно понимая, что политика, направленная на полное выкачивание хлеба из деревни, приведет к голоду, они стремились противостоять этому. Безусловно, о прямых критических выступлениях речь не шла. Колхозники применяли, как это видно из документов, тактику саботажа. Уже в августе 1946 г. областной комитет партии констатирует, что из 190612 колхозников ежедневно на уборке работает не более 70 тыс., а остальные под разными предлогами ее саботируют¹⁴.

Партийные органы проявляли высокую степень активности при решении вопросов, связанных с заготовкой хлеба. Фактически они оттеснили советские органы и правления колхозов от решения каких-либо вопросов. Этот факт был вынужден констатировать 28-й объединенный Пленум обкома и горкома ВКП(б) (22–23 августа 1946 г.). В постановлении пленума отмечалось: «Работники колхозов, совхозов и МТС по всем хозяйственным вопросам получают указание от райкомов партии и обращаются, как правило, только в райкомы партии. Руководящие работники райисполкомов ожидают по каждому мелкому поводу указания от райкомов партии. На практике это приводит к обезличке и понижению ответственности советских, хозяйственных и земельных органов»¹⁵.

Путем невероятных усилий удалось несколько повысить первоначальные показатели. В Куйбышевской области в 1946 г. было собрано 10464 т зерна, что составило 44,6% от плана. Урожайность зерновых в 1946 г. составила 4,6 ц с гектара. Для сравнения отметим, что в предыдущем 1945 г. было собрано 18076 т урожайность составила 7 ц, а в довоенном 1940 г. было собрано 49687 т, а урожайность составила 10,4 ц¹⁶.

В целом по стране валовый сбор зерновых культур был выполнен на 76,5%, на заготовительные пункты поступило 1608 млн т зерна, т. е. меньше сбора 1945 г. на 2,27 млн т и вдвое меньше сбора 1940 г.¹⁷ Эти показатели ни в коей мере не могли удовлетворить руководство страны.

Для сохранения и пополнения государственного хлебного фонда правительство прибегло к практике изъятия заготовок от валового сбора в колхозах и совхозах. В Куйбышевской области процент изъятия хлебных заготовок составил 62% (это меньше, чем в соседних Саратовской и Сталинградской областях, где процент изъятия составил 77% и 86% соответственно)¹⁸.

Изъятие хлеба привело к тяжелым последствиям. В сельской местности катастрофически не хватало хлеба. На один трудодень в лучшем случае выдавалось 500–700 г хлеба¹⁹, что в отсутствие запасов хлеба у населения фактически привело к голоду. Житель села Спиридоновка Утевского района Куйбышевской области Г.К. Комков писал в Президиум Верховного Совета СССР «...Я инвалид II группы. Как трудно мне жить, паек не дают... Никому мы не нужны. Придется, наверное, погибать»²⁰.

Куйбышевский обком ВКП(б) и облисполком несколько раз обращался в Совет Министров СССР с просьбой о возможности заимствования из государственных резервов любых продуктов питания для распределения среди голодающего населения. Однако Совет Министров неизменно отклонял эти и другие просьбы, поступающие из пострадавших регионов страны²¹.

В регионах, пострадавших от засухи, начинается борьба за строгую экономию хлеба. Бюро Куйбышевского обкома ВКП(б) (26–29 сентября 1946 г.), рассмотрев постановление ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1946 г. «О неудовлетворительном ходе хлебозаготовок в Куйбышевской области», приняло решение о сокращении контингента населения, получающего хлеб по карточкам. В городской местности это достигалось уменьшением численности лиц, имевших право на получение хлебных карточек, и снижением норм выдачи хлеба на карточку: иждивенцам норма выдачи сократилась с 300 до 250 г в день на человека, а детям она была уменьшена с 400 до 300 г²².

Помимо этого, запрещался отпуск хлеба и крупы сверх нормы по карточкам по всем видам дополнительного питания всем категориям населения, прекращалась коммерческая торговля зернопродуктами, а отпуск коммерческого хлеба в одни руки уменьшался с двух до одного килограмма. Правительство отказалось от запланированного увеличения на 100 г хлебной нормы снабжения рядового и офицерского состава вооруженных сил и войск МВД²³.

Особо сильный удар был нанесен по селу. Сельское население было поставлено на грань выживания. С 1 октября 1946 г. количество хлеба,

выдаваемое по хлебным карточкам в сельской местности, было снижено на 70%. Сокращение контингента снабжаемых хлебом было проведено за счет иждивенцев, рабочих и служащих совхозов, подсобных хозяйств и МТС, рабочих и служащих предприятий и учреждений местной промышленности, промысловой кооперации, рабочих и служащих лесоохраны²⁴. В.Ф. Зима утверждает, что в это голодное время государство располагало достаточными запасами хлеба, но расходовало его в очень ограниченных количествах и лишь в исключительных случаях. Как видно, голод 1946 г. оно не считало случаем исключительным²⁵.

В этих тяжелых условиях сельчанам приходилось рассчитывать только на себя. В пищу начинают употреблять всевозможные суррогаты. Сельские жители, пережившие голод 1921 г., вспоминали, что помогало им выжить в тех неимоверно трудных условиях, и пытались применить этот горький опыт. Постоянное недоедание, голод привели к росту заболеваемости. С осени 1946 г. органы здравоохранения зафиксировали рост амилитарно-токсической алейкии (белокровие), вызванной недоеданием.

Особо тяжелое положение сложилось в конце зимы – весной 1947 г., когда были подведены немногочисленные запасы продовольствия. После схода снега на обнажившихся полях колхозники начали искать оставшееся с осени зерно (просо, пшеницу, рожь, гречиху), чтобы употребить его в пищу. Это привело к массовому заболеванию септической ангиной. Это заболевание вызывалось употреблением в пищу прошлогоднего проросшего зерна и выражалось в резком снижении белых кровяных телец в крови, сопровождавшемся высокой температурой, непроницаемостью в зеве и полости рта, кровоизлияниями на коже.

Состояние голода и увеличение уровня заболеваемости привели к росту смертности населения. Масштабы смертности населения установить не удалось, так как в фонде областного управления статистики полностью отсутствуют данные об естественном движении населения за 1946 г. Определенные сведения удалось обнаружить в картотеке смертности, составленной органами статистики для Госплана СССР. Ее данные свидетельствовали об увеличении смертности в 1947 г. по сравнению с 1945 г. от дизентерии в 6,9 раза, септической ангины – в 4,8 раза, эмфиземы легких – в 3,4 раза²⁶.

Засуха и неурожай 1946 г. стали серьезными испытаниями для страны. Обрушившиеся на истощенное войной сельское хозяйство, они привели к голоду, охватившему огромную территорию. Власть мобилизовала все силы для максимального сбора зерна, используя как пропаганду, так и жесткие административные меры. Желание во что бы то ни стало выполнить планы по сбору зерна вполне объяснимы, учитывая международную ситуацию того времени. Но выполнение этих планов проходило за счет изъятия продуктов у населения. Руководство страны не

желало признавать наличие голода, а следовательно, и не организовало действенной помощи голодающим. «Великий народ-победитель» снова должен был приносить жертвы во имя целей, начертанных правительством.

Примечания

¹ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 10.

² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 13. Д. 162. Л. 118.

³ Там же. Оп. 10. Д. 183. Л. 18

⁴ Там же. Оп. 13. Д. 162. Л. 116.

⁵ Там же. Л. 118.

⁶ Там же. Оп. 10. Д. 101. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3–5.

⁸ Зима В.Ф. Указ. соч. С. 25.

⁹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 10. Д. 115. Л. 5–59

¹⁰ Там же. Л. 24, 38.

¹¹ Там же. Л. 50, 51.

¹² Там же. Л. 39.

¹³ Там же Д. 162. Л. 9

¹⁴ Там же. Д. 164. Л. 24.

¹⁵ Там же. Д. 162. Л. 23.

¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 13. Д. 162. Л. 120.

¹⁷ Зима В.Ф. Указ. соч. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ СОГАСПИ. Ф.656. Оп. 12. Д. 225. Л. 7.

²⁰ Зима В.Ф. Указ. соч. С. 67.

²¹ Там же. С. 68.

²² СОГАСПИ. Ф.656. Оп. 10. Д. 101. Л. 9.

²³ Там же. Л. 8–9.

²⁴ Там же. Л. 8.

²⁵ См. подробнее: Зима В.Ф. Указ. соч. С. 34.

²⁶ Подсчитано по материалам: ГАРФ. Ф. А 374. Оп. 30. Д. 6865. Л. 6–8.

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ:
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – XX ВВ.**

Традиционные институты управления в обновленной вертикали власти империи: Оренбургский тюремный комитет в эпоху пореформенной модернизации

Целью настоящей статьи является анализ тех изменений, которые произошли в эпоху пореформенной модернизации с одним из ключевых традиционных органов губернского управления, специализировавшимся на руководстве пенитенциарной сферой, — попечительным о тюрьмах комитетом. Одним из постулатов анализа является тезис о необходимости учета региональной специфики модернизационных процессов¹. В связи с этим основное внимание сосредоточено на Оренбургском крае, который в исследуемый период являлся своеобразной «внутренней периферией» империи.

Пенитенциарная система и механизмы управления ею как важная часть государственной машины России стали объектом планомерного реформирования только с 1879 г., когда стартовала тюремная реформа. Чтобы адекватно понимать ход ее реализации, важно учитывать тот региональный исторический контекст, который был создан в Оренбургском крае самим процессом общеимперской модернизации. Тем более что тюремная реформа 1879 г. относилась к числу поздних реформ той эпохи, то есть предыдущие преобразования и специфика их региональной реализации (или нереализации, как, например, в отношении земств, введенных в Оренбургской губернии только с 1913 года²) накладывали на ее проведение серьезный отпечаток. С нашей точки зрения, он был весьма существенным и заключался в следующем.

Эпоха реформ 2-й половины XIX века предполагала трансформацию старой разветвленной сословной структуры. Типичным примером этого процесса было устранение различий между частновладельческими, государственными и дворцовыми крестьянами и объединение их в одно крестьянское сословие. С этой точки зрения Оренбургское генерал-губернаторство было настоящим, как выразился японский исследователь К. Мацузато, «опытным полигоном»³. К началу 1860-х гг. XIX века его территория была не только чрезвычайно велика (1730 тыс. кв. миль с населением в 4,2 млн человек⁴), но также она была разорвана между министерствами; две гражданских губернии под юрисдикцией МВД, земли двух казачьих и Башкиро-Мещерякского войска под юрисдикцией военного министерства, территории Внутренней Орды и оренбургс-

* © Любичанковский С.В., 2011

ких Киргизов под юрисдикцией министерства государственных имуществ и иностранных дел соответственно. Согласно отчету Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.П. Безака императору за 1863–1864 годы, «население, подчиняющееся различным министерствам, проживает чересполосно; корреспонденция между лицами, принадлежащими к различным администрациям, непрерывна и многочисленна; случаи, когда гражданские и преступные дела, или даже самые повседневные дела не являются объектом вмешательства лиц, принадлежащих различным министерствам, редки»⁵. Поэтому одной из важнейших целей всех реформ для Оренбургского края было «преодоление разъединенности властей».

Прорабатывались разные варианты решения этой проблемы. Поскольку в итоге император не пошел на ликвидацию Оренбургского казачьего войска (на полях соответствующего предложения, исходящего от А.П. Безака, он написал в 1863 г. свое однозначное «...с этим я абсолютно не согласен»⁶), было принято решение об интеграции казачьей территории в будущую Оренбургскую губернию (вследствие ее отделения от Уфимской губернии) путем назначения губернатора атаманом войска⁷. В результате в Уфимской губернии могли быть созданы земства и проведены другие «Великие реформы», в то время как в Оренбургской губернии проблема многовластия осталась нерешенной.

Таким образом, исторический контекст эпохи «Великих реформ» применительно к Оренбургской губернии заключался в нереализованности на ее территории целого ряда преобразований, с успехом прошедших в других губерниях Урало-Поволжья. Управленческая специфика Оренбургской губернии, вызванная политическим решением правительства о консервации ее социокультурных особенностей, предопределила особое внимание и особую заинтересованность оренбургских властей ко всем столичным инициативам, могущим изменить эту ситуацию.

Оренбургский край уже не служил местом массовой ссылки, как ранее (видимо, последняя массовая отправка в регион ссыльных имела место после польского восстания 1863–1864 гг.⁸); однако регион, благодаря своему длительному окраинному положению, все же имел давние пенитенциарные «традиции», и уже только поэтому его руководство должно было понимать всю важность налаживания эффективной работы тюрем и органов управления ими. Тем более что Оренбургская губерния к 1879 г. имела на своей территории 5 губернских и уездных тюремных замков и одну каторжную тюрьму. Шесть тюремных замков находилось и на территории Уфимской губернии, входившей в то же генерал-губернаторство.

На этапе подготовки тюремной реформы 1879 г. ее разработчики провели работу по выяснению мнения региональных руководителей по поводу предстоящих преобразований. Это была важная часть деятельности собранной в 1877 г. комиссии под председательством члена Госу-

дарственного Совета К.К. Грота⁹. В Оренбург пришел список интересующих комиссию вопросов, среди которых были такие: нужна ли вообще реформа тюремного управления; в какой форме желательно организовать центральное тюремное учреждение; в каком виде желательно организовать местное тюремное управление; нужно ли сохранить в будущем учреждение попечительное о тюрьмах?

Показательно, что отвечать на эти вопросы взялся лично Оренбургский генерал-губернатор Николай Александрович Крыжановский, хотя пришедший из Санкт-Петербурга документ позволял передать эту обязанность непосредственно на губернский уровень, гражданским губернаторам. Это показывает, что «главный начальник» Оренбургского края придавал тюремной реформе большое значение.

Суть его многостраничного ответа¹⁰ на имя председателя комиссии тайного советника К.К. Грота можно свести к следующим основным моментам:

1) тюремная реформа есть, безусловно, необходимое, назревшее мероприятие:

2) о том, в какой мере необходимо центральное тюремное учреждение, пусть решают столичные власти, так как сам Н.А. Крыжановский «не участвует в центральных учреждениях» (на наш взгляд, эта часть ответа в своей основе имела политическую осторожность опытного чиновника, который, конечно, не мог не знать о межведомственных трениях МВД и Министерства юстиции и спорах по поводу будущей подведомственности проектируемого Главного тюремного управления);

3) основной территориальной единицей тюремного управления должна быть именно губерния, то есть не уезд и не округ, включающий в себя несколько губерний (такие варианты также рассматривались в столичной комиссии). Это чрезвычайно важный момент в ответе Н.А. Крыжановского. В отношении уезда негативная позиция генерал-губернатора легко объяснима с учетом того, что уездное управление пореформенной России страдало от отсутствия единоначалия, и эта проблема так и не была решена вплоть до революции 1917 г.¹¹ Но почему же Н.А. Крыжановский не настаивал на передаче всей полноты власти окружному начальнику? На наш взгляд, это было связано с опасением, что в регионе появится равный ему по статусу чиновник, в результате чего генерал-губернатор может потерять часть своих полномочий;

4) управление пенитенциарной системой на территориальном уровне «должно подчиняться местной власти». Этот тезис логически продолжал предыдущую мысль и полностью соответствовал описанному нами выше региональному историческому контексту эпохи. Таким образом, именно губернатора, который самим законом был наделен правами «начальника губернии», Н.А. Крыжановский ставил в центр преобразованной вертикали власти;

5) после проведения реформы в вышеописанном ключе «необходимость в учреждениях общества попечительного о тюрьмах исчезает»¹². Этот пункт также вытекал из предыдущего, поскольку обеспечивал губернатору как центральной фигуре тюремного управления в регионе отсутствие двоевластия в этой сфере.

В ходе тюремной реформы 1879 г. эти предложения Н.А. Крыжановского были учтены лишь частично. В частности, не произошло полного упразднения того самого тюремного комитета, о котором и пойдет далее речь. Однако очень важно подчеркнуть, что общий смысл реформы, заключающийся в создании единой централизованной вертикали власти в сфере пенитенциарного управления, руководство Оренбургского края поддержало на все сто процентов.

Оренбургский губернский попечительный о тюрьмах комитет и его уездные отделения представлял собой полугосударственный, полуобщественный орган управления, который возник не в ходе реформы, а до нее. Однако следует отметить, что среди аналогичных органов других регионов Российской империи данное учреждение появилось одним из последних — только в феврале 1866 г.¹³, то есть уже в период «Великих реформ». По империи же эти органы стали возникать еще с 1819 г.¹⁴

Такое позднее появление было связано, на наш взгляд, с тем, что долгое время регион находился на приграничном положении, поэтому целый ряд сфер, управление которыми на внутренних территориях было доверено гражданским властям и даже (частично) общественным организациям, здесь контролировался военными. Но в середине 1860-х гг., в связи с активным проникновением в Среднюю Азию, регион утратил эту свою особенность (что было окончательно оформлено в 1867 г. созданием Туркестанского генерал-губернаторства) и окончательно превратился в т. н. «внутреннюю периферию» — понятие, обозначающее в исторической науке те части империи, которые не являлись пограничными окраинами, лежали внутри освоенных областей, но отличались от основной (центральной) территории государства своей неполноценностью в каком-либо смысле»¹⁵. И это изменение позволило начать перевод региона на гражданское управление. Отражением этого процесса и стало создание местного Попечительного о тюрьмах комитета.

Согласно уставу данной организации, в состав Оренбургского губернского комитета входили: 1) вице-президенты¹⁶, к числу которых принадлежали губернатор (первый вице-президент, то есть главный руководитель Комитета), архиерей и прокурор судебной палаты; 2) директора по должности: губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, губернский врачебный инспектор, городской голова, губернский тюремный инспектор, товарищ прокурора палаты, прокурор окружного суда и губернский полицмейстер; 3) директора, избиравшиеся из числа членов

общества и утверждавшиеся в этом звании императором; 4) члены общества обоого пола, избиравшиеся из частных лиц вице-директорами¹⁷.

Уже в 1866 г. в Оренбургской губернии было сформировано 4 уездных отделения: Орский, Троицкий, Верхнеуральский, Челябинский (в каждом из уездов находилось по одному уездному тюремному замку)¹⁸. Оренбургский уезд не был охвачен уездным отделением потому, что Оренбургский губернский тюремный замок и Илецкая каторжная тюрьма (впоследствии исправительное отделение) опекалось непосредственно губернским Комитетом¹⁹. Руководящий состав уездных отделений Комитета состоял из представителей чиновничества, уездных предводителей дворянства, местных священников, а также купцов²⁰.

В руководящий состав организации входили, главным образом, представители региональной правящей элиты. С одной стороны, это повышало реальный статус Комитета в провинциальном обществе, но, с другой стороны, участие в нем на «неосвобожденной основе» приводило к тому, что местные чиновники относились к этим своим обязанностям как к второстепенным и навязанным им. А представители общественности, не получавшие за свою деятельность в комитете жалованья (ведь он не являлся государственным органом в точном смысле этого слова), также не могли посвятить ему все свое рабочее время.

Принадлежность к Обществу попечительному о тюрьмах рассматривалась в империи как привилегия, поскольку, хотя и не предполагала выплаты жалованья, все же создавала возможность участвовать в принятии решений. Парадоксальным образом на уровне империи в целом в пореформенный период это создало определенную проблему – Комитет нередко привлекал в свои ряды лиц, лишившихся службы за должностные преступления и пытавшихся путем получения места в этом учреждении восстановить свое прежнее положение. В бытность прокурором Петербургского окружного суда А.Ф. Кони так писал об одном из комитетов Общества попечительного о тюрьмах: «В него вошли несколько пустых крикунов, не понимающих дела и им не занимавшихся, но стремившихся, присосавшись к официальному учреждению, выболтать себе разные отличия...»²¹ Однако применительно к Оренбургскому комитету нами не выявлено в архивах ни одного документа, в котором бы эта проблема была обозначена.

Существенным фактором, ограничивающим деятельность Комитета, являлась обязанность его членов вносить в фонд организации определенные «пожертвования». Эти добровольно-принудительные сборы иногда даже, если можно так выразиться, «отпугивали» деятельных лиц из числа местных жителей. Например, Верхнеуральское и Орское уездные отделения Комитета (то есть 2/5 его отделений, если считать вместе с губернским) с момента их учреждения в 1866 г. и вплоть до их упразднения в 1917 г. не имели полного комплекта директоров²² (полным комплект считался при наличии минимум десяти директоров²³),

а Троицкое и Челябинское отделения вплоть до 1893 г. также имели незакрытые вакансии директоров²⁴.

Вообще финансирование деятельности Комитета представляло собой достаточно сложную систему, что было, конечно, связано с юридическим статусом данного учреждения как общественной организации. Оно складывалось из четырех источников: 1) т.н. «казенные суммы» — средства из казначейства, передаваемые Оренбургскому комитету через столичный, головной комитет. Их можно было тратить на улучшение питания арестантов, поддержку тюремного здравоохранения, снабжение заключенных книгами, журналами, организацию богослужебной деятельности и надбавки к жалованью членов тюремной администрации²⁵. Эти средства губернский Комитет распределял между уездными отделениями, причем не поровну, каждый раз решение принималось на основе отчетности и официальных запросов уездных членов Комитета; 2) средства из бюджета городской управы, которые жертвовались губерньским и каждым уездным городом непосредственно в пользу своего территориального отделения Комитета; 3) обязательные взносы директоров комитетов и отделений. Пожертвования вносились в декабре за год вперед, минимальное определялось суммой в 5 руб. для уездного отделения и 10 рублей — для губернского; 4) т.н. «частные суммы» — так обозначались благотворительные пожертвования, сбор кружек, выставленных в разных местах города, а также арестантский заработок²⁶.

Участниками организации были наиболее крупные оренбургские купцы 2-й половины XIX века: Петр Михайлович Деев, Василий Ефимович Мякинков, Никифор Прокофьевич Савинков, Николай Антонович Ключмп, Махмут Галиевич Хусаинов, Степан и Василий Ивановичи Назаровы, Иван Алексеевич Зарывнов, Андрей Константинович Константинов, Иван Михайлович Коробов и др.²⁷

В источниках не сохранилось ведомостей с указанием конкретных финансовых поступлений в фонд комитета, что не позволяет установить персональный состав наиболее крупных жертвователей. Однако наш архивный поиск позволил ввести в научный оборот сводную ведомость бюджета Оренбургского губернского комитета за два трехлетних периода — с 1866 по 1868 г. и с 1896 по 1898 г.²⁸, составленную в рамках юбилейной справки к 70-летию столичного Попечительного о тюрьмах общества. Сравнительный анализ этих данных дает право утверждать, что они составляли, в среднем за год, в 1866—1868 г. 1507 рублей, в 1896—1899 г. — 2135 рублей. Разница связана с тем, что всесословное городское самоуправление в Оренбургской губернии появилось только в 1870 г., а до этого времени города губернии не выделяли средства в фонд Комитета. Ведомость также позволяет понять, как вышеназванные источники соотносились между собой (см. рис.).

Вклад разных финансовых источников в бюджет Оренбургского губернского Попечительного о тюрьмах комитета в 1896–1898 гг. (среднегодовые данные, %) ²⁹

Как наглядно видно из представленной диаграммы, основной вклад в финансирование Комитета делала казна (чуть более половины всего бюджета), еще чуть менее трети части всех доходов составляли средства городов. Остальное — взносы частных лиц и директоров комитета. Таким образом, статус Комитета как полугосударственной общественной организации с благотворительным уклоном подтверждался и на уровне финансирования.

Если сравнивать доходы Оренбургского комитета с доходами Уфимского, Тверского, Владимирского, то мы увидим, что финансирование последних к концу XIX века достигало суммы от 5 до 5,4 тыс. рублей в год ³⁰. Причиной этого служило то, что это были земские губернии, а земства, как и городское самоуправление, обязаны были часть доходов тратить на совершенствование местной пенитенциарной системы. Практика показала, что их вклад был весьма существенным, он мог в 2–2,5 раза превысить казенные поступления ³¹. Важной особенностью финансирования Оренбургского комитета было отсутствие земского источника финансирования, что затрудняло его деятельность.

На наш взгляд, это также послужило одной из причин того, что Комитет был вынужден избирать наименее затратные мероприятия, сосредотачиваясь на их финансировании.

После введения с 1894 г. в Оренбургской губернии тюремной инспекции и создания в рамках Оренбургского губернского правления тюремного отделения ³² тенденция на сужение практической деятельности Комитета была закреплена окончательно. Распоряжением оренбургского губернатора Владимира Ивановича Ершова было установлено, что Комитет имеет право заниматься практически всеми вопросам функци-

онирования пенитенциарных учреждений, но при этом уточнялось, что при решении задач обеспечения продовольствием, организации лечения, снабжения одеждой, развития арестантского труда и т. п. (то есть перечислялись все важнейшие стороны тюремного заключения) «все денежные вопросы по этому предмету находятся в ведении тюремного отделения губернского правления»³³. Это окончательно превратило Комитет в совещательное учреждение, которое по большинству вопросов могло только просить Оренбургского губернского тюремного инспектора (главу тюремного отделения) обратить внимание на тот или иной вопрос.

Таким образом, в период реализации тюремной реформы в Оренбургской губернии тюремному комитету по сути было оставлено лишь два направления деятельности — задача «нравственного исправления» преступников, а также оплата (по возможности) долгов тех лиц, которые были заключены в тюрьму именно за долги. Вторая задача решалась путем перечисления необходимых сумм на счет казны, а первая — выражалась в организации в тюрьмах богослужений с проповедями, раздачах «нравственных» книг и журналов и т. п. Важно подчеркнуть, что скромность занятого Оренбургским комитетом места в общей системе управления пенитенциарными учреждениями губернии была связана именно с тем, что он, в соответствии с выработанными еще в дореформенную эпоху стандартами, не имел статуса государственного учреждения, личный состав не специализировался на вопросах пенитенциарной системы и его финансирование было существенно ограниченным.

Иными словами, генетически predeterminedная неспособность взять на себя роль единого координатора управления всей пенитенциарной системой региона, что являлось для последнего насущной необходимостью и ближайшей исторической задачей, обусловила превращение данного органа в течение двух десятилетий (с конца 1870-х до середины 1890-х гг.) во вспомогательный орган пенитенциарного управления. Вместе с тем рассматриваемое учреждение не было упразднено: характерной чертой пореформенной модернизации было проявление уважительного отношения к «старорежимным» институтам российской имперской государственности, даже некое стремление камуфлировать новое содержание старой формой, подчеркивание верности сложившимся традициям. Однако сохранившись формально, фактически данное учреждение было жестко приспособлено к требованиям модернизационного процесса 2-й половины XIX века.

Примечания

¹ Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев [и др.]. Екатеринбург, 1997; Цивилизационное своеобразие российских мо-

дернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009.

² Беседовская А.В. Реформа местного управления и введение земств на Южном Урале // Реформы и реформаторы в России: сб. ст. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. С. 156–175.

³ Мацузато К. Управляя пространством // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность: сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург; Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. С. 429.

⁴ Злобин Ю.П. Оренбургская губерния в середине XIX века // Оренбургскому краю – 250 лет: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 250-летию Оренбургской губернии и 60-летию Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1994. С. 35–38.

⁵ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 30986. Л. 1–9об.

⁶ Там же. Д. 2958. Л. 1, 37об.

⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 48. Л. 40.

⁸ Оренбуржье и Польша: проблемы истории и культуры. Оренбург: ДИ-МУР, 1996. 155с.

⁹ РГИА. Ф. 1149. 1877 г. Д. 3

¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14572. Л. 1–9об.

¹¹ Корелин А.П. Проблемы местного управления России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 180–205.

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14572. Л. 1–9об.

¹³ ГАРФ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 373. Л. 10

¹⁴ Тарасова И.А. Век XIX: Общество попечительное о тюрьмах. О формировании системы по оказанию помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы // Закон и право. 2007. №4. С. 114.

¹⁵ Васильев Д.В. О понятии «внутренняя периферия» и принципах административной организации на национальных окраинах империи // Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность: сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург; Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. С. 426.

¹⁶ Президентом Комитета (как Оренбургского, так и в других губерниях) считался министр внутренних дел.

¹⁷ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–14.

¹⁸ Осипов М.В. Тюремная реформа 1879 года и ее реализация в Оренбургской губернии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Оренбург, 2010. С. 19.

¹⁹ ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

²⁰ Там же. Л. 25–27.

²¹ Кони А.Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. СПб., 1912. №1. С.4

²² ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Д. 6. Л. 3–4 об.

²⁵ Там же. Д. 13. Л. 120–122.

²⁶ Там же. Л. 44–44 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 7. Д. 211. Л. 677–681 об.

²⁸ Там же. Л. 705.

²⁹ Источник: ГАОО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 13.

³⁰ Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.). СПб., 1914. С. IV–V.

³¹ Осипов М.В. Указ. соч. С. 20.

³² Любичанковский С.В. Создание тюремных отделений губернских правлений и проблема эффективности губернской администрации в позднеимперской России // Гуманитарно-пенитенциарный вестник / под ред. Ю.А. Реента, О.А. Тарасова, С.А. Васильевой. Рязань: Академия ФСИН России, 2009. С. 61–66.

³³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 57. Л. 3.

*В.Ю. Карнишин**

Проекты реформ местного управления и самоуправления в позднеимперской России: восприятие провинциального общества

Внимание научного и экспертного сообществ к изучению российского и зарубежного опыта модернизационного процесса отражает достаточно сложные реалии переходного периода, переживаемого нашей страной. Особо отметим значимость политической составляющей модернизационного процесса. Ее специфика определяется двумя факторами. С одной стороны, она диктовалась необходимостью догоняющего развития позднеимперской России, а с другой — тем, что осуществлялась по воле верхов, осознававших опасность отставания и настоятельную потребность его преодоления¹.

Исследования последних лет позволили воссоздать достаточно противоречивое полотно настроений, метаний, коллизий во властных структурах, после третьеиюньского переворота 1907 г. По нашему мнению, не отрицая значимости ряда инициатив во внутренней политике, Николай II оставался далек от осознания содержания принципиально новых тенденций в развитии России. Автор новейшей биографии последнего императора справедливо отмечает, что «самодержавный политик искренне полагал, что может иметь личную, отличную от его же, государевых министров политику, подвергая риску стабильность развития огромной страны и благополучие миллионов подданных!»². Эта позиция во мно-

* © Карнишин В.Ю., 2011

гом предопределила судьбу проектов реформ, выдвинутых по инициативе П.А. Столыпина.

Вопрос о том, способны ли были столыпинские инициативы направить страну к созданию основ либеральной демократии, ответы на него продолжают стимулировать полемику в среде новых поколений российских и зарубежных исследований. По мнению П.С. Кабытова, узость социальной опоры в конечном итоге привела к изоляции последнего императорского реформатора³. В.В. Шелохаев полагает, что «успешный, смелый и самостоятельный политический лидер не устраивал ни слабовольного императора, ни корыстных царедворцев, завидовавших успехам Столыпина⁴. Американский юрист С. Уильямс исходит из того, что возможность реализации реформаторской программы была связана с тремя условиями: охватом преобразований территории всей страны и первыми успехами в их воплощении; корректировкой правительственной политики; участием крестьян в жизни гражданского общества⁵.

Столыпинский план реформирования системы местного управления и самоуправления был нацелен на формирование новых структур, способных стать опорой преобразований на периферии. Основательное изучение содержания плана П.А. Столыпина в новейших исследованиях⁶, на наш взгляд, должно быть продолжено. В этой связи отметим важную проблему восприятия реформ местного управления и самоуправления той части провинциального общества, которая осознавала необходимость перемен и в то же время выражала обеспокоенность при выборе вариантов преобразований.

Задачи правительства по внесению изменений в деятельность местного управления были конкретизированы П.А. Столыпиным при открытии 20 ноября 1909 г. второй сессии общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. Речь шла, во-первых, об устранении негативных последствий ведомственной политики и концентрации власти в руках губернатора. Во-вторых, намечалось создать условия для прекращения трений между администрацией и органами самоуправления. Наконец, предполагалось привлечь к разрешению в Совете спорных проблем, вызывавших разногласия путем привлечения представителей общественности⁷.

П.А. Столыпин взывал к необходимости извлечь уроки из опыта борьбы с революцией, обращая внимание на «разъединенность» в действиях местных властей (при том, что уезд был лишен целостного административного устройства)⁸.

«Первые лица» поволжского дворянства, представленные на съезде уполномоченных от губерний европейской России отвергли предложения главы правительства. Н.Ф. Беляков (Симбирск), А.Н. Наумов (Самара), С.Н. Панчулидзе (Саратов), В.Н. Поливанов (Симбирск) голосовали против столыпинского проекта. Симбирец Н.Ф. Беляков, возглавлявший губернскую земскую управу, в числе пяти членов Совета объединенного дворянства, подписал особое мнение, в котором указы-

валось на то, что проект «не внесет никакого существенного улучшения состава Совета: случайность состава, случайность решений и безответственность будут только усиливаться, и напрасно думают составители проекта, что влияние канцелярий... устранился»⁹.

В намерениях П.А. Столыпина дворяне усматривали шаг, способный внести дестабилизацию в систему местного управления и, в конечном итоге, посягавший на прерогативы монарха и самого «первого сословия». Намерение возложить ответственность на назначаемого начальника уездного управления и упразднение должности земского начальника не могло не затронуть корпоративных интересов провинциального дворянства.

Интерпретируя положение губернской реформы саратовец Э.А. Исеев отмечал, что ее смысл заключался в том, чтобы «местное представительство было совершенно устранено, и когда из Петербурга будет дан по камертону известный тон, чтобы этот тон отразился бы, начиная с губернатора и кончая последним урядником»¹⁰. Более категоричен в своих суждениях был пензенский землевладелец А.Л. Цитович, решивший «открыть глаза» дворянам и возвестить об угрозе некоей автономии губернатора от Министерства внутренних дел и самого правительства. Э.А. Исеев приписал столыпинскому проекту «революционный» характер, способный вести страну к республиканскому строю. Правительственная политика оценивалась как результат банкротства бюрократии, которая, не добившись успехов в законотворчестве в Государственном совете и Государственной думе, стремилась якобы вытеснить дворян из системы местного самоуправления и занять освободившиеся места¹¹.

Более рассудительные единомышленники Э.А. Исеева предпочитали анализировать отношение П.А. Столыпина к дворянам без излишних эмоций. Н.А. Павлов, констатируя, что «надежды на какую-либо помощь правительства, на какое-либо внимание к нуждам сословия нет никакой», призвал к корпоративной солидарности, что предполагало, в свою очередь, усиление сопротивления правительственным новациям, способным, по его мнению, только ухудшить положение дворянства¹².

Таким образом, поволжские дворяне вносили свой вклад в сооружение преград на пути реализации реформы местного управления. Впрочем, искажение попыток правительства провести умеренные преобразования объяснялось двумя обстоятельствами: во-первых, благодаря отсутствию в новой политической среде других групп интересов, обладающих достаточной властью, чтобы уравновесить власть помещиков; во-вторых, тем, что двор, игравший важную политическую роль, не сочувствовал усилиям П.А. Столыпина и не поддержал его¹³.

Важным компонентом преобразований являлась реформа земского самоуправления, предполагавшая замену крестьянской волости сословной (мелкой земской единицей), постепенный переход от сословных к имущественным куриям при выборах уездных земств.

Проект создания всесословной волости был разработан отнюдь не для умаления дворянской чести и достоинства (это обвинение бросалось в стенах дворянских собраний и в Таврическом дворце достаточно постоянно). Речь шла о назревшей необходимости снять «перегрузку» с уездного земства. С другой стороны, администраторы извлекли урок из аграрных выступлений, потрясших сельскую глубинку, где контроль над жизнью крестьянского «мира» был явно ослаблен. Намечалось включить помещиков в состав волостных гласных (тем самым создавалась возможность влияния на волость «снизу»), а также учредить должность особого участкового начальника, подведомственного МВД и, со своей стороны, способного контролировать ситуацию «сверху»¹⁴.

Вместе с тем правительство намеревалось, заменяя сословный ценз имущественным, сохранить и влияние поместного дворянства на жизнь волости. Что касается компетенции волостного земского управления, то в него входили вопросы обеспечения местного благоустройства и благосостояния, охраны общественного порядка, взимания общегосударственных и земских повинностей и выполнения правительственных распоряжений и решений структур местного самоуправления. Реализация замыслов администраторов могла способствовать участию в принятии решений на местном уровне крестьян, которые, покинув общину, теряли голоса на сельском сходе¹⁵.

Намерения правительства вызвали оживленную полемику в Государственной думе. Провинциальное общество получало информацию об отношении к проектам правительства из газетных отчетов и стенограмм заседаний съездов уполномоченных дворянских обществ. Наибольшую активность проявлял саратовский дворянин Э.А. Исеев, весьма скептически отнесшийся к намерениям комиссии Думы подготовить законопроект о реформе волостного управления и создания из волости «разумного и надежного помощника правительства на местах», оценил этот замысел словами «объять необъятное»¹⁶. Бездоказательно утверждая, что от всех уездных собраний будет зависеть изменение границ не только волостей, уездов, но и губерний (а это обусловило бы хаос в управлении), Э.А. Исеев все же поведал об истинной причине отрицательного отношения к законопроекту о волостном земстве. «Не только право собственности, но и владение на арендных правах дает право участия в волостном земстве и в волостных выборах, — указывал он. — Таким образом, каждый может не только купить землю, чтобы иметь ценз, но может арендовать 1 десятину, затратив и на это 2–3 рубля, и уже будучи участником избирательного собрания, может даже попасть в председатели волостного земского собрания». Смириться с тем, что реализация проекта «откроет путь для всех проходимцев» (под последними понимались крестьяне) Э.А. Исеев явно не желал.

Оппонентом Э.А. Исеева в Таврическом дворце стал саратовский депутат А.А. Уваров. Разочарованный политической линией Франции «Союза 17 октября», из которой он вышел, А.А. Уваров подверг резкой

критике позиции правых депутатов, отрицавших необходимость местного самоуправления на основе всеобщего избирательного права. Он скептически оценил мнение о том, что на местах «недостаточно потребных элементов для того, чтобы найти в волости людей, которые еще не призваны к общественной деятельности», призывая допустить к выборам тех, кто не обладал имущественным цензом¹⁷. Полевание взглядов А.А. Уварова определило его поражение на выборах в IV Думу: избиратели не простили ему бравирования демократизмом.

Принцип земского избирательного права отстаивала Саратовская губернская земская управа. Весомым аргументом было то, что «земство есть единица не только самоуправляющаяся, но и, главным образом, самооблагающаяся, а облагать налогами по справедливости может только тот, кто сам их платит»¹⁸.

Земцы отвергли популизм, основанный, по их мнению, не на учете реальности, а на желании набрать очки, привлекая на свою сторону часть населения. Принцип налогового ценза, как полагали многие гласные, должен внести уравнение в права категорий избирателей и мог способствовать уничтожению различий, существовавших между поземельным подесятинным цензом и оценочным (для владельцев промышленных предприятий).

Вопрос о несоответствии избирательной системы новым реалиям экономического развития губерний все более обострялся. Сословный принцип, положенный в основу избирательной системы, парализовал работу земств там, где процент вымывания дворянского землевладения был настолько велик, что созываемые земские собрания были неправомочны принимать решения. Так, 12 ноября 1910 г. была сорвана работа Николаевского уездного земского собрания (Самарская губерния), поскольку из 18 мест, выделяемых представителям первого избирательного собрания, занятыми оказалось всего девять. «Единственным выходом для нашего земства является изменение гласных по куриям, уменьшение гласных от дворян и увеличение от крестьян»¹⁹, — утверждал корреспондент журнала «Земское дело».

В прениях на собраниях все настойчивее звучали голоса той части земцев, которые предлагали установить прямую и обратную связь с законодательными учреждениями. Гласный Самарского земства Л.П. Позднюнин заявил о необходимости предоставить земству право законодательной инициативы²⁰.

Без внимания власти не осталась записка, адресованная правительству за подписями 28 гласных Самарского губернского земского собрания, среди которых особенно большим авторитетом пользовались предводитель дворянства А.Н. Наумов, В.Н. Львов, Д.Я. Слободчиков. Они предложили признать, что порядок функционирования земских учреждений не соответствует нормам деловой жизни и требует незамедлительного изъятия из ведения губернских земств отраслей хозяйства, ко-

торые «по свойству своей природы... нуждаются в близком и единоличном заведывании»²¹.

Учитывая намерение правительства создать волостные земства, на местах все чаще поднимался вопрос о «нормировке земских задач» в системе губернского — уездного — волостного земств, что, в свою очередь, предусматривало разработку режима функционирования земских учреждений.

В конечном итоге реализация планов реформирования местного управления и самоуправления должна была не только укрепить государственный строй, но и создать основу для полноценных контактов и взаимодействия губернской власти и земских структур. Однако преодоление конфликтности во взаимоотношениях между ними требовало не только времени, но и стабильных социально-экономической и политической основ. Начавшаяся Первая мировая война породила новые конфликты, исход которых был завершён событиями 1917 г.

Примечания

¹ Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2010. С. 83.

² Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010. С. 208.

³ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. М., 2007. С. 176.

⁴ Шелохаев В.В. Самостояние. М., 2010. С. 169.

⁵ Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906–1915 гг. М., 2009. С. 272.

⁶ Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007. С. 127–157; Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. М., 2007. С. 163–168; Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008.

⁷ Доклад Совета объединенного дворянства по вопросу об изменениях положения губернаторов согласно проекту правительства о преобразовании общего учреждения губернского. СПб., 1909. С. 9–10.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1911. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 142.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² Доклад члена Совета Н.А. Павлова об объединении дворянства на почве экономической. СПб., 1906. С. 4.

¹³ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 316

¹⁴ Власть и реформы. От поздней имперской к советской России. СПб., 1996. С. 597.

¹⁵ Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной реформы. Саратов, 1985.

¹⁶ Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний с 3 марта по 9 марта 1913 г. СПб., 1913. С. 199.

¹⁷ Отчет избирателям за четвертую сессию члена Государственной думы графа А.А. Уварова. СПб., 1911. С. 10

¹⁸ Доклад председателя комиссии графа А.А. Уварова. Ч. 1: Земский избирательный закон. Саратов, 1907. С. 11.

¹⁹ Самоупразднение земства // Земское дело. 1911. № 1. С. 35.

²⁰ Постановления Самарского губернского земского собрания, XXXXIII очередной сессии 1908 года. Самара, 1908. С. 5.

²¹ Веселовский Б.Б. К вопросу о взаимоотношениях губернских и уездных земств // Вестник Пензенского земства. 1911. № 1. С. 19.

*К.И. Могилевский**

Столыпин и общество: опыт взаимодействия в Совете по делам местного хозяйства

Начиная с 2001 г. Фонд изучения наследия П.А. Столыпина ведет последовательную работу по поиску, анализу и публикации документов и материалов, связанных с историей столыпинских реформ. Во многом в результате этой работы сегодня стали вполне ясны масштаб, разновекторность и богатое интеллектуальное содержание этих преобразований¹. Это дает возможность на новом уровне осмыслить их историю.

При оценке П.А. Столыпина, как и любого другого государственно-го деятеля, недостаточно учитывать только достигнутые им результаты. Необходимо исследовать замысел, предложенную программу действий, а также механизмы ее реализации. Такой комплексный подход дает возможность извлечь из истории уроки.

Более того, как нам представляется, именно неотработанный механизм реализации каких бы то ни было преобразований приводит к тому, что реформы в России, как правило, лишь частично снимают старые проблемы, в большей же степени способствуют накоплению новых. Видимо, это связано со специфически российской несбалансированностью отношений между властью и обществом. Чтобы реформы состоялись, они должны быть поддержаны теми социальными группами или их частью, интересы которых они затрагивают. Понятно, что стратегически мыслящему правительству необходимо видеть перспективу дальше, чем это получается у поглощенного текущими интересами обще-

* © Могилевский К.И., 2011

ства. Однако, как представляется, другой неизменной задачей реформаторского правительства должно быть совмещение стратегических планов с пожеланиями влиятельных общественных групп. Эта сложнейшая задача объективно стояла и перед П.А. Столыпиным. Столыпин ее понимал.

Мы можем определенно утверждать, что столыпинское правительство и в самом деле имело планы системных преобразований². Они были направлены на достижение в стране стабильности, на создание условий для свободного труда и устойчивого развития, т. е. объективно отвечали интересам населения страны. Однако два теоретически договороспособных «лагеря» из трех (социалистов в расчет не берем) имели свои, отличные от столыпинских, представления о путях развития страны, т. е. Столыпин изначально не имел сколько-нибудь значимой общественной поддержки. Эту поддержку ему и предстояло найти. Характерно, что первоначально премьер попытался наладить диалог с кадетами. Это был вполне рациональный шаг: кадеты пользовались популярностью и обладали достаточным интеллектуальным потенциалом для того, чтобы стать эффективными проводниками замыслов правительства. Но эйфория от сокрушительной победы на выборах у многих партийных деятелей потеснила здравый смысл; П.Н. Милюков побоялся даже обсуждать с единомышленниками столыпинские предложения.

Кадеты сами толкнули Столыпина вправо. А там находилась другая сила, недавно победившая на выборах, — «испуганные» поместные землевладельцы. Эта социальная группа была генетически близка Столыпину, кроме того, ему — консерватору в политических вопросах — не мог не импонировать подчеркнутый монархизм этих помещиков — «самого культурного слоя» и «опоры государства». Вместе с тем планируемые реформы, в первую очередь местного самоуправления и аграрная, объективно были направлены против их интересов. Помещики это прекрасно понимали и не стеснялись громко выражать свою позицию. Столыпину в этих условиях предстояло убедить хотя бы часть из них в неизбежности естественного хода вещей, помочь им найти свое место в новой системе, привлечь на свою сторону и сделать проводниками правительственной политики. В этих целях в 1908 г. было создано «преддумье» — Совет по делам местного хозяйства, в рамках которого представители помещичьей общечественности вместе с чиновниками правительства должны были обсудить законопроекты, составлявшие местную реформу.

Идея сблизиться с земствами дореволюционного образца возникла еще у министра внутренних дел В.К. Плеве. Он хотел продемонстрировать поместным землевладельцам, составлявшим основу земских собраний, что их опыт и интеллектуальный потенциал востребованы правительством. В порядке реализации этой идеи было разработано и принято Положение, вводящее в структуру МВД Совет по делам местного хозяйства³. Планировалось привлечь 12–15 человек из числа земских

деятелей к разработке законодательных мер, направленных на совершенствование государственного управления на местах. Наряду с земцами в Совет по делам местного хозяйства должны были войти чиновники правительства — непосредственные разработчики законопроектов.

Механизм по созову Совета был запущен, но до результата Плеве не дождался — был убит террористами. У нас, впрочем, есть сомнения относительно успешных перспектив этого начинания. Вся деятельность Плеве была направлена к установлению правительственной монополии на формирование государственной политики. Это вступало в непреодолимое противоречие с идеей Совета по делам местного хозяйства как органа для совместной работы земств и правительства над вопросами государственного значения.

Созванный Столыпиным Совет лишь формально соответствовал изложенной в Положении о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства задумке Плеве. По содержанию это был совершенно другой орган⁴. Во-первых, не нарушая закона, Столыпин в несколько раз увеличил численность Совета, пригласив туда представителей каждого губернского земского собрания, а также представителей городов. Во-вторых, премьер предложил земствам самим избирать своих делегатов. Процедура утверждения их министром оставалась лишь как формальность. В-третьих, и это главное, Совету предоставлялось обсуждать действительно наиболее актуальные вопросы реформирования страны. Учитывая, что Совет должен был действовать постоянно, можно охарактеризовать его как общественно-государственный орган, не имевший аналогов в российской истории.

При Столыпине Совет провел пять сессий. Четыре из них открывал яркими и содержательными речами сам премьер. В этих речах он давал краткую характеристику законопроектам, которые Совету предстояло рассмотреть⁵.

В первую сессию весной 1908 г. Советом был рассмотрен первый блок ключевых законопроектов местной реформы. Они касались формирования нового волостного и поселкового управления, изменения земской избирательной системы, а также выделения крупных городов в отдельные земские единицы. Осенью 1908 г. пошел второй блок — законопроекты по реформе губернского управления, уездного управления и об институте участковых начальников. Следующая сессия прошла весной 1909 г. под председательством С.Н. Гербея, и на рассмотрение были вынесены гораздо менее значимые вопросы. Совету было предложено поработать с проектом перестрахования между земствами имуществ от огня, с проектом Устава земских гужевых дорог и доработать проект губернской реформы.

Осенью 1909 г. направление деятельности Совета несколько изменилось. На его рассмотрение был вынесен вопрос о распространении Земского и Городового положений на ряд неземских губерний, в том числе на Польшу. Тогда же был подправлен и принцип комплектова-

ния Совета: для рассмотрения законопроектов приглашали людей из той местности, которой эти законопроекты касались. При этом костяк старого Совета сохранялся. Новые участники заседаний Совета никем уже не избирались.

Сессия 1910 г. — это уже совсем другой Совет по делам местного хозяйства. Столыпин не стал выносить на Совет проекты существенных преобразований, т. к., по-видимому, отказался уже вовсе от их проведения. Еще раз перетасованный состав Совета обсудил технические вопросы организации земского кредита, продовольственной помощи населению в случае неурожая и продолжил рассмотрение проекта устава о гужевых дорогах.

Как же все-таки в 1908 г. Столыпин собирался добиться поддержки земцев в Совете по делам местного хозяйства? С одной стороны, подчеркивалась их незаменимость как опытных специалистов. Официально Совет был нужен для повышения качества законопроектов путем придачи им «жизненности». «Жизненность» в «мертвых» министерских текстах должна была появиться благодаря участию в обсуждении «местных людей». С другой стороны, отсутствие у последних популистских мотивов должно было предотвратить сползание дискуссий из деловой в политическую плоскость. Земцы, из которых лишь несколько человек были членами Государственной думы, могли чувствовать себя обремененными особым доверием правительства.

На открытии первой сессии Совета по делам местного хозяйства Столыпин взялся разъяснить участникам заседания и всей стране, для чего необходимо это учреждение. Начал он с выражения уверенности в той большой пользе, «которую принесут труды людей земли в разработке начинаний Министерства внутренних дел». Отвечая многим, думавшим, что «Совет этот останется мертворожденным и во всяком случае обречен при новом строе существовать лишь на бумаге», П.А. Столыпин указал, что он «убежден в противном». В обоснование этого он отметил, что «при громадном пространстве Российской империи, при разных условиях местностей, входящих в ее состав, между учреждениями исполнительными, которые разрабатывают законопроекты теоретически, и между законодательными учреждениями должно стоять еще промежуточное учреждение, промежуточная среда, оживотворяющая, вливающая живую силу в выработанные Министерством предположения... При том громадном законодательном материале, который вносится в Государственную Думу и в Государственный Совет, эти учреждения могут осилить физически этот материал, только если он чрезвычайно тщательно разработан и всесторонне освещен и проверен»⁶.

Столыпин специально уточнил, что имеется в виду «только законодательство, касающееся местного самоуправления, так как законопроекты иного характера касаются учреждений других министерств». Видимо, собравшиеся земцы уже выразили готовность к работе на более широком законосовещательном поле.

Также в своей речи министр окончательно отверг возможность рассылки законопроектов для получения отзывов от земских собраний. «...При громадном пространстве Российской империи этот путь мне кажется громоздким и медлительным. Я убежден, что только при живом сношении с теми лицами, которые составляют законопроекты, при словесном разъяснении недоразумений, при сношении между собою лиц, представляющих самые разнообразные интересы, может быть всесторонне и правильно освещено дело... Я совершенно не отрицаю необходимости в некоторых случаях запрашивать по вопросам крупного местного значения органы местного самоуправления, но я полагаю, что это целесообразно не во всех случаях и притом лишь после того, как вопрос будет обсужден в Совете по делам местного хозяйства»⁷.

Столыпиным был дан ответ и еще на один немой вопрос земцев. «Совет не должен смущаться тем, что он не имеет решающего значения. Хотя он не связывает свободу решений министерства, но мнение Совета обязательно представляется в законодательные учреждения»⁸. В своей речи премьер впервые употребил термин «преддумье», который точно отразил суть Совета по делам местного хозяйства и был подхвачен и широко распространен русской и зарубежной прессой.

Земцы с самого начала дали понять Столыпину, что от него потребуются новые уступки. Несмотря на то что премьер четко высказался против передачи законопроектов на обсуждение земств, некоторые из членов Совета по делам местного хозяйства в ходе их обсуждения то и дело возвращались к этой идее. Это была уловка, таким образом они пытались затянуть, а в последующем и вовсе похоронить реформы.

Тем не менее первая сессия Совета могла дать Столыпину повод для оптимизма. По сути правительственные проекты практически не изменились, однако земцы остались довольны. Довольно тяжелые вопросы, предусматривавшие, в частности, увеличение обложения помещиков при создании поселковой и волостной организаций, небольшую либерализацию земской избирательной системы, выделение из состава земств крупных городов с неминуемым уменьшением земских бюджетов, прошли через Совет довольно спокойно.

Иной оказалась ситуация осенью 1908 г. Внешних причин к какому-то изменению в работе Совета, казалось, не было. Страна переживала период относительной стабильности, Третья Дума работала уже год, что являлось рекордом для российских парламентов. К открытию сессии Совета левая пресса вяло поругивалась по этому вопросу в адрес правительства, соблюдая, скорее, ритуал. Каких-то новых аргументов в этой критике мы не находим.

Однако в результате давления на Столыпина со стороны камарильи в состав Совета перед второй сессией было введено 9 губернских предводителей дворянства. Это В.Н. Поливанов (Симбирск), В.М. Урусов (Смоленск), В.А. Драшусов (Рязань), Н.Б. Щербатов (Полтава), А.Д. Самарин (Москва), Н.П. Урусов (Екатеринослав), С.С. Толстой-Милославский

(Казань), В.Н. Ознобишин (Саратов) и И.А. Куракин (Ярославль). Таким образом объединенному дворянству удалось поставить Столыпина перед фактом: сословная организация общества свой век еще не отжила, земство само по себе не является достаточно властной силой. Учитывая, что к этому времени в Совет входили такие губернские предводители, как А.Н. Наумов (Самара), Д.К. Гевлич (Пенза), П.П. Голицын (Новгород) и В.Ф. Доррер (Курск), компания для борьбы с антидворянскими инициативами правительства подобралась внушительная.

«Бомба» оказалась заложена в проекте уездной реформы, который Министерство внутренних дел внесло на рассмотрение Совета. Согласно проекту, фактическая власть в уезде вместе с соответствующими доходами и карьерными перспективами переходила от предводителя к уездному начальнику, интегрированному во властную вертикаль. То обстоятельство, что первыми кандидатами на роль уездных начальников правительство видело именно предводителей, никого не смущало. Было ясно, что дворянская вольница заканчивается, и против этого выступила значительная часть Совета. Ю.Б. Соловьев аргументированно утверждает, что она это сделала под руководством Постоянного совета Объединенного дворянства⁹. Чтобы получить формальное большинство, Столыпину пришлось срочно мобилизовать всех членов Совета от ведомств. Проигравшие подали особое мнение, которое было немедленно поддержано V съездом Объединенного дворянства.

Этот момент, по всей видимости, является одним из ключевых в истории Совета по делам местного хозяйства. Мы можем говорить как об историческом факте о том, что в последующие сессии на рассмотрение Совета выносились значительно менее значимые вопросы. Возможно, это следует объяснять тем, что Совет рассмотрел все крупные проекты, которые Столыпин хотел ему предложить. Однако ряд важных реформ, например, реформа земства и местного суда, так и не были обсуждены.

По-видимому, объяснение указанному факту следует искать в более широком историческом контексте. Если мы рассматриваем всю реформаторскую деятельность П.А. Столыпина как последовательную борьбу с тенденциями загнивания государства, понимая, что эти тенденции были во многом обусловлены существованием старого класса помещичьих землевладельцев, то необходимо обратить внимание на следующее. В конце 1908 г., а вернее, в начале 1909 г. отношения Столыпина с этим классом перешли в новое качество. Это мнение разделяется, пожалуй, всеми авторитетными специалистами. Пользуясь лексикой Ю.Б. Соловьева, можно сказать, что Столыпину с этого времени «приходится думать об укреплении обороны, а не о движении вперед»¹⁰. Иными словами, Столыпин в поисках поддержки протянул земцам палец, а они потребовали всю руку.

В англо-американской историографии этот отход Столыпина в оборону связывается именно со скандалом на осенней сессии Совета по

делам местного хозяйства. Так, Дж. Хоскин, ссылаясь на воспоминания А.Н. Наумова, писал об этом эпизоде, что Столыпин был крайне взбешен. По мнению историка, министр так реагировал «не только из раздражительности, но и потому, что основной элемент его хрупкого политического альянса был разрушен: он не смог получить поддержку земских представителей в вопросе реформ, которые их наиболее близко касались». Хоскин связывал именно с этой неудачей то, что реформа губернских и уездных земств была заброшена¹¹. А Р. Мэннинг пишет, что вскоре после фиаско в «тщательно подобранном Совете» Столыпин стал испытывать «физическое и духовное изнеможение, переросшее в воспаление легких»¹².

Было бы, однако, более целесообразным поставить вопрос шире. Дело в том, что отношения Столыпина с лидерами поместных землевладельцев при всем желании не могли ограничиться рамками Совета по делам местного хозяйства. Существовал Постоянный совет Объединенного дворянства, куда вожаки предводителей в «преддумье» ходили за инструкциями. Важную роль играла и позиция Николая II, которая придворной камарильей корректировалась не в пользу столыпинских идей.

Таким образом, нам следует говорить об общем контексте взаимодействия Столыпина с дворянством. Мы легко можем согласиться с Ю.Б. Соловьевым, утверждавшим, что Столыпин «споткнулся там, где, видимо, не ожидал». В то же время историк, пожалуй, несколько перебарщивает, говоря, что Столыпин «капитально ошибался в общей оценке обстановки»¹³. Премьер сознавал силу противника, пытался работой в Совете по делам местного хозяйства убраться от остроты конфликта, но не рассчитал.

Казалось бы, мелкий собственник в деревне должен был стать опорой для крупного. Известно мнение Столыпина, что землевладельцы «не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных вместо голодающих и погромщиков». По планам правительства, в итоге должен был быть создан блок земельных собственников под главенством дворянства, таким образом взаимная вражда дворян и крестьян отмерла бы¹⁴.

Однако намерение власти воспринималось дворянством в ином свете — как оставление его, по выражению Ю.Б. Соловьева, «один на один с превосходящей силы противником». И здесь мы с Ю.Б. Соловьевым склонны согласиться, в такой оценке обстановки дворянство стояло ближе к действительности, чем некоторые правительственные круги, питавшие иллюзии насчет возможности безболезненного преодоления социального конфликта громадной значимости и глубины¹⁵.

И более того, мнения, намечаемые на дворянских съездах и провозглашаемые в Совете по делам местного хозяйства, больше соответствовали природе сложившегося в России самодержавия, чем политика столыпинских реформ¹⁶.

Рубеж 1908–1909 гг. — это время, когда окончательно оправившееся после революции дворянство переходит в антиправительственное наступление по всему фронту. Конфликт Столыпина с лидерами дворянства в Совете по делам местного хозяйства, в котором на самом деле не оказалось победителя, — это первый признак наступавшего перелома в их борьбе. Вместе с тем этот конфликт ясно выразил существенные противоречия между реформаторским курсом Столыпина и устремлениями дворянства — опоры самодержавной власти.

Мы склонны считать, что Совет по делам местного хозяйства после осенней сессии 1908 г. был уже другой организацией. Его значение изменилось вместе с содержанием вопросов, выносимых на его обсуждение. Его состав начиная с осени 1909 г. начал беспорядочно изменяться, причем соблюдение выборного начала при его комплектовании не представляется уже безусловным. В историографии внимание ему практически не уделяется.

Однако на практике ни со стороны Столыпина, ни со стороны членов Совета не было резких движений. Сразу после осенней сессии 1908 г. Министерство внутренних дел внесло в Думу рассмотренные Советом весной проекты поселковой и волостной реформ. Очевидно, что Столыпин не собирался из-за стычки с дворянством сворачивать реформы. Весной 1909 г. Совет, как обычно, собрался на весеннюю сессию. Столыпин, правда, не прибыл, но по уважительной причине — лечился в Крыму от воспаления легких.

Сразу обращает на себя внимание резкое отличие законопроектов, вынесенных на весеннюю сессию 1909 г., от тех, которые Совет рассматривал ранее. Актуальность их была совершенно иной. Помимо продолжения рассмотрения проекта губернской реформы, Совету было предложено поработать над вопросами земского перестрахования и дорожного дела. Главное отличие этой повестки от прежних состояло в том, что прежние предусматривали реформу, а эта не предусматривала.

Возможно, конечно, что Столыпин решил больше не иметь с дворянством дела и уморить его в Совете по делам местного хозяйства, заставив заниматься законотворческой рутинной. Однако основные проекты, составлявшие реформу местного устройства, худо-бедно через Совет прошли. И, судя по всему, Столыпин не был уверен в том, нужно ли его сохранять в прежнем виде. Свою функцию Совет выполнил — проекты местной реформы были разъяснены «местным деятелям» и ими одобрены. Министерство внутренних дел получило «право и вместе с тем основания» ссылаться на мнение «преддумья».

Весной 1909 г. Совет, можно сказать, «подвис», его дальнейшие задачи и дальнейшая судьба были неопределенны. Вынесение на его рассмотрение технических по своей сути проектов можно охарактеризовать как попытку превратить Совет в чисто экспертную организацию. Но экспертная организация должна подбираться по признаку профессионализма, выборов в экспертную организацию быть не должно. Лиц, ко-

торые по частным вопросам высказывают политические соображения, также лучше там не держать. Поэтому Совет по делам местного хозяйства так или иначе должен был перейти в иное качество, сменить свою ипостась.

И уже осенью 1909 г. эта новая ипостась была явлена заинтересованной общественности. На рассмотрение Совета были внесены законопроекты о введении земских учреждений в ряде западных губерний и о распространении Городового Положения на ряд городов Царства Польского. Предполагалось ввести там элементы самоуправления, максимально ущемив при этом права польского населения. Эти вопросы обсуждал Совет в совсем другом составе. Были приглашены люди из тех мест, о которых шла речь в законопроектах, из старых остались только те, кто хорошо сработался с Министерством. В результате Совет представлял собой сплав представителей западных губерний, большей частью поляков, и тех русских поместных землевладельцев, для которых проблемы Польши и польского населения жизненными не являлись.

Идея Столыпина, видимо, состояла в том, чтобы ответить на претензии поляков по поводу недостаточности даруемых прав устами русской общественности. Однако поляки в большинстве своем оказались вполне миролюбивыми, можно сказать, коллаборационистами. Больших споров не вышло даже в связи с тем, что проект, чиня трудности для участия в выборах польского дворянства, задевал интересы дворянства вообще. Дворяне из Центральной России либо не испытывали чувства корпоративной солидарности, либо просто не обратили внимания на этот аспект вопроса. Так или иначе, осенью 1909 г. Совет по делам местного хозяйства выступил в новой ипостаси — органа для решения национальных вопросов.

Однако эта функция Совета, разумеется, не могла быть постоянной. Идея решать проблемы национальных окраин с привлечением на постоянной основе русских помещиков выглядела совсем уж новаторски. Необходимо было либо избавляться от Совета либо переводить его в другую, уже в третью ипостась. И тут в МВД вспомнили о старых задумках Плеве насчет фактического объединения ведомств с использованием Совета по делам местного хозяйства. Проблема разнобоя в действиях министров продолжала существовать. Более других, как водится, ведомствам, тратящим деньги, докучало министерство финансов. Было принято решение вынести на рассмотрение Совета те проекты, в которых Минфин имел свой интерес, не совпадающий с интересом МВД.

Конечно, Министерством финансов были вовремя разоблачены козни Министерства внутренних дел, направленные на сосредоточение большей власти в руках П.А. Столыпина. Однако ситуация в бюрократическом мире со времен Плеве существенно изменилась. Совет министров стал тем учреждением, которое реально объединило министерства. И во главе его стоял именно П.А. Столыпин. Поэтому, несмотря на неудовольствие Минфина, на осеннюю сессию 1910 г. были вынесены зако-

нопроекты, в которых ведомство В.Н. Коковцова было заинтересовано. Один из них — об организации долгосрочного кредита для земств — был непосредственно подготовлен Министерством финансов. В ходе обсуждения законопроектов на голосование несколько раз ставились принципиальные вопросы, по которым позиции министерств диаметрально расходились. Характерно, что в каждом из этих случаев Совет по делам местного хозяйства практически единогласно вставал на сторону Министерства внутренних дел. В данном случае мы имеем дело с третьей ипостасью Совета — органа, используемого в целях межведомственной борьбы или, говоря другими словами, объединения центральной власти.

Совет не стал третьей палатой парламента, как считают некоторые западные исследователи. При Столыпине он более не собирался. Премники реформатора как минимум дважды прибегали к его услугам для обсуждения технических вопросов, но более по инерции. Необходимость убеждать, уговаривать земских деятелей в чем-либо отпала. Она перестала быть государственной необходимостью. Особые же присутствия Совета продолжали работать; как и прежде, они выполняли функцию междуведомственных совещаний. Их последние заседания датируются сентябрем 1917 г. Октябрьская революция упразднила Совет по делам местного хозяйства вместе со всем государственным устройством старой России.

Оценивая в целом роль Совета по делам местного хозяйства в истории России начала XX в., заметим, что Совет явился одной из основных арен борьбы старой гвардии поместных землевладельцев против предлагаемых правительством реформ местного управления. Важно, что он был ареной борьбы по сути дела и в понимании помещиков, а для правительства он был органом конструктивного взаимодействия с земщиной. Этот орган был создан Столыпиным для поиска поддержки в земско-дворянских кругах после того, как соответствующее обращение к либералам не нашло отклика, и в связи с давлением, оказываемым на премьера дворянскими организациями. Путем незначительных уступок, разъясняя планы правительства, оказывая почет и уважение земцам, Столыпин хотел обеспечить не только прохождение законопроектов по местной реформе через Государственную Думу, но и последующую реализацию их на местах. А помещики-земцы, почувствовав слабину правительства, потребовали в результате таких уступок, которые сводили к нулю весь смысл предполагаемых реформ. Так или иначе, проекты были Советом рассмотрены, но на этом указанное свое значение он исчерпал.

Если история Совета при Столыпине начиналась с идеи объединить здоровые силы страны для укрепления государственности, то заканчивалась она попытками скоординировать действия двух ведущих министерств. Фактически Столыпин вернулся к тому же, с чего начинал Плеве, создавая Совет по делам местного хозяйства. Он сошел с исторической сцены, так и не найдя себе в обществе прочной опоры. Анализ истории Совета показывает, что виновато в этом в первую очередь общество. Его

самая влиятельная часть — помещное дворянство — сочла компромисс с правительством для себя неприемлемым. Земцы, так же как до них либералы, проявили близорукость. В результате, как известно, вся система общественных отношений вместе с ее субъектами потерпела крах.

Примечания

¹ См.: Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. М., 2003; Тайна убийства Столыпина. М., 2003; Столыпин П.А. Переписка. М., 2004; Столыпин П.А. Грани таланта политика. М., 2006; Столыпин П.А. Биохроника. М., 2006; и др.

² См.: Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906—1911): дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

³ Высочайше утвержденное Положение о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. 24. Отд. 1-е. №24253. С. 277—283.

⁴ См.: Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908—1910). М., 20085.

⁵ См.: Речи П.А. Столыпина в Совете по делам местного хозяйства // Столыпин П.А. Переписка. С. 621—644.

⁶ Там же. С. 621—622.

⁷ Там же. С. 622.

⁸ Там же.

⁹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990. С. 75.

¹⁰ Там же.

¹¹ Hosking G.A. The Russian constitutional experiment. Government and Duma, 1907—1914. Cambridge, 1973. P. 160.

¹² Manning R.T. The crisis of the old order in Russia. Gentry and government. Princeton, 1982. P. 342.

¹³ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. С. 80.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ Там же. С. 84.

Е.П. Барина *

Повседневная жизнь дворянства

Петр Серафимович Кабытов — не только выдающийся ученый и талантливый организатор, автор фундаментальных трудов по отечественной истории. Он — замечательный педагог и воспитатель целой плеяды моло-

* © Барина Е.П., 2011

дых исследователей, незаурядный научный руководитель. Несмотря на многообразие тематики, которой занимались или занимаются его ученики — студенты, аспиранты, докторанты, она составляет единую систему, развитие которой подчиняется определенной логике. Под его руководством были защищены кандидатские и докторские диссертации, посвященные проблемам взаимодействия власти и общества. Аграрная история, история государственных и муниципальных учреждений России, социальная история, историческое краеведение, выдающиеся личности, проблемы региональной истории — в любом из направлений, исследование которого инициирует Петр Серафимович, он видит неисследованную проблематику и умеет заинтересовать ею своих учеников. Он организовал научные исследования крестьянского движения, социально-экономического строя помещичьего хозяйства, истории поместного дворянства и земства с применением статистических и социально-психологических методов. При всей своей занятости он всегда найдет время для обсуждения не только научной проблемы, но проблем аспиранта или соискателя, подскажет ему направление научных поисков.

* * *

В повседневной жизни дворянство стремилось следовать идеальным эталонам поведения и ценностным нормам, которые усваивались дворянином отчасти сознательно, при помощи системы воспитания, ориентированной на идеал, отчасти бессознательно, как традиция. Такие принципы воспитания, как свобода, честность, простота, независимость, храбрость, исполнительность, определяли повседневное поведение и образ жизни дворянства. Особую роль в воспитании дворянских детей играли нравственные идеалы и ценностная система родителей, которые стремились привить своим детям нравственную дисциплину и чувство долга.

До 7–10 лет дети в большинстве случаев получали домашнее образование и воспитание. Родители полагали, что семейная обстановка оказывает благотворное влияние на их воспитание. Отметим, что в воспоминаниях чаще всего рисуется идеальный образ родителей. Так, С.Д. Урусов, вспоминая своих родителей, писал: «В моих глазах они стоят на такой нравственной высоте, что их характеристика... обратилась бы в непрерывный ряд похвал... Они сделали все от них зависящее, чтобы дать нам образование и твердые правила поведения, как в нашей личной, так и в общественной жизни, служа нам в этом отношении живым примером»¹. С.Е. Трубецкой отмечал: «Отец и мать, деды и бабки были для нас в детстве не только источниками и центрами любви и непререкаемого авторитета; они были окружены в наших глазах еще каким-то ореолом, который не знаком новому поколению»².

Дети помещались отдельно от родителей. Отчасти потому, что они мешали светской жизни родителей или служебной карьере отца, отчасти из-за необходимости привития чувства иерархического почтения. Хотя

дети росли в атмосфере домашней любви, отец очень мало внимания уделял воспитанию детей. Это обстоятельство отмечали очень многие мемуаристы. «Мы боялись не Папа, а «Папа в кабинете», хотя и самого Папа мы все же боялись, несомненно, больше, чем меня — мои дети... это... был не страх, а какое-то полумистическое чувство...»³ Анна Васильевна Левицкая (Олсуфьева) писала: «Я помню, что мы его боялись (отца. — *Е.Б.*), хотя он никогда нас не наказывал»⁴. «Отца я определенно побаивался, — отмечал А.В. Друцкой-Соколинский, —... я боялся быть негодным отцу тем или иным своим поступком или мнением, боялся его недовольства, неодобрения, а тем более порицания, не говоря уже о гнев»⁵.

Обучение детей дома учитывало индивидуальные особенности ребенка. Домашнее обучение позволяло не только следовать программам гимназического курса, но и уделять гораздо больше времени и внимания иностранным языкам. Обычно мать учила детей грамоте, затем в возрасте 5–6 лет приглашались гувернеры для обучения иностранным языкам и манерам. В обязательном порядке изучался французский язык, а также практиковалось дополнительное изучение второго языка. В конце XIX — начале XX вв. модным в дворянской среде стало изучение английского языка. Не всегда приглашение гувернера было радостным для ребенка. Кн. И.Д. Голицына вспоминала, что когда ее родители наняли учительницу английского языка, она возненавидела гувернантку, лишившую ее привычных игр и забав: «Вскоре большое горе постигло меня... Я ненавидела все, что делала гувернантка»⁶. Бывали курьезные случаи, когда дети, тесно общаясь с гувернером, практически забывали родной язык и для поступления в гимназию их надо было дополнительно готовить.

Более состоятельные семьи могли нанять дополнительно учителя для подготовки к поступлению в гимназию. В.М. Андреевский вспоминал: «Чтобы подготовить меня к поступлению в гимназию, пригласили студента В.В. Преображенского. Это был хороший человек, добродушный, добросовестно относившийся к своим обязанностям и прекрасно подготовивший меня к поступлению в гимназию. Он был студент физико-математического факультета и влюблен был в свою науку. Никаких поэзий и сантиментов не признавал. Это был типичный Базаров. Понятно, и к религии он относился более чем равнодушно: Дарвин, Молешот, Штраус были его авторитетами и пророками»⁷. Родители тщательно выбирали учителей и гувернеров своим детям, в обязательном порядке контролируя обучение своих детей, присутствуя на уроках или контролируя приготовление детьми уроков. Даже обучаясь дома, дети ежегодно сдавали экзамены при гимназии для перехода в следующий класс.

Дворянские дети обучались как в закрытых сословных учреждениях, так и в гимназиях. Образ жизни дворянства предполагал законченное среднее образование для дворянских сыновей, причем выбор учебного

заведения родителями зависел не только от имущественного положения родителей, но и от их убеждений, а также от полученного ими самими образовании. Князь С.Е. Трубецкой вспоминал: «...мой отец и мать, как мне кажется, совершенно правильно решили, что если в детские годы важнее всего воспитательное значение семьи, то позднее мальчикам очень полезно окунуться в школьную «общественную» жизнь... Они считали желательным, чтобы мы столкнулись с гимназическими товарищами из других социальных слоев, чем тот, к которому мы принадлежали по рождению». Многие родители предпочитали отдавать сыновей обучаться в закрытые военные учебные заведения, поскольку их сословный характер предопределял цели воспитания, направленного на укрепление идей национального сознания и патриотизма, дисциплины и строгой субординации. Эти качества считались главным достоинством хорошо воспитанного дворянина. «Мало за что я так благодарен моим родителям, — вспоминал С.Е. Трубецкой, — особенно моей матери, руководившей нашим воспитанием, как за ту дисциплину, отнюдь не жесткую, но систематическую, к которой нас приучили с детства. Эта дисциплина, вошедшая в плоть и кровь, облегчила и облегчает еще мне многое в жизни. Но все же эта необходимая и разумная дисциплина не может не давить иногда на ребенка, особенно с живым характером. Он не может не чувствовать себя, как жеребенок, на которого впервые накидывают оброть, а потом и узду»⁸.

По окончании гимназий дворянские дети поступали в университет, институт или училища. Традиционно вопросы воспитания и образования дворянской молодежи находились в центре внимания дворянских собраний.

Рост либеральных и демократических настроений в обществе вызывал беспокойство поместного дворянства, поэтому оно в пику этим тенденциям ратовало за воспитание в чисто сословном духе. Расширение сети средних сословных учебных заведений, по их мнению, способствовало бы изоляции молодежи от пагубного влияния представителей других сословий. Верхние страты дворянства были заинтересованы не только в высшем сословно-политическом статусе, но и в количественном показателе общего числа дворянского сословия. Их действия были направлены на недопущение полной деградации мелкопоместного дворянства, а следовательно, разрыва корпоративных связей с ними. Поэтому особое внимание уделялось подрастающему поколению разорившегося дворянства. Заботой дворянских обществ стало всемерное увеличение в составе воспитанников удельного веса детей помещиков. Они ходатайствовали о предоставлении льгот пансион-приютам, их воспитанникам и лицам, в них служащим. Саратовское дворянское депутатское собрание ежегодно рассматривало прошения дворян о зачислении их детей в колычевские воспитанники⁹. Капитал, завещанный Колычевым Саратовскому дворянству, помог получить образование очень мно-

гим бедным дворянам в высших и средних учебных заведениях страны. В государственных архивах сохранилось много дел о выдаче стипендий, пособий лицам дворянского происхождения, определенным в военно-учебные заведения за счет дворянских собраний¹⁰. На дворянских собраниях регулярно обсуждались вопросы о бесплатных вакансиях в кадетские корпуса для дворянских детей, о пансион-приютах и назначении дворянских стипендий.

Быт дворянства был традиционным. В.А. Соллогуб отмечал, что «постоянная оседлость была потребностью. У каждого семейства был свой приход, свой неизменный круг родных, друзей и знакомых, свои предания... свои нажитые привычки»¹¹. Очень часто описания дворянских имений свидетельствуют о хозяйственном процветании и налаженности быта их владельцев. «Мы особенно ценили дом... у нас он настолько лучше для жизни, настолько семейный, просторный и веселый»¹². Авторы воспоминаний рассматривали в комплексе обстановку дома, родственные связи, взаимоотношения членов семьи. Значительное внимание при этом уделялось вопросам генеалогии, родственных и матримониальных связей внутри своего круга общения. Воспоминания дворянства об имениях проникнуты любовью («Милая наша Павловка», — писал кн. С.М. Волконский). «Нас окружала таинственная красота, — вспоминала О.К. Воронова, — старинные портреты смотрели на нас из потускневших золоченых рам, загадочно и приветливо улыбаясь...»¹³ Дочь Н.Е. Муханова Надежда в своих воспоминаниях писала: «Наш дом стоял на возвышенности. От него вела тропа вниз к пруду через газон с клумбами... экипажи и автомобили подъезжали к дому, сначала проезжая под кирпичной аркой. Каждый экипаж должен был сделать круг вокруг газона, прежде чем остановиться перед крыльцом. Часть парка была окружена забором...»¹⁴

Имение было малой родиной, там проходило детство, там были родные могилы. Каждую весну родители старались вывезти детей на летний отдых в имение, туда приезжали летом погостить к родственникам. Кн. Б.А. Васильчиков отмечал, что родное имение было для дворян «единственным местом, где они чувствовали себя дома». «Владельцы поместья созидали, — писал он, — улучшали и любовно украшали, при этом сознавали, что владение является не только правом, но и создает целый ряд обязанностей, вытекающих из этого...»¹⁵

С.Е. Трубецкой в своих воспоминаниях подробно описал быт и внешний распорядок жизни своей семьи, обеда, развлечения, дружеские связи, светскую жизнь. Описывая «широту» русского гостеприимства, он отмечал, что традиционное хлебосольство было пережитком «натурального» крепостного хозяйства. Эта привычка укоренилась в сознании дворянства, стала общественной нормой. С.Е. Трубецкой писал: «У нас «широкими» должны были быть даже далеко не богатые помещичьи семьи, и общественное мнение принуждало к «широте» даже

скупых скупых людей... Много дворянских семей разорилось от ставшего им непосильного хлебосольтва, от которого они не могли отказаться»¹⁶.

Вдали от официального общества помещный дворянин получал возможность проявить свое личностное начало во всех сферах: от рационального ведения хозяйства на основе современной ему науки, воспитания детей, выбора форм культурного досуга и занятий любимым делом. Зимние вечера были заполнены семейными чтениями. «Я помню зимние вечера у нас в деревенском доме, — описывал дворянский повседневный быт В.М. Андреевский. — На дворе завывает вьюга, а дядюшка сидит за круглым столом под лампой и рисует мне, шестилетнему мальчику, тропические виды Таити, Манилы, Мыса Доброй Надежды, Хакодате...»¹⁷

Кн. С.М. Волконский вспоминал: «Как часто меня спрашивали: “Вы любите сельское хозяйство?” — “Нет”. — “Вы любите охоту?” — “Нет”. — “Что же вы в деревне делаете?” — “Уверю вас, что мой день очень наполнен”»¹⁸. И далее он продолжал: «Я никогда не любил хозяйства: меня всегда больше влекла расходная, нежели доходная статья. С детства я питал отчуждение к хозяйству. Как ни старался отец меня приучить, ему не удалось разохотить меня. О, эти поездки по хуторам с управляющим. Как я скучал! В жару на дрогах и мы ехали, и все, что говорили отец с управляющим, так меня не интересовало и так было далеко от того, что меня интересовало. Говорят о хлебах, о севооборотах, о сдаточных ценах, а я еду, смотрю на поле и люблюсь васильками и даже хлебным врагом — красным куколом... Но никогда мне не казалось, что я расходую на себя, когда расходовал на Павловку. Для меня это непрерывное творчество, задумывать, осуществлять, видеть в каждый свой приезд упрочение и рост того, что сделал в прежние годы»¹⁹.

В усадьбе, как в зеркале, отражались личные качества каждого конкретного владельца. В ней преломлялись все стороны бытия России, все особенности ментальности отечественной культуры. Помещичий быт отражал не только имущественное положение дворянина, но и направлял его жизнь. «Уездная жизнь сближает, — писал С.М. Волконский, — хотя это есть странного рода сближение: сближение житейское. Редко душевное, почти никогда духовное... Сами знаете, что такое в деревне гости, “Их неожиданный приезд... И продолжительный присест”. Дни проводишь вместе и обсуждаешь заботы, и радости, и надежды, все разных миров люди... Деревенские разговоры можно разделить на три категории: хозяйство, политика, дела семейные. Хозяйство есть то общее, одинаковое, что больше всего сближает, сглаживает различия»²⁰.

Нередкой была ситуация, когда дворянин был уже не хозяином усадьбы, а «наследственным и потомственным рабом своей усадьбы»²¹. Иногда хозяин усадьбы тяготился своим положением помещика-собственника, так как он не был хорошим хозяином или у него не складывались отношения с крестьянами. В таком случае он предпочитал не

вмешиваться в управление имением, и хозяйство отдавалось либо на откуп управляющему, либо более успешному родственнику. С точки зрения дворянства, «опытный помещик в деле» — это человек, готовый к управлению имениями, чтению литературы, беседам с опытными крестьянами²².

При оценке служб дворянина и его деятельности акцентировалось внимание на ее соответствии базовым ценностям сословия. «Одни служили правительству, — отмечал кн. Б.А. Васильчиков, — другие противопоставляемому ему народу, но и те и другие находили полное удовлетворение в сознании, что они служат... служба почиталась долгом дворянина»²³.

Дворянские усадьбы выполняли роль культурного центра, в них были сосредоточены произведения искусства, библиотеки. Русские усадьбы — огромный пласт отечественной истории и культуры, с которым тесно связаны литература, музыка, живопись, различные виды искусств. Самоценность усадебного быта воспета в поэзии П.А. Вяземского, А.К. Толстого, А.А. Фета, автобиографических книгах Л.Н. Толстого, романах А.И. Гончарова, Н.С. Лескова, И.А. Бунина. Характерным отличительным признаком усадьбы являлся ее личностный характер: воля владельца определяла всю организацию усадебного пространства. Помещик или лично участвовал в организации строительных работ и усовершенствовании усадебного хозяйства, или направлял значительные денежные средства на строительство. Поэтому усадьба всегда выступает как представительница личности хозяина, несущая на себе характерные особенности его менталитета. История России богата множеством примеров тому, как дворянство по собственному побуждению заботилось о повышении грамотности населения и улучшению крестьянского быта.

Социальные процессы оказали воздействие на трансформацию социальной психологии поместного дворянства. Сословная исключительность дворянства, зафиксированная законодательно и генерированная вековыми традициями, выработала особый нравственный кодекс — кодекс дворянской чести, характерный для широкого круга представителей высшего сословия. Сословная мораль придавала дворянству чувство корпоративности, которое не давало внутрисословным перегородкам стать непреодолимой силой, а за рамками сословной корпорации в повседневной жизни воспринимать дворянина как представителя особой, высшей касты. Традиционализм базировался на культе предков, древность генеалогического дерева подчеркивала знатность рода. С другой стороны, традиция оправдывала существующие консервативные стереотипы жизнедеятельности. Для значительной части дворянства здесь важна была внешняя форма, определенные правила приличия сословного характера.

Примечания

- ¹ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 2. Д. 11. Л. 7.
- ² Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 11.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ Цит. по: Беловинский Л.В. Изба и хоромы. М., 2002. С. 289.
- ⁵ Друцкой-Соколинский В.А. Да благославенна память. Записки русского дворянина (1880–1914). Орел, 1996. С. 9–10.
- ⁶ Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М., 2005. С. 27.
- ⁷ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р–5328. Оп. 1. Д. 7. Л.1 об.
- ⁸ Трубецкой С.Е. Указ. соч. С. 9, 16.
- ⁹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 19. Оп. 3. Д. 23; Оп. 1. Д. 2253, 2387, 2410, 2522.
- ¹⁰ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 149, 345.
- ¹¹ Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 154.

*М.И. Леонов**

Конец первой Боевой организации эсеров. «Дело Богдановича»

Убийство Д.С. Сипягина, покушение на И.М. Оболенского, сведения о намерениях террористов убить В.К. Плеве, К.П. Победоносцева, С.В. Зубатова, заявления Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО п.с.-р.) крайне встревожили власти. Николай II горевал о потере «верного друга», Д.С. Сипягина, и обещал награду за поимку организаторов убийства. В.К. Плеве заявил, что уберет со своего письменного стола фотографию Г.А. Гершуни лишь тогда, когда руководитель БО будет арестован. Директор департамента полиции А.А. Лопухин приказал принять «строжайшие меры по розыску Гершуни»¹.

От В.Л. Бурцева идет подхваченная Б.И. Николаевским широко распространенная версия об утаивании тайным агентом департамента полиции Е.Ф. Азефом информации о БО и Г.А. Гершуни. Якобы в начале 1903 г. он затребовал 50 тыс. руб. «за голову» Гершуни. Руководители департамента полиции посчитали, что цена завышена, сделка не состоялась, и Азеф уехал в Москву готовить покушение на И.М. Богдановича². Все это не более чем вымысел. Скрупулезное исследование разнообразных материалов свидетельствовало: в 1902–1905 гг. «единствен-

* © Леонов М.И., 2011

ным источником осведомленности розыскных органов по группе социалистов-революционеров был Азеф», «все сведения, получившиеся от него, за редким исключением, отличались большой точностью», «весь розыск по партии с.-р. велся по его указаниям»³.

На основании сообщений Е.Ф. Азефа политический розыск установил наблюдение за Г.А. Гершуни как видным эсером с января 1902 г., но арестовывать его не торопился. «Гершуни теперь от нас далеко не уйдет никуда, так как стоит непосредственно близко к агентурному источнику, и немедленный его арест, оставив нас в темноте, пользы принесет мало, а агентуру может скомпрометировать», — убеждал 20 января 1902 г. Л.А. Ратаев А.А. Лопухина⁴. Без неопровержимых судебных улик арестовывать Гершуни смысла не было. Максимальное наказание, которое в таком случае его ожидало, — это административная ссылка, из которой не бежал только ленивый.

О планах и передвижениях террористов, в первую очередь главы БО, Е.Ф. Азеф информировал департамент полиции систематически⁵. В конце мая 1902 г. Г.А. Гершуни пригласил его в Берн. Во время встречи он рассказал о структуре и намерениях БО. И о приглашении на встречу, и о содержании разговоров с главой БО Е.Ф. Азеф немедленно уведомил своего шефа Л.А. Ратаева. Он настаивал на немедленной личной встрече «для переговоров относительно моей дальнейшей практики». Азеф предложил, не теряя времени, командировать его в Петербург, где ему удастся обстоятельнее узнать «о планах боевой организации и дезорганизовать ее». В уме и практической сметке Е.Ф. Азефу никто не отказывал. В конце июля 1902 г. он прибыл в Петербург⁶.

В сентябре 1902 г. (18 или 19 числа) Г.А. Гершуни телеграммой вызвал Е.Ф. Азефа в Киев, куда он 21 сентября и отправился в сопровождении филеров. В Киеве видный член комитета доктор В.В. Виноградов оповестил его, что Гершуни был вынужден срочно покинуть Киев, но скоро вернется, а о его прибытии Азефу сообщит М.М. Шнееров.

Встретился Е.Ф. Азеф с Г.А. Гершуни утром 27 сентября в «Петербургской гостинице», в номере, снятом М.М. Шнееровым. Вечером того же дня в номер Азефа в гостинице «Бель-Вю» последовательно являлись Г.А. Гершуни, П.П. Крафт и М.М. Мельников. С первыми двумя Азеф беседовал об «общих вопросах деятельности партии эсеров», главным образом, о транспорте литературы, провале Пензенской типографии и постановке новой общепартийной типографии на юге России. О терроре речь они не вели. Мельников, напротив, говорил «исключительно об организации террора». Он рассказал об участниках несостоявшегося покушения 5 апреля 1902 г. на В.К. Плеве и К.П. Победоносцева Е.К. Григорьеве и Ю.Ф. Юрковской, назвал их петербургский адрес; затем повествовал о планах покушения на В.К. Плеве и предложил Азефу возглавить подготовку этого покушения. За участниками встреч установили наблюдение⁷.

М.М. Мельников, ненавистник Г.А. Гершуни, описывая киевскую встречу, свел всех четырех в одно время и в одно место, совместив встречу 27 сентября и съезд боевиков в начале ноября 1902 г., на котором Е.Ф. Азефа не было. Его путанные воспоминания В.С. Житловская сопроводила примечанием: «По-моему, освещение всех фактов, затронутых в рукописи, очень субъективно и объясняется сильной нервностью М.[ельникова]». Судебно-следственная комиссия по делу Азефа показания Мельникова во внимание не приняла⁸. И тем не менее некоторые исследователи восприняли экспрессивные описания М.М. Мельникова за чистую монету.

Осенью 1902 г. заведующий наружным наблюдением Е.П.Медников установил плотное наблюдение за П.П. Крафтом, М.М. Мельниковым и Г.А. Гершуни — «Шляпой». В первой половине февраля 1903 г. политический розыск знал даже о поездке Гершуни на Кавказ с целью вербовки «террористов-башибузуков, чтобы явиться с ними в Петербург и начать расправу с Победоносцевым, Плеве, Витте и другими», полмесяца спустя — о том, что он «разбил себе морду, выскочив около Киева на ходу с поезда». Установили его киевского респондента А. Ллойд⁹.

В конце октября 1902 г. Л.А. Ратаев с явным удовлетворением докладывал: «...все усилия агентуры были направлены к тому, чтобы, по возможности, осветить состав «Боевой Организации» и проникнуть в ее планы, и в настоящее время в этом направлении получены весьма осязательные результаты»¹⁰. 5 ноября 1902 г. арестовали П.П. Крафта, 29 января 1903 г. — М.М. Мельникова, в феврале-марте 1903 г. — Т.С. Бартошкина, Л.А. Ремянникову, Е.К. Григорьева. Последний 10 и 11 февраля 1903 г. дал обстоятельные показания. Были получены неопровержимые улики против Г.А. Гершуни. Однако он, по выражению С.В. Зубатова, «вырвался из-под наблюдения» и организовал убийство уфимского губернатора Н.М. Богдановича¹¹.

Обстоятельства этого покушения мало выяснены. В глубинной Уфимской губернии розыскные органы действовали по старинке. Внутренняя и внешняя агентура была ниже всякой критики. «Доставлявшиеся Департаменту Полиции бывшим нач. Уфимского ГЖУ ген.-майором Шатовым сведения о противоправительственных кружках в Уфе не заключали в себе сколько-нибудь определенных данных», — констатировал товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты¹². Террористов не арестовали, материалы дотошного следствия столичных профессионалов в научный оборот не вводились, соучастники убийства воспоминаний не оставили, сам Г.А. Гершуни описание покушения и писем террористов опубликовать не успел¹³.

Последнему террористскому предприятию Гершуни предшествовали трагические события. В начале марта 1903 г. начались волнения рабочих Златоуста, вызванные введением новых расчетных книжек. Полиция оказалась бессильной против массы рабочих, осаждавших управление

завода, квартиры заводской администрации. Обращались рабочие и к губернатору. На четвертый день выступлений, 13 марта, на территории завода были введены воинские части. Призывы к успокоению не подействовали, и тогда был дан приказ дать залп в воздух. Рабочие сначала легли на землю, а затем двинулись вперед. Раздалось три залпа: десятки людей были убиты и ранены¹⁴. Такого кровопролития в царствование Николая II до тех пор не было. Возмущены были все, оппозиция и революционеры негодовали. Губернатора Н.М. Богдановича немедленно вызвали в Петербург для личного доклада министру внутренних дел¹⁵.

Г.А. Гершуни в марте—апреле 1903 г. объезжал города Юга России. В Харькове он написал большое письмо в редакцию «Революционной России»¹⁶. В конце того же месяца, как установило следствие, Гершуни в г. Коломне «имел свидание с одним из убийц Богдановича» и, «дав инструкции, отправил его в Уфу», куда он поездом из Самары с паспортом на имя Виленского мещанина И.П. Ивина прибыл 3 мая. Вероятнее всего, это был «Апостол». Сам Г.А. Гершуни из Коломны выехал в направлении Казани и, прибыв в Уфу 3 мая 1903 г., остановился на квартире однокашника по Киевскому университету А.А. Бельского и «сейчас же занялся устройством убийства»¹⁷.

Свидетельств того, что Уфимский комитет партии эсеров самостоятельно пытался организовать покушение, нет. Вероятно, именно его члены представили Е.О. Дулебова, рабочего железнодорожных мастерских, Г.А. Гершуни, который и назначил его «исполнителем» покушения. По заданию главы БО члены Уфимского комитета В.В. Леонович, А.А. Бельский, Н.Н. Плаксин, А.Е. Морозов «выслеживали Богдановича», обеспечивали террористов квартирами, прикрывали их¹⁸. Дулебов и «Апостол» «изучали топографию». Место выбрали «с явным расчетом скрыться после убийства в овраге»¹⁹.

Уфимский губернатор Н.М. Богданович в день именин царя, 6 мая 1903 г., около трех часов дня вышел на традиционную прогулку в Ушаковский парк. Гулял он всегда в одиночестве, выбирая отдаленные уголки. И в этот день свернул на почти безлюдную аллею. Сопровождавший губернатора городской Сухарев издали видел двух молодых людей, один из которых шел вслед, другой навстречу Н.М. Богдановичу. Это были вооруженные браунингами Е.О. Дулебов и «Апостол». Все было рассчитано и, возможно, отрепетировано. Террористы сблизилась с жертвой, и тот, который был сзади губернатора, дважды выстрелил. Богдановича развернуло, тогда в него, уже лежащего, в упор стал стрелять второй. Губернатора буквально изрешетили. Одна из пуль, которые извлекли эксперты, имела крестообразный надрез. На тело покойного террористы бросили пакет с приговором БО. Затем один из них перескочил через низкий забор и бросился к Соборной площади, другой выбежал на ту же площадь через вертушку, расположенную в нескольких саженях от места убийства. Достигнув Семинарского сада, они помчались в разные

стороны. Один – по Воскресенской, другой – вверх по Ильинской улице до Гоголевской, по ней вдоль стены Семинарского сада до Воскресенской улицы и далее, повернув направо, скрылся в овраге. От Соборной площади за одним из убийц побежал сторож Антонов, к которому присоединился сторож Терентьев. Продолжать погоню в овраге оба не рискнули. В Семинарском парке другого убийцу попытался задержать крестьянин Барановский (он пил водку возле соборного сарая). Но террорист пригрозил ему браунингом, и Барановский повернул назад²⁰.

В момент покушения Г.А. Гершуни, В.В. Леонович, А.Е. Морозов находились в парке. А.Е. Морозов в испуге побежал за одним из убийц и был арестован²¹. Убийцы ускользнули. Об «Апостоле» известно лишь, что он, наверное, был военным (возможно, запасным)²². Е.О. Дулебов скрывался в Екатеринбурге, Саратове, Баку, а в 1904 г. вошел в возглавляемую Б.В. Савинковым БО, участвовал в покушении на В.К. Плеве. Страдал от нервного расстройства, которое в 1905 г. перешло в тяжелое психическое заболевание. Скончался в психиатрической клинике в 1908 г. в возрасте 24 или 25 лет.

Утверждение Б.В. Савинкова о том, что Е.О. Дулебов «шестью выстрелами из браунинга» застрелил Н.М. Богдановича «совершенно один», не согласуется ни с результатами следствия, ни с показаниями очевидцев, ни с характеристиками орудия убийства²³. «Браунинг» М-1900, которым пользовались все направляемые Г.А. Гершуни террористы, в том числе убийцы Н.М. Богдановича, имел магазин на семь патронов. «Браунинг» М-1903, также семизарядный, к производству которого бельгийская «Фабрик Насьональ» приступила в 1903 г., был слишком велик для карманного пистолета – его длина равнялась 203 мм. Дулебов из своего браунинга мог выстрелить не более семи раз. А выстрелов, как установило следствие, было девять.

«Революционная Россия», датированная 15 мая 1903 г., информировала: «6 мая по постановлению Боевой Организации Партии Социалистов Революционеров двумя ее членами убит уфимский губернатор Н.М. Богданович». В изъятом при обыске Г.А. Гершуни написанном им черновике прокламации «Ко всей сознательной и трудовой России» также говорилось о двух членах БО, убивших Богдановича «девятью пулями». В прокламациях БО, ЦК и местных организаций эсеров, свидетельства очевидцев сообщалось о двух членах БО, или «членах БО», убивших уфимского губернатора, часто указывалось, девятью выстрелами²⁴.

Г.А. Гершуни особо заботился о публичной мотивации террора, создании образа героя-террориста, жертвующего жизнью во имя народа, искоренения зла, светлого будущего. В обряд сотворения героя входило «прощальное письмо». С.В. Балмашев писал письмо в Выборгской гостинице под наблюдением Г.А. Гершуни, Е.К. Григорьев сочинял в его присутствии. Он сумел написать строк десять, силы покинули его. Гершуни забрал недописанное письмо, заверив, что сам завершит его. «Тем-

ному самоучке» К.Ф. Качуре он диктовал, позаботившись снабдить того чернилами и ручкой. Сразу же после покушения издавались огромными тиражами «письмо», «приговор БО», описание покушения, статьи и брошюры, славословящие «героя»²⁵.

Опубликованное Б.В. Савинковым письмо Е.О. Дулебова явно продиктовано Г.А. Гершуни, о чем свидетельствуют свойственные его стилю гиперболы и экспрессивные метафоры: «нас давили, как рабов»; «нашу кровь проливали, как воду»; «налетают озверелые казаки, жандармы и шпионы и начинается дикая расправа»; «бьют нагайками, бьют шашками, топчут лошадьми, увозя в участок, нагло издеваются»; «за проливаемую кровь должна течь кровь угнетателей»; «хищный коршун»; «рвет на части наш народ». Письмо Е.О. Дулебова и «Письма» Ф.К. Качуры содержат идентичные выражения: «я иду убивать», «я иду выполнять приговор боевой организации», «нашу кровь проливали», «наглое издевательство», «налетают озверелые казаки, жандармы», «я считаю счастьем, что на мою долю выпало отомстить этому извергу», «пролито много крови», «хищный коршун», «пить нашу кровь»²⁶.

Следствие не сумело собрать документальные улики причастности к покушению арестованных в мае 1903 г. В.В. Леоновича и А.Е. Морозова, через 10 месяцев они были освобождены²⁷. Остальные члены Уфимского комитета отделались краткосрочными задержаниями.

«Уфа, — писал 6 апреля 1903 г. Г.А. Гершуни, — город маленький, пути сообщения скверные, и выбраться оттуда очень трудно»²⁸. По переписи 1897 г. в ней насчитывалось чуть более 49 тысяч жителей, в том числе 376 евреев. Чтобы обеспечить выезд главы БО с его явно выраженной семитской внешностью, эсеры инсценировали свадебный кортеж. «Жених» «с небольшой французской бородкой» и букетом цветов — Г.А. Гершуни — и «невеста» — М.А. Прокофьева, — сопровождаемые веселой компанией, благополучно добрались до вокзала и вошли в вагон поезда²⁹.

Г.А. Гершуни стремился в свой опорный пункт — Киев. Там его наперсницы Д.В. и Р.В. Рабинович с нетерпением ожидали телеграмму из Уфы о покушении и готовили прокламацию³⁰. 6 мая поезда на Киев не было. Гершуни, стремясь поскорее выбраться из Уфы, взял билет до Невьянска на поезд, который отходил 6 мая в 10 часов 6 минут вечера. Из Невьянска, куда Гершуни прибыл 8 мая в 12 часов 30 минут дня, он в 1 час 33 минуты ночи 9 мая отправился на поезде, следующем на Киев, а в Туле перебрался на скорый поезд № 5, который не останавливался на станции Киев-2. На станции Дарница Гершуни 13 мая 1903 г. в 4 часа 13 минут ночи пересел на полтавский поезд и, доехав до станции Киев-2, вышел из вагона и направился в город³¹.

Его ожидали. Опытный Е.П. Медников 8 мая 1903 г. наставлял начальника киевского охранного отделения А.А. Спиридовича: «Гершуни ловите ... больше осторожности, не спешите, горячки не точайте. ... Как

можно больше выдержки»³². 12 мая члены киевского комитета партии эсеров, собравшиеся на квартире Р. Рабинович, получили условную телеграмму: «Папа приедет завтра. Хочет повидать Федора. Дарницкий». Секретный агент, студент А.Л. Розенберг — «Конек», — изловчился заглянуть в нее и помчался к А.И. Спиридовичу. Было ясно — телеграмму послал Г.А. Гершуни³³.

Около шести часов вечера 13 мая 1903 г. на станции Киев-второй филеры Демидюк, Жуков, Алентов опознали в вышедшем из вагона хорошо одетом мужчине в фуражке инженера и с портфелем в руках Г.А. Гершуни и арестовали его. При обыске у него изъяли два паспорта (один из них заграничный) на имя мещанина Р.Н. Раба, написанные синим химическим карандашом на восковой бумаге прокламации Киевского комитета и БО ПСР о покушении на Н.М. Богдановича, о волнениях в Златоусте, заряженный браунинг, две записные книжки с шифрованными записями, пятьсот рублей и пятьсот франков, черновик написанной им неоконченной прокламации «Ко всей сознательной и трудовой России», в которой говорилось: «В то время, когда я пишу эту прокламацию, т. е. 6 мая, убийца еще в Уфе, но в сравнительной безопасности». Там же был изложен текст «Приговора Боевой Организации», идентичный тексту, найденному на теле убитого губернатора³⁴.

Получив донесение об аресте главы БО, директор Департамента полиции А.А. Лопухин немедленно телеграфировал: «Гершуни закупите ножные ручные кандалы доставьте Петербург крепость строжайшим караулом двумя офицерами. Примите меры возможности самоубийства». В Петербург Г.А. Гершуни доставили 16 мая 1903 г. и заключили в одну из самых изолированных камер верхнего бастиона Шлиссельбургской крепости, где с него сняли кандалы³⁵.

А.И. Спиридович получил более 20 поздравительных телеграмм и писем, чин подполковника и 20 тыс. рублей наградных³⁶. Последнее обстоятельство вызвало крайнее раздражение А.А. Ратаева: «За поимку Гершуни было обещано 20000 рублей, — писал он директору департамента полиции. — Агентура [Е.Ф. Азеф. — М.Л.] выбивается из сил, чтобы их заработать и все-таки не добивается желаемого»³⁷.

Первая БО представляла в таком виде: «руководители», «исполнители», «посредники-помощники», «техники». Полномочный руководитель БО, ее «диктатор» — Г.А. Гершуни. Он назначал «исполнителей», задумывал и организовывал покушения, осуществлял их литературное обеспечение. М.М. Мельников и П.П. Крафт выполняли его поручения. Представителем БО за границей считался М.Р. Гоц. Гершуни, Мельников и Крафт организовывали покушения на свой страх и риск, задним числом ставя в известность эсеровских лидеров в эмиграции и России, в том числе и Гоца.

С.В. Балмашеву, Е.К. Григорьеву, Ю.Ф. Юрковской, Ф.К. Качуре, Е.О. Дулебову, «Апостолу» и на первых порах Т.С. Бартошкину отводи-

лась роль исполнителей намерений руководителей БО. Весной 1903 г. появилось еще несколько «исполнителей».

Посредниками-помощниками были А.А. Бельский, Н.И. Блинов, Е.К. Брешко-Брешковская, А.И. Вейценфельд, Е.М. Калиновская-Блинова, С.Г. Клитчоглу, В.В. Леонович, А.Е. Морозов, Н.Н. Плаксин, Д.В. и Р.В. Рабинович, Л.А. Ремянникова. Отдельные поручения выполняли Л.Д. Варенов, Я.Г. Загородний и некоторые другие. «Техники», изготовители взрывных снарядов, бомб, появились с осени 1902 г. и дислоцировались за границей — это А.Г. Левит, П.С. Поливанов, А.Д. Покотиллов.

Мотивация террора, создание истории БО, «житий» террористов было прерогативой эсеровского теоретика В.М. Чернова.

Особую роль в делах БО играл тайный агент департамента полиции Е.Ф. Азеф, с мая—июня 1902 г. поверенный главы БО. Зимой 1903 г. Г.А. Гершуни, согласно В.М. Чернову, назвал Е.Ф. Азефа «своим преемником по боевому делу»³⁸.

Все нити БО находились в руках ее главы. Другим он сообщал столько, сколько считал нужным. После его ареста несколько завербованных им человек (их имена остались неизвестными) метались по России, «совершенно не зная, что им делать». Виднейшие партийные функционеры пребывали в полной растерянности, не ведая ни о том, каковы были распоряжения и планы Г.А. Гершуни, ни о том, кто будет новым «распорядителем БО»³⁹.

13 мая 1903 г. с арестом «диктатора» первая БО прекратила свое существование.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д.1053; Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 122; Красный архив. М., 1926. С. 198.

² Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. С. 243; Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 66–68.

³ Дело А.А. Лопухина в Особом присутствии правительствующего Сената. Стенографический отчет СПб., 1910. С. 13, 26–27, 40–41, 88.

⁴ Документы Охраны о Г.А. Гершуни. 1900, 1902, 1903 гг. // РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1053. См. также: Письма Азефа. М., 1994. С.67–70. Департамент полиции знал не только о том, когда и через какие пограничные станции проедет Г.А. Гершуни в Россию, но также и о том, что в течение первого месяца пребывания в России он будет последовательно находиться в Киеве, Тамбове, Саратове, Самаре, Москве и Петербурге, а в течение второго месяца — в Орле, Харькове, Чернигове, Кишиневе, Одессе, Ростове-на-Дону и Екатеринославе.

⁵ Письма Азефа. С. 64–67, 69, 72, 7–3, 76–79, 82–84, 87–88; РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1053; ГАРФ. Ф. 102. ДП. Оп. 316. 1898 г. Д. 1 Ч. 16. Л. 18–29.

⁶ Возвращение Азефа в Россию планировалось давно. В ноябре 1901 г. он «распустил слух», что фирма, в которой он работал, командировала его на

шесть–восемь месяцев в Берлин. Срок истек, и он опасался, как бы «русская колония не узнала, что я вовсе не командирован и что я работаю как волонтер без жалованья» // Письма Азефа. С. 62, 83–86.

⁷ Л.А. Ратаев А.А. Лопухину. 25 октября 1902 г. // ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Л. 44–47.

⁸ Заявление Мельникова в ЦКПСР. Париж, 14 июня 1912 г. // ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–7; Рукопись [М.М.] Мельникова // Там же. Д. 85. Л. 12–14, 73–74.

⁹ Письма Е.П. Медникова А.И. Спиридовичу // Красный архив. 1926. № 4. С. 194–199.

¹⁰ Л.А. Ратаев А.А. Лопухину. 25 октября 1902 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Л. 43.

¹¹ Письмо С.В. Зубатова А.И. Спиридовичу // Красный архив. 1922. № 2. С. 281.

¹² ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 97.

¹³ «По делу Богдановича» было допрошено более 70 свидетелей, 19 из которых арестовали.

¹⁴ По одним данным, было убито 28 человек и ранено 41, по другим – убито 39 человек и несколько десятков ранено, по третьим – убито 45 человек и ранено 83.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 81.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 567.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. ДП ОО. Л. 215–219; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 29, 62, 90.

¹⁸ Там же. Д. 565. Л. 183–187, 215–219; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 62, 117–118.

¹⁹ Там же. Л. 30.

²⁰ Там же. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 15, 39, 50; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 30, 43; Горбунов М. [Колосов Е.Е.] Б. Савинков. Воспоминания террориста // Каторга и ссылка. М., 1927. № 8. С. 232; Николаевский Б. История одного предателя. С. 67–68 // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 184; Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. 1926. № 4. С. 201.

²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 184, 192–197; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 117–121; ГОПБ. ОР. ЦЛ 18–216. 1903. V. 6.; Попов И. В.В. Леонович Ангарский // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1932. № 4. С. 118; Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. 1926. № 4. С. 201.

²² Об убийстве уфимского губернатора Богдановича // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 183–184; Дело об убийстве уфимского губернатора Богдановича // ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 116. Об «Апостоле» вскоре после покушения А.А. Бельский, член уфимского комитета, рассказывал агенту департамента полиции.

²³ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. С. 154. (М.М. Мельников уверял даже, что руководитель БО приехал в Уфу только 7 мая и «присвоил» покушение на Богдановича) // ГАРФ. 1699. Оп. 1 Д. 85. Л. 63.

²⁴ Революционная Россия. 1903. № 24. С. 1; № 25. С. 15; 1904. № 44. С. 14; ОРК ГОПБ. ЦЛ 18 217 1903. V. 6. (БОПСР, б./д.); ЦЛ 18 217 1903. V. 6. (БО ПСР. Типография ПСР); ЦЛ 18 217 1903. V. 7; ЦЛ 18 216 1903. V. 7; ЦЛ 18 77 1903. V. 10; Народное дело. Париж, 1903. № 4. С. 145–146; 1904. № 5. С. 105–111.

²⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 11–14; Оп. 1902 г. Д. 773. Л. 98; Дело Гершуни или т. н. Боевой организации. СПб., 1907. С. 11–13; Леонов М.И. «Дело Оболенского». (Боевая организация и террористы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2008. № 1(5). С. 30–34.

²⁶ (Письмо Е.О. Дулебова) // Савинков Б. Воспоминания. Воспоминания террориста. М., 1990. С. 153–154; Письма рабочего героя к товарищам и крестьянам. [Б.м.], 1902; Два письма рабочего революционера // ОРК ГОПБ. ЦЛ 18. 217. 1902. VII. С. 153–154; ГПБ. ОРК ЦЛ 18.217. 1902. IV. 3; Революционная Россия. 1906. № 6. Приложение; ГАСар.О. Ф. 280. Оп. 1. Д. 73; Да здравствует Народная Воля! Париж, 1907. С. 29–30.

²⁷ Заключение о крестьянине А.Е. Морозове и дворянине В.В. Леоновиче // ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 113–121; В.В. Леонович «мог жестоко полатиться» за участие в покушении на Н.М. Богдановича. Его спасло только то, что следствие не выявило неопровержимых доказательств его причастности к покушению // Попов. И. В.В. Леонович-Ангарский // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1932. № 4. С. 118.

²⁸ ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 62.

²⁹ Еврейская энциклопедия. Т. 15. С. 143; Знамя труда. 1913. № 52. С. 2. См. также: Чернов. В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 163. «Одно из крупных дел ее (Прокофьевой М.А. – М.Л.) содействие Г.А. Гершуни, когда ему после убийства уфимского губернатора Богдановича надо было уехать из тихого провинциального города, не привлекая к себе внимания властей» // Знамя труда. Париж, 1912. № 52. С. 2.

³⁰ Телеграммы А.И. Спиридовича от 7 и 9 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 13, 38.

³¹ Рапорт прокурора С.-Петербургской судебной палаты от 29 октября 1903 г. // ГАРФ. Ф.124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 34.

³² Красный архив. 1926. № 4. С. 199.

³³ РГАСПИ. Ф. 673. Оп.1. Д. 558; Спиридович А. Записки жандарма. С. 123–125.

³⁴ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 34, 38, 48; Революционная Россия. 1904. № 44. С. 11; Начальник Киевского охранного отделения ротмистр А.И. Спиридович директору Департамента полиции // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 842. Л. 210; Спиридович А. Записки жандарма. С. 125–127.

³⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 842. Л. 211, 218.

³⁶ Красный архив. М., 1926. № 4. С. 199–217.

³⁷ Л.А. Ратаев А.А. Лопухину 3/16 сентября 1904 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП Оп. 316. 1904 г. Д. Ч. 1. Т. 3. Л. 111.

³⁸ Из истории Партии С.-Р. Показания В.М. Чернова по делу Азефа в следственной комиссии партии С.-Р.// Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 100. С. 295.

³⁹ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128. Л. 37; Д. 132. Л. 132; Ф. 102. ДП. Оп. 316. Д. 16. Ч. 16. Лит. А. Т. 2. Л. 16.

*В.Ю. Кузьмин**

Развитие медицинского образования в Самарском регионе (вторая половина XIX – начало XXI в.)

Начиная с XVII века медицина была одной из значимых сфер деятельности Российского государства. Ее практическое развитие во многом зависело от развития медицинского образования, как в столицах, так и в регионах России.

Начиная со второй половины XIX века в Самарской губернии оно развивалось интенсивными темпами.

В 1860 г. Самарское земство открыло фельдшерскую школу. К 1880 г. она подготовила для губернии 119 фельдшеров, 130 фельдшериц-акушеров, 60 акушеров. В 1901 г. в ней работал 21 преподаватель. В 1883 г. гласный В.А. Племянников предложил закрыть школу, так как обучение фельдшеров было слишком накладно для земства. Против выступили гласные А.В. Иванов, А.С. Юшанцев, Л.И. Ященко, С.О. Лавров, заявив, что школа полезна, закрывать ее – подрывать авторитет земства. В 1885 г. гласные Вельц и Мордвинов высказывались за расширение штата фельдшеров, против был тот же В.А. Племянников [1].

В 1910 г. фельдшерская школа, как и другие аналогичные учебные заведения России, была реорганизована в фельдшерско-акушерскую [2].

11 января 1919 г. в Самаре при государственном университете был открыт медицинский факультет. Его первым деканом был известный социал-гигиенист В.В. Гориневский [3]. В 1922 г. в тяжелый послевоенный период университет провел первый выпуск врачей. Дипломы получили 39 врачей. В 1927 г. из-за тяжелой социально-экономической ситуации в Самарском крае университет был закрыт.

В силу необходимости подготовки медицинских кадров в Куйбышеве в 1935 г. вновь состоялось открытие Самарского государственного медицинского института. Параллельно с ростом его авторитета медицинского в области увеличивается количество желающих учиться в нем. Однако вуз не имел клиник, в которых можно было бы не только квали-

* © Кузьмин В.Ю., 2011

фицированно лечить больных, но и успешно заниматься со студентами. Возникла острая необходимость иметь собственную клиническую базу.

Для увеличения клинической базы должно было начаться возведение нового патологоанатомического корпуса с общей затратой на данный вуз в 1936–1937 гг. 3 тыс. рублей, включая капитальный ремонт. Также в перспективе намечалось введение в строй общежития и нового учебного корпуса, а также общежития Куйбышевского медицинского техникума, параллельно с реконструкцией 7 действующих средних образовательных медицинских заведений. С 1935 по 1937 гг. Средне-Волжскому краю требовалось 450–500 врачей. Исправить недостаток в медицинских кадрах высшей квалификации за счет выпускников местного заведения край реально смог только в 1935 г. Пополнение кадрового дефицита средним персоналом также должно было способствовать росту медицинской сети [4].

Сотрудники кафедр Куйбышевского медицинского института привлекались к работе по обработке статистических данных, отражающих заболеваемость в регионе. В Самарской области имелись все условия для проведения указанных работ. К их проведению предполагалось привлечь кафедру социальной гигиены Куйбышевского медицинского института [5].

С целью улучшения качества подготовки медицинских сестер проходило укрупнение среднеспециальных учебных заведений.

Советской властью проводились мероприятия по реорганизации среднего медицинского образования. Приказом заведующего Крайздравом от 11 ноября 1936 г. были объединены школы по подготовке сестер при трахоматозном и туберкулезном институтах. Директорство школы туберкулезных сестер было возложено на тов. Набокова.

В 1939 году в связи с надвигающейся военной угрозой Куйбышевский медицинский институт в срочном порядке был переведен в ранг Военно-медицинской академии, которая функционировала до 1942 г.

К началу Великой Отечественной войны был создан прочный фундамент советского здравоохранения. На новый уровень выведены лечебное дело и организация подготовки высококвалифицированных медицинских кадров, значительно улучшена эпидемиологическая обстановка в Куйбышевской области и отработаны система профилактики и лечения острозаразных заболеваний, снижена детская смертность.

В 1941 г. явно не доставало квалифицированных хирургов, способных произвести сложные операции на голове, грудной и брюшной полостях, опорно-двигательном аппарате, поэтому была организована подготовка данной категории специалистов на краткосрочных курсах. И здесь огромную помощь оказали Куйбышевский медицинский институт и военно-медицинская академия.

За годы Великой Отечественной войны 31% хирургов прошли специализацию, могли вести самостоятельную работу упрощенного типа, а

11% врачей выполняли операционные вмешательства под руководством старших.

В первые два года Великой Отечественной войны профессорско-преподавательский состав Куйбышевской военно-медицинской академии принимал активное участие в работе госпиталей. Целый ряд клиник Куйбышевского медицинского института взял шефство над отдельными госпиталями, где широко проводились консультативная работа, показательные и сложные оперативные вмешательства. За первый год войны было произведено 95 выездов профессоров и преподавателей в госпитали районов области.

После отъезда Военно-медицинской академии из Куйбышева помощь от медицинского института оказывал профессор С.П. Шиловцев. Профессоры проводили курсовые мероприятия по повышению квалификации врачей, а также врачебные конференции госпиталей. Шефство над госпиталем № 5335 осуществляли сотрудники клиник факультетской хирургии и терапии; над госпиталем № 5778 – пропедевтической терапии и хирургии. Профессорско-преподавательский состав медицинского института руководил научно-исследовательской работой госпиталей и оказывал практическую помощь.

В период 1942–1944 гг. в госпитальный совет входили профессор кафедры госпитальной хирургии Б.И. Фукс, профессора А.Г. Бржозовский, Н.Е. Кавецкий, директор Куйбышевского медицинского института В.И. Савельев, заведующий кафедрой военно-полевой хирургии, доцент Колесников, доцент невропатолог Н.С. Рожаева, профессора Н.Ф. Шляпников, Б.Н. Луков, Топорков [6].

В 1944 г. в клиниках работали 11 профессоров, 10 доцентов, 30 ассистентов; в 1945 г. – 54 преподавателя: 11 профессоров, 8 доцентов, 34 ассистента; в 1946 г. – 13 профессоров, 16 доцентов, 53 ассистента [7].

Активная исследовательская деятельность профессоров Самарского государственного медицинского института Н.Е. Кавецкого, Б.Н. Лукова, А.И. Германова и других обогащала и совершенствовала медицинскую науку и практику. Только в институтских клиниках, где лечились бойцы и офицеры Красной Армии, было сделано 7906 операций, за тот же период работники института выполнили 317 научных работ, посвященных практической и теоретической медицине [8].

На основании приказа Наркомздрава РСФСР от 2 декабря 1941 г. за № 537 с 1 апреля 1942 г. в Куйбышевской области на базе военных госпиталей и больниц открывались курсы по подготовке медицинских сестер по уходу за ранеными бойцами и офицерами. Причиной их создания являлось плохая работа сестер по оказанию помощи данной категории больных [9].

В это же время началась подготовка врачей хирургов для межрайонных больниц на базе Куйбышевской военно-медицинской академии [10].

Медики, несмотря на тяжелые материальные, жилищные и социальные условия в годы Великой Отечественной войны, отдавали все силы и здоровье для лечения военнослужащих и гражданского населения.

После окончания войны администрацией Куйбышевского медицинского института проводились мероприятия по повышению научной квалификации врачей. Так, во втором квартале 1946 г. проведено 7 межрайонных научных конференций для медрботников Куйбышевской области с выездом для участия в них профессоров медицинского института [11].

В послевоенный период продолжалось развитие и среднего медицинского образования. В Кинель-Черкассах решались две задачи: подготовка младшего медицинского персонала и совершенствование лечебного дела. В 1946 г. школу медицинских сестер окончили 70 выпускниц. В дальнейшем (1953 г.) данное учебное заведение получило статус медицинского училища, а в 1970 г. переехало в новое здание. Места в общежитии могли иметь 150 человек. За 7 лет (1946–1952 гг.) было подготовлено 5 тыс. сестер. В 50–90-е годы однофакультетный Самарский медицинский институт становится многофакультетным. Были открыты педиатрический, стоматологический, фармацевтический и другие факультеты. Большой популярностью в Самаре пользовались кафедры клиники академиков А.Ф. Краснова и И.Б. Солдатова, профессоров Г.Л. Ратнера, А.М. Токаревой, Н.И. Гусевой [12].

В области функционировали 8 медицинских училищ.

На современном этапе развития России медицинское образование имеет трехступенчатый характер: среднее профессиональное, высшее профессиональное и послевузовское. Активно осуществляется взаимодействие Самарского государственного медицинского института с областным министерством здравоохранения и социального развития. Это является одним из определяющих факторов развития медицины в Самарском регионе.

Таким образом, развитие медицинского образования в Самарском регионе прошло ряд этапов: земский, советский и современный. Каждый из них имел как общие, так и специфические черты. Подготовка медицинских кадров способствовала повышению качества медицинского обслуживания населения Самарской области.

Примечания

¹ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 8. Д. 136. Л. 43.

² Большая медицинская энциклопедия. М., 1929 г. Т. 10.

³ ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 7. Д. 11. Л. 54.

⁴ Там же. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 131. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. 4054. Оп. 3. Д. 26. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 300. Л. 4.

⁷ ЦГАСО. Ф. 4054. Оп. 5. Д. 202. Л. 354–355, 358.

⁸ Савельева В.И. Клиническая больница в годы Великой Отечественной войны. М.; Куйбышев, 1947.

⁹ Баранов Н. Ученые — победе // Волжская заря. 1985. 5 апреля.

¹⁰ ЦГАСО. Ф. 4054. Оп. 1. Д. 1,4. Л. 1–2.

¹¹ Там же. Д. 232. Л. 7.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 132. Л.2.

*А.В. Сыпченко**

Деятельность народных социалистов в составе Временного правительства

Народные социалисты (энесы, члены Трудовой народно-социалистической партии — ТНСП), несмотря на свою малочисленность, играли значительную роль в политической жизни России 1917 г. С мая по август 1917 г. они занимали ключевые посты в коалиционном Временном правительстве: в Министерстве продовольствия (министр — А.В. Пешехонов, товарищи министра — В.И. Анисимов и А.А. Титов) и в министерстве юстиции (министр — П.Н. Переверзев, товарищ министра — А.С. Зарудный, с июля 1917 г. — министр — А.С. Зарудный, товарищ министра — А.А. Демьянов).

Инициатором назначения народных социалистов на должности министров и других высших государственных чиновников во Временное правительство был А.Ф. Керенский¹. Такие назначения были сделаны не случайно. А.В. Пешехонов являлся одним из ведущих специалистов по аграрному вопросу в России. Он высоко котиrowался и как возможный министр земледелия, но в коалиционном Временном правительстве этот пост считался эсеровским. Пост министра продовольствия — один из ключевых постов в правительстве. Казалось бы, занимая этот пост, Пешехонов имел все возможности для реального воплощения идеалов и принципов своей партии. Однако три месяца (май — август) пребывания на министерском посту стали настоящей Голгофой и для него, и для партии. Исходя из традиционного для энесов принципа справедливости, Пешехонов пытался удержать твердые цены на хлеб, объявить его общенародным достоянием, сократить и сделать более равномерным потребление, установить вознаграждение за отчуждаемые помещицьи земли. Ради достижения гражданского согласия и классового мира он также призывал умерить социальные аппетиты. Одной из приоритетных задач правительства Пешехонов считал установление хлебной мо-

* © Сыпченко А.В., 2011

нополии. Закон о хлебной монополии был принят правительством еще 25 марта 1917 г. Он предусматривал передачу хлеба в распоряжение государства. Однако на местах проявлялся продовольственный сепаратизм, и держатели зерна нарушали данный закон, не желая отдавать хлеб по твердым ценам в условиях нараставших инфляции и спекуляции. Считая хлеб важнейшей ценностью, особенно в условиях военного времени, Пешехонов предложил проект государственно-демократического регулирования продовольственного снабжения.

Суть пешехоновского плана реализации хлебной монополии заключалась в следующем:

- отстранение частной торговли от снабжения страны хлебом;
- широкая опора на демократически избранные общественные организации – продовольственные комитеты;
- налаживание прямого товарообмена между городом и деревней путем устранения посредничества частного капитала и распределения промышленных товаров для крестьянства в обмен на зерно через продкомитеты;

– равномерное распределение всех продуктов, которых не хватает².

Став министром, Пешехонов заявил о намерении претворить свой проект в жизнь. Однако анализ проведенных им мероприятий показывает, что они противоречили первоначальным устремлениям министра:

– напуганный размахом крестьянского движения, Пешехонов с мая 1917 г. выступал за строгое подчинение Главному земельному комитету местных земельных комитетов;

– проведенный 19 мая законопроект о привлечении частных банков к финансированию хлебозакупочных операций Министерства продовольствия впоследствии позволил буржуазии саботировать финансирование хлебной монополии;

– приказ от 18 июля о мерах по охране посевов был выгоден помещикам, чем вызвал сильное недовольство крестьян и Советов, их отрицательное отношение к хлебной монополии и правительственным мероприятиям;

– циркуляр от 28 июля обязывал местные продорганы использовать для заготовок хлеба частноторговый аппарат;

– упразднение Петроградской продовольственной управы и стремление подменить демократические продкомитеты институтами назначаемых продкомиссаров и уполномоченных (июль 1917 г.) подрывало собственные органы Министерства продовольствия³.

Почему же Пешехонов предпринял меры, которые мешали реализации хлебной монополии? В историографии утвердилось мнение, что хлебная монополия, несмотря на сложность осуществления, являлась вполне реальным делом⁴. Так казалось и радикально настроенным современникам тех событий, так как хлебная монополия представлялась им достижимой по мере принятия мер против «капитала и землевладе-

ния»⁵. Однако осуществление хлебной монополии не сводилось лишь к мерам, направленным против буржуазии, помещиков и кулаков. Пешехонов, хорошо разбиравшийся в экономике и адекватно оценивавший действительность, понимал это. Он обращал внимание на то, что «трудность заключается не в преодолении сопротивления буржуазии, которая во всем уступает, а в преодолении психологии трудящихся масс», которых надо призвать к самому напряженному труду, к лишениям и жертвам⁶. Безусловно, в условиях радикализации масс донести до них идею о необходимости таких жертв было невозможно. Трудящиеся массы менее всех проявляли терпимость. Кроме того, ситуация в стране все больше накалялась, и Пешехонов, осознавая ответственность за обеспечение людей, по-видимому, все больше понимал, что если действовать более жесткими мерами, то буржуазия и помещики станут еще больше саботировать поставки хлеба. Видя, что сопротивление последних значительно, он вынужден был идти на компромисс. Однако когда дело касалось принципиальных позиций, он был непримирим — 26 августа Пешехонов ушел в отставку с поста министра из-за несогласия с постановлением о повышении вдвое твердых цен на хлеб, продиктованным помещичьим лобби и подписанным Керенским вопреки возражениям Пешехонова. Это как нельзя более показывает, что Пешехонов отстаивал не интересы помещиков, а идею справедливости и необходимости сохранения классового мира. Надо иметь в виду также и коллегиальный характер деятельности Министерства продовольствия: Пешехонова полностью поддерживали его товарищи по министерству Анисимов и Титов, видевшие основную задачу министерства в усилении государственного контроля над экономикой, в правильном распределении при посредстве кооперативов и продовольственных комитетов, в установлении на все предметы первой необходимости твердых цен и допускавшие как временную меру участие в распределении сырья и товаров представителей торгового капитала⁷. Анисимов заведовал статистическо-экономическими отделами и отделом по организации посевной площади и уборке урожая. Титов возглавлял Управление по снабжению предметами первой необходимости, работал в Техническом комитете министерства. О популярности и авторитете министерской деятельности Пешехонова, Титова и Анисимова свидетельствуют письма и телеграммы общественных организаций и отдельных лиц с выражением поддержки, которые поступали в их адрес летом 1917 г.⁸

Наибольшую опасность демократическим преобразованиям в России народные социалисты, являвшиеся членами Временного правительства, как и их партия, видели в экстремизме справа и слева. Поэтому они осудили июльскую демонстрацию в Петрограде и в дни июльского кризиса призывали не только словом, но и делом оказать поддержку Временному правительству и Совету рабочих депутатов в их стремлении «убить гидру анархии», «заставить большевизм замолчать»⁹. В ходе июль-

ских событий их тактика приобретает все более антибольшевистский характер. Министр юстиции Переверзев во время вооруженных столкновений опубликовал документы, в которых указывалось, что партию большевиков финансировали немецкие спецслужбы, а также начал аресты деятелей РСДРП. Это привело к конфликту Переверзева с Петроградским советом. Действия министра были полностью одобрены ТНСП. Когда в ЦК ТНСП Переверзев объявил, что он выдвигает обвинение В.И. Ленина в шпионаже, то Н.В. Чайковский и А.А. Булат отметили, «что дыма без огня не бывает»¹⁰. ЦО ТНСП сожалел, что документы были опубликованы до ареста: «Речь идет о преступлении. Естественный порядок был бы такой: сначала арестовать, потом опубликовать»¹¹. Необходимо иметь в виду, что приказ об аресте видных большевиков «был подписан единогласно, в том числе Церетели, Скобелевым, Черновым (Керенский был на фронте)»¹², то есть ответственность за него несет не только Переверзев. Из-за конфликта с Советами Переверзев вынужден был уйти в отставку.

В июле 1917 г. Переверзева на посту министра юстиции сменил А.С. Зарудный, который продолжил политику своего предшественника. Он разработал законопроект, который предоставлял Министерству внутренних дел по соглашению с Министерством юстиции право, минуя законный порядок, заключать под стражу лиц, деятельность которых представлялась властям угрожающей установленному государственному порядку¹³. Данный законопроект лег в основу Постановления Временного правительства от 4 августа об изменении статей Уголовного уложения, ужесточающего наказания за «антигосударственную» деятельность вплоть до бессрочной каторги¹⁴. Это была, по сути, мера военного положения. Войдя в состав комиссии по созыву Государственного Сопевщения, Зарудный способствовал созданию в нем такого представительства, которое обеспечивало полную поддержку Сопевщения Корнилову¹⁵. 26 августа Керенскому был представлен законопроект о военно-революционных судах в тылу, содержанием которого было введение смертной казни. Этот законопроект был подготовлен комиссией из представителей Министерства юстиции и Военного министерства, которую возглавляли Зарудный и эсер Савинков¹⁶. Эти меры соответствовали позиции ТНСП. Однако в деятельности Зарудного имели место и отступления от принципов своей партии: подписанная Зарудным Инструкция Временного правительства от 4 августа, резко ограничивающая права местного самоуправления Украины, и подписанная им очередная оттяжка созыва Учредительного собрания, — святая святых программы ТНСП¹⁷. Являясь в мае—октябре 1917 г. товарищем министра юстиции, Демьянов возглавлял 2-й департамент Министерства юстиции, ведающий назначением судей в России. В сентябре по заданию Керенского он подготовил проект образования Предпарламента, а 25 сентября был назначен председателем Малого Совета Временного правительства¹⁸.

Анализируя позднее в эмиграции деятельность Временного правительства летом—осенью 1917 г., Демьянов одобрительно отзывался обо всех мероприятиях кабинета юстиции. В то же время он отмечал, что «совершено было много ошибок» и Временное правительство недостаточно оценило в свое время опасность Ленина и большевиков¹⁹.

Большое значение в своей деятельности в составе правительства энесы уделяли сохранению коалиции. По их мнению, сильную демократическую власть, способную преодолеть экономический и финансовый кризис в стране, предотвратить гражданскую войну, созвать Учредительное собрание, можно было создать только на принципе коалиции. Они считали, что в коалицию должны входить умеренные социалистические партии и кадеты, которые могли бы способствовать организации в стране несоциалистической демократии. Не случайно, узнав о намерении кадетов выйти из Временного правительства в ответ на июльские события, энесы еще больше стали отстаивать тезис о «спасительности» коалиционного министерства. Рассматривая партию кадетов как «партию реальной политики», они призывали кадетов к «благоразумию»²⁰. Боясь развала коалиции, Пешехонов на заседании приглашенных Временным правительством представителей Государственной думы, исполнительных комитетов Советов и политических партий заявил, что ТНСП «считает единственным выходом из создавшегося положения предоставить Керенскому составить кабинет, не стесняя его никакими условиями»²¹. Позднее энесы весьма высоко оценивали роль своей партии в спасении коалиции²², хотя и стали в августе—сентябре 1917 г. жертвой расширенных полномочий Керенского и вынуждены были уйти со своих постов.

Таким образом, деятельность народных социалистов в составе Временного правительства была направлена на решение актуальных экономических и политических проблем в России, причем энесы допускали только государственные формы решения этих проблем. Это должно было способствовать преодолению кризиса в стране, предотвращению насилия и диктатуры. Однако в условиях взрыва политических страстей их усилия были тщетны.

Примечания

¹ Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 4. М., 1991. С. 59.

² Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 131.

³ Известия по продовольственному делу. 1917. № 2. С.45; № 3. С. 35; Речь. 1917. 29 июля.

⁴ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 421.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 21.

⁶ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991. С. 262—263.

- ⁷ Голос Крестьянского Союза. 1917. 9 августа. С. 2.
⁸ ГАРФ. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 38–60.
⁹ Народный социалист. 1917. № 34. 5 июля; № 36. 16 июля.
¹⁰ РГИА. Ф.857. Оп. 1. Д. 43. Л. 29.
¹¹ Народное слово. 1917. 7 июля.
¹² РГИА. Ф.857. Оп. 1. Д. 43. Л. 29.
¹³ Рабочий и солдат. 1917. 4 августа.
¹⁴ Революционное движение в России в августе 1917 года. М., 1959. С. 173.
¹⁵ Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968. С. 713.
¹⁶ Революционное движение в России в августе 1917 года. М., 1959. С. 422, 626.
¹⁷ Там же. С. 174–175, 177–178.
¹⁸ ГАРФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д.12. Л. 412–414; Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 4. М., 1991. С. 59.
¹⁹ ГАРФ. Ф. 6632. Оп. 1. Д. 11. Л. 118–119 об.
²⁰ Народный социалист. 1917. № 33. 4 июля.
²¹ Народное слово. 1917. 23 июля.
²² Народное слово. 1917. 7 августа.

*О.В. Ягов**

К вопросу о создании правовой основы для ликвидации лжекооперации в советской России в годы НЭПа (по материалам Поволжья)**

НЭП, пришедший на смену «военно-коммунистическим» методам хозяйствования, вновь открыл дорогу ч астокапиталистическим отношениям в торгово-промышленной сфере. На IV съезде совнархозов России в 1921 г. А.И. Рыков высказался в пользу разгосударствления ряда мелких и средних промышленных предприятий и передачи их отдельным обществам, кооперативам или отдельным лицам. Однако по мере восстановления экономики и укрепления позиций большевиков в партийно-государственных кругах все большую силу набирала тенденция на ограничение частного капитала в торговой и производственной сферах деятельности.

* © Ягов О.В., 2011

** Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (государственный контракт № П 663 от 10 августа 2009 года).

Первые атаки на частный капитал начались еще в условиях «военного коммунизма», когда в сентябре 1919 г. СНК издал декрет о перерегистрации производственных артелей, промышленных кооперативов, товариществ и всякого рода кустарных объединений и о праве участия в них. Издавая этот документ, власть стремилась перекрыть канал объединения кооператоров с частным капиталом, оторвать от его влияния кооперативное движение. Однако стремление государства вести борьбу с лжекооперацией привело к дезорганизации мелкой промышленности. И неудивительно, что очень многие органы местной власти, видя реальную полезность некоторых из числа так называемых лжекооперативов, отыскивали всевозможные пути обхода данного правительственного декрета.

В начале 1920-х гг. власть не скрывала своих намерений по поводу дальнейших «перспектив» частного капитала в условиях социалистического строительства. Уже в 1922 г. «Саратовские известия» писали: «Пусть же буржуазия знает, что только крайняя разруха и ненадежность производства заставляет Советскую власть мириться до поры до времени с частными промышленниками и нэпманами-шкуродерами»¹. На X Астраханской губпартконференции, состоявшейся 5 декабря 1922 г., было высказано предложение об ограничении кредитования частного капитала со стороны Госбанка².

Одновременно Совнарком принял ряд законопроектов, препятствовавших дальнейшему развитию частнокапиталистических начал. Например, разрешалось существование в обычном порядке частных предприятий только с числом не более 20 наемных рабочих. Налоговое законодательство было направлено на вытеснение частника из производственной сферы. По подсчетам известного специалиста в области изучения частного капитала в 1920-е гг. М.М. Жирмунского, посредством налогового обложения изымалось до 90 % доходов частных предпринимателей³. Современный уральский историк Л.В. Звонарева отмечает, что уже в начале НЭПа государственная налоговая политика носила классовый характер, направленный против частного капитала. Так, кооперативы платили 6–8 % с прибыли, а частный предприниматель — 28 %⁴. Поэтому вполне логично выглядел уход частного капитала из «легального бизнеса» в «теневой» через организацию лжекооперативов.

Санкт-Петербургский историк Ю.В. Братюшенко в одной из последних своих публикаций отмечает, что «нэпманы нередко создавали лжеартели и применяли “домашнюю” систему капиталистической эксплуатации “квартирников”, то есть рабочих, номинально числившихся самостоятельными производителями в качестве кустарей и ремесленников. В кооперативном движении активизировались лжекооператоры и происходило срастание с частником. Если для борьбы с первыми ужесточались разрешительный порядок их регистрации, налогообложение, контроль за производственной и финансовой деятельностью, то бороть-

ся с ложными кооперативами было сложнее, так как они не подлежали контролю со стороны государства»⁵.

Типичный случай описывал Астраханский губком партии, когда арендаторы, отказавшись от аренды, сколотили так называемую инвалидную артель и под ее вывеской арендовали то же предприятие⁶.

О лжекооперативности отдельных кооперативных объединений местная печать уже писала осенью 1921 г.: «Пройдешь по Пензе, и в глаза тебе бросается обилие кооперативных вывесок, кричащих плакатов «Заря», «Светлячок» и т. п. Начинаем наблюдать ту же печальную картину расцвета лжекооперации, какую мы наблюдали до издания декрета от 20 марта 1920 г. С лжекооперацией необходимо начать самую упорную борьбу и немедленно»⁷.

Проблема лжекооперативного уклона отдельных кооперативных объединений являлась важной для государственных и кооперативных органов на протяжении всего периода НЭПа. Это явление носило закономерный характер, так как частный капитал, вытесненный уже к началу 1920-х гг. из крупной и средней промышленности, мог какое-то время из-за несовершенства законодательства существовать в кооперативной форме. Кроме того, государство предоставляло кооперации различные льготы: отпуск и распределение промышленного сырья, дефицитных товаров, налоговые льготы и т. д., что также делало привлекательными кооперативы для частных предпринимателей.

Секретарь Саратовского Кустпромсоюза Д.И. Величай отмечал, что существующее законодательство способствовало возникновению лжекооперативов. В частности, «допущение в кооперативах 20 % рабочих и служащих по найму зачастую превращает их в лжекооперативы», писал он в своем отчете⁸.

Условно можно выделить два вида действовавших лжекооперативов: организованные изначально с целью мошенничества и приобретающие лжекооперативный уклон уже в процессе деятельности. В организационном плане практически для всех лжекооперативов было характерным нарушение процедуры выборности членов правления. Как правило, они назначались председателем из угодных ему лиц. Признаками лжекооперативности кооперативных объединений в практике 1920-х гг. считались их замкнутый (семейный) характер, тесная связь с частником, выдача большей части прибыли на руки членам, а также отсутствие общественного контроля и подотчетности руководящим органам.

В Поволжье в ходе обследования кооперативной сети наблюдались случаи, когда кооперативы после 2–3-летнего существования не имели собственных капиталов.

В декабре 1921 г. Саратовский Губкустпром провел обследование кооперативной сети, в ходе которого было выявлено большое количество лжекооперативов. Они, как правило, финансировались 2–3 лицами, а члены кооператива фактически являлись наемными рабочими.

Подобная картина наблюдалась не только в рассматриваемом регионе, но и по стране в целом.

В этой связи СНК СССР 31 декабря 1923 г. издал инструкцию о проверке всех кооперативных объединений для выявления лжекооперативов. Но ввиду отсутствия критериев для определения того, деятельность какого кооператива признавать лжекооперативной, эта работа в первой половине 1920-х гг. встречала определенные сложности.

В 1926 г. у законодателя возобладало стремление затруднить частным предпринимателям конкуренцию с кооперативными предприятиями. В соответствии с Положением о подоходном налоге, принятом 24 сентября 1926 г.⁹, на основе классового принципа была проведена реформа подоходного и промыслового налогов. В результате доля налогов в доходах предпринимателей за 1926/27 хозяйственный год выросла до 47 %, а доля их чистого накопления снизилась с 26 до 22,9 %.

Подоходное обложение предпринимателей по новым ставкам достигало 31–45 %, а с местной надбавкой – 38,5–57,5 %¹⁰. Кроме налогового прессинга, государство запрещало кредитование и предоставление услуг железнодорожного транспорта частным лицам. Обычной практикой во второй половине 1920-х гг. было изъятие патентов у зажиточных предпринимателей.

В таких условиях закономерным выглядело сокращение частных предприятий. Так, в Пензенской губернии их доля в 1924/25 хозяйственном году составляла 16,9 %, а в 1926/27 хозяйственном году снизилась до 7,2 %¹¹.

Таким образом, налоговый пресс и другие репрессивные методы были доведены до такого предела, дальше которого лежала «невозможность хозяйственной деятельности частного капитала»¹².

Частные предприниматели для продолжения своей деятельности в таких условиях продолжали преобразовывать свои предприятия в кооперативы и артели. Губотдел союза пищевиков, обращаясь в Самарский ГСНХ, сообщал, что частные предприниматели табачной фабрики «Экспресс» ведут работу по реорганизации управления фабрики, подбирают других частников для создания из фабрики трудовой промысловой артели, и просил не регистрировать эту группу¹³.

Активизация деятельности частных предпринимателей в кооперативно-организационной форме заставила Всекопромсоюз издать 13 февраля 1925 г. специальную инструкцию, по которой лжекооперативами признавались артели и товарищества в случае присутствия в составе их учредителей лиц, лишенных законодательством права участвовать в руководящих органах кооперации; преобладающего влияния в них капиталистических (кулацких) элементов, «использующих кооперативную форму в своих классовых интересах», или направлении деятельности «в сторону, противную интересам социалистического строительства». При на-

личии указанных признаков и невозможности их устранения лжекооперативы подлежали ликвидации¹⁴.

Явочный порядок организации артелей, заключающийся в простой регистрации вновь возникших артелей, способствовал возникновению лжекооперативов. В этой связи Центральный кооперативный совет поставил перед кооперативными центрами задачу по совершенствованию форм и методов борьбы с лжекооперацией. Как сказано в директиве ЦКС «О лжекооперативах и о мерах борьбы с ними», утвержденной в 1927 г.: «Вопрос о лжекооперативах уже давно возник в кооперативной среде и борьба с этим злом поставлена в порядок дня всеми коопцентрами...»¹⁵

ЦКС разослал в кооперативные центры анкеты, в которых им были поставлены следующие вопросы:

- а) необходимо ли увеличение числа членов для учреждения кооперативов первой степени;
- б) следует ли внести ограничения относительно родства учредителей;
- в) целесообразно ли внести ограничения в явочную систему учреждения кооперативов¹⁶?

Всекопромсоюз в своем ответе посчитал необходимым сохранение минимума для образования кооператива в 5 человек, для производственных артелей — в 10 человек, для складочно-сырьевых и кредитно-промысловых — в 50 человек. Также Всекопромсоюз предложил:

- а) ограничить вхождение в кооперативы лиц, принадлежащих к одной семье;
- б) ввести закон об обязательной ревизии кооперативных объединений;
- в) усилить уголовную ответственность руководителей лжекооперативов; и другие меры¹⁷.

Местные кооперативные советы, в частности Сталинградский и Пензенский, сообщали в ЦКС, что лжекооперативы сосредоточены в основном в сельскохозяйственной и кустарно-промысловой кооперации. Причем в Пензенской губернии одной из основных причин перехода низовой сети на лжекооперативные начала называлось слабое хозяйственное обслуживание кооперативов со стороны губернского Кустарсоюза, который работал в области снабжения и сбыта лишь с 36 % артелей¹⁸.

Пензенский губернский кооперативный совет в мае 1926 г. направил циркулярное письмо «О лжекооперативах Пензенской губернии» в Центральный кооперативный совет, в котором предлагал выделить следующие признаки лжекооперативов:

- 1) небольшой количественный состав кооператива;
- 2) родственные связи, особенно между членами выборных органов;
- 3) замкнутость кооператива;
- 4) высокий паевой взнос;

- 5) спекуляция в хозяйственной деятельности ради личной наживы;
- 6) самостоятельное хозяйничание руководителей и плохая отчетность¹⁹.

Всекомпромсоюз в специальном письме от 3 января 1927 г., направленном в местные кооперативные союзы, остановился на вопросе о борьбе с лжекооперативами. К числу лжекооперативов должны были быть отнесены: организации, во главе которых стоят частные предприниматели; небольшие организации «семейного» типа, например, состоящие из семи членов, трое из которых являются близкими родственниками; первички — формально кооперативного характера, но эксплуатирующие наемных рабочих; и т. д. Также признаками лжекооперативности предлагалось считать относительно высокий размер паевого взноса, преграждающий доступ в кооператив трудящихся, отклонение от устава, высокое вознаграждение руководителей кооператива за их труд, запутанная отчетность и т. д.²⁰

Выявление лжекооперативов должно было осуществляться как силами инструкторского аппарата, так и с помощью госорганов. Создание нормативной базы и выявление всех основных признаков лжекооперативных уклонов позволили поставить перед кооперативными союзами задачу по проведению широкой кампании, преследующей цель ликвидации лжекооперативов.

К развернувшейся кампании были привлечены и средства массовой информации. «Кооперативная жизнь» в одном из номеров на первой полосе писала: «Кооперативная система и кооперативные советы должны использовать весь свой хозяйственный и общественный вес, все свои организационные связи для того, чтобы в полном контакте и согласии с партийными и советскими органами стереть с лица земли лжекооперативную заразу»²¹.

В течение 1926–1927 гг. в Поволжье была произведена чистка кооперативной сети, в результате которой часть кооперативов была ликвидирована. В ходе чистки привлекалось к ответственности руководство артелей за несоблюдение устава, кооперативы исключались из союзов, параллельно усиливалась инструкторская работа.

В 1926 г. состоялся III съезд налоговых работников Среднего Поволжья, на котором было принято решение о расширении прав финансовых и налоговых инспекторов, которые могли признать деятельность любого кооператива лжекооперативной и, соответственно, ликвидировать его путем увеличения налогообложения и лишения кредитов²².

Вопрос о возможностях усиления контроля за деятельностью частного капитала с целью сокращения его деятельности был рассмотрен на заседании НК РКИ СССР в июле 1927 г. На основании заслушанного доклада Ю. Ларина «Пути использования частным капиталом кредитных организаций торговли и кустарно-промышленной кооперации» 7 июля 1927 г. было принято постановление НК РКИ СССР, в значи-

тельной степени ограничивающее деятельность частных предпринимателей в кустарно-ремесленной промышленности²³.

Кустарно-промысловой кооперации официально запрещалось пользоваться услугами частных предпринимателей в качестве торговых агентов в области закупки сырья, материалов и готовых изделий, а также сбывать свои товары в какой бы то ни было форме на частный рынок и пользоваться кредитами обществ взаимного кредита, объединявших частные капиталы.

В целях борьбы с теневым капиталом была нарушена «тайна» почтовых посылок, банковских сделок и т. д. Для более успешного выявления налоговыми организациями скрытой работы частного капитала, в том числе и в кооперации, ОГПУ и НКФ был разработан ряд административно-правовых мер репрессивного характера.

В 1927 г. был принят еще один судьбоносный документ, ускоривший ликвидацию частного капитала. В августе в губерниях Поволжья было получено секретное постановление НКФ № 87/Ц от 9 августа 1927 г. «Об усилении надзора за деятельностью кредитно-промысловых товариществ». Их работа по финансированию была признана не отвечающей «требованиям времени». Было также отмечено, что они слишком финансируют частный капитал.

В свете этого постановления местные органы власти разрешили кооперативам финансировать только своих членов, а также государственные и кооперативные организации. Кроме того, этим документом устанавливались предельные нормы кредитования отдельных членов низовой сети кооперации²⁴.

В 1928 г. началось новое наступление на лжекооперацию. Правительствам союзных республик предлагалось установить «уголовную ответственность предпринимателей, образующих частнокапиталистические предприятия под видом кооперативных организаций».

Для выявления и ликвидации фиктивных артелей и товариществ ВСНХ СССР 12 июня 1928 г. был направлен на места циркуляр, предписывающий ГСНХ установить систематическое наблюдение за действующими и вновь возникающими кооперативными объединениями²⁵. Также усиливался налоговый пресс на кооперативы, не входящие в союзные объединения.

27 ноября 1928 г. было принято постановление СНК СССР «О мерах борьбы с лжекооперацией»²⁶. На основе данного постановления Всесоюзный разработал новую инструкцию «О мерах борьбы с лжекооперативами», по которой лжекооперативами признавались как входящие, так и не входящие в кооперативную систему кооперативы при наличии:

а) в числе их учредителей или членов выборных органов лиц, которым это запрещено законом;

б) преобладающего в организации влияния капиталистических (кулацких) элементов, использующих кооперативную форму в своих классовых целях;

в) деятельности, уклоняющейся в сторону, противную интересам социалистического строительства²⁷.

Как видим, властные органы могли подвести под условия этой инструкции при желании практически любой кооператив, признать его лжекооперативным и закрыть.

В декабре 1928 г. СНК СССР принял еще одно постановление, в котором более четко определялись черты лжекооперативов. К ним были отнесены объединения, в которых «преобладало влияние частных предпринимателей и других социально чуждых элементов, проникших в состав учредителей и выборных органов, или в которых кооперативная форма служила прикрытием капиталистической деятельности». Такие организации, «засоренные социально чуждыми элементами», подлежали роспуску.

Постановление рекомендовало оздоровить обстановку в трудовых артелях путем проведения перевыборов правлений, исключения из них лиц, лишенных избирательных прав.

В сентябре 1929 г. было принято специальное дополнение к статье 129 Уголовного кодекса РСФСР, согласно которому учреждение и руководство деятельностью лжекооперативов каралось лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества. Участие в работе лжекооперативных организаций лиц, заведомо знавших, что данная организация является лжекооперативной, и извлекающих из этого участия предпринимательскую прибыль или заведомо содействовавших сокрытию действительного характера названной организации, наказывалось лишением свободы на срок до двух лет или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года²⁸.

На 1930 г. пришла завершающая стадия чистки кооперации. В законе «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию», утвержденном ЦИК и СНК СССР 13 ноября 1930 г., устанавливались правовые ограничения для частных лиц в кооперативной жизни. Через десять дней, 23 ноября 1930 г., союзное правительство напрямую указало на необходимость решительного «очищения» артелей и кооперативов от частных. Кооперативы, в рядах которых числились частные владельцы, считались лжекооперативами.

Таким образом, в годы НЭПа в условиях наступления государства на частный капитал в торговле и промышленности приемлемой нишей для его деятельности оставалась кооперативная организационная форма. Несовершенство кооперативного законодательства, а также слабое представление фискальных органов в определении того, деятельность какого кооператива признавать лжекооперативной, позволяли частным предпринимателям успешно скрываться под кооперативной вывеской вплоть до конца 1920-х гг.

В конечном итоге закрытие лжекооперативов и вытеснение частного капитала из торговой и производственной сфер на завершающей стадии НЭПа практически ликвидировало всякое влияние рыночных отношений на кооперативное строительство. К сожалению, в основе ликвидации предпринимательских начал лежали далекие от экономической целесообразности чисто политические цели.

Примечания

¹ Саратовские известия. 1922. 17 октября.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 14. Д. 26. Л. 52 об.

³ См.: Жирмунский М.М. Частный торговый капитал в народном хозяйстве СССР. М., 1927. С. 164.

⁴ Звонарева Л.В. Мелкотоварное производство кустарей и ремесленников Урала и Зауралья в условиях новой экономической политики (1921–1927 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. С. 18.

⁵ Братющенко Ю.В. НЭП: государство, частник, кооперация // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 12.

⁶ Архипов В.А., Морозов Л.Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов. М., 1978. С. 77.

⁷ Трудовая правда. 1921. № 76. С. 3.

⁸ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р. 55. Оп. 1. Д. 388. Л. 70 об.

⁹ СЗ. 1926. № 64. Ст. 484.

¹⁰ Лютов Л.Н. Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху НЭПа. Ульяновск, 2002. С. 55.

¹¹ Лившиц А.Э., Уразова С.А. Частное предпринимательство в промышленности в годы НЭПа (по материалам Среднего Поволжья) // Юриспруденция: межвузовский сб. науч. ст. Тольятти, 1995. № 2. С. 5.

¹² Мингулин И. Пути развития частного капитала. М. Л., 1927. С. 127.

¹³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 411. Оп. 2. Д. 316. Л. 385.

¹⁴ Сборник постановлений о промысловой кооперации и кустарной промышленности. Постановления правительства Союза ССР и Союзных республик. М., 1930. С. 226.

¹⁵ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р. 950. Оп. 1. Д. 33. Л. 10.

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3986. Оп. 1. Д. 350. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Пивоваров И.В. Состояние и нужды кустарных промыслов в Пензенской губернии // Вестник промысловой кооперации (ВПК). 1927. № 3. С. 39.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 334. Л. 194.

²⁰ Там же. Л. 36.

²¹ См.: ВПК. 1928. № 2. С. 66.

²² Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья). М., 2001. С. 252.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 81. Л. 1–66.

²⁴ Пролетарский путь. 1925. 13 декабря.

²⁵ Сборник постановлений о промышленной кооперации и кустарной промышленности. Постановления правительства Союза ССР и Союзных республик. М., 1930. С. 60–62.

²⁶ Известия ЦИК СССР. 1929. 13 января.

²⁷ Инструкция Всекопромсоюза «О мерах борьбы с лжекооперативами» // ВПК. 1929. № 3. С. 90–91.

²⁸ Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул, 1998. С. 197.

*Е.К. Минеева**

Особенности формирования и развития РСФСР как проявление национальной политики советской власти в 1920–1930-е гг.

Повышенная революционность масс в начале XX в. явилась итогом политического, социально-экономического и культурного развития Российской империи, внутренней и внешней политики самодержавия. Национально-освободительное движение занимало в оппозиционности российского общества далеко не последнее место. Одной из существенных особенностей страны являлась его полиэтничность, формировавшаяся исторически. Более 165 млн человек, населявших ее в 1913 г., говорило не менее чем на 150 языках и наречиях. Народы России имели исторические корни в виде территории, языка, культуры, самосознания, взаимных отношений. Как правило, большинство из них находилось на низкой ступени политического, социально-экономического и культурного развития.

Отсюда закрепившийся в период самодержавия, использовавшийся по отношению к нерусским этносам и получивший всеобщее распространение термин – «инородцы». Само слово, произошедшее от «инородный» или принадлежавший другому роду, не имело унижительного смыслового значения. Первоначально содержание данного понятия в основном определяло нехристианскую природу входивших в состав России народов, имевших отношение главным образом к язычеству. По спра-

* © Минеева Е.К., 2011

ведливому замечанию Н.Н. Кадырметовой, юридический контекст ярлыка «иноподданы» подразумевал этносы неправославного исповедания (в основном монгольские, тюркские и финские народы)¹. Полиэтничность государства формировалась в результате присоединения новых территорий, на которых проживало нерусское население страны. К 1917 г. русские составляли 43% жителей империи, 57% приходилось на ее «чужденациональное» население.

Постепенно содержание понятия изменялось в сторону ущемления прав народов нерусского происхождения в силу малограмотности, бескультурья и в целом общей их отсталости. Существование понятия менялось и из-за политики государства по отношению к «иноподданным». Оно стало разграничивать все общество на родное (русское) и неродное (все остальное, кроме украинцев и белорусов). Несмотря на позитивную роль приобщения народов к высокоразвитой культуре «великороссов», они притеснялись со стороны самодержавия: ущемлялись национальные языки, в качестве обязательного навязывался русский язык, проводилась насильственная христианизация. Политика угнетения нерусских народов в России принимала форму русификации. Потеря ими тех или иных элементов национальной культуры (например, рунического письма, языческих идолов), традиционных ремесел и промыслов — яркое подтверждение последовательной русификаторской деятельности государства. Поэтому национально-освободительное движение — закономерное явление российской истории.

Политика национального угнетения долгое время именовалась «великорусским шовинизмом», подразумевая порабощение русской нацией входивших в состав империи этносов, для которых Россия рассматривалась «тюрьмой народов». Однако самодержавный государственный аппарат Российской империи имел представителей различных народов: русских, немцев, поляков, армян, грузин и т. д. Государство, включая в себя новые народы, синтезировало их с русской нацией, формируя единое всероссийское общество, в котором в результате исторического прошлого, численности, особенностей расселения, ассимиляции, русский народ занимал, несомненно, главенствующее положение.

Большие нации менее подвержены национализму, так как они изначально формируются в качестве многонациональных народов. Национализм державно-государственный (великодержавный) закономерно защищает интересы большего в стране, как правило, оформившегося народа. Следовательно, в отношении к Российской империи не случайно именно русский народ долгое время в отечественной литературе рассматривался как инициатор великодержавного шовинизма. Опасаясь за свое существование, самодержавие проводило политику подавления национальных движений и проявлений национальных чувств народов России, используя русскую нацию.

Формально российское законодательство не имело ограничений по национальному признаку, в действительности же они существовали. Так, в первой половине XIX в. для евреев была введена своеобразная «черта оседлости» — разрешаемая государством территория их проживания, а с 1864 г. начинают ущемляться права поляков-католиков². В целом самодержавие стремилось к инкорпорированию входивших в состав империи этносов, однако его отношение к российским этносам на практике отличалось своеобразием. Украинцы и белорусы находились на более почетном месте, их приравнивали к русским. На польских территориях, вошедших в состав России, образовалось Королевство Польское, пользовавшееся особым статусом. Великое княжество Финляндское имело собственную конституцию.

По переписи 1897 г. Россия являла собой империю славян, которые составляли около 73% населения страны. Второй по численности этнолингвистической группой были тюрки (11,7%); третьей — евреи (3,3%); четвертой — «яфетиды» (3,1%); пятой — народы финно-угорской языковой семьи (3,0%); шестой — народы балтийской группы (2,4%) и т.д.³ Полиэтническая Россия отличалась в прошлом и в современных условиях (82%) продолжает выделяться высоким процентом русского населения. По справедливому замечанию А.И. Никулина, «самым эффективным способом овладения присоединенными и завоеванными территориями правительство считало заселение их русскими, что гарантировало военную защиту окраин и способствовало хозяйственному развитию региона»⁴. Уже в XVI в. появились поселения в Поволжье и Приуралье. До первой четверти XVIII столетия колонизация носила преимущественно военный характер, преследуя, прежде всего, политические цели: укрепление позиций государства на присоединенных землях. Постепенно русские перемешивались с местным населением. Отсюда расхожий и в современных условиях термин «русскость», означающий степень ассимилированности того или иного народа русским национальным компонентом. Политика русификации и христианизации становилась то жестко-агрессивной, то либерально-просвещенной. Однако от идеи русификации не отказывался ни один из правителей России. В начале XX в. печатная продукция в империи издавалась всего на 19 языках (более половины изданий представляли собой буквари и элементарные учебники для церковно-приходских школ)⁵. В 1913 г. на русском языке было опубликовано свыше 94,4% всей книжной продукции России, соответственно, на национальных языках — только 5,6%⁶.

Поднявшийся национализм более чем 170 в совокупности этносов стал объективной предпосылкой возникновения в многонациональной России советского типа федерации, основной составляющей которого являлась этническая особенность. Сравнительно небольшой в стране

удельный вес каждого, кроме русского, народа, а также срединность положения многих из них ориентировали на формирование автономных образований. Право наций на самоопределение вплоть до образования собственного государства и федерация по национально-территориальному принципу, в отличие от унитарной империи и великодержавного российского шовинизма, были признаны абсолютным большинством народов России как благо для национального развития.

Правовым фундаментом национальной политики советской власти стали «Декларация прав народов России», «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», первая Конституция РСФСР. «Декларация прав народов России», принятая 2 ноября 1917 г., выдвигала следующие, ставшие программными принципы: 1) равенство и суверенитет народов; 2) их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп⁷. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября 1917 г. советское правительство призывало народы устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно⁸. СНК от имени советской власти гарантировал этносам России охрану их свободы и прав⁹.

Еще основоположники марксизма утверждали, что с уничтожением частной собственности национальные черты будут смешиваться до тех пор, пока не исчезнут совсем. Развивая это положение, Ленин пришел к выводу о неизбежной роли социализма в плане слияния наций. Рассматривая национально-освободительное движение народов России в качестве союзника пролетариата в его классовой борьбе, он выдвинул тезис о предоставлении нациям свободы и самоопределения. Сознвая невозможность в одночасье избавить народы от национальных различий и создать единую, социалистическую, нацию, он, как дальновидный политик, пошел на временный компромисс, который должен был способствовать укреплению коммунистической идеологии.

Одновременно большевики отдавали себе отчет в том, что на этапе подъема национально-освободительного движения они не смогут склонить этносы к поддержке Советов лозунгом борьбы за слияние всех наций. В создании РСФСР усматривается практицизм национальной программы партии большевиков. Разрабатывая учение по национальному вопросу, теоретик большевизма исходил из главной идеи — пролетарской революции и диктатуры пролетариата. В «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа» было записано: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик», и каждой нации предоставлялось право самостоятельно решить, желает ли

она войти в Российскую Федерацию, а если желает, то на каких основаниях¹⁰. В резолюции третьего Всероссийского съезда Советов «О федеральных учреждениях Российской Республики» еще раз подтверждалось, что РСФСР создавалась на основе союза народов России. Будущим членам федерации предоставлялось право участия в верховных государственных институтах, форма и степень которого определялись совместно между ВЦИК и ЦИК республик¹¹. Следовательно, был провозглашен переход Республики Советов к новой, федеративной, форме государственного устройства, закрепленной в первой советской конституции — Конституции РСФСР 1918 г.

Сразу после Октябрьской революции и обнародования «Декларации прав народов России» некоторые национальные регионы бывшей империи решили воспользоваться провозглашенным советской властью правом наций на самоопределение. Еще 7 марта 1917 г. Временное правительство, идя навстречу финскому народу, восстановило правовой статус автономии Финляндии. 31 декабря 1917 г. она получила независимость. Данный факт можно рассматривать как историческую обусловленность, не случайно самодержавие признавало возможность элементов самоуправления в пользу этого региона. В то же время следует помнить, что в январе 1918 г. в Финляндии произошла революция. На основании взглядов большевиков о вселенских масштабах государства можно предположить об их намерении вступить с ней в тесные договорные отношения, которые могли бы послужить источником дальнейшего ее сближения с РСФСР, однако революция в Финляндии потерпела поражение, и Советская Россия потеряла ранее принадлежавшую ей часть страны.

Основное большинство народов Республики Советов откликнулось на юридически закрепленный принцип советской национальной политики о создании автономий. Этничность стала институционализироваться. Но подобное государственное устройство являлось источником национализма, тормозившего консолидацию народов. Советская власть, с одной стороны, стремилась ограничить этнический национализм за счет предоставления народам права на приобретение ими государственности, с другой, — создавая этнотерриториальные единицы, «порождала и развивала его. В противоречивых условиях действия центробежных и центростремительных сил советская власть приступила к национально-государственному строительству, которое отличалось значительной сложностью.

В национальной политике Республики Советов, осуществлявшейся в 1920–1930-е гг., имелись свои особенности. Так, 1917–1924 гг. стали временем формирования и начала реализации национальной программы Советской России, деятельности Наркомнаца, создания СССР. Не менее важным определителем специфики национальной политики дан-

ного периода является непосредственное участие Ленина. К 1922 г. в составе РСФСР существовало более 20 автономных образований с той или иной разновидностью автономии каждого из них¹². После возникновения СССР установилась иерархия всех национально-территориальных формирований страны. Первую или высшую ступень по статусу занимали союзные республики; следующую – АССР, затем – АО и трудовые коммуны. Неизбежным становилось стремление автономных объединений перерасти в высшую форму национально-территориальной государственности, предоставлявшую более широкую степень самоуправления по праву наций на самоопределение. Образование СССР стало логическим завершением деятельности Наркомнаца РСФСР, который был упразднен в 1924 г. Функция дальнейшей практической реализации национальной политики советской власти перешла к Совету национальностей (Совнацу) в рамках двухпалатного ЦИК СССР. Совнац избирался делегатами, представлявшими каждую союзную республику и национальную автономию. В 1924 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР был организован отдел национальностей (ОН), оказывавший помощь в установлении связей между автономиями, а также национально-территориальных образований с центром.

И если раньше отделы Наркомнаца, обладая достаточно широкими правами, налаженным аппаратом управления и прямым выходом в правительство РСФСР, реально могли решать подобные вопросы, то теперь автономии были лишены этой существенной для них поддержки. Путь через представительство и ОН являлся длинным и менее эффективным. Сложностями отличалась и работа по развитию нацменьшинств, существовавших не только в административно-территориальных, но и автономных единицах. Закономерным стало принятие ВЦИК и Совнаркомом Советской России в 1928 г. Постановления «О расширении прав автономных республик и упрощении порядка прохождения дел, возбуждаемых автономными республиками и областями в высших правительственных органах РСФСР»¹³, которое, тем не менее, кардинально не изменило ситуацию в пользу автономий.

Последовавшие за НКН органы власти, осуществлявшие национальную политику в стране, не имели налаженной и широко распространенной Наркомнацем системы государственной опеки и отстаивания интересов нерусских народов и автономий, поэтому эффективно заменить его они не могли. Народы перестали ощущать планомерную заинтересованность в их нуждах и национальном развитии. Теперь действовал приводимый к единообразной схеме аппарат управления не столько от имени народов, сколько от определенного звена единой государственной системы, хотя именно на данном этапе была создана новая форма автономии в виде национального (переименован в 1977 г. в автономный) округа. Первым стал Коми-Пермяцкий (1925 г.), далее Ненецкий

(1929 г.), Корякский, Чукотский, Таймырский (1930 г.) и другие округа. В 1930 г. партия и правительство начинают отказываться от практики формирования национальных округов.

Постановление III съезда Советов СССР от 1925 г. разрешило меньшинствам образовывать советы, в которых делопроизводство велось бы на родном языке. Но данная система, просуществовав в течение десяти лет, в середине 1930-х гг. также была упразднена. В это же время советская власть ликвидировала и национальные районы, образованные во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. Следовательно, в национальной политике с 1925 г. до конца 1920-х — начала 1930-х гг. по инерции еще продолжали действовать ленинские принципы. Отсюда сохранение пристального внимания к нерусским народам, процессам коренизации органов управления на местах, развитию автономий и этнотерриториальных групп, в целом национальной культуры. В автономиях создавались научные лаборатории, ставшие основой для научных исследований культур этносов и их диаспорных групп. Шел процесс ликвидации неграмотности, формирования национальных кадров. Коренизация сыграла существенную роль в привлечении на сторону советов многочисленного крестьянства страны. В то же время широкое распространение получили идеи о дореволюционной России как о «тюрьме народов», русофобии.

До конца 1920-х гг. официальная идеология советской власти исходила из лозунга «борьбы с великодержавным русским шовинизмом», из осуждения дореволюционной истории русской нации. В 1929 г. конференция историков-марксистов установила неприемлемость термина «русская история»¹⁴. С начала 1930-х гг. в связи с укреплением режима власти отношение к русскому народу изменялось. Политика «автономизации» превращалась в одно из главных направлений Советской России в 1930-е гг., чему способствовала обстановка как внутри, так и вне государства. Термин «автономизации» означает, во-первых, процесс приобретения титульными народами национально-территориальной автономии и ее преобразования в высшую, республиканскую стадию (закономерное для тех лет явление); во-вторых, политику «автономизации» Сталина, предполагавшую централизацию власти, одним из направлений которой стал процесс подчинения автономий центру.

Приход к власти фашизма в Германии ускорил изменение официальной идеологии Республики Советов. В новых условиях повысилась ведущая роль русского народа, восстанавливались патриотические страницы его истории, подтверждавшие героизм, силу, мужество, любовь к родине. В бумагах Сталина сохранилась короткая записка, датируемая 1933 г., содержание которой иллюстрировало существо перемен, происходивших в национальной политике в это время. «Мы боролись и подо-

рвали основы великорусского шовинизма для установления национального равенства. Но ввиду того, что борьба эта велась нередко националистическими элементами не всегда по-большевистски, не всегда во имя интернационализма, нередко национализм великорусский заменялся национализмом украинско-галицким (этническим. — *Е.М.*), и вместо национального равенства получалось неравенство, шовинизм, не интернационализм, а национализм»¹⁵. Изменение партийно-государственной идеологии отразилось и на политике по отношению к регионам страны. На местах особое внимание уделялось теперь русскому языку, а народы стали сплачиваться вокруг русской нации, что способствовало отстаиванию суверенитета СССР в Великой Отечественной войне.

Еще одной важной особенностью отношения государства к русской нации стало вынужденное ее использование в процессе становления единой общегосударственной экономики. Одной из главных задач Советской России в 1920–1930-е гг. явилось преодоление экономической и культурной неравномерности развития народов, без чего становилось невозможным дальнейшее существование государства. Кроме того, СССР рассматривался в качестве основы, экспериментальной площадки для последующего распространения социализма во всем мире. Помощь более развитой и многочисленной нации Советской России нерусским этносам в становлении экономики, индустриального сектора превращалась в потребность, отсюда значительное внимание данному вопросу. Сознывая отсутствие опыта работы, подготовленных кадровых сил, особенно проявлявшееся в национальных регионах, Республика Советов направляла на места партийных работников из центра; открывала курсы, школы, вузы, подготавливавшие специалистов из этнической среды; через печать на языках народов распространяла передовые, использовавшиеся в центральных районах страны, навыки хозяйствования, искусство агрономии.

Руководство страны понимало возможность распространения советской идеологии в национальных массах только при помощи языков и культуры нерусских народов. Сталин справедливо оценивал преимущества национальной формы, подтверждая, что советская власть будет признана обществом тогда, когда она станет доступной, а понятной она может быть на основе национальной культуры. Отсюда его убеждение, что все советские органы в окраинах — суд, администрация, Советы — должны состоять главным образом из местных кадров. Автономия рассматривалась им в качестве формы, а не содержания. Перейдя к мирному созидательному периоду, советская власть приступила к определению путей преодоления неравенства народов. Так, на X съезде РКП(б) был четко прописан один из главных — необходимость помощи «невеликорусским» этносам в том, чтобы догнать ушедшую вперед центральную Россию, чтобы создать сеть школ для подготовки «туземных кадров

рабочих», так как около 30 млн человек преимущественно тюркского населения почти не имело промышленного пролетариата. Взяв курс на преодоление отсталости и неравномерности развития, X съезд принял решение о введении НЭПа, за счет которого, путем «насаждения» промышленности в национальных окраинах страны, ликвидировать экономическое неравенство народов. Теперь главным становился принцип «промышленной колонизации»¹⁶, предполагавший превращение отсталых аграрных национальных регионов в промышленные (с крупными заводами и фабриками, машинным производством) районы.

Однако насаждение промышленности, форсированные методы индустриализации не всегда учитывали специфику ресурсов и хозяйствования местной экономики, традиционно развивавшиеся здесь кустарно-ремесленное и полукустарное производство. Перенос промышленных предприятий к источникам сырья, переход к обязательному планированию, внедрение машинных технологий, копирование методов хозяйствования центральных районов страны уравнивали национальные регионы, делали их настолько похожими, что терялись их своеобразие, индивидуальность. В итоге — потеря ряда промыслов, методов и навыков ремесла, передававшихся из поколения в поколение, что никак не способствовало развитию позитивного своеобразия национальных регионов. Уравнительность как общий принцип социализма отразилась и в экономике.

Кроме того, внедрение элементов капиталистического уклада за счет НЭПа в национальных окраинах Советской России, подобных отсталому сельскохозяйственному Среднему Поволжью, становилось проблематичным. С точки зрения экономических законов они не были готовы перейти к крупному, фабричному производству. Реализуя задачу выравнивания уровней развития народов, советская власть вынудила их перешагнуть, как минимум, одну ступень экономического развития. Поэтому дозволенный НЭПом частный сектор здесь продвигался медленно, в большей степени в регионе проявилась перспектива всеобщего огосударствления. Следовательно, советская власть приобщала этносы к индустриальному развитию не совсем естественным путем. Если говорить об управлении экономикой, то автономии постепенно, но неуклонно подчинялись центру. Предоставляя самостоятельность в рамках НЭПа, советская власть ограничивала это пространство, оно являлось условно самостоятельным. Задача удержания власти определяла границы, внутри которых национальные районы ее проявляли. Подчинение автономий происходило путем укрепления контактов центра с периферией за счет коренизации, использования лояльной к новой власти части этнического населения. Как пишет Р.А. Давлетшин, в частной переписке лидеры большевиков отмечали, что «молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказываются понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету»¹⁷.

К концу 1930-х гг. самостоятельность автономных республик была настолько урезана, что созданные в начале 1920-х гг. автономные области и трудовые коммуны обладали более широкими возможностями, чем находившиеся выше по статусу автономные республики. Национально-государственное строительство, формирование новых и преобразование уже существовавших национально-территориальных единиц в составе РСФСР продолжалось до конца 1930-х гг. Республики, области и округа обладали разной степенью автономии, закреплявшейся законодательным путем. По-прежнему определяя в качестве основной задачи ликвидацию экономического и культурного неравенства этносов, XII съезд РКП(б) особо подчеркнул необходимость их прочного объединения на началах сотрудничества. Преодоление же отсталости народов рекомендовалось реализовывать за счет помощи русского пролетариата. Специально для коммунистов из центра, работавших в полиэтнических районах страны, партийный аппарат разработал директиву, которой обязывал строго придерживаться. В ней, в частности, говорилось о необходимости «выдерживать тон содействия и помощи национальным передовым элементам в их коммунистической и советской работе, ни в коем случае не допуская ни в действиях, ни в речах ничего, что походило бы на присваивание себе права навязывать и решать, вообще располагаться, опираясь на авторитет центра»¹⁸.

Одним из направлений помощи государства стали денежные дотации. Стоимость только основных фондов, переданных автономиям в 1923–1924 гг., составила 105 млн рублей¹⁹. В 1925 г. ВЦИК утвердил «Положение о бюджетных правах АССР», которое расширяло источники поступления в бюджеты автономных республик, способствуя их укреплению²⁰. Каждая автономная область стремилась перерастать в АССР, тем более что центральная власть официально не только признавала, но и подразумевала такую возможность. Стремление приобрести республиканский статус становилось важным направлением деятельности АО, поскольку областное звучание несколько ущемляло автономию, как бы подтверждая ее неполноценность. Большой свободой отличались АССР, на что претендовали национально-территориальные единицы. Но для перехода АО в иное качество существовали ограничения. Прежде всего, больше половины населения автономии должно было относиться к титульной нации. Не последнюю роль играл и экономический фактор.

Уже с XIII съезда РКП(б) начал распространяться тезис о решенности национального вопроса, после которого заявления о наличии проблем расценивались как буржуазный национализм. Не случайно с середины 1930-х гг. ликвидировались национальные округа, районы и сельсоветы. Конституция 1936 г. стала особым явлением в истории советской государственности. Она выделила 3 критерия, определявших возможность автономии на отсоединение от России и создание независи-

мого государства. К таковым относятся: окраинное территориальное положение, большинство титульного народа в составе автономии и установление минимальной численности населения в 1 млн человек. Те автономии, которые соответствовали провозглашенным принципам, стали переходить в разряд союзных республик, но таковых было немного. Казахская и Киргизская автономные единицы, претендовавшие на новый статус по указанным в Конституции принципам, получили его. Остальные могли рассчитывать только на автономию. Собственно, большинство уже приобрело к этому времени статус ее высшей республиканской формы. Поэтому дальнейшее преобразование автономных республик с точки зрения реализации права на самоопределение было остановлено.

Верховный Совет РСФСР в изменение и дополнение Конституции 16 июля 1938 г. уточнил состав Советской России. В нее вошли 5 краев, 28 областей, 17 АССР и 6 АО²¹. После Великой Отечественной войны перерастание АО в АССР достигло логического завершения, источником чего являлся все тот же Основной закон СССР 1936 г. Единственная Еврейская АО, сохранившая свой статус, дошла в этом качестве до современности, войдя в РФ как ее субъект. Всем автономиям, подвергшимся репрессиям в годы войны (15 народов), государство впоследствии (в 1957 г.) восстановило название и качественное содержание, за исключением АССР немцев Поволжья и Крымской республики, ликвидированных соответственно в 1941 и 1945 гг. Последней автономной республикой, возникшей в советское время, стала Тувинская. Пребывая в 1921–1944 гг. в качестве Тувинской народной республики, преобразованной в АО в 1944 г., она приобрела статус АССР в 1961 г. Следовательно, если до Конституции 1936 г. ставилась цель дальнейшего развития автономии, то после ее принятия провозглашалось межнациональное сближение, так необходимое и оправданное в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, с октября 1917 г., признав идею построения федерации по национальному принципу, советская власть начала создание РСФСР, внутри которой на основе права наций на самоопределение шел процесс становления автономных образований. Сложная, многоуровневая РСФСР не могла представлять собой истинную федерацию, так как ее национально-территориальные автономии не являлись самостоятельными государственными единицами. Кроме того, можно утверждать, что народы России до советского строя не имели столь выпукло выделявшегося национального вопроса. Именно советская власть, уделяя ему значительное внимание, фактически породила национальный вопрос как особое явление в нашей стране. В то же время к концу 1930-х гг. утвердилась государственная идеология, по которой русский народ стал рассматриваться главным этническим компонентом в РСФСР, а элементы его духовной и материальной куль-

туры полностью возобладали над национальными особенностями нерусских народов. Создание впоследствии единой наднациональной советской общности несколько сгладило выпячивание и конфликтность национального вопроса, но полностью изъять из психологии многонационального общества сформировавшееся в те годы «детство» так и не удалось. Сам принцип существования национально-территориальной федерации поддерживает внимание к национальному вопросу в современной России.

Примечания

¹ Кадырметова Н.Н. Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX в. по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004. С. 18.

² Хмара Н.И. Национальная и региональная политика в Российской Федерации. М., 2005. С. 34–35.

³ Там же. С. 28.

⁴ Никулин А.И. Национальная политика России (история и современность). М., 1993. С. 9.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Подсчеты сделаны по стат. справочнику: Народное хозяйство СССР. 1922–1972. М., 1972. С. 454.

⁷ Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917–1920. М., 1920. С. 8.

⁸ Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 114.

⁹ Там же.

¹⁰ СУ РСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.

¹¹ Съезды Советов в документах. М., 1959. Т. 1. 1917–1936. С. 30.

¹² Абдулатипов Р.Г. Федерология. СПб., 2004. С. 219.

¹³ ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 248. Л. 15.

¹⁴ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998. С. 109.

¹⁵ ЦК РКП(б)»ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005. С. 13.

¹⁶ Никонов А.В. Национальный вопрос и экономические реалии. Чебоксары, 1992. С. 38.

¹⁷ Давлетшин Р.А. К политическому портрету А.А. Бнишева // История и культура народов Евразии: древность, средневековье и современность. Первые валидовские чтения: мат. межд. науч. конф. Уфа, 1992. С. 47.

¹⁸ Там же. С. 26.

¹⁹ Никитин Н.П. Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР: На примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917–1937 гг.). Л., 1979. С. 36.

²⁰ Там же. С. 37.

²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 2. Д. 30. Л. 6.

Кризисы местного самоуправления России в XX веке как проявление политической включенности

Российское местное самоуправление в XX веке дважды разрушалось и создавалось заново: в 1917–1918 гг. и в 1991–1993 годах. Изучая его историю, будь это земства, Советы народных депутатов или современные органы местной власти, мы не можем обойти вниманием тот факт, что многие проблемы отечественной системы местного самоуправления исторически не решены до сих пор. Сравним и процитируем документы: в 1917 г. реформа местного самоуправления Временного правительства ставила своими задачами демократизацию составов земств за счет «истинных представителей народа»¹, предоставление самоуправлению достаточных материальных средств и «всей полноты власти на местах», коммунальную реформу, ликвидацию разобщенности различных уровней системы местного самоуправления, дополнение ее необходимыми звеньями², совершенствование структуры и четкое определение государственных и местных полномочий³. Через семьдесят лет отечественное местное самоуправление пришло к тому же: в 1987 г. перед Советами была поставлены задачи демократизации и обновления их составов⁴, «обеспечения полновластия»⁵, совершенствования структуры и повышения самостоятельности⁶, формирования их экономической базы и четкого распределения полномочий⁷.

2002 г., в своем Послании Федеральному Собранию и затем на заседании президиума Государственного совета в 2003 г. Президент РФ В.В. Путин вновь напомнил стоящие перед российским местным самоуправлением задачи: «четкость разграничения полномочий», «необходимость определиться со структурой местного самоуправления»⁸, «серьезное укрепление финансово-экономической базы местного самоуправления», приближение «власти к народу» и обновление органов местной власти через приход в них «достойных людей»⁹. В 2010 г. уже Президент РФ Д.А. Медведев говорил о местном самоуправлении (чаще употребляя термин «муниципальное управление») то же самое¹⁰, да еще добавляя о необходимости «постоянно доказывать дееспособность демократического устройства».¹¹ Как видим, актуальность темы становления местного самоуправления в России за сто лет не только не уменьшилась, но даже не сменила своего вектора. Как же так получилось, что, несмотря на меняющийся политический строй, принципиальные изменения экономического уклада, общества, законодательства мест-

* © Матвеев М.Н., 2011

ное самоуправление в России постоянно вынуждено начинать сначала, будто никакого развития и не было. Ответ на этот вопрос следует искать в анализе причин и последствий кризисов местного самоуправления.

Вне всякого сомнения, события 1917 г. и 1993 г. были вызваны всеобъемлющими социально-политическими кризисами, внутри которых кризис действующей на тот момент системы местного самоуправления был лишь малой частью общих революционных потрясений самих основ государственной жизни. В то же время, если утилитарно рассматривать государственный механизм как набор определенных структур — оборона, финансы, почта, транспорт, образование, управление, налоги — мы увидим, что некоторые из них были радикально уничтожены и на их месте начали создаваться новые, иные поменяли кадровый состав, но не принципы, иные идеологию, а кое-где просто сменилась вывеска и цвет флага на двери.

Причина, по которой та или иная структура государства подвергалась уничтожению и радикальной перестройке либо продолжала преемственно развиваться, лишь «меняя вывеску», лежит в политической плоскости. От того, что Сбербанк вместо «керенок» стал выпускать советские рубли, он не перестал быть банком. А можно ли назвать «местным самоуправлением» революционный комитет или партийный Совет — большой вопрос. Так в чем причина? Почему банк не перестает быть банком и после революции или государственного переворота, а орган местного самоуправления следует уничтожить? Исторический опыт свидетельствует, что это происходит в том случае, когда структура политизирована и воспринимается как «оплот старой власти», проигравшей власти. В этом случае ее радикальное обновление, даже уничтожение является логическим завершением кризиса, победой нового строя.

Так, «крах земского самоуправления в России» советские историки объясняли «классовой сущностью» земств, считая, например, что принцип всеословности и всеобщего избирательного права, положенный в основу земств, в условиях революции усиливал «политическое влияние обеспеченных, богатых слоев населения», в то время как классовые и партийные органы — сельские и волостные, общественные исполкомы, Советы «вполне раскрыли свою демократическую сущность» и должны были неизбежно прийти на смену «пресловутых местных самоуправлений», созданных эксплуататорскими классами и «сдерживающих процесс улучшения жизни трудящихся, тем самым разоблачая себя как пособников буржуазии».¹²

В 1991–1993 гг. противостояние между Советами и президентом Ельциным тоже носило не только структурный характер, но и обозначало идеологические расхождения: президент олицетворял собой идущие рыночные реформы и в целом капиталистический выбор, Советы — путь сохранения государственного контроля за экономикой социалистичес-

кий выбор. Исполнительная власть и президентская клиентела на местах активно продвигала против Советов лозунг борьбы с «реакционным реваншем», путчистов, затем – союзных структур власти, номенклатуры КПСС¹³. «Охота на ведьм», развернутая после событий ГКЧП, привела к тому, что понятия «советский», «советская власть», «Советский Союз», «Советы» были прочно привязаны к уходящей коммунистической эпохе, маркируясь в массовом общественном сознании знаком «минус». В определенной части общества и политической элиты в начале 90-х на них возникла идиосинкразия, наподобие той, что была по отношению к земствам в период гражданской войны¹⁴.

Как происходит, что местное самоуправление, которое по своему предназначению связано с чисто хозяйственными, земскими «пользами и нуждами», призвано обеспечить потребности населения в благоустройстве и ЖКХ, дорогах, транспорте, образовании и здравоохранении, библиотеках, агрономической помощи, статистике, вдруг начинает восприниматься как непримиримые вражеские крепости, занятые ненавистными идеологическими бойцами, занятыми «реакционным реваншем», «пособничеством», «спекуляциями» и т. д.? Анализ показывает, что это является прямым следствием проникновения в эти хозяйственные органы партийности, закладываящим бомбу замедленного действия под любое развитие местного самоуправления, обрекающего их на кризис, или даже разгром в случае, если противостояние оппонентов достигает апогея и вчерашняя политическая оппозиция вдруг берет верх.

Как известно, «Положение о губернских и уездных учреждениях»¹⁵ определяло назначение земств лишь как вспомогательных учреждений «для заведования делами, относящимися к местным хозяйственным пользам и нуждам каждой губернии и каждого уезда». Им запрещалось выходить из круга указанных им дел и вмешиваться в дела, принадлежащие к сфере действий правительственных, сословных и общественных властей и учреждений. Ситуация изменилась в ходе Февральской революции. 5 марта 1917 г. князь Львов санкционировал переход власти на местах в руки председателей земских управ¹⁶. На земские собрания ложилась задача передать все земское дело в руки тех демократических земств, которые будут избраны на основе всеобщего прямого и тайного голосования¹⁷. «Избранные на местах признали необходимым обновить весь прежний состав земского собрания и управы как составленные из лиц, не являющихся истинными представителями народа»¹⁸. Земствам вменялась «тесная связь с Советами рабочих и солдатских депутатов, чтобы постановления имели поддержку»¹⁹. Сначала такие призывы вызывали эйфорию, как за счет общей увлеченностью «духом Февральской революции», так и от того, что в земствах мало понимали, что Временное правительство – бутафория, а реальные хозяева Петрограда – социалисты, опирающиеся на бунтующую солдатскую и рабочую «вольницу»²⁰.

В результате новые составы земских собраний вместо прежних цензовых правил стали в значительной части формироваться «новым цензом», политическим, представителями от местных Советов рабочих, крестьянских депутатов, от военных организаций, от разного рода «исполкомов народной власти» и т. д. и т. п.²¹ В свою очередь, эти многочисленные революционные и общественные организации были ареной влияния партий — эсеров, большевиков, меньшевиков, кадетов и так далее. Так в органы местного самоуправления хлынул партийный поток. Прошедшие летом—осенью 1917 г. выборы в волостное земство допускали уже выборы по партийным спискам²². И уже тогда было ясно, что призыв «высоко держать в земствах партийное знамя» означал неизбежность создания в земских органах партийных фракций и втягивание местных самоуправлений в политическую борьбу²³.

И вот уже скоро выяснилось, что «подлинная воля народа — это Советы рабочих трубочного завода и солдат местного гарнизона»²⁴, а не думы и земства, пусть даже они выбраны свободным всенародным голосованием²⁵. Политизация земств в 1917 г. привела к тому, что органы местного самоуправления, от которых зависело огромное хозяйство и благополучие населения, становились заложниками партийных интриг и программ. Земства принципиально подчеркивали надпартийный характер своей работы, однако оказались во власти сведения именно партийных счетов — в основном между большевиками и эсерами. Претензии Советов на власть и неприятие земств были прямо пропорциональны степени их большевизации²⁶.

До событий октября 1917 г. противостояние Советов и земств не достигало большого накала, и даже были факты, когда Советы в своих резолюциях принимали решения о прекращении полномочий общественных организаций после выборов органов местного самоуправления²⁷. Однако после захвата власти большевиками ситуация изменилась. Большевики, создав Советы как органы власти, через которые партия могла бы осуществлять свою политику, взяли курс на передачу им хозяйственных функций. Проведя партийную чистку в Советах, большевики не желали делить власть. Земства подчеркивали, что Советы, «берущие на себя смелость решать участь губернии, представляют собою небольшое случайное собрание рабочих и солдат и даже избранных не всеми солдатами»²⁸. Однако, допустив избрание в свои составы представителей политических партий, земства поставили себя под удар, т. к. фактически становились уже не просто хозяйственными, но и политическими организациями.

Большевики не могли смириться с преобладанием в местных самоуправлениях эсеров, как не могли они смириться с «эсеро-меньшевистскими» Советами, Всероссийский Съезд которых в июне 1917 г. продемонстрировал более чем 6-кратное преобладание в Советах России не большевиков над большевиками (и, по замечанию А.И. Деникина, «пол-

ное отсутствие в них несоциалистической России, то есть подавляющей массы населения страны»²⁹. Когда после Октябрьского переворота земства стали центром антибольшевистских настроений, существование их в «Советской России» стало невозможным, несмотря на первоначальные заверения большевиков в содействии органам местного самоуправления³⁰. «Было бы вопиющим противоречием и непоследовательностью, — говорилось на III Всероссийском Съезде Советов в январе 1918 г., — если бы пролетариат, стремясь к своему господству, остановился бы в смущении перед существующими органами местного самоуправления³¹, и поэтому «при существовании Советов земским и городским самоуправлениям не должно быть места»³². Так в 1918 г. проникновение партийности и политизация земств впервые разрушила местное самоуправление в России, зачеркнув весь предыдущий трудный, но поступательный полувековой опыт.

Через семьдесят лет могильщики земств Советы сами оказались в подобной ситуации. Страна находилась в ожидании перемен, коммунистический режим и идеология сотрясались глубоким кризисом, советская государственность подвергалась серьезным угрозам. Реформирование Советов, как и в свое время земств, началось с идеи обновления и демократизации их составов, выведение их из-под диктата партийных органов КПСС. С учетом квотного формирования Советов, где большинство составляли представители рабочего класса и крестьянства, демократизация в первую очередь означала свободные выборы — без согласований, без партийных подсказок и при наличии альтернативных кандидатов. С избирательной кампании 1990 г. начинается противостояние политических течений различной ориентации, от движения «Демократическая Россия» до Коммунистической партии РСФСР. С первых же сессий Совет теперь раскалывался на депутатские фракции и группы. Меньшинство, в котором, как правило, находились тогда так называемые демократы, требовало у большинства, в котором были коммунисты, своей части политической власти.

Выборы в местные Советы 90-го года проходили в обстановке небывалого ранее накала страстей. В Саратовской области начинающиеся как предвыборные собрания «демократов» и так называемый клуб-семинар кандидатов в депутаты быстро переросли в многотысячную демонстрацию в центре города, став первым крупным «политическим столкновением» власти с оппозицией. В 1989—1990 гг. по всей стране начинают создаваться «народные фронты» и другие радикальные «демократические» движения, которые значительно ускорили процесс политизации внутренней обстановки в стране. Демократизация партии и Советов в 1985—1990 гг. двух столпов системы власти в СССР имела одним из своих следствий расшатывание и всей конструкции власти со стороны появившихся внутри альтернативных политических течений, постепенно оформившихся в антипартийную и антисоветскую оппозицию, выде-

лившую из своей среды лидеров, структурировавшуюся в депутатские фракции, «народные фронты», «платформы» и т. п. и начавшую естественную для всякой оппозиции борьбу — борьбу за власть. В этот момент общество оказалось во власти искушения свободой и поддалось соблазну быстрых решений, буквально внося во власть тех, кто призвал приступить к «радикальной экономической и политической реформе». Короткий ренессанс Советов второй половины 80-х годов сменился глубоким внутренним кризисом начала 90-х, при котором их новые демократические начала, приобретенные за годы перестройки, уже не обеспечивали им должной жизнеспособности в условиях бескомпромиссной политической борьбы.

С учетом того, что местные Советы через систему соподчиненности были интегрированы в общегосударственную властную вертикаль, противостояние между Верховным Советом РСФСР и Президентом Ельциным спускалось в самый низ, программируя взаимоотношения между местными советами и администрациями. Двоевластие, возникшее с введением в июле 1991 г. поста президента республики, с каждым днем все больше раскалывало страну на «сторонников президента» и «сторонников Советов». Отчасти это происходило из-за особенностей личности президента Б.Н. Ельцина и председателя Верховного Совета РСФСР Р.И. Хасбулатова, но в сути своей имело конфликт двух принципиальных стратегий развития России: президентской стратегии быстрой капитализации страны (так называемых рыночных реформ) и советской стратегии модернизации, но при сохранении социализма³³. Накал политического кризиса 1992–1993 гг. зафиксировал опрос, проведенный по заказу Верховного Совета в апреле и мае 1992 г. По данным социологов, вероятность гражданской войны в России в апреле не исключало 50 % граждан, а в мае — уже 84 %.

Сразу после расстрела парламента в Москве местные Советы повально начали отменять свои предыдущие решения о неконституционности Указа № 1400³⁴. Разгон Советов был поручен главам областных администраций (в случае отказа Советов от самороспуска). То, что разгон Советов был связан с их политическим содержанием, видно по высказыванию главы самарской областной администрации К.А. Титова, заявившего 8 октября 1993 г.: «Советы в силу своего генетического кода превратились в партийные бюро, которые хотели бы командовать всем и вся на своей территории. Советы всех уровней обречены были на то, чтобы встать в непримиримую оппозицию к исполнительной власти, ко всенародно избранному президенту. Именно уверенность в моральной поддержке Советов в октябре 1993 г. подвигла коммуно-коричневую верхушку Белого дома на развязывание кровавой бойни в Москве. В связи с изложенным считаю единственно возможным самороспуск обанкротившейся системы Советов во всей России и, конечно, в нашей области»³⁵. По оценке председателя Самарского горсовета А.Н. Ивано-

ва, «Советы всех уровней оказались втянутыми в сложную политическую игру, в которой они выступали в роли пешек»³⁶.

Так в 1993 г. второй раз в истории России политизация Советов разрушила местное самоуправление, зачеркнув на этот раз семидесятилетний советский опыт. Общественное сознание примитивизировало противоречия между дискредитировавшими себя «за 70 лет правления» и «засевшими в Советах» коммунистами и новой властью — «демократов», доверие к которым было своеобразным кредитом перестройки. Жизнеспособность советской модели системы местной власти была напрямую связана со степенью участия призванных заниматься хозяйственными вопросами местных Советов в политической борьбе через партийных депутатов, политические партии, фракции и группы. В условиях экономического и политического кризиса конца 80-х — начала 90-х гг. местные Советы благодаря проникновению в них в период демократизации выборного законодательства значительного количества политически разношерстных и противоположно настроенных депутатов стали ареной ожесточенных дискуссий. Неудовлетворенность значительной части избирателей ходом экономических реформ в стране задавала Советам оппозиционный вектор.

Ликвидация Советов в ходе кризиса осенью 1993 года обуславливалась не отсутствием внутренней структурной жизнеспособности советской системы как модели представительных органов власти и местного самоуправления (как в свое время большевиками — земств), а политическими задачами режима, пришедшего к руководству страной в 1991 г., эти задачи реализовались на фоне общей усталости и идиосинкразии к Советам как к политическому понятию и термину власти со стороны большей части населения страны. При этом основной причиной уязвимости системы Советов стало стягивание представительной власти в политическую борьбу с президентской вертикалью на всех уровнях сверху вниз, сделавшее местное самоуправление заложником ее исхода.

Подведем некоторые итоги, весьма уместные на фоне происходящего в последние годы реформирования избирательного законодательства в сторону усиления в органах местного самоуправления современной России партийно-политического начала. Дважды в XX веке местное самоуправление в России разрушалось из-за того, что по своей природе аполитичные хозяйственные органы втягивались через проникновение в них партийных фракций в политическую борьбу. Забывая при этом, что, по меткому выражению одного английского политика, «нет лейбористского и консервативного способа уборки улиц». Вне всякого сомнения, по известному выражению другого российского политика, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Органы местного самоуправления, как наиболее приближенный к населению уровень власти, не могут не быть резонатором народных настроений, в т. ч. и политических. В то же время и партии, в борьбе за голоса избирателей, и

власть, в стремлении проводить свою политику на местах, не могут не оказывать на местное самоуправление давления.

Однако следует понимать, что исторический опыт убедительно доказывает (если мы не хотим в третий раз наступать на одни и те же грабли), что залогом устойчивости местного самоуправления в государстве может быть только его аполитичность, которая должна закрепляться и в избирательном законодательстве, и в принципах формирования представительных и исполнительных органов местного самоуправления, а также отсутствие вертикальной интеграции с органами государственной власти, т. е. реальное самоуправление.

Примечания

¹ Волжское слово. Самара, 1917. 21 марта (3 апреля). С. 2.

² Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917–1918 годах: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995 г. С. 44.

³ Земское дело. Петроград, 1917. № 5, 6. С. 203, 204, 349.

⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС, 27–28 января 1987 г. М. 1987. С. 47.

⁵ XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1988. С. 53, 55.

⁶ Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 155. Д. 3139. Л. 55.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 5. Д. 391. Л. 37.

⁸ Текст Послания Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 2002 г. 12 марта.

⁹ Российская газета. 2001. 28 февраля.

¹⁰ Там же. 2010. 6 октября.

¹¹ Там же. 2008. 6 ноября.

¹² Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 118, 209–210.

¹³ ГАРФ. Ф.Р.10026. Оп. 12. Д. 620. Л. 68.

¹⁴ Матвеев М.Н. Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977–1993 гг. Самара, 2005. С. 281

¹⁵ Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1867. Т. 39. Отд. 1. Ст. 40457. С. 2,3.

¹⁶ Государственный Архив Самарской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 1129. Л. 104.

¹⁷ ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 1.

¹⁸ Волжское слово. 1917. 21 марта (3 апреля). С. 2.

¹⁹ Государственный Архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 677. Оп. 2. Д. 31. Л. 10.

²⁰ Матвеев. М. Драма волжского земства // Новый мир. 1997. № 7. С. 162

²¹ ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 908. Л. 64.

²² Блюменталь И.И. Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Самара, 1927. Т. 1. С. 227.

- ²³ Борьба. Пенза, 1917. 26 августа (9 сентября).
- ²⁴ ГАСО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 476^а. Л. 5.
- ²⁵ Чернозем. Пенза, 1917. 15 ноября.
- ²⁶ Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917—1918 годах. С. 47.
- ²⁷ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 6. Л. 21.
- ²⁸ ГАУО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 1036. Л. 10.
- ²⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 1991. С. 177.
- ³⁰ Приволжская правда. 1917. 28 октября.
- ³¹ Земское дело. 1918. № 2. С. 35.
- ³² Вестник НКВД. М., 1918. 24 января. С. 4.
- ³³ «Что же это борьба личностей, ветвей власти? Это борьба двух концепций экономической реформы. Одна резкое вхождение в рынок, это то, что делал Гайдар, вторая вхождение в рынок без страшного обвала жизненного уровня (Хасбулатов)» (Стенограмма выступления члена Верховного Совета РФ В.А. Грачева на заседании Малого Совета Пензенского областного Совета народных депутатов 16.03.1993 г. // ГАРФ. Ф.Р. 10026. Оп. 12. Д. 620. Л. 68).
- ³⁴ По мнению ряда исследователей, «это была не только естественная реакция на расстрел Белого дома, но и опасение повторения событий в собственном областном центре, в любом из них было хотя бы 50 200 коммунистов, и в случае силового разгона облсовета ситуация могла бы возникнуть несколько неприятная» (Сенатова, О., Касимов, А. Кризис политической системы и поражение идей Российского федерализма. С. 115).
- ³⁵ Самарские известия. 1993. 8 октября.
- ³⁶ ГАСО. Ф.Р. 56. Оп. 55. Д. 1245. Л. 90.

*В.Н. Курятников**

Проблемы экономической безопасности СССР и создание «Восточной нефтяной области»

Под таким названием на совещании геологов-нефтяников треста «Востокнефть» (февраль—март 1934 г.) выступающие обозначали достаточно размытые контуры второй нефтяной базы Советского Союза, которая должна была в кратчайшие сроки появиться в Урало-Поволжском регионе. «Новая нефтяная база, — отмечал И.М. Губкин, — создание которой проектируется на востоке нашего Союза, располагается в центре обширнейшей территории нашего государства. Она будет включать нефтяные месторождения Урало-Эмбенского района, нефтяные месторождения Поволжья и обширного района, расположенного между Волгой и Западным Уралом»¹. По градации, принятой среди геологов-не-

* © Курятников В.Н., 2011

фтяников в 30-е годы XX столетия, это была Урало-Волжская нефтеносная провинция. «Среднее Поволжье, Башкирия и западные склоны Уральского хребта» занимали в ней центральное место². Нефтяники, как это подчеркивалось исследователями, под месторождениями Востока понимали месторождения Поволжья и Урала, а не Сибири и Камчатки³. В дальнейшем эти области будут более известны как «Второе Баку».

Выходы жидкой нефти на дневную поверхность, битуминозные породы, залежей асфальта и прочие признаки нефтеносности присутствовали на обширных территориях Урало-Поволжья с давних времен. «Рудных дел охотники», «рудознатцы» и путешественники неоднократно сообщали об этом в своих отчетах и сочинениях, начиная с XVIII века. В 1717 г. лейб-медик Г. Шобер по поручению Петра I посетил и исследовал «серные ключи в Самарском крае». Результаты своего путешествия он изложил в книге «Краткое описание серного кладеза, иже между городов Казани и Самары у города Серековского обретаются». Шобер в своем сочинении отметил, что в соседстве с месторождениями серы близ Сергиевска им были открыты «нефтяные источники». В 1724 г. первый русский экономист, сподвижник Петра I Иван Посошков в книге «О скудости и богатстве» рассказал о своих поисках «потребных вещей» на берегах Волги и обнаруженных им залежах асфальта и нефти. «Рудных дел охотник» Яков Шаханин засвидетельствовал в 1738 г. в «доношении» в «Кабинет ее императорского величества Анны Иоанновны» о найденных им в Поволжье месторождениях нефти и селитры⁴.

В конце XVIII века академик И.И. Лепехин, а затем академик П.С. Паллас обратили внимание на наличие признаков нефти в районе рек Сока и Шешмы. В 30–40-х гг. XIX столетия в этом районе появились первые геологи. Известный английский геолог Р.И. Мурчисон после исследований, проведенных им в 1841 г., составил подробное «геогностическое» описание России. В своей книге, изданной через четыре года в Англии, он упомянул о богатстве района реки Сока серными и нефтяными источниками. Им впервые было заложено начало систематического геологического исследования Урало-Волжского региона.

Горный инженер, профессор Горного института Геннадий Данилович Романовский по поручению ученого комитета Корпуса горных инженеров в 70-х гг. XIX в. провел предварительные геологические исследования районов нефтепроявлений Поволжья. Он признал генетическую связь поверхностных проявлений с более глубокими отложениями и высказал предположение о наличии нефти в девонских слоях.

Академик Алексей Петрович Павлов в 1883 г. проводил геологические исследования на Волге в районе Жигулей и вдоль северного берега Волги Самарской Луки. Он обнаружил так называемую Жигулевскую дислокацию. До открытия Павлова Поволжье относилось к районам спокойного горизонтального залегания горных пород. Тектоническое нарушение (отложения мезозоя расположены на одном гипсометричес-

ком уровне с отложениями палеозоя), выявленное им, давало возможность сделать вывод о наличии в районах Поволжья необходимых условий для скопления больших количеств нефти. Наряду с Поволжьем исследователи обратили внимание на Урал и Приуралье. В Башкирии, по течению реки Белой у деревни Буранчино (Ишимбай), находились асфальтированные песчаники, выделявшие капли густой темной нефти.

Первое упоминание о нефти в недрах Пермского края появилось в 30-е годы XVIII века в труде «Описание уральских и сибирских заводов» известного специалиста горного производства в России Вильгельма де Геннина, который, изучая горные породы, отметил в них наличие признаков нефти. В конце XIX века геолог А.А. Краснопольский при геологической съемке на территории Пермского края установил признаки нефтеносности в виде «смолистых включений и натеков» в кавернозных кунгурских известняках на правом берегу р. Камы, ниже с. Хохловка, и в верхнедевонских известняках на р. Косье у дер. Губахи⁵.

В записке горного инженера Ф. Кандыкина «О нефтяных месторождениях Урала» представлен интересный материал о попытках обнаружения нефти на обширной территории Урала и Приуралья более чем за два века: от первых известий академика И.И. Лепехина (1770 г.) до событий, связанных с открытием нефти в Верхнечусовских Городках Пермского края в 1929 г. и в Башкирии в 1932 г.⁶

Привлекают внимание обращения в 1900 г. Мензелинского городского головы А.Ф. Дубинина к министру земледелия и в Геологический комитет с ходатайствами «о производстве разведок за счет казны». В 1896–1897 гг. в компании с предпринимателем из Уфы Резяповым он предпринял разведку на нефть на правом берегу р. Белой. Пять буровых скважин, заложенных ими, практических результатов не дали. Старший геолог Геологического комитета А.А. Краснопольский в 1901 г., не отрицая «наличность нефтеносности», дал заключение, «что ходатайство Дубинина об организации за счет Правительства разведочных работ на нефть близ Н. Буранчиной удовлетворению подлежать не может»⁷.

Первые попытки разведочного бурения на нефть в XIX веке не привели к открытию нефтяных месторождений и в Поволжье. Бугульминский помещик Н.Я. Малакиенко, американский гражданин Ласло Шандор, Горное ведомство, по инициативе которого были пробурены две разведочные скважины в Самарской губернии, не обнаружили «подземные запасы петролеума». Инженер Н.Г. Гарин-Михайловский «производил за свой счет изыскания нефти» у селения Толсово в Бугурусланском уезде Самарской губернии, «но за недостатком средств не смог довести их до конца»⁸.

Несмотря на отрицательные результаты, полученные при проведении разведочных работ, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона указывалось на наличие нефтяных месторождений в Самарской

губернии и Уральской области. Однако констатировалось, что «все они мало исследованы и не разрабатываются»⁹.

Не было единой точки зрения на перспективы обнаружения нефти в недрах Урало-Поволжья и среди ученых. Споры не прекращались не только в XIX веке, но в течение первых трех десятилетий XX века. А.В. Нечаев, А.Н. Замятин, А.А. Краснопольский считали, что «встретить здесь жидкую нефть в промышленных количествах нет никакой надежды». Н.Н. Тихонович, которого нередко причисляют к числу тех, кто не верил в перспективы открытия значительных месторождений нефти в Урало-Поволжье, на протяжении 1914–1918 гг. исследовал Урало-Эмбенский нефтяной район. В обобщающей работе «Уральский нефтяной район», увидевшей свет в 1918 г., он писал: «...несомненно, здесь имеется обширное поле для изысканий, причем общая площадь указанных месторождений, в которой нефтеносность доказана геологически, достигает не менее 5000 десятин... Поэтому имеются все основания считать Уральский район имеющим серьезное промышленное значение»¹⁰.

Пристальное внимание к Урало-Волжскому региону (в н. в. — Волго-Уральская нефтегазоносная провинция) руководство страны проявило в первые годы после установления Советской власти в связи с потерей основной нефтяной базы России (Грозный, Баку) и разразившимся топливным кризисом. В Башкирию и Поволжье были направлены экспедиции, перед которыми ставились задачи организации разведочных работ на нефть, уголь, сланцы.

Слабое финансирование изысканий, Гражданская война, в условиях которой разворачивались поиски нефти на необъятной территории, не позволили выполнить поставленные задачи. После освобождения Эмбы, Баку и Грозного все имеющиеся силы были направлены на восстановление нефтяной промышленности традиционных районов. Урал и Поволжье, где так и не были выявлены крупные месторождения нефти, имеющие промышленное значение, отошли на задний план. Разведочные работы на нефть здесь были свернуты и во второй половине 20-х гг. не возобновлялись. Единственным местом, где в Урало-Волжской нефтеносной провинции осуществлялась добыча нефти в промышленных масштабах, являлась Эмбенская область. Здесь в 1928/29 г. трест «Эмба-нефть» смог выйти на уровень добычи нефти в 263809 т, хотя ко времени национализации только промысел Макат давал годовую добычу в 240000 т¹¹. За пределами Кавказа (в районе Эмбы, на Сахалине, в Средней Азии) в процентах к общесоюзной было добыто в 1931 г. всего 2,5 % нефти. Почти всю нефть давали во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов, как и за 30 лет до этого, два района — Бакинский и Грозненский. В 1928/29 г. этот показатель составил 94,5 %¹².

Советский Союз, вступивший во второй половине 1920-х гг. на путь индустриализации, прилагал значительные усилия по наращиванию топливно-энергетических отраслей страны. Осложнение внешнеполитичес-

кой обстановки также настойчиво диктовало ускорить этот процесс. Практические шаги на данном направлении выразились, прежде всего, в курсе на создание новых топливно-энергетических баз. Вопрос о создании в Советском Союзе новой крупной нефтяной базы, которая могла бы стать альтернативной имевшейся на Кавказе и в Закавказье, встал на повестку дня в конце 1920-х гг. Месторождения Эмбы, Ферганы, о. Сахалина находились, как и кавказские, на значительном расстоянии от центральных областей СССР и в непосредственной близости от границ.

Директорат нефтяной промышленности в 1928 г. «со всей резкостью и конкретностью» поставил вопрос о поисках новых нефтеносных областей¹³. Однако отсутствие средств на их проведение являлось труднопреодолимым препятствием. Наиболее предпочтительным вариантом являлось открытие нефти на Урале и в Поволжье, но отрицательные результаты поисков, о которых кратко говорилось выше, останавливали их дальнейшее проведение. На них смотрели как на дело третьей степени важности. И.Н. Стризов в одной из статей, опубликованной еще в начале 1927 г. в «Торгово-промышленной газете», писал: «Есть основания думать, что при надлежащих разведках соляных месторождений в Пермском крае и при направлении этих разведок в сторону получения нефти и газа... там можно найти и нефть, и естественный газ»¹⁴. Как показало дальнейшее развитие событий, он оказался прав.

Открытие нефти на территории Пермского края, где шли разведочные работы на калий, в с. Верхнечусовские Городки в апреле 1929 г. стало отправной точкой в становлении новой нефтяной базы Советского Союза. Оно положило конец спорам о перспективности Урало-Волжского региона. Первая нефть была открыта случайно, т. к. скважина № 20 — первооткрывательница уральской нефти — закладывалась на калийную соль. И.М. Губкин на совещании геологов-нефтяников треста «Востокнефть» (февраль—март 1934 г.) отмечал: «Но вот в апреле 1929 г., в скважине, заложенной быв. Геолкомом совсем с другой целью — поисков на калийные соли, в этой скважине, теперь получившей название «бабушки», была неожиданно получена нефть... Я думаю, что и скважина «бабушка» положила начало развитию нефтяного района, новой нефтяной области Уральской или Урало-Волжской нефтяной области»¹⁵.

Открытие нефти в Верхнечусовских Городках в период ускоренного проведения индустриализации страны породило ожидание большой нефти на востоке страны. Оно было вполне понятно, т. к. нефтяная промышленность СССР, достаточно далеко продвинувшаяся в своем развитии, не удовлетворяла в полном объеме потребностей страны в нефтепродуктах и топливе. Так, уже в 1929/30 г. внутреннее потребление светлых нефтепродуктов достигло уровня, запроектированного на последний год пятилетки. Пятилетний план по нефтяной промышленности был подвергнут пересмотру в сторону увеличения добычи нефти. Однако

добиваться дальнейшего резкого увеличения добычи нефти в Азербайджане и Грозном было практически невозможно из-за снижения ее добычи на некоторых промыслах, задержки ввода в эксплуатацию новых скважин, ошибок геологического характера и ряда других причин, в том числе организационного характера. Налицо была насущная потребность в разведке и освоении нефтяных месторождений в новых регионах.

Подчеркивая историческую роль открытия нефти на Урале, И.М. Губкин говорил: «...Чусовские городки своего последнего решающего слова еще не сказали, но даже, если бы они и сказали свое последнее слово, то свою историческую миссию по отношению ко всем районам Урала они выполнили. Они явились причиной повышенного интереса ко всему району»¹⁶. Появившееся «нефтяное оживление» выразилось в разработке программы разведочных работ, которые должны были охватить не только Урал, но и Поволжье. Всесоюзное совещание геологов-нефтяников, проходившее в ноябре 1929 г. в Москве, в принятом постановлении предусмотрело «план закладки на Самарской Луке в целях разведки на нефть 13 глубоких до 1000–1200 метров буровых скважин... Для районов Сока и Шешмы в Заволжье... проведение 2 глубоких (от 1000 до 1200 м) буровых скважин»¹⁷. Однако уже в следующем году I-я Средне-Волжская конференция по изучению производительных сил края подкорректировала в сторону уменьшения количество скважин, которые должны были закладываться на Самарской Луке. Из 13 глубоких буровых скважин в 1930 г. планировалось заложить только две.

Внимание к укреплению и расширению топливно-энергетической базы в восточных районах СССР отразилось в решениях трех довоенных съездов ВКП(б). Так, если в решениях XVI съезда ВКП(б) намечались опережающие темпы развития геологических работ, то в материалах следующего, XVII съезда ВКП(б) уже фигурировала нефтяная база, но она ограничивалась районами «западных и южных склонов Уральского хребта» и не включала Поволжье. Примечательно, что при обсуждении тезисов второго пятилетнего плана предложение о создании второй нефтяной базы на востоке страны, а фактически в Урало-Поволжье, было выдвинуто специалистами-нефтяниками. С ним в центральной и периодической печати выступила группа геологов и инженеров во главе с академиком И.М. Губкиным. В их числе: А. Блохин, К. Чепиков, В. Поляков, Н. Самострелов и И. Жоров¹⁸.

Только за два года до начала Великой Отечественной войны в материалах XVIII съезда ВКП(б) стала фигурировать вторая нефтяная база, которая должна была появиться в годы третьей пятилетки в Урало-Волжском регионе. В 1942 г. уровень годовой нефтедобычи планировалось довести до 7 млн т – столько нефти добывали в Бакинском нефтяном районе в 1913 г. Отсюда и берет свое название вторая нефтяная база СССР, известная больше как «Второе Баку».

В целом по Урало-Поволжью проходка разведочным бурением вплоть до 1940 г. была явно недостаточной. В 1940 г. по районам «Второго Баку» разведочным бурением, включая эксплуатационно-разведочное, было пройдено 65,4 тыс. м. Из них в Башкирии – 38,6 тыс. м. По СССР, включая и районы «Второго Баку», – 469,1 тыс. м¹⁹. Как это видно из приведенных цифр, это составляло менее 1/7 части общего объема проходки.

В публикациях того времени отмечались некоторые из недостатков при проведении геологоразведочных работ: слабая геологическая изученность в начале разработки месторождений; чрезвычайная разбросанность разведочных работ на огромной территории; затягивание работ и не доведение скважин до проектных стратиграфических глубин²⁰.

И все же поисковые и геологоразведочные работы на нефть дали положительные результаты: в 1932 г. открыто Ишимбаевское нефтяное месторождение в Башкирии, в 1936 г. получена промышленная нефть у г. Сызрани и в Краснокамске (близ Перми). В 1937 г. открыты месторождения: Северокамское, Туймазинское, Бугурусланское и в Яблоневом овраге Куйбышевской области. В следующем году – Южный массив в Ишимбае и Северокамское месторождение в Пермской области. В 1939 г. – Полазненское месторождение.

В этот период в связи с развитием нефтедобычи крайне обострились вопросы транспортировки и переработки нефти, а это, в свою очередь, потребовало решения вопросов развития инфраструктуры в нефтедобывающих районах, возведения «первенцев» нефтеперерабатывающей промышленности.

В целом создание и развитие нефтяной промышленности в Урало-Поволжье положительно сказалось на экономическом росте регионов и областей, изменило их облик. Особенно впечатляющих успехов достигла Башкирия. Наряду с нефтедобычей, транспортом нефти, созданием соответствующей инфраструктуры здесь были возведены первые НПЗ, способные перерабатывать сернистую нефть. В 1940 г. урало-поволжские нефтетресты добывали уже 6 % от общесоюзной добычи нефти, однако создать вторую нефтяную базу СССР в довоенный период в намечавшихся масштабах не удалось. Это было обусловлено целым рядом причин разнопланового характера, неоднозначно повлиявших на решение этой задачи. В условиях надвигавшейся войны создание основ крупнейшего топливно-энергетического центра на территории Урало-Поволжья стало важным шагом на пути индустриализации СССР и укрепления обороноспособности страны. «Восточная нефтяная область» стала обретать реальные контуры.

Примечания

¹ Филиал Российского государственного архива научно-технической документации в г. Самаре (далее – Фил. РГАНТД в г. Самаре). Ф. Р-314. Оп. 2–1. Д. 6. Л. 16.

² Федоров С.Ф. Нефтяные месторождения Советского Союза. М.: Гостоптехиздат. С. 382.

³ Там же. С. 431.

⁴ Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти: Исторические очерки. М.: Древлехранилище, 2008. С. 300.

⁵ Маркелова О.А. Предисловие // История открытия нефти на территории Пермской области. 1928–2004 годы. Хроника. (К 75-летию открытия нефти на территории Пермской области). Пермь, 2004. С. 6–7.

⁶ Фил. РГАНТД в г. Самаре. Ф. Р-108. Оп. 7–1. Д. 8. Л. 1–5.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Нефтяной комплекс Куйбышевской области (30–50-е годы XX в.). Становление и развитие: сб. док-тов. Самара: Изд-во ООО «Кредо», 2005. С. 31.

⁹ Россия. Энциклопедический словарь. Издатели Брокгауз (Лейпциг) и Ефрон (СПб.). Л., 1991; репринт с 1898 г. С. 63.

¹⁰ Тихонович Н.Н. Уральский нефтеносный район // Естественные производительные силы России. Вып. 22. Изд. Кепс. 1918. Т. 4. С. 139.

¹¹ Федоров С.Ф. Нефтяные месторождения Советского Союза. М.: Гостоптехиздат, 1940. С. 397.

¹² Иголкин А.А. Нефтяная политика СССР в 1928–1940 годах. М., 2005. С. 131.

¹³ См.: Галкин А.И. Академик Иван Михайлович Губкин: мифы и действительность (1871–1939). Ухта: УПОО «Мемориал», 2009. С. 67.

¹⁴ Стрижов И.Н. Промышленное строительство и новые месторождения нефти // Торгово-промышленная газета. 1927. 15 янв.

¹⁵ Фил. РГАНТД в г. Самаре. Ф.Р-314. Оп. 2–1. Д. 6. Л. 3.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Энергетика и промышленность. По материалам 1-й Средне-Волжской конференции по изучению производительных сил края. Самара, 1930. С. 198.

¹⁸ Губкин И. Создать на Востоке вторую нефтедобывающую базу. Предложения к тезисам о второй пятилетке / И. Губкин [и др.] // Башкирская вышка. 1934. 15 янв.

¹⁹ Иголкин А.А. Указ. соч. С. 152; ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 21. Д. 380. Л. 16.

²⁰ Вопросы строительства новых промыслов «Второго Баку» // Восточная нефть. 1939. №3. С. 3.

Сведения об авторах

Носков И.А., д-р пед. наук, проф., ректор Самарского государственного университета

Кабытова Н.Н., д-р ист. наук, проф. Самарского государственного университета

Роднов М.И., д-р ист. наук, заведующий отделом истории Уфимского научного центра РАН

Сухова О.А., д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского

Тагирова Н.Ф., д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой экономической истории Самарского государственного экономического университета

Завальный А.Н., главный библиограф Самарской областной универсальной научной библиотеки

Кабытов П.С., д-р ист. наук, проф., первый проректор, зав. кафедрой российской истории Самарского государственного университета

Кознова И.Е., д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

Карнишина Н.Г., д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Пензенского государственного университета

Леонтьева О.Б., д-р ист. наук, проф. Самарского государственного университета

Шульгин В.Н., д-р ист. наук, доцент Калининградского государственного университета

Дубман Э.Л., д-р ист. наук, проф. Самарского государственного университета

Смирнов Ю.Н., д-р ист. наук, проф., декан исторического факультета, зав. кафедрой документоведения Самарского государственного университета

Иванов А.Г., д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета

Артамонова Л.М., д-р ист. наук, проф., директор социально-гуманитарного института, зав. кафедрой истории Отечества Самарской государственной академии культуры и искусств

Белуосов С.В., д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории, историографии и археологии Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского

Кондрашин В.В., д-р ист. наук, проф., зав кафедрой отечественной истории и методики преподавания истории Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского

Есиков С.А., д-р ист. наук, проф. декан факультета ноосферной безопасности и права Тамбовского государственного технического университета

Есикова М.М., канд. ист. наук, доцент Тамбовского государственного технического университета

Юрченков В.А., д-р ист. наук, проф., директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Сенявский А.С., д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), руководитель Центра «Россия и СССР в истории XX века»

Вербицкая О.М., д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Сенявская Е.С., д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), лауреат Государственной премии РФ

Братченко Т.М., канд. ист. наук, профессор Московского государственного открытого университета

Репинецкий А.И., д-р ист. наук, проф., зам. директора Поволжского филиала Института российской истории РАН

Любичанковский С.В., д-р ист. наук, проф. Оренбургского государственного педагогического университета

Карнишин В.Ю., д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Пензенского государственного университета

Могилевский К.И., канд. ист. наук, исполнительный директор Фонда изучения наследия П.А. Столыпина

Барина Е.П., д-р ист. наук, проф., зам. директора Самарского института Российского государственного торгово-экономического университета

Леонов М.И., д-р ист. наук, проф. Самарского государственного университета

Кузьмин В.Ю., д-р ист. наук, доцент Самарского государственного медицинского университета

Сыпченко А.В., д-р ист. наук, проф. Поволжской государственной социально-гуманитарной академии

Ягов О.В., д-р ист. наук, проф., декан исторического факультета Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского

Минеева Е.К., д-р ист. наук, профессор Чувашского государственного университета

Матвеев М.Н., депутат, заместитель председателя комитета по местному самоуправлению Самарской губернской думы, д-р ист. наук, проф. кафедры теории и истории государства и права Самарского государственного областного университета (Наяновой)

Курятников В.Н., д-р ист. наук, проф. кафедры социологии, политологии и истории Отечества Самарского государственного технического университета

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сборник научных статей

Корректор *Т. А. Мурзинова*
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Замамыкиной*

Подписано в печать 7.04.2011.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 20,25. Гарнитура «Newton».
Тираж 300 экз. Заказ №
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Книга».
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

ISBN 978-5-86465-503-0

Кабытов, П.С.

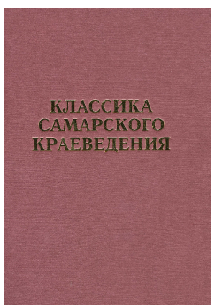
П.А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 192 с.; ил. ISBN 978-5-8243-0887-7

ББК 63.3(2)51
К 12

В книге воссоздан исторический портрет последнего реформатора Российской империи. На основе архивных и опубликованных материалов, а также научной литературы прослежены повседневная жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина.

Издано при поддержке Фонда изучения наследия П.А. Столыпина

Рецензент д-р ист. наук, профессор В.В. Кондрашин

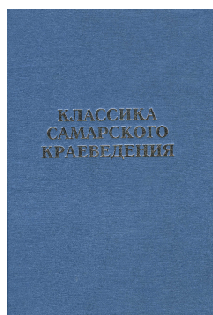
Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII — начале XX вв. (краеведческая картотека) / К.П. Головкин; сост.: Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов; под научной редакцией П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 432 с; ил. ISBN 978-5-86465-409-5

УДК 93/99(093.32)
ББК 63.3(2)46-63.3(2)
К47

В третий выпуск антологии включена не опубликованная до настоящего времени краеведческая картотека, подготовленная в 1922–1924 гг. общественным деятелем Самары — художником, предпринимателем и краеведом Константином Павловичем Головкиным. В очерках картотеки представлена широчайшая панорама Самары: ее благоустройства, обычаев и нравов, примечательных мест и окрестностей, предприятий, замечательных людей и т. д.

Книга предназначена для учащихся и студентов, преподавателей школ и вузов, а также для всех, интересующихся историей нашего города.

Составители: Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов
Рецензент д-р ист. наук, проф. А.И. Репинецкий

Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост.: Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под научной редакцией Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 462 с.

ISBN 5-86465-412-5

УДК 93/99(093.32)

ББК 63.3(2)46-63.3(2)

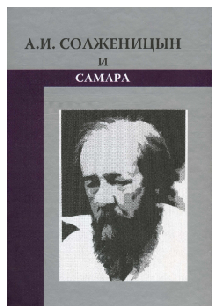
К47

В пятый выпуск антологии включены ставшие к настоящему времени библиографической редкостью статьи участников «золотого десятилетия» (1918 – конец 1920-х гг.) самарского краеведческого движения, их неопубликованные работы, а также архивные материалы, отражающие состояние историко-культурного наследия на территории Самарского края и попытки его спасти в это время.

Книга предназначена для учащихся и студентов, преподавателей школ и вузов, а также для всех интересующихся историей города Самары и Самарской области.

Составители: Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина

Рецензент д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин

А.И. Солженицын и Самара / под науч. ред. П.С. Кабытова; Федеральное агентство по образованию. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. 139 с.; ил.

ISBN 5-86465-427-9

УДК 94(470.40/.43)084.8

ББК 83.3(2=Рус)6-8 + 63.3(2Р-4Сам)6

С80

В сборник включены письма А.И. Солженицына, воспоминания самарцев о писателе, публикации в периодических изданиях, посвященные его пребыванию на Самарской земле.

Для всех интересующихся русской литературой, отечественной историей, а также общественно-политическими взглядами великого писателя.

Составители: А.Н. Завальный, д-р ист. наук П.С. Кабытов

